

18+

Маргарита Алёшина
**СОВПАДЕНИЯ
СЛУЧАЙНЫ**

"Садясь в машину к незнакомцу, будь готова расхлёбывать последствия..."

Даша думала, что всё закончилось. Она пережила, забыла, продолжает жить дальше. Но сегодня в её дверь опять стучит он... Человек из прошлого, который вот уже полгода... мёртв. Что это? Розыгрыш? Случайное совпадение? Или шанс узнать, наконец, правду, скрытую от девушки много лет назад? Пытаясь во всём разобраться, Даша понимает, что никому нельзя доверять...

Пролог

Все персонажи и события придуманы автором. Любые совпадения с реальностью случайны.

***

— Садясь в машину к незнакомцу, будь готова расхлёбывать последствия! Вот я и расхлёбываю... — горько усмехаюсь, глядя на чёрную гладь крепко заваренного чая. — Ты наливай себе кофе, бери печенье, кури, если хочешь. Сейчас я всё расскажу...

Встаю из-за стола, подхожу к окну. На улице зимняя ночь, в форточку сквозит. Прижимаюсь лбом к холодному стеклу. От моего дыхания оно запотевает. Смотрю на утонувший в темноте прямоугольник детской площадки.

— На той лавочке мы впервые с ним поцеловались... — так, мысли вслух.

Спиной чувствую взгляд карих глаз. Терпеливо ждёт, когда я перейду к главному, не торопит. Я глубоко вздыхаю и, не оборачиваясь, начинаю говорить:

— В тот вечер Кирилл назначил мне свидание у "Корзиночки". Прислал сообщение с чужого номера. Я должна была сразу насторожиться, но он так убедительно сожалел о разрядившейся батарее и нулевом балансе, что я поверила. Ну, взял телефон у друга, с кем не бывает...

Я приехала к назначенному времени. Кирилл задерживался. Примерно через полчаса от него пришло ещё одно сообщение:

"Прости, приехать не могу! Отправил за тобой Стаса!"

А минутой позже неподалёку остановилась синяя тонированная "ауди". Из переднего окна высунулся незнакомый парень.

— Соколова! — крикнул он. — Садись, прокатимся!

Услышав свою фамилию, я подумала:

"Стас!"

И быстрым шагом направилась к машине. Дура...

Стучат...

Я откладываю книгу и прислушиваюсь.

Нет, показалось.

Беру с тумбочки кружку, делаю поток остывшего чая, ставлю обратно. Глаза цепляются за надпись на керамической поверхности:

"Любимой внучке от бабули"

Сердце сжимается. Бабушка умерла четыре месяца назад. Эта кружка да чёрно-белый снимок в рамочке — вся память, оставшаяся о ней.

Чтобы прогнать нахлынувшую тоску, я снова утыкаюсь в книгу. Нахожу предложение, на котором остановилась, но едва опять погружаюсь в действие романа...

Стучат...

В этот раз стучат громко и настойчиво. Больше нет никаких сомнений. За дверью кто-то есть.

Бросаю взгляд на часы. Минуту назад они распечатали новые сутки.

Кто может стучаться ко мне в первом часу ночи? Ошиблись квартирой? Дурачатся подростки? Пришла соседка за солью?

От последней мысли сердце съёживается, потому что...у меня нет соседей.

Две другие квартиры на моём этаже давно опустели. Одна из них опечатана. А во второй жила старушка, но она померла год назад.

Что же за незваный гость явился ко мне в такое позднее время?

Между тем стук в дверь продолжается. Звонок у меня не работает, с тех пор как его расплавили сигаретой. Не спрашивайте.

Я поднимаюсь с дивана и осторожно иду к двери.

Она вздрагивает от каждого нового удара. Боюсь, один из них станет последним.

Застываю в двух шагах от порога. Мысли путаются от страха.

Что делать, если дверь не выдержит, и кто-то ворвётся в мой дом?!

Прыгать в окно? Драться? Что?

На моё счастье, стук прекращается, и слышатся удаляющиеся шаги.

Наступившая тишина оглушает и вместе с тем снимает оцепенение с моего тела.

Я осторожно приближаюсь к двери и подтягиваюсь к глазку.

Лестничную площадку заливают грязно-жёлтый свет. Напротив чернеет прямоугольник соседской двери. Снаружи никого нет.

А вдруг этот человек просто затаился между этажами и ждёт?

Прислушиваюсь к каждому шороху. Если он ушёл, рано или поздно хлопнет уличная дверь. Но ничего не происходит. Значит, он всё ещё в подъезде.

«Не открывай!» — кричит мой внутренний голос.

Но вместо того, чтобы вернуться в комнату, забраться на диван и взять книгу, я достаю из сумки ключи, вставляю ноги в резиновые сланцы, поворачиваю замок и выхожу на площадку.

Снаружи вишнёвый дым Этот запах мне противен. Вместе с тошнотой он вызывает у меня неприятные воспоминания.

Я максимально бесшумно прикрываю за собой дверь, подхожу к перилам и смотрю

вниз, в лестничный пролёт.

На трёх этажах из пяти нет электричества. Никого не видеть. Слышно только убегающий вниз топот и... мужской кашель.

Когда человек берётся за перила, я замечаю его руку в чёрной кожаной перчатке и манжет пуховика.

Красный...

Я ненавижу этот цвет. На то есть свои причины.

В голову закрадывается шальная мысль.

А что, если это... он.

Нет! Это невозможно! Просто дурацкое совпадение.

Почувствовав, что за ним наблюдают, мужчина прижимается к металлической перекладине. Но я успеваю разглядеть только серую спортивную шапочку и тут же отбегаю назад.

"Он ведь не заметил меня? Верно? В противном случае этот человек сейчас поднимется обратно!"

Я разворачиваюсь, чтобы скорее вернуться в квартиру, и... зажимаю рот ладонью, чтобы не закричать.

В углу на деревянном ящике, в котором покойная баба Зина хранила картошку, сидит... потрёпанный плюшевый медведь.

Выходя на площадку, я не заметила его.

Обыкновенный, набитый синтепоном плюшевый мишка. Такие продаются сейчас в любом детском магазине.

Но этот медведь вгоняет меня в ужас. Глаза вмиг наполняются слезами, потому что я знаю эту игрушку. Я уже видела этот прожжённый сигаретой бант и чёрную пуговицу-глаз, висящую на нитке, это надорванное плюшевое ухо и промасленную от времени картонную бирку «Мир Детства и Ко».

Поверх заводской надписи на ней чёрным маркером выведены два слова:

«Я ВЕРНУЛСЯ»

Крупные печатные буквы неровным почерком.

Я знаю, кто написал эти слова...

Внизу хлопает уличная дверь. Я должна срочно вернуться в квартиру, из кухонного окна хорошо просматривается двор. Если я потороплюсь, то увижу, каконвыходит из подъезда.

У меня не сразу получается вставить ключ в замочную скважину. Руки дрожат, потёкшая тушь щиплет глаза. Но со второй попытки замок всё же поддаётся.

Бросаю дверь открытой и, не разуваясь, бегу на кухню. Рывком дёргаю занавеску и припадаю к окну.

Вижу, как от дома отдаляется мужская фигура. Человек идёт к автобусной остановке, где его ждёт...синяя "ауди".

Моё сердце срывается в пятки, а потом подпрыгивает и комком застревает в горле.

«Этого не может быть...» — произвольно прикладываю ладонь к губам, наблюдая, как парень садится в машину.

Свет уличного фонаря на мгновение выхватывает из темноты его красный пуховик с серебристой надписью "Лайк" на спине, и у меня не остаётся сомнений. Это он... Стас Полянский.

Но... Стас Полянский умер полгода назад.

Чуть помедлив, иномарка срывается с места. Уверена, скрывшись за тонированным стеклом, Полянский обернулся и посмотрел на мои окна. Он наверняка заметил меня, а потому обязательно вернётся.

Волной накатывают воспоминания...

Полгода назад. Июль.

Светка Лапина, моя лучшая подруга, собирается ехать на море. Мы с ней с самого утра бродим по торговому центру на Полевшенко. Она перебирает купальники всех цветов и фасонов, примеряет огромные плетёные шляпы и чёрные очки. А я помогаю ей носить покупки.

Подруга смотрит на себя в огромное зеркало выставочного зала и хохочет, как ненормальная. Я притворяюсь, что мне тоже весело. Смеяться искренне я разучилась три недели назад. В тот проклятый вечер... Светка ничего по это не знает.

К обеду мы обе не чувствуем ног от усталости. Подруга уговаривает меня на чашку кофе от «Котейки». Мы потягиваем латте из бумажных стаканчиков и глазеем на оживлённый проспект. Светке звонит очередной воздыхатель. Она подхватывает свою крошечную лаковую сумочку и огромный бумажный пакет из «МальДИВО», посылает мне воздушный поцелуй и испаряется.

Изнывая от жары, я еду домой.

В квартире душно. Пахнет котлетами и жареным луком.

— Бабуль, я дома! — кричу с порога, скидывая босоножки. Из груди вырывается стон облегчения.

Снимаю с плеча сумочку, вешаю её на свободный крючок в прихожей.

— Да, милая! — отзывается бабушка из кухни. — Проходи, мой руки, сейчас будем обедать!

Бабушку мучает давление. От неё я тоже скрыла случившееся.

В кухне на холодильнике работает старый телевизор. Передают новости спорта. В форточку врывается июльская жара. У бабушки на сковороде шипят котлеты.

Она просит меня достать кофе. Я взбираюсь на стул и пока роюсь в буфете, перебирая банки, с экрана раздаётся голос ведущего:

«А теперь к новостям Пригорода. Накануне вечером в дачном посёлке "Жемчужный" возле одного из домов был обнаружен труп мужчины. Им оказался Станислав Владимирович Полянский 1994 года рождения...»

Я стою спиной к телевизору, но, услышав это имя, резко оборачиваюсь. Не моргая, смотрю на чёрно-белое прыгающее изображение.

Красивый был подонок.

Худощавое лицо, заросшее щетиной, тёмно-русые волосы, большие карие глаза, густые ресницы, выраженные скулы, родинка на правой щеке, выпирающий кадык. Расстёгнутый ворот футболки поло. Он будто живой смотрит на меня с экрана.

В тот вечер на нём была эта же футболка.

«По версии следственных органов, произошёл несчастный случай, — продолжает ведущий. — В результате падения со второго этажа своего загородного дома Полянский получил черепно-мозговую травму, от которой скончался на месте. По оперативным данным

молодой человек находился в состоянии алкогольного опьянения...»

В голове повторяется эхом:

"Скончался на месте... Скончался на месте..."

От этой новости у меня темнеет в глазах. Банка с кофе падает из рук и со звоном разбивается о кафель. Чувствуя, что вот-вот упаду, я хватаюсь за дверцу буфета.

Бабушка громко охает, помогает мне спуститься со стула.

Она по-своему понимает мою реакцию:

— От жары плохо? Присядь, милая, передохни! Бог с ним, с кофе...

Наливает стакан воды, протягивает мне. Я делаю несколько больших глотков.

Бабуля тем временем ворчит, переворачивая котлеты:

— Вот ведь дураки молодые! Напьются, подерутся! Теперь вон из окон падают! Жаль парнишку, пожить не успел...

А мне не жаль. Этот "парнишка" получил по заслугам.

Если бы бабушка знала, что он сделал...

— Как ты, Дашенька? — бабуля оборачивается. — Всё ещё плохо? Жара... Будь она не ладна!

— Нормально, бабуль...

Бабушка не знает, что плохо мне вовсе не от жары, а от понимания того, что Полянский не сам упал из окна. Ему "помогли". И я знаю, кто...

— Он всё-таки сделал это... — срывается с губ.

— Что ты сказала, Дашенька? — переспрашивает бабушка.

— Говорю, кофе собрать надо... Я за веником...

Теперь я обхватываю голову руками, пытаюсь собраться с мыслями.

Это невозможно! Этот человек уже полгода мёртв! Покойники не курят, не кашляют и не оставляют посылок под дверь! Всё это какой-то бред!

А что, если Полянский всех обманул?

Это кажется нереальным, и всё же.

Что, если это не его тело обнаружили в "Жемчужном"?

А сам он затаился, выждал время и...вернулся!

Вернулся, чтобы...

Я боюсь даже предположить, что нужно этому подонку.

Страх душит меня. Я открываю форточку, впускаю в квартиру морозный воздух.

В чёрном стекле, словно в зеркале, вижу кухонную арку, кусочек коридора, распахнутую входную дверь, жёлтый свет с лестничной площадки и... чью-то мелькнувшую тень в пороге.

Резко оборачиваюсь. От сквозняка дверь захлопывается, а с крючка в прихожей падает моя сумка.

— Кто здесь? — осторожно иду в прихожую.

Тишина...

Наверно, показалось.

Поднимаю с пола сумку. Молния расстёгнута. Не застегнула, когда взяла ключи. Бегло проверяю содержимое. Пара учебников, курсовая, несколько тетрадей, блокнот на кольцах, влажные салфетки, очки... Кажется, всё на месте.

Несколько раз дёргаю крючок и вешаю сумку обратно.

Снова подхожу к двери, смотрю в глазок. Никого. Осторожно выглядываю в коридор.

Игрушки на ящике больше нет...

Я не верю своим глазам!

Десять минут назад плюшевый медведь был здесь, на ящике, а теперь он исчез!

Этому должно быть какое-то объяснение.

Я прислушиваюсь, ожидая услышать топот на лестнице или чьё-то тяжёлое дыхание где-то поблизости, но в подъезде тихо. Только лампочка под потолком иногда потрескивает и моргает, угрожая в любой момент перегореть.

Спускаться по ступенькам и проверять, нет ли кого между этажами, не решаюсь.

Захлопываю дверь, пытаюсь осмыслить случившееся.

Выходит, тень в пороге мне не показалась. Здесь, действительно, кто-то был.

И это не Полянский, внезапно воскресший из мёртвых. Я своими глазами видела, как тот сел в машину и уехал.

Здесь был другой человек.

Но кому понадобилось бродить по этажам и собирать оставленные без присмотра вещи? Разве что какому-нибудь бездомному бродяге, какие в нашем подъезде не редкость.

В мои размышления врываются глухие удары музыкального ритма и пьяные выкрики. Очередная вечеринка у Славки Тимохина, моего соседа с первого этажа. Опять столпились под окнами, галдят, ржут и отборно матерятся.

Среди прочих узнаю голос Толика Карасёва, моего бывшего одноклассника. Он тоже здесь, хотя с Тимохиным их связывает только общий учебник по математике за второй класс.

Толик специально прибил к этой компании, чтобы чаще попадаться мне на глаза.

Постойте...

Карась!

Ну, конечно!

Почему я сразу о нём не подумала?

Живёт Толик рядом, в соседнем подъезде. Дорогу к моей двери он знает, и делать мне гадости ему не впервой. Мы с первого класса ненавидим друг друга.

Когда-то у нас был шанс подружиться. Но мы его упустили. А точнее этот дурак опять всё испортил.

И теперь вместо того, чтобы просить у меня прощения, Карась методично отравляет мне жизнь.

Расплавленный звонок, к слову сказать, это его работа.

Кроме того, он единственный, кому я рассказала о Полянском. Рассказала всю правду, ничего не скрывая. А плюшевого медведя и вовсе описала в мельчайших подробностях.

А теперь Карасёв этим воспользовался, чтобы в очередной раз надо мной поиздеваться. Нашёл похожую игрушку, основательно над ней поработал и подкинул к моей двери. А Полянского, очевидно, изобразил кто-то из его дружков.

Вот же придурки!

Но если Карасёв был у моего порога, почему он не воспользовался открытой дверью? Почему не зашёл наговорить мне каких-нибудь гадостей? Ведь для него это обычное дело.

Почему в этот раз Толик предпочёл остаться незамеченным?

Чтобы это выяснить, я бросаюсь к сумке за телефоном.

Только телефона в сумке нет...

— Ну, где же ты! — я уже в третий раз перерываю содержимое сумки, пытаюсь найти свой мобильник.

Ключи, проездной билет, блеск для губ, наушники, паспорт...

— Твою ж мать! — в отчаянии вытряхиваю весь этот хлам на пол и, опустившись на колени, принимаюсь перебирать.

Бесполезное занятие. Телефона нет.

Хватаюсь за голову. Где же он?

Мысленно расставляю по порядку события минувшего дня.

Утром поехала на автобусе в колледж. По пути в заметках набросала план курсовой работы. На занятиях открывала в телефоне калькулятор. Пока были в столовой, показывала Светке свою фотографию с кактусом. Потом мы ехали домой. Светка спросила у меня, который час, я полезла в сумку за телефоном, а потом... Чёрт, не помню!

Может быть, я сунула его в карман?

Бросаюсь к пуховику. Хлопаю по карманам. Ничего.

— Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Бегу в комнату, хлопаю ящиками стола, шарю руками по книжной полке, перетрясаю плед... Ни-че-го.

И тогда я поднимаю пожелтевшую трубку старого телефона и пытаюсь набрать свой номер. Несколько раз палец срывается с диска, и мне приходится начинать всё с начала. И только с третьей попытки я, наконец, слышу в трубке, что мой «аппарат выключен или находится вне зоны действия сети».

Полный провал! Что теперь делать?

Первое, что приходит в голову, позвонить подруге. Я набираю Светкин номер.

— Алло... — отвечает та сонным голосом после шестого или седьмого гудка.

— Лапина, я потеряла телефон! — кричу едва пробудившейся подруге.

Светка спросонья ничего не понимает:

— А? Это кто?

— Это Даша... — быстро говорю я и повторяю почти по слогам, — Лапина, ты слышишь? Я потеряла телефон!

— Что? Опять? — зеваает подруга. Кажется, она абсолютно равнодушна к моей беде. — У тебя это входит в привычку!

Да, это мой второй телефон за последние полгода. Первый, наверно, так и лежит где-то там, в зарослях багульника в пятидесяти километрах от города...

— А ты везде посмотрела? — спрашивает Светка.

— Ну, конечно! Его нигде нет! — до боли в пальцах сжимаю трубку. — И звонить пробовала! Аппарат абонента выключен... Понятия не имею, где могла его оставить!

Забывшись, резко встаю с дивана и делаю шаг в сторону окна. Провод натягивается, телефон ползёт за ним, едва не падая с тумбочки. Я подхватываю его свободной рукой.

— В этом куске пластика вся моя жизнь! Учёба, работа, телефоны, адреса...

— Ой, только не говори, что ты больше не записываешь адреса и телефоны в потрёпанную записную книжку! Видела у тебя такую!

Ну, да... Записываю. Но...

— Там же все мои фотографии! — хнычу от обиды. — Вот что мне теперь делать?

— Помнится, в прошлый раз ты так не оплакивала свой мобильник! — подмечает Светка.

"Да уж... И без того было, над чем поплакать..." — думаю про себя, а в слух говорю:

— В прошлый раз в нём не было ни одной фотографии. Он мог только звонить и принимать сообщения!

Полусонная Лапина смеётся в ответ:

— Я тебя умоляю! Кому нужны твои фотографии? На них же не разобрать ничего! В наше время с таким кнопочным чудовищем уже никто не ходит! Потерялся — туда ему и дорога! Не парься! Завтра сходим в салон, выберем тебе новый "кирпич", если конечно их ещё продают... Даша, ты слышишь?

Я замолкаю...

Карась! Это тоже его рук дело!

Пока я смотрела в окно, он воспользовался открытой дверью, проник в мой дом, вытащил из кармана мой мобильник, а за одно прихватил медведя.

Теперь ясно, почему он предпочёл остаться незамеченным!

— Дашка! Ау! — Светка всё ещё висит на линии.

— Прости, я задумалась! Мне жаль, что я тебя разбудила! Увидимся завтра на занятиях! — говорю я и сразу кладу трубку.

Меня так и тянет позвонить Карасёву, а лучше ворваться на вечеринку к Тимохину, и лично посмотреть Толику в его бесстыжие глаза. Но я уговариваю себя дождаться более подходящего момента.

Какую бы гадость не придумал Карасёв на этот раз, хуже он мне уже не сделает.

Самое страшное уже случилось.

Это из-за него моя бабушка умерла...

На часах две минуты третьего, я не сплю, брожу в полумраке пустой квартиры, прислушиваясь к ночной тишине.

Мы с бабушкой прожили здесь почти двенадцать лет, но за минувшие годы эта просторная «двушка» с высокими потолками и видом на центральный парк так и не стала мне родной.

Я то и дело вспоминаю нашу облупившуюся «хрущёвку» на Садовой. Пятиметровая кухня, крошечный санузел, узкая длинная комната и проходной зал. Нам с бабушкой этих тридцати квадратов хватало с головой.

Под окнами тихий дворик, огороженный от внешнего мира стройным рядом тополей. Во дворе детская площадка, сразу за домом детский сад, чуть дальше школа, за ней поликлиника и пятая женская консультация. Аптека, банк, супермаркет — всё в шаговой доступности. Казалось бы, что ещё надо?

Но когда мне исполнилось семь, бабушка решила перебраться в центр.

Соседи в один голос заохали. С маленьким ребёнком! Под старость лет! Куда? Зачем? Но бабушка никого не слушала. Она знала, что делает.

— Школа на Садовой никудашная. Центральная лучше! — говорила она.

Все наши вещи уместились в двух хозяйственных сумках и одном чемодане на колёсиках. Всё остальное мы оставили новым жильцам.

Потом я спрашивала бабушку, почему мы не забрали с собой телевизор, холодильник и другие вещи. И она ответила мне:

— Таковы условия продажи!

И этого ответа мне, первоклашке, было достаточно.

Кроме того, в новой квартире было всё, что нужно для жизни.

Помимо крупной мебели от прежних хозяев остались книги, кое-какая одежда и даже игрушки. Только всё это было другим, незнакомым.

Мне, семилетней девчужке, внезапно выдернутой из родного уголка, потолки казались слишком высокими, стены — серыми, комнаты — чужими и холодными.

Я сравнивала себя с маленькой рыбкой из недавно прочитанной сказки*. Мальчик приготовил для неё просторный большой аквариум с чистой водой и цветным грунтом. Украсил его растениями, подводной пещерой, и даже затонувшим кораблём. Но рыбка грустила по своему крошечному аквариуму в зоомагазине, из которого её выловили. В нём не было ни одного украшения, но там были её друзья. Рыбка скучала по ним, и потому плохо кушала и не хотела плавать и резвиться.

Я скучала не столько по розовым обоям своей комнаты, сколько по ребятам, оставшимся там, в прошлой жизни. Особенно по Кириллу Панову, светленькому мальчику из садика. Тогда я ещё не знала, что, спустя годы, снова встречу его.

А пока меня не радовало даже близкое расположение центрального парка с его каруселями и сахарной ватой. Мне каждый день хотелось плакать и вернуться на Садовую.

Бабушка беспокоилась, крутилась вокруг меня, создавала уют, наполняла дом ароматами домашней стряпни.

— Теперь это наш дом, Дашенька! Со временем ты привыкнешь! — уверяла она.

Но я так и не привыкла. Теперь, когда бабушки больше нет, этот дом кажется мне ещё

более мрачным и унылым. А этой ночью мне особенно тяжело выносить молчание его стен.

Помню, раньше в бабушкиной комнате бормотал старый ламповый телевизор. Она что-то ворчала, шаркала по полу тапочками, без конца поправляла занавески, кряхтела, усаживаясь на диван.

Сейчас в этом доме стоит самая настоящая мёртвая тишина.

И виновата в этом всего одна ночь.

Ночь, которая разделила нашу спокойную размеренную жизнь на «до» и «после».

Бабушка предупреждала меня, что моё увлечение Кириллом ни к чему хорошему не приведёт. Но я любила этого парня и не слушала её. И однажды поплатилась за это...

Мне потребовалось немало времени, чтобы прийти в себя. А бабуля так и не смогла оправиться. Её больное сердце не выдержало правды о случившемся.

Я опускаюсь на диван, беру с тумбочки бабушкину фотографию и тихонько сквозь слёзы шепчу:

— Прости, бабуль... Если бы я не была такой упрямой...

За последние четыре месяца я почти научилась жить одна. Ушла с головой в учёбу, хобби превратила в работу, обрела уверенность в том, что самое страшное позади, и теперь всё наладится.

Но теперь одиночество и страх душат меня с новой силой.

В голову лезут дурацкие мысли. Я думаю о Карасёве и его тупых приколах, следом вспоминаю Полянского и тут же думаю о пропавшем мобильнике.

Чтобы ни о чём не думать, я возвращаю бабушкину фотографию на место, убираю книгу, заворачиваюсь в плед и закрываю глаза.

Но всего через пару часов просыпаюсь в холодном поту от ночного кошмара...

---

* В главе упоминается сказка "Дружок" из моего сборника "Котяткины сказки"

Я думала, что перестала видеть кошмары. Увы...

Обычно мне снится Пригород. Самая его окраина, где заканчиваются двухэтажные дома с открытыми навесными балконами и вытянутыми окнами-арками, и начинается лес. Где последний перекрёсток предлагает путникам выбрать любое из четырёх направлений: в Н-ск, в Центральный Пригород, в К-ск или к дачному посёлку «Жемчужный».

Все мои страшные сны начинаются здесь. На «адском перекрёстке», как называют его местные жители. Слишком уж много смертей видело это перепутье.

Обычно в своих снах я поворачиваю в сторону Н-ска. Не спеша бреду вдоль обочины мимо подсолнуховых полей и пыльных кустарников, вдыхаю аромат прелой травы, пинаю камешки на дороге. Тёплый ветер играет моими волосами и треплет подол летнего сарафана. На моём плече сумка из «МальДИВО», в руке телефон. В наушниках «Маленький принц» обещает нам «встретиться снова», и ничего не предвещает беды. Но внезапно за спиной раздаётся гудок клаксона. Я оборачиваюсь... А дальше синяя «ауди» увозит меня в ночной кошмар.

Иногда мне снится Центральный Пригород и его узкие тенистые аллеи, где растущие по обеим сторонам тротуара деревья смыкаются кронами, образуя арку.

Но сегодня я смотрю на улицу свысока, а точнее со второго этажа заброшенной постройки.

С неба льётся солнечный свет. Он разбивается о листву, о серый асфальт, рассыпается осколками по следам ночного дождя.

Я рассматриваю дом у дороги. В Пригороде это единственная пятиэтажка.

Моё внимание притягивает распахнутое окно на четвёртом этаже. Среди прочих, наглухо заколоченных, оно выделяется, словно родинка на белоснежной коже.

Я знаю, что будет дальше...

В окне — женщина. Устроившись на подоконнике, она наблюдает сверху за прохожими. Ветер треплет подол её белого платья. Длинные волнистые волосы переливаются на солнце всей гаммой оттенков от светло-русого до золотого. Она сжимает в руках бокал вина, время от времени поднося его к губам.

Я прищуриваюсь, чтобы разглядеть её черты, но на таком расстоянии сделать это невозможно. Мне хочется думать, что она молода, красива и влюблена. Она уже снилась мне раньше. Но ни один сон не показал мне её лица.

Между тем женщина допивает вино и отставляет бокал. После аккуратно приглаживает волосы, поправляет съехавшую с плеча лямку, разворачивается и осторожно спускает ноги с окна, словно хочет вернуться в комнату. Но не уходит.

Развернувшись спиной, она продолжает сидеть на подоконнике, и вскоре порывы ветра доносят до меня её сдавленные рыдания. А мгновением позже женщина вскрикивает и опрокидывается назад в распахнутое окно.

Пытаясь удержаться, она хватается за оконную раму, но пальцы соскальзывают с гладкого пластика.

Время становится тягучим и липким, словно горячая карамель...

Как в старом чёрно-белом фильме, поставленном на медленную перемотку, я вижу парящий в воздухе силуэт. Раскинув руки, женщина приближается к земле. Ветер

подхватывает её белое платье и перебирает золотистые локоны. В последний раз.

Из моей груди вырывается протяжный крик.

— Я не хочу видеть, как она разобьётся! Я не хочу видеть, как она разобьётся!

Зажмуриваю глаза, закрываю уши и опускаюсь на колени. Но даже сквозь созданный барьер слышу глухой удар от столкновения тела с землёй.

Птицы, поющие в листве старого тополя, разом замолкают и срываются с веток. На залитую радостным солнцем улицу опускается злая тишина.

Мне требуется время, чтобы набраться смелости и опять выглянуть в окно.

Осторожно подтягиваюсь к плохо покрашенному подоконнику. Створка, через которую я смотрела прежде, распахнута. Я же нарочно выбираю другую, закрытую, с мутным от грязи стеклом. Потому что боюсь ожидающей меня картины...

Она неподвижно лежит на асфальте. Я с замиранием сердца смотрю на неё из своего укрытия. С такого расстояния сложно определить, дышит она или нет.

И вдруг женщина приподнимает руку.

— О, боже! Она жива! — вскрикиваю я и бросаюсь к выходу.

Чтобы попасть на улицу, мне нужно преодолеть два пролёта прогнивших ступенек. Рассохшиеся доски провисают и скрипят под ногами. Одна из них разламывается, я проваливаюсь одной ногой, но успеваю зацепиться за перила. Вытаскивая ногу, распарываю лодыжку, вскрикиваю от внезапной жгучей боли, но продолжаю пробираться к выходу и, наконец, выбегаю на безлюдную улицу.

Теперь меня и эту женщину разделяет серая полоса проезжей части, по которой непрерывным потоком несутся автомобили.

Я размахиваю руками, пытаюсь привлечь внимание водителей, но те безразлично проезжают мимо.

Сквозь пролетающие машины я смотрю на несчастную женщину.

Она лежит на спине и будто смотрит в небо. На самом же деле её взор устремлён на окно. То самое, из которого она выпала. Оно распахнуто, ветер колышет занавески, а за ними я вижу... чёрный силуэт. Мужчина это или женщина не разобрать.

— В комнате человек! Это он сбросил её! — кричу в никуда.

С трудом перебравшись через дорогу, устремляюсь к женщине. Склоняюсь над ней и понимаю, что... не вижу её лица. Осторожно кладу её голову себе на колени, убираю светлые пряди от лица... А лица нет! Слово кто-то стёр его ластиком, как какой-то неудачный рисунок.

Она пытается что-то сказать, но я слышу только булькающие звуки в гортани. Наконец, мне удаётся расслышать хриплое:

— Зачем ты убила меня?

— Нет! Я этого не делала! Это не я! Это тот человек в комнате!

Я поднимаю глаза на окно. Но теперь оно заколочено крест на крест двумя гнилыми досками. А через мгновение женщина издаёт последний вздох и умирает на моих руках...

Вторая пара началась пятнадцать минут назад, но преподавателя до сих пор нет, и будущие экономисты строительного колледжа страдают от безделья.

Парни, собравшись толпой, играют в карты на последней парте. Девчонки листают каталог косметики у окна.

Кузнецова, звезда нашей группы, как обычно отделившись от всех, сосредоточенно красит ногти.

Тупикина, её верная страшная подруга, строчит смс-ки очередному воздыхателю. Сомневаюсь, что ребята клюют на её жидкие волосы и толстые ноги. Скорее, она берёт их совсем другой частью тела. И это точно не мозг.

Я уже два года знаю этих ребят, но дружу только со Светкой. Остальным от меня перепадает лишь сухое "Привет", ну и курсовые работы за умеренную плату. А так я не лезу к ним, они не лезут ко мне, и все счастливы.

Светка копается в смартфоне, пытаюсь найти лучшую замену моему пропавшему телефону. Она периодически толкает меня локтем и зачитывает характеристики очередной модели:

— Во, гляди! Оперативки 3 Гб, камера 13 Мп и диагональ 5,5 дюймов... С моим "масиком", конечно, не сравнить, но для тебя это отличный вариант...

Заметив, что я уже второй раз пропускаю её слова мимо ушей, она наклоняется ко мне.

— Дашка, ты слушаешь?

Нет, я не слушаю... Я вывожу в тетради кружочки, цветочки и разные каракули, а сама думаю о ночном кошмаре, от которого проснулась утром.

— Она снова и снова умирает на моих руках... — срывается с губ.

Светка тут же отзывается:

— Ты о чём? Кто умирает?

Я поворачиваюсь к ней:

— Та женщина в окне пятиэтажки. Она опять приснилась мне...

— И опять выпала из окна? — Светка знает об этих моих кошмарах.

— Да, — киваю. — И её лицо... Оно опять было стёрто! Она умерла, а прохожие показывали на меня пальцами и скандировали: "Убийца! Убийца!"

— Дашка, это просто плохой сон! — успокаивает Светка. — Мне тоже, бывает, такое приснится! — она театральнo закатывает глаза.

— Я много думала об этих снах, — кручу в руках простой карандаш. — А что, если мне снится... мама.

— Почему ты так решила?

— Я не вижу её лица, потому что не знаю, как она выглядит. Знаю только имя... Лариса. Ещё знаю, что у неё были длинные волнистые волосы, и что она умерла. Бабушка никогда не рассказывала мне, как это случилось. Она вообще не любила говорить о моих родителях и ни разу не показала мне их фотографий. Всякий раз, когда я просила её рассказать о матери, бабушка уходила от ответа. Ссылалась на занятость или плохое самочувствие, а сама потом пила таблетки от давления. Думала, я не замечаю, как они убывают в её аптечке...

Я отрываю взгляд от карандаша и смотрю на подругу:

— Светка, я думаю, с мамой произошло что-то ужасное, а эти сны пытаются рассказать мне, что именно случилось.

— Даже не знаю, что сказать... — отвечает подруга, а сама одним глазом уже провалилась в экран смартфона.

— Правда... — я опять кручу карандаш. — В этот раз какой-то человек сбросил её с подоконника. В прошлом сне мы с ней ехали на машине. Она была за рулём, а я на заднем сиденье. Я видела только её затылок — собранные в пучок золотистые локоны. Вдруг она резко затормозила и покинула салон. А потом её нашли мёртвой в лесополосе недалеко от "Пригорода". Мне снится разное, но итог всегда один — я не вижу её лица, и она мертва...

Пустившись в рассуждения, я не сразу замечаю, что Светка окончательно уткнулась в смартфон и, едва сдерживая улыбку, уже строчит кому-то сообщение. Наверняка она не услышала и половины из того, что я говорила.

Я не обижаюсь. Что взять с человека, у которого на уме лишь гаджеты, соцсети, шмотки и мальчики. Светке не понять глубины моих переживаний. У неё есть мама Тамара Борисовна, папа Владислав Андреевич и отчим Женька. Она сама его так называет. Он моложе Тамары Борисовны на десять лет, и старше Светки на двенадцать.

"Ну какой с него отец! Женька и есть Женька!" — фыркает подруга.

Моя подруга с рождения была окружена целой толпой родственников, а у меня из близких людей была только бабушка. А теперь и её не стало. Так что нам со Светкой не понять друг друга.

Возвращаясь к каракулям в тетради и остаюсь один на один со своими мыслями, коих в моей голове целый рой.

Я думаю о вчерашней тупой шутке, придуманной Карасёвым, о плюшевом медведе, так умело скопированным его руками, о пропавшем мобильнике.

Наконец, опять думаю о матери...

Какой она была? Что с ней случилось?

Признаюсь, последнее заботит меня сейчас больше остального.

Какая же страшная участь её постигла, что бабушка предпочла унести эту тайну в могилу?..

Моя бабушка Ольга Николаевна Соколова была красивой женщиной. Едва тронутые сединой густые чёрные волосы собирала в аккуратный пучок на затылке, большие карие глаза чуть подводила карандашом. Другой косметикой не пользовалась, одевалась строго, вела себя сдержанно, была образована, много читала и вкусно готовила.

Всю свою жизнь бабушка преподавала русский язык и литературу в Центральном лицее, но к моему рождению уже вышла на пенсию.

До пяти лет я считала её своей матерью, потому так и звала — мама Оля.

Но однажды после утренника тётя Лиля, мама Полинки Воронцовой, спросила меня:

— Даша, как поживает твоя бабушка? Что-то давно я её не видела!

Полинка, которая на протяжении всего нашего пребывания в детском саду была занозой в моей заднице, громко прыснула. Ещё бы! Она же чаще других детей спрашивала у меня: «Дашка, а почему у тебя такая старая мама? Моя, смотри, какая молодая! А твоя такая древняя, что того и гляди развалится!» Ух, сколько раз мне хотелось врезать ей за это!

В тот момент я опять едва справилась с желанием повалить Полинку на пол и, как следует, отдубасить.

Помню, ответила тётя Лиле что-то невнятное, а вечером выбрала удобный момент и подошла к маме Оле.

Та, уютно расположившись в своём кресле у торшера, ловко орудовала спицами. Я остановилась напротив неё и спросила:

— Мама Оля, а почему сегодня тётя Лиля назвала тебя моей бабушкой?

Бабуля взглянула на меня уставшими глазами и, отложив вязание, протянула свои худые морщинистые руки:

— Подойди ко мне, милая!

Она усадила меня около себя и, мягко поглаживая по голове, проговорила:

— Видишь ли, деточка... — мама Оля умолкла на несколько секунд, собираясь с духом, и, наконец, произнесла, — дело в том, что я и правда твоя бабушка...

Я широко распахнула глаза от удивления:

— Как? А где же тогда моя мама? Ведь у всех детей в нашем садике есть мамы и папы. Только у Вадика нет. Его бабушка в капусте нашла. Он сам так говорит...

На моей последней фразе мама Оля вымученно улыбнулась:

— В капусте, говоришь? Ну, так и я тебя в капусте нашла!

— Вот здорово! — радостно воскликнула я.

Теперь мне не терпелось прийти в детский сад и похвалиться Вадика, что не только его в капусте наши.

Позже я переключилась на что-то другое, более важное и интересное, и на какое-то время забыла об этом разговоре.

Потом детский сад был пройден. Мы уехали с Садовой. Я поступила в Центральную среднюю школу.

Вот там-то примерно в классе третьем одноклассницы во главе с Кузнецовой любезно рассказали мне о том, что деда Мороза не существует, что подарки под ёлку кладут родители, и что детей не находят в капусте.

Тогда я опять подошла к маме Оле, чтобы она объяснила мне, наконец, что на самом

деле случилось с моими родителями.

— На версию про аиста я тоже не согласна! — строго предупредила я.

В ответ бабушка только вздохнула и, снова усадив меня рядом с собой, сказала:

— Думаю, пора рассказать тебе правду...

— Какую правду? — я затаила дыхание, дожидаясь ответа, но мама Оля будто нарочно медлила. Собираясь с мыслями, она разглаживала подол халата на коленях, смахивая с него невидимые пылинки.

Мне показалось, прошла целая вечность, прежде чем она, наконец, сказала:

— Деточка, я думаю, ты уже достаточно взрослая, чтобы понять это... Твоя мама... Она умерла...

— А как это случилось? — спросила я.

Та будто нарочно проигнорировала мой вопрос.

— Она была очень красивой женщиной! У неё были шикарные золотистые локоны... Её звали Лариса... Ларочка...

— Почему она умерла, бабушка?

Кажется, в тот вечер я впервые назвала её бабушкой.

Та вдруг встрепенулась:

— Ой, я же совсем забыла! Мне ещё позвонить надо! Ты, Дашенька, иди пока, поиграй. Я быстро переговорю, а потом будем ужинать.

Конечно, бабуля специально уходила от разговора.

Я воскликнула:

— Бабушка! Ты не рассказала!

— Не сейчас, дорогая! Обещаю, я позже тебе расскажу! А сейчас мне правда нужно идти! — она торопливо поднялась с дивана и ушла на кухню.

Я, как послушная девочка, оставила бабушку в покое и занялась игрушками. А позже до меня долетели обрывки её телефонного разговора.

Бабушка говорила кому-то:

— Как же я расскажу ей об этом! Она же ещё ребёнок! Пусть подрастёт немного!

И вот мне уже девятнадцать, но я так и не знаю, что случилось с моей мамой...

После занятий мы спускаемся в гардероб, принимаем у Изольды Никифоровны наши вещи и сваливаем их на свободную скамейку.

— Пробежимся по магазинам? — спрашивает Светка, поправляя шапку перед высоким зеркалом.

Мне некогда гулять. Я хочу быстрее вернуться домой, заглянуть к Толику и забрать у него свой мобильник.

— Прости, сегодня никак! — говорю я, застёгивая пуховик. — У меня дела...

— Брось! Знаю я твои дела! Задачки по математике решать! — подруга достаёт из кармана тюбик с блеском и аккуратно наносит его на губы.

— Дело не только в задачках...

— А в чём же ещё?

Я не нахожу, что ей ответить. Не стану же я рассказывать ей подробности вчерашнего вечера.

Пока я соображаю, что сказать, подруга убирает блеск для губ и, окинув довольным взглядом своё отражение, заявляет:

— Возражения не принимаются, Соколова! Шоппинг — лучшее лекарство от хандры! Заодно и новый мобильник тебе присмотрим! А задачки твои подождут!

Светка настроена решительно, и сейчас мне проще прогуляться с ней по магазинам, чем объяснять, что новый мобильник мне не нужен, потому что я скоро верну себе старый.

Расскажи я сейчас подруге о том, что мой телефон, скорее всего, у Толика, на меня обрушится шквал вопросов:

"С чего ты взяла, что твой мобильник у Карасёва?"

"Ты виделась с Карасёвым?"

"Вы встречаетесь с Карасёвым?"

"Что? Опять?"

Ну уж нет! Лучше я сейчас промолчу и покорно соглашусь пройтись по салонам связи, чем стану отвечать на дурацкие вопросы и выслушивать истеричные вопли.

В конце концов, я могу зайти к Толику и двумя часами позже...

— Ладно, пойдём, пройдемся по твоим бутикам... — сдаюсь я.

***

Мы бродим среди всё ещё сверкающих мишурой витрин, разглядываем помады и туши, щупаем платья и блузки на манекенах, рассматриваем новые модели смартфонов.

— Пойми, Дашка, ну нельзя в наше время ходить с булыжником! — говорит Светка, любезно пропуская меня в один из магазинов сети «Звонилка».

Она рада тому, что у меня украли телефон, и даже не скрывает этого. Теперь подруга намерена выбрать мне "нормальный" по её меркам мобильник.

— Ну, ты что дремучая такая! Как бабка твоя, в самом деле! Ой... — Светка прикусывает язык, поняв, что сболтнула лишнее.

Я не обижаюсь. Язык у этой мадам, как помело, я давно привыкла. Она называет меня дремучей всякий раз, когда мы ходим по магазинам.

Ей не нравится, что я никак не куплю себе "нормальный" телефон, что ношу только серое, что волосы никогда не распускаю, что из косметики у меня только тушь для ресниц и

карандаш.

— Издалека видно, что с бабушкой росла! — язвит Светка, когда я в очередной раз морщусь на какое-нибудь слишком короткое и яркое платье.

То же самое подруга говорит, когда я не понимаю значения современных словечек типа «хайп» или «селфи», и когда снова и снова отказываюсь завести страничку в какой-нибудь социальной сети. Она же, напротив, постоянно пропадает в интернете, кому-то пишет, с кем-то знакомится.

Я другая... Да, возможно, по современным меркам дремучая.

Бабушка учила меня тому, что сама умела. А в её время никакой умной техники не было. Всё сами делали, своими руками. И головой думали своей, у "интернета" не спрашивали.

Поэтому к девятнадцати годам я не знала ни компьютерных игр, ни социальных сетей. Зато знала, что такое библиотека. И книги читала только бумажные. И музыку слушала ту, старую. Бабушка научила меня играть в домино и шашки, вязать крючком и спицами. И готовить учила по особенной кулинарной книге, в которой каждый рецепт был написан её аккуратным почерком.

Светка редко приходила ко мне. Говорила, что наша квартира и весь наш образ жизни наводят на неё зелёную тоску.

— У тебя Wi-Fi нет! У тебя на телевизоре всего двенадцать каналов! — морщила носик подруга. — У вас даже чайник не электрический, а старый, со свистком... Уж лучше ты ко мне приходи!

Я не обижалась на неё. Она шла в ногу со временем, а мы с бабушкой, по её мнению, застряли в прошлом веке. Но это нисколько не мешало нашей дружбе.

Конечно, Светка старалась вытащить меня из "бабушкиного болота". Водила по магазинам бытовой техники и салонам связи. Демонстрировала возможности современных устройств. Но ей так и не удалось перетянуть меня на свою сторону.

Максимум, на что я согласилась, был кнопочный "кирпич". Я взяла даже два таких, себе и бабушке.

Бабуля свой телефон и в тазик со стиркой роняла, и зарядить забывала. А однажды оставила на кассе в магазине. Так он и ушёл навсегда.

Мой мобильник прослужил мне чуть больше двух лет и тоже ушёл. Полгода назад... Остался где-то на задворках Пригорода.

И вот теперь, когда и второй, сменивший его "кирпич", пропал без вести, Светка намерена найти мне третий, наконец-то, "нормальный" и, хочется верить, последний "гаджет".

Вот поэтому мы уже полчаса бродим по искрящемуся новогодними гирляндами салону и рассматриваем похожие друг на друга чёрные пластиковые прямоугольники.

Нашей прогулке нет конца.

После "Звонилки" подруга ведёт меня в "Позвони мне, позвони", затем в один из магазинов сети "Мир гаджетов". И только там до Светки, наконец, доходит, что я не настроена на покупку нового телефона.

— Ладно, не хочешь, как хочешь! — сдаётся она, когда в ответ на её вопрос "А как тебе этот? Нравится?" я в очередной раз устало пожимаю плечами.

Я уже готова бежать на остановку, но Светка предлагает зайти в ещё один, последний, магазин. На этот раз ювелирный.

— Ты же обещала, что "Мир гаджетов" — это "конечная" нашего маршрута, — почти

хнычу я.

— Знаю, знаю... — отмахивается подруга. — Но я столько времени потратила на тебя, что теперь хочу и себе уделить минутку!

Вот же сама беспардонность! Я вообще-то не просила её таскать меня по магазинам.

Мне так и хочется сказать это вслух, но я не хочу обижать Светку. Она ведь на самом деле хотела помочь. Поэтому соглашаюсь пойти с ней в "Твоё колечко", о чём жалею, едва переступив порог...

Золотые украшения напоминают мне о Кирилле.

Ещё в детском саду он надевал на мой пальчик колечко, скрученное из проволоки и гордо заявлял воспитательнице, что когда вырастит, обязательно женится на мне.

Воспитатели умилялись, а я свято верила, что так и будет!

Встретившись через годы, мы не раз говорили о свадьбе. Представляли, где и как она пройдёт, конкурсы придумывали. Даже список гостей составили.

Помню, Светка принесла на занятия каталог со свадебными платьями, мы долго разглядывали каждое и спорили, какое из них мне подойдёт лучше всего.

Я сохраняла себе рецепты нежнейших бисквитов, рисовала в блокноте искизы будущего торта, украшения ему придумывала.

Мы бродили с Кириллом по ювелирным салонам, присматривали обручальные кольца.

Однажды завернули сюда, в "Твоё колечко". Встали у витрины и с полчаса, наверно, мучали продавца.

"Покажите это!"

"Покажите вот это!"

Ведь знали, что не возьмём, денег у нас, вчерашних школьников, не было, но мы выбирали, примеряли, мечтали.

И всё же решили купить одно. Простое, не обручальное. Кирилл настоял.

— Пока мы не можем позволить себе настоящие обручальные кольца, я хочу, чтобы ты выбрала колечко, которое будешь носить до свадьбы. Пусть оно служит напоминанием о счастливом дне, который обязательно настанет!

— Кирюш, не нужно... — пролепетала я.

Но он строго сказал:

— Нет, я настаиваю!

И тогда я ещё раз пробежалась глазами по сверкающей витрине и указала на тоненькое золотое колечко с крошечным изумрудиком. Оно было самым простеньким из представленных. И самым прекрасным.

— Мне нравится это... — произнесла чуть слышно.

И даже на это колечко цена была неподъёмной. Но Кирилл уверенно заявил, что к лету обязательно скопит нужную сумму и подарит мне это кольцо на день рождения.

Ага, размечталась...

Его слова оказались ложью. Красивой ложью, приправленной нежными взглядами и горячими касаниями рук.

Если бы я знала, какой "подарок" ждёт меня на самом деле.

Если бы я знала, что за день до моего дня рождения Кирилл пригласит меня на свидание у "Корзиночки", а сам не приедет.

Если бы я только знала, что, доверившись его лживому сообщению, я сяду в машину к какому-то Стасу.

И если бы я знала, каким кошмаром обернётся для меня тот жаркий летний вечер.

Если бы я только знала...

Провалившись в горькие воспоминания, я блуждаю глазами по витрине с обручальными кольцами и вдруг слышу голос Кирилла за спиной:

— Привет, Дашунь!..

Моё сердце срывается в пятки, а затем подпрыгивает обратно и больно ударяется о грудную клетку.

Сколько мы не виделись? Полгода? Больше?

189 дней...

"Обернуться? Или сделать вид, что не слышу и быстрым шагом выйти из магазина? Хочу ли я видеть его после того, что он сделал? Что он может мне сказать?"

За считанные секунды я испытываю всю гамму чувств от любви до ненависти, но, собравшись с духом, оборачиваюсь...

Глава 11

Он стоит ко мне спиной.

Одет в горнолыжный костюм, за которым мы когда-то вместе ездили на вещевой рынок. На голове, конечно, капюшон. Шапки Кирилл не любит. На ногах зимние спортивные ботинки. На плече стильная кожаная сумка.

Сумку мы тоже выбирали вместе. Помню, он ворчал, что не будет носить такую, что ходить с рюкзаком ему удобнее. Теперь, вижу, поменял свои привычки.

Я несколько секунд изучаю его глазами, и только потом до меня доходит, что Кирилл всё ещё стоит ко мне спиной.

— Да, заехал в ювелирку, как обещал... — между тем говорит он. — Конечно, изумрудик! Как ты и хотела!...

Наконец, я понимаю, что Кирилл говорит не со мной. Он говорит по телефону. И по имени зовёт не меня, а другую девушку!

Осознав это, пячусь назад в сторону выхода. Ищу глазами Светку. Та изучает витрину с серьгами и очень вовремя поворачивается ко мне, чтобы что-то сказать. Я жестом показываю ей молчать и глазами указываю на Кирилла.

Она стоит ближе и видит его в полоборота. Её лицо меняется, глаза округляются. Она кивает, мол, поняла тебя, и буквально крадётся в мою сторону.

Вскоре мы уже бежим на остановку, будто за нами кто-то гонится.

— Вот же совпадение! — запыхавшимся голосом говорит подруга. — Откуда он взялся? Центр города! Обед! До нашего "Тьмутараканска" полтора часа по пробкам на автобусе!

"Тьмутараканском" Светка зовёт Садовую, где живёт последние два года.

Совпадение, что называется, нарочно не придумаешь!

Я когда-то сменила Садовую на Центральную, а Светка, наоборот, окончив школу, перебралась с Центральной на Садовую. Потому что Тамара Борисовна рассталась с Владиславом Андреевичем и встретила Женьку. А тот, оказалось, всегда жил с нами по соседству на Садовой и даже узнал меня, когда увидел со Светкой.

И теперь, приходя в гости к подруге, я смотрю на деревянные окна нашей бывшей квартиры. Кстати, за минувшие двенадцать лет новые жильцы так и не сменили их на пластиковые.

Новенькие окна Кирилла и его мамы Натальи красуются по соседству, слева. Чего греха таить, в них я тоже смотрю.

— Как из-под земли вылез! Как из-под земли вылез! — пыхтит Светка, еле поспевая за мной.

Я молчу. В голове звучит его голос:

"Дашунь, привет!.. Конечно, изумрудик! Как ты и хотела!.."

Мне приходится стиснуть зубы, чтобы не закричать вслух:

"Это меня он называл Дашуней! Это я когда-то выбрала колечко с изумрудиком!"

На глаза наворачиваются слёзы. Плакать на морозе — плохая мысль. Я снимаю варежку и смахиваю глупые капли, забыв о туши на глазах.

Светка сразу обращает внимание:

— Дашка! Ты что, серьёзно? Собралась реветь? Из-за него? Ну, ты даёшь! Ты ж вроде сама его бросила? Жалеешь что ли?

Иногда Светкина беспардонность не знает границ.

Да, бросила!

Да, жалею!

Жалею, что встретила его!

Жалею, что поверила ему!

Жалею, что до сих пор люблю его, как безумная, и забыть не могу!

Несмотря ни на что...

— Даш, что с тобой происходит? — Светка берёт меня под руку, но я молчу в ответ.

Подходит её автобус, и мы обе запрыгиваем внутрь.

Только когда дверь закрывается, и кондуктор берёт с меня деньги за проезд, я понимаю, что еду со Светкой на Садовую.

Зачем я полезла в автобус? Потому что холодно? Потому что подруга давно уже зовёт меня к себе? Потому что соскучилась по фирменному пирогу Тамары Борисовны?

Нет...

Потому что сломя голову бежала от Кирилла и не думала.

Сейчас лучшим решением было бы выйти на следующей остановке, пересесть на троллейбус и вернуться домой.

Но Светка утягивает меня через толпу пассажиров к освободившемуся сиденью. Я сажусь у окна, она пристраивается рядом, и у меня пропадает всякая возможность быстро покинуть автобус.

Я поглубже натягиваю капюшон и отворачиваюсь к окну. Светка наваливается на меня.

— Дашка, я так рада, что ты со мной поехала! — почти мурлычет она.

— Угу... — угрюмо отвечаю я.

— Я как раз хотела тебя к себе позвать! А то завтра у меня вечер занят! Мы с Пашкой в кино идём!

— Что ещё за Пашка? Очередной мальчик из интернета?

Я не одобряю Светкино увлечение интернет-знакомствами, и она знает это, а потому корчится:

— Ой, не начинай... Мы просто друзья! В одну онлайн-игру вместе играем!

Онлайн-игру... Представляю, что там за "игры" у них.

Но сейчас максимально безразлично дёргаю плечом, мол, делай, что хочешь. Светка замолкает.

Следующие три остановки едем молча.

Потом она подтягивается и заглядывает мне за капюшон:

— Даш, прости, это я виновата. Надо было сразу сказать тебе, что видела Кирилла с девкой...

— Мне пофигу на него... Не парься! — я морщу нос и отвожу глаза.

Конечно, вру. Надеюсь, Светка не заметит.

А та продолжает говорить:

— И откуда она взялась вообще... Помню, он каждый вечер в нашем дворе сидел. Бухал и плакал. Нет, серьёзно! Я прям засекала. Придёт часов в восемь, сядет на качели, банку пива откроет, за ней ещё одну. А потом лицо руками закроет и... плачет! Больно было смотреть на его страдания! Потом пропал на неделю. А в следующий раз я увидела его уже с этой...

Я молчу, но ушами ловлю каждое слово.

Страдал? Плакал? А через неделю нашёл новую бабу? И теперь зовёт её моим именем и покупает изумрудики, которые когда-то обещал мне? Серьёзно?

Да грош цена его страданиям!

За окном появляется знакомый до боли пейзаж. Жёлтые пятиэтажки, а за ними кирпичные "свечки". До Садовой две остановки.

Душу щемит от тоски. Я жалею, что поехала со Светкой.

Сердцем чую неладное...

Мы поднимаемся на четвёртый этаж, и уже со второго я чувствую запах жареных блинчиков. Он напоминает мне о бабушке. В этом деле ей не было равных. С клубничным вареньем, со сметаной, с мёдом, мясные, творожные — какими только блинчиками бабушка не встречала меня после школы!

Светка открывает дверь своим ключом.

Услышав нашу возню в прихожей, из кухни выходит Тамара Борисовна. Как всегда ярко покрашенная, аккуратно подстриженная и нарядно одетая.

"Моя мама и днём, и ночью готовится встречать гостей," — шутит Светка.

Но мы обе знаем, что Тамара Борисовна всегда красива, потому что влюблена в Женьку.

— Светик! Ты Дашутку привела! — восклицает Тамара Борисовна. — Чудненко! Я как раз блинчиков нажарила! И скоро пирог из духовки вынимать буду!

Она поправляет и без того идеальную причёску, разворачивается, изображая танцевальное па, и скрывается в кухне.

Мы со Светкой кучей скидываем наши рюкзаки, пуховики и шапки на тумбочку в прихожей и проходим в её комнату.

На первый взгляд кажется, будто в ней живёт тринадцатилетний подросток.

Плакаты с артистами вместо обоев на стене, мягкие игрушки на диване и книжных полках, ароматизированные свечи на столе, магнитики и статуэтки, тут и там молодёжные журналы, творческие ежедневники, канцелярия, косметика, какие-то футболочки, кофточки, носки со смешными надписями. Ну, и тапочки-зайцы, как без них.

Светка с ходу включает музыкальный центр. Из динамиков вырывается последний куплет Adele "Rolling in the Deep". Я занимаю надувной матрас на полу, Светка взбирается на свой диванчик-лягушку, и мы погружаемся в любовную историю, о которой поёт несчастная женщина.

Чуть позже Тамара Борисовна кричит из кухни, что пирог уже на столе, и мы со Светкой, словно дети, наперегонки бежим к раковине мыть руки.

Мы брызгаемся водой, визжим и хохочем, дерёмся полотенцами и одновременно пытаемся выйти из ванной, застреваем в дверях и снова хохочем.

Теперь я уже не представляю своей жизни без этой чумовой рыжей девчонки с веснушчатым носом и янтарными глазами.

Она танцует, пока чистит зубы. Она поёт, принимая душ. Она плачет над мультиками, рисует в тетради сердечки, выполняет сумасшедшие задания, которые предлагает ей творческий ежедневник и каждые две недели влюбляется на всю жизнь.

Я благодарна судьбе за то, что двенадцать лет назад на первой школьной линейке Светка подошла ко мне, взяла за руку и, ни чуть не стесняясь, бойко сказала:

— Привет! Давай дружить!

А потом усадила рядом с собой за вторую парту в среднем ряду и больше ни на шаг не отпускала.

После переезда я чувствовала себя неудобно. Мне было одиноко и страшно... Нет, не так. Мне было страшно одиноко. А Светка ворвалась в мою жизнь со своими рыжими косичками, пышными бантиками, яркими книжками и куклами, которые нам с бабушкой были не по карману, и наполнила мою жизнь красками

Бабушка смотрела на Светку косо, но дружить нам не мешала.

— Взбалмошная, безответственная, учится кое-как, — ворчала бабушка. — Но уж лучше она, чем этот Кирилл...

Того она с самого детского сада не любила. Будто чувствовала, чем закончится наше с ним общение.

По комнате разносится запах ароматической свечи. Звук на музыкальном центре выкручен почти до минимума. В динамиках бьётся какая-то иностранщина. Дни сейчас короткие, за окном уже стемнело.

Мы со Светкой, укрывшись одним лохматым пледом, валяемся по разные стороны её крошечного дивана, едва уместаясь на нём вдвоём. После обалденного курника Тамары Борисовны нам хочется просто лежать и лениться.

Подруга, уложив ноутбук на колени, сёрфит по интернету и одновременно с кем-то переписывается. Я то и дело слышу, как к ней приходят уведомления о входящих сообщениях.

Я же предпочла взять книгу. Светкина домашняя библиотека состоит только из модных журналов и каталогов косметики, но у Тамары Борисовны нашёлся неплохой детективчик. Начало захватывает, но я постоянно отвлекаюсь на Светкины сдавленные смешки и периодические нечленораздельные возгласы.

Наконец, не выдерживаю и спрашиваю:

— Ты с кем там?

— Да так, с девчонкой одной...

— Что ещё за девчонка? — сердце обжигает ревность.

— Да где-то год назад познакомились на одном форуме... — Светка отвечает, не отрываясь от экрана.

— Ну, ясно... — я снова утыкаюсь в книгу.

Ревную, не могу! Светка — моя подруга, и я не хочу делить её с какими-то другими девчонками.

Та, словно читая мои мысли, откладывает ноутбук и подтягивается ко мне:

— Дашка, не ревнуй! Это всего лишь девочка из интернета. Я даже имени её не знаю. Какая-то СуперКошка1234. Да она вообще из другого города. Мы просто болтаем. Я знаю, как ты не любишь все эти знакомства по интернету, вот и не стала тебе говорить.

— И что интересного она тебе рассказывает? — я всё ещё дуюсь.

— Да разное... О жизни, о фильмах, о музыке. Про телефоны с ней болтаем... Не злись Я люблю только тебя. А это так, пустой трёп по вечерам...

— Ладно... — оттаиваю. Что я в самом деле. Светка уже взрослая и может сама решать, с кем общаться.

Светка чмокает меня в щёку и возвращается к своей СуперКошке1234.

А я вместо того, чтобы снова смотреть в книгу, смотрю в окно. Сейчас мне видно только краешек дома напротив. Я не вижу ни наших с бабушкой окон, ни окон Кирилла. Но я и без того знаю, что на кухонном окне у него стоит герань, а в комнате зелёные занавески. С тех пор, как мы пришли к Светке, я посмотрела в его окна уже семь раз.

Да, я посчитала...

Светка, на секунду оторвавшись от ноутбука, тянется за пультом от музыкального центра и делает музыку погромче. Я не возражаю. Теперь мне хотя бы понятно, о чём поют.

Подруга замечает, как я смотрю в окно и тут же комментирует:

— Опять гипнотизируешь окна Кирилла?

Я вздрагиваю и опускаю глаза в книгу.

— Прямо... Больно надо! — конечно, вру, и зардевшиеся щёки тут же меня выдают.

— Да ладно тебе... Думаешь, я слепая. Ты раз пятнадцать уже посмотрела.

Семь...

Светка захлопывает ноутбук и придвигается ко мне. Когда она вот так усаживается по-турецки и достаёт из ящика тумбочки подложку с зефиром, это означает, что предстоит разговор по душам.

Так и случается.

— Да-аш... — вкрадчиво начинает Светка. — А у вас с Кириллом было?

Глава 13

Я вцепляюсь в книгу, словно хочу спрятаться в ней. Память возвращает меня в тот неловкий момент, когда Кирилл начал стягивать с меня бельё, а я остановила его, ухватив за запястье.

— Нет, не надо! Я не хочу! — сказала я ему, не подозревая, как эти слова изменят его отношение ко мне.

Сейчас я упрямо молчу, а Светка не унимается:

— Ну, Да-аш... Так было или нет?

— Нет... — наконец, выдавливаю из себя.

— А с Толиком было?

Опять молчу.

— Ну, Да-аш...

— Отстань...

— Можешь не говорить, я и так знаю! — Светка дёргает плечиком — Это из-за него ты бросила Кирилла...

Ничего она не знает.

Толик тут ни при чём. А выкладывать реальную причину нашего расставания с Кириллом я не собираюсь.

Тем временем подруга, уверенная в правильности своей теории, продолжает рассуждать:

— А что... Толик тоже симпатичный. Глаза большие зелёные, волосы тёмные. Высокий. Кажется, даже выше Кирилла. И плечи у него такие широкие. И одевается стильно. И физику мне списывать давал... — она двумя пальчиками аккуратно берёт половинку зефира, но не торопится есть. — Как быстро у вас закрутилось... Помню, в школе ты его ненавидела, а тут — бах! — к нему переехала! Я даже не поверила сначала!

Да, переехала. Так надо было...

Подруга умолкает и через минуту снова обращается ко мне:

— Даш...

— Что?

— Это я тогда сказала Кириллу, что ты у Толика...

— Кто бы сомневался...

— Знаю, я не должна была вмешиваться. Но мне было так жаль, что вы расстались... Я подумала, если Кирилл придет к тебе, вы помиритесь...

— Проехали...

— Он же приезжал к тебе, да?

— Да...

В памяти всплывают глаза Кирилла, налитые кровью. Плечи помнят его пальцы, когда вцепившись в меня обеими руками и встряхивая словно куклу, он кричал мне в лицо:

"Твою мать! Кто это сделал?"

"Кирилл отпусти, мне больно!..."

"Я спрашиваю, кто это сделал? Назови имя, и я найду этого ублюдка!"

"Отпусти..."

"Имя! Я сказал!"

"Стас... Это был Стас... Доволен?"

Я часто моргаю, чтобы эта картинка в моей голове скорее рассеилась.

Светка мусолит зефирку в руках:

— Вы из-за этого с Толиком поругались? Он тогда застал вас с Кириллом? Да?

— Нет...

— А что у вас случилось? Почему вы опять ненавидите друг друга?

Этого я Светке тоже не расскажу. Пусть и дальше верит в розовых единорогов. Не нужно ей знать, как жестоки и непредсказуемы бывают люди.

— Не важно... Дай мне лучше зефирку! — я указываю глазами на розовое лакомство в её руке.

Она протягивает мне кусочек, который я тут же отправляю в рот.

Как в давнишней рекламе:

"Лучше жевать, чем говорить!"

Светка понимает, что я не настроена на откровенный разговор, но любопытство сильнее её.

Она спускает ноги с дивана, ссутуливается и упирается взглядом в окно.

— Даш, мне правда жаль, что вы с Кириллом расстались, — вздыхает. — Помню, как ты собиралась к нему на свидание. Как мы за платьем ездили. Ты ещё покупать не хотела. Говорила, что оно слишком короткое. Но я тебя уговорила. Помнишь? — выдерживает паузу, ждёт ответа, но я молчу, и тогда Светка продолжает. — Вы были красивой парой. Оба высокие, стройные. Он красавчик, что тут скажешь, — Светка так печально вздыхает, будто это она рассталась с Кириллом, а не я. — А ты помнишь, как мы втроём гуляли в Центральном парке?

— Помню...

— На каруселях катались...

— Угу...

— А помнишь, как мы в кафе вместе ходили...

— Помню...

— Мороженое ели...

— Я всё помню, Светка... — механически вожу глазами по строчкам, но буквы пляшут, будто смеются надо мной.

— Даш...

— Отстань! Я спать хочу!

Не желая больше участвовать в этом параде воспоминаний, я захопываю книгу и ухожу в ванную. Даю Светке время вернуться к ноутбуку, переключиться с меня на какого-нибудь Пашку или Сашку и забыть о нашем разговоре.

Когда мы, наконец, укладываемся, Светка тихонько шепчет мне с дивана:

— Дашка, она беременна...

— Кто?

— Кирюхина девка новая... Я подумала, ты должна знать!

У меня сердце едва не останавливается от этой новости.

Я не понимаю, что со мной? После того, что он сделал, я должна его ненавидеть. А я слушаю Светку и умираю. От ревности, от тоски, от любви... Мне приходится приложить усилия, чтобы не разреветься. Хорошо, что уже ночь, и подруга не видит, как я корчусь от боли. А та тем временем продолжает:

— Вчера их видела. Проплыли мимо, даже не поздоровались. Живот огромный у неё. Ну, может, из-за пуховика так кажется. Она в капюшоне была, я её не разглядела. Видела только волосы длинные тёмные. Прямо как у тебя. И высокая такая же. Я думаю, Кирюха специально себе девчонку похожую на тебя нашёл. У неё даже имя такое же, прикинь! А всё потому что он скучает по тебе! Я уверена!

— Ага! Так скучает, что сделал новой бабе ребёнка! От скуки! Ты себя слышишь вообще?

Светка хочет что-то сказать, но я обрываю её:

— Всё, Лапина! Заткнись! Ты за вечер весь мозг мне выела! Не хочу больше ни слова слышать о Кирилле!

— Ладно, ладно, прости... Спокойной ночи, — Лапина ещё некоторое время скрипит "лягушкой", укладываясь.

Я отворачиваюсь к стенке и укрываюсь одеялом с головой. Жаль, что это не помогает укрыться от воспоминаний, которые сейчас штурмуют моё сознание...

Глава 14

Я помню всё...

От нашей первой встречи с Кириллом в песочнице детского сада до его последнего крика мне в лицо:

"Твою мать! Кто это сделал?"

Помню, как мы строили наш прощальный песочный замок во дворе на Садовой. Помню, как я просила его обязательно приехать в мой новый дом.

"Я буду жить рядом с парком и смогу каждый день кататься на каруселях! Ты должен приехать! Я буду ждать тебя!"

"Я обязательно приеду!"

И я ждала... Каждый день смотрела в окно и ждала.

Помню, бабушка ворчала за моей спиной:

— Форточка открыта! Простудишься! Не приедет он...

Бабушка оказалась права. Он так и не приехал, и мне пришлось смириться с этим. Кирилл стал для меня тёплым воспоминанием о детстве на долгие десять лет.

И вот спустя годы мы снова встретились. Это случилось весной, жарким майским днём. Никогда не забуду ту нашу первую встречу.

Мы со Светкой сбежали с последнего урока. Размахивая рюкзаками и ветровками, с хохотом пересекли школьный двор, выскочили за ворота и махнули сразу в центральный парк.

У меня с собой было немного карманных денег. Я купила два сливочных стаканчика, мы взобрались на согретый солнцем каменный выступ фонтана, и, подставив наши тела под прохладные брызги, принялись уплетать мороженое и строить планы на лето.

Светку родители собирались вывезти на Чёрное море, а меня ждали бабушкины грядки с морковью и парник с огурцами на клочке земли, который мама Оля каждое лето "арендовала" у кого-то из знакомых.

Я слушала Светку и немного завидовала. Нам с бабушкой и её крохотной пенсией море было не по карману.

Пока подруга в красках описывала купальник, который она возьмёт с собой в путешествие, я, уставившись на свои колени, рассматривала вышивку на джинсах.

Кирилл тоже был в парке в тот день.

В отличие от нас, бессовестных прогульщиц, он пришёл туда переждать пару часов до тренировки по баскетболу. Занял свободную скамейку в глубине тенистой аллеи, раскрыл тетрадь с конспектами и погрузился в изучение экзаменационных билетов.

Первой его заметила Светка.

Устав от собственной болтовни, она замолчала и принялась разглядывать прохожих.

— Гляди, какой красавчик! — подруга толкнула меня локтем и взглядом указала в сторону аллеи.

Я повернула голову и увидела Кирилла. Тот, словно почувствовал, что за ним наблюдают. Оторвал глаза от конспекта и посмотрел в нашу сторону.

Мы встретились взглядами и...

Сердце семнадцатилетней Даши Соколовой провалилось в желудок, а потом поднялось обратно и застряло где-то в горле, щёки вспыхнули, ладони вспотели... потому что я узнала

его!

Нас разделяло двести метров парковой зоны и десять прожитых лет, но в этом высоком худощавом подростке с сороковым размером обуви я узнала своего Кирюшу Панова из старшей группы детского сада "Искорка".

Кирилл тоже меня узнал. Он приветственно махнул рукой и улыбнулся. Я улыбнулась в ответ.

Закинув тетрадь в рюкзак, Кирилл сорвался со скамейки и быстрым шагом направился к фонтану.

— Гляди, гляди, он нас заметил! — восторженно взвизгнула Светка. — Спорим, ко мне идёт!

Она заёрзала на месте, а я поднялась на ноги и, не отрывая глаз от идущего мне навстречу Кирилла, проговорила:

— Нет, Лапина... Он идёт ко мне...

— Чего? С чего ты...

Светку оборвал голос Кирилла.

— Привет! — он приблизился ко мне. — Наконец-то я нашёл тебя!

А я смотрела на него и улыбалась, как полная идиотка, не в состоянии произнести ни слова.

Пока не услышала требовательный кашель Лапиной...

— Может, кто-нибудь мне объяснит, что происходит? — Светка сложила руки на груди и хмуро уставилась на нас.

Я вздрогнула. Боже! Я едва не забыла, что пришла в парк с подружкой!

— Светка, познакомься! Это Кирилл... Помнишь, я рассказывала... — не отрывая глаз от его лица, проговорила я. — Кирилл, это Светка, моя подруга...

Тот день мы провели вместе. Кирилл забыл о тренировке, я забыла позвонить бабушке, Светка забыла, что она третья лишняя.

Мы слопали по варёной кукурузе и сахарной вате, прокатились на американских горках, погоняли на машинках, и всё-таки отправили Светку домой, а сами ещё пару часов бродили по району, вспоминая детство.

Перед тем, как проститься, Кирилл подвёл меня к цветочной палатке и купил бешено дорогую розу, а когда я, наконец, вернулась домой, мне здорово влетело от бабушки.

Она к моему приходу выпила уже две таблетки от давления и выплакала все глаза, высматривая меня в окно.

Я знала, что мне попадёт, но желание гулять с Кириллом, держать его за руку, слушать, как он готовится к поступлению в университет и проходит очередной уровень какой-то неведомой компьютерной игры, пересилило страх ослушаться бабушку.

Она встретила меня, держась за сердце:

— Даша, где ты бродишь? Уроки закончились пять часов назад! Я уже в лицей ходила...

— Ба, я просто гуляла, — выпалила я.

Увидев в моей руке розу, бабуля умолкла на полуслове.

— Тааак! А это ещё что у тебя? — её лицо вытянулось и побледнело. — Ты что, уже дружишь с мальчиками?

Я на радостях чуть было не рассказала про нашу встречу с Кириллом, но у бабушки был такой строгий вид, что я решила повременить с этой новостью. И чтобы как-то выкрутиться, я протянула ей цветок и выпалила первое, что пришло в голову:

— Нет, ба! Эту розочку я купила на рынке специально для тебя! Потому что ты самая добрая, самая заботливая и самая внимательная бабушка на свете!

— Делать тебе нечего! — проворчала бабушка. — Давай сюда... Пойду, в воду поставлю.

Она взяла розу и ушла с ней на кухню.

А я с облегчением выдохнула, радуясь, что мне удалось обхитрить бабушку.

Мы с Кириллом стали видеться каждый день.

Он убегал с последнего урока, прыгал в автобус, и добравшись до Центральной, ходил кругами под окнами лицея, дожидаясь окончания моих занятий.

Я тем временем сидела в аудитории, ёрзала на месте и считала минуты до звонка.

Светка смотрела на меня искоса. Подпирая подбородок, театрально закатывала ярко накрашенные глаза, качала рыжими кудряшками, но не вмешивалась. Усмехалась лишь, когда едва услышав звонок, я вскакивала со своего места, скидывала тетради в рюкзак, посылала ей воздушный поцелуй и бежала в гардероб за вещами.

Оттуда я мчалась напрямик к выходу и с парадного крыльца буквально падала в объятия Кирилла.

Мы бродили по парку и болтали.

Мы вспоминали наше детство на Садовой, общих друзей и соседей.

Мы не отвечали на телефонные звонки.

Мы не успевали делать уроки.

Но всё это было не важно!

Потому что теперь мы опять были друг у друга.

Как и десять лет назад я держала Кирилла за руку, а он держал за руку меня. И мы опять смотрели друг другу в глаза, уже повзрослевшие и серьёзные. Мы оба выросли, а вместе с нами выросла и обрела силу наша детская любовь.

Я не рассказывала бабушке о встречах с Кириллом, потому что он никогда ей не нравился. И в течение следующих двух недель, пока мы, влюблённые, до сумерек бродили по городу, я сочиняла, что гуляю со Светкой, что засиживаюсь в библиотеке, что спасаю бездомных голубей от голодной смерти, и всерьёз думала, что бабушка верит в эти сказки.

Но, оказывается, бабуля уже в первый вечер заподозрила неладное. Её смутила дорогущая роза в моих руках, широченная улыбка на моём лице и мои огнём горящие глаза. Такой счастливой бабушка уже очень давно меня не видела.

Потому уже на следующий день она проследила за мной...

К окончанию занятий бабушка подошла к лицу и, затерявшись в толпе, устояла на парадное крыльцо, у которого уже стоял Кирилл.

Не подозревая о том, что кто-то за нами наблюдает, я вприпрыжку сбежала по ступеням прямо в его объятия.

Кирилл снова подарил мне розу, я в знак благодарности чмокнула его в щёку, и, взявшись за руки, мы ушли прочь со школьного двора.

Конечно, бабушка узнала Кирилла, но в тот вечер она не сказала мне ни слова. Промолчала она и на следующий день. Ждала, что рано или поздно я сама ей всё расскажу.

Но две недели спустя, когда я в очередной раз пришла домой с улыбкой от уха до уха и цветком в кулачке, бабушка с порога принялась меня отчитывать.

— Ну, и сколько ещё это будет продолжаться, Даша? — спросила она, уперев руки в бока.

— Бабушка, я у Светки была...

— Не лги мне, Дарья! — бабушка вскинула указательный палец. — Я звонила Лапиной! Её мать сказала, что та уже третий день лежит с температурой! Скажи честно, ты держишь меня за идиотку?

— Если я скажу, что была в библиотеке, ты мне поверишь? — я опустила глаза.

— Дарья!...

Я вздохнула, но не успела ничего ответить. Бабушка всё сказала сама:

— Я знаю, что ты уже вторую неделю болтаешься с Пановым. Я видела вас у лица. Ты позволяешь ему лапать себя на глазах других ребят! Да что там ребят! Вас видят учителя! Мои бывшие коллеги!

— Не начинай, бабушка! — взмолилась я. — Ты уже восемнадцать лет не работаешь в школе! Все твои коллеги давно на пенсии! И кроме того, я не сделала ничего плохого! Я всего раз поцеловала его... в щёку! Что здесь такого?

— Дарья! Не доводи меня до давления! — бабушка опять трясла указательным пальцем. — Ты прекрасно знаешь, к чему приводят эти поцелуйчики! Тебе нужно думать о выпускных экзаменах, о поступлении в колледж...

Бабушка ещё долго ворчала в тот вечер, а я слушала её вполуха, а сама вспоминала нашу прогулку с Кириллом. Но её последняя фраза заставила меня вздрогнуть.

— Значит так, Дарья! Ты больше не должна видаться с этим мальчиком! Ты поняла меня? — её голос прокатился по тесной прихожей, ударяясь о стены.

Я открыла рот, чтобы возразить, но бабушка тут же перебила меня:

— Это не обсуждается! Иди к себе! — она вытянутым пальцем указала мне на обшарпанную дверь моей комнаты.

Я нахмурилась, замолчала, но послушалась.

Конечно, я и не думала выполнять бабушкино требование. Скрывшись за дверью, покривлялась перед зеркалом, передразнивая бабулю, а на следующий день опять встретилась с Кириллом.

Мама Оля очень быстро поняла, что я пропустила её слова мимо ушей, и однажды снова пришла к парадному крыльцу.

Едва я сошла со ступенек, возле нас с Кириллом выросла её сторбленная прожитыми

годами фигура.

— Так вот, откуда берутся эти розы! — съязвила бабуля, покосившись на Кирилла.

Тот не растерялся. Он узнал в этой строгой пожилой женщине мою бабушку и громко с ней поздоровался.

— Ольга Николаевна! Добрый день! Вы чудесно выглядите! — Кирилл чуть склонил голову в знак почтения.

Мама Оля только фыркнула в ответ и одарила его злобным взглядом. Затем всё её внимание принадлежало мне.

— Давай, дорогуша, верни мальчику розу и живо шагай домой! Мала ещё от женихов цветы принимать! — она опять взмахнула указательным пальцем перед моим лицом.

У меня к глазам подступили слёзы.

— Бабушка! Так нельзя! Кирилл ехал ко мне с другого конца города. Он ждал меня. Ты не можешь! — дрожащим голосом выпалила я.

Но маму Олю мои слёзы не тронули.

— Я не буду повторять дважды! — она выхватила у меня розу, сунула её Кириллу в руки, и вцепившись в мой рукав, как маленькую потащила прочь.

Удаляясь, я обернулась. Кирилл стоял, сжимая в руках несчастный цветок и растерянно смотрел мне вслед.

Всю обратную дорогу бабушка молча тянула меня за собой как какую-то сопливую девчонку. Едва мы дошли до квартиры, она рваными движениями повернула ключ в замочной скважине и буквально втолкнула меня в прихожую, крикнув в спину:

— Я, кажется, предупреждала тебя, чтобы ты не общалась с этим мальчишкой. Разве нет, Даша?

— Я люблю его! Как ты не понимаешь? — резко ответила я, обернувшись.

— Не понимаю! — крикнула бабушка в ответ. — Подумаешь, на соседних горшках в детском саду сидели! Что ж теперь, жениться что ли? Панов тебе не пара! Куда лучше Толик! Какой парнишка хороший! И учится без троек, и сумки донести всегда поможет, и все розетки нам починил! И нравишься ты ему, Даша!

Я не могла слушать, как бабушка восхваляет Карасёва.

Знала бы она, каким жестоким он может быть. Знала бы она, сколько раз, сжав моё горло своими длинными пальцем, Карасёв прижимал меня затылком к холодной стене школьного туалета и, обдавая перегаром, со злобой цедил мне в ухо:

— Я опять видел тебя с ним! Почему он, Соколова? Почему ты выбрала его?

Скованная страхом я молчала в ответ и думала лишь о том, как бы не разреветься.

Его "свита" в лице Шишова и Ерёмкина тем временем стояла за дверью и желающих справиться нужду отправляла в туалет этажом ниже.

И вовсе не Кирилл первым тронул мои губы поцелуем, а именно Карасёв.

Вот так однажды, закрывшись со мной в мужском туалете, он прижал меня к стене и сначала жарко прошептал в ухо: "Гуляй, гуляй, Соколова! Но ты всё равно будешь только моей!..", а потом легко коснулся моих губ своими.

Почему я не оттолкнула его? Почему не рассказала учителю, бабушке, Кириллу, в конце концов! Побоялась, что мне не поверят? Осудят? Или, как другие, пожалела его?

Карасёв прогуливал занятия, постоянно обижал одноклассниц, дрался с одноклассниками, частенько приходил на занятия выпившим, а то и вовсе пьяным. Учителя закрывали на это глаза. Откровенно пьяного Толика аккуратно выводили с урока и

отправляли домой, а слегка выпившего оставляли на занятиях. А потом в учительской обсуждали за чашкой чая, как им жаль Карасёва из 11 "В".

Больше всех сокрушалась Екатерина Андреевна, наша химичка.

— Мать на инвалидности, отца нет, а мальчик-то способный! Да, прогуливает, но учится ведь без троек. И на практике ему равных нет! — вздыхала она. — И клумбы вскопает, и листву уберёт, и строительный мусор всегда вынести поможет, и розетки поменяет, если Сан Саныч вдруг в запой уйдёт! Ну да, темпераментный. Ну да, с характером. А каким тут ещё будешь в такой-то семье... Мать больная, отца не видел никогда...

Вот и бабушка моя первым делом про эти розетки вспомнила. Будь они не ладны! А про звонок расплавленный она забыла.

Потому теперь я в слезах кричала ей:

— Прекрати расхваливать этого морального урода! Не нужен мне Карасёв! Я Кирилла люблю!

Едва не сбив бабушку с ног, я бросилась в свою комнату. А та потом весь вечер гремела посудой и ворчала одно и то же: "Этого ещё не хватало! Этого ещё не хватало!"

А я плакала в подушку и пыталась дозвониться до Кирилла.

Но тот пропал...

"Аппарат абонента выключен..." Который день подряд меня преследовала эта фраза.

Кириллу тогда едва исполнилось восемнадцать. Я подумала, что он растерялся, испугался моей бабушки и потому теперь не отвечал на мои звонки.

— Пройдёт день, два... И он обязательно вернётся! — уговаривала себя, выискивая в толпе у школьного крыльца его стройный силуэт.

Но время шло, а Кирилла всё не было. И к исходу второй недели я смирилась с мыслью, что после бабушкиной выходки он больше не придёт.

Теперь я злилась на Кирилла! Недоумевала, как могло одно нелепое недоразумение так изменить его отношение ко мне?

— Это неправильно! Так не должно быть! — жаловалась я Светке.

Та на мои причитания только губы поджимала да вздыхала сочувственно. Хотя с самого начала подруга знала истинную причину исчезновения Кирилла. Она видела, что случилось потом, после того, как мы с бабушкой ушли со школьного двора... Всё видела, всё знала, только мне рассказать боялась.

А с бабулей я теперь не разговаривала. Приходила из лица, закрывалась в своей комнате и утыкалась в учебники.

А той того и надо было. Вот она внучка, всегда перед глазами. Нигде после уроков не болтается, учёбой занимается.

Только мама Оля не ожидала, что моя игра в молчанку так затянется.

Ей очень быстро стало не хватать наших душевных разговоров за чашкой чая. Мои рассказы о школьных буднях превратились в односложные ответы "да", "нет", "нормально" и "угу". Бабушке в свою очередь стало некому пожаловаться на дворника-пьяницу или кассиршу-грубиянку. А когда я перестала есть её фирменные блинчики, фаршированные курицей и грибами, бабуля сдалась и выбросила белый флаг.

Однажды вечером она вошла в мою комнату и, вскинув руки, театрально воскликнула:

— Ну, что ты хочешь, чтобы я сделала, Даша? Не мучай меня!

Я в ответ только дёрнула плечиком и демонстративно перевернула страницу учебника. Мол, нечего отвлекать меня от доказательства теоремы.

А бабушка не сдавалась:

— Дашутка! Ну, ты же сама видишь, что пропал твой Кирилл! Пока я не вмешивалась вроде рядом был, ходил, встречал. А стоило мне показаться, сгинул и поминай, как звали...

Она присела на краешек дивана и погладила меня по спине. Но я продолжала неподвижно лежать, уткнувшись в книгу.

— Ну, хочешь, я матери его позвоню! — окончательно сдалась бабушка. — Тётю Наташу помнишь? Соседку нашу на Садовой? Худенькая такая, чёрненькая...

Конечно, я помнила, но промолчала. Но бабушке и не нужен был мой ответ. Она бубнила сама с собой.

— А что? Поговорю с ней! Хоть знать будем, что с твоим ухажёром стряслось? Да, я сейчас ей позвоню... Где-то её номер у меня был...

Она потихоньку поднялась с дивана и вышла из комнаты.

Я обернулась, посмотрела на закрывшуюся дверь. Прислушалась.

Бабушка шуршала страничками записной книжечки. Из коридора доносилось её

бормотание:

— Поликлиника... Пенсионный фонд... ЖЭУ... Ага, вот... Наталья...

Бабушка, тяжело переступая, ушла к себе в комнату, а вскоре раздалось жужжание телефонного диска.

Я с корней волос до пальцев на ногах обратилась в слух, но бабушка будто нарочно понизила голос, чтобы я не услышала, о чём она будет говорить с тётей Наташей.

До меня долетали только обрывки фраз:

— Ну, здравствуй, Наталья!... Сколько лет, сколько зим... Да, знаю, знаю. Потому и звоню... Вот, что... Пусть только попробует Дашутку обидеть... Не перебивай меня, а слушай! А если ты хоть слово ей ляпнешь... Не перебивай, говорю тебе!... Я, сама знаешь, на что способна!... Ну, ты поняла меня! Давай... Слежу за вами обоими...

Я, чуть приоткрыв свою дверь, жадно хватала ушами каждое слово, и всё равно смысл сказанного так и остался для меня загадкой.

О чём бабушка предостерегала тётю Наташу? Чего не велела ей говорить?

Ко мне закрались подозрения, что мать Кирилл против наших отношений, и бабушка не хочет, чтобы она вмешивалась. Но это не могло быть правдой. Тётя Наташа всегда была на нашей стороне.

А мама Оля тем временем закончила разговор, с характерным щелчком положила трубку и крикнула мне из комнаты:

— Приедет твой Кирилл, Даша! Завтра! Наталья говорит, телефон потерял... Она и подробности шибко не вдавалась! Так что, зря ты, внученька, сердисься на меня!

А я уже и не сердилась! Ворвалась к бабушке в комнату и с восторженным визгом стиснула её в своих объятиях.

— Спасибо! Спасибо, бабуль! Ты у меня золото! — я принялась целовать её в обе щёки.

— Ой, ой, задушишь! — заохала бабушка. — Ой, пожалею я, что позволила тебе это безобразие! Ой, не доведёт этот гад тебя до добра! Чую, обе плакать будем!...

Знала бы я тогда, как скоро сбудутся эти брошенные невзначай слова.

Мы в тот вечер сидели с бабушкой на кухне, пили чай, закусывали блинчиками и не подозревали, что обратный отсчёт уже начался...

До роковой ночи, которая разделит мою жизнь на "до" и "после", оставалось 342 дня...

Мы не виделись восемнадцать дней. И вот, наконец, он приехал.

— Где ты... — выдохнула я, едва Кирилл преступил мой порог, но договорить не успела.

— Тс... — он приложил указательный палец к губам. — Собирайся... Украду тебя...

Я кивнула и опять расплылась в этой глупой улыбке.

Помню, мы поехали на Садовую. Запрыгнули в трамвай, заняли свободное место в конце салона, и, соприкоснувшись головами, слушали *Carla's Dreams* через одни наушники.

Помню, огибая лужи на асфальте, болтались по вечерней, пропитанной озоном улице. Я балансировала на поребрике, Кирилл крепко держал меня за руку, над нашими головами шумели клёны, и я думала, что рядом с ним ничего не боюсь.

Помню, как в тот вечер он поцеловал меня в первый раз. Во дворе прямо под окнами.

На город уже опустились сумерки, в окружающих нас домах один за одним загорались огни.

Мы опустились на скамейку возле песочницы, где ещё детьми лепили куличики и строили траншеи.

Теперь я, длинноногая, без пяти минут совершеннолетняя девчонка, сидела у Кирилла на коленях, обнимала его за шею, чувствовала тепло его ладоней на своих бёдрах и талии и не могла надышаться ароматом его парфюма.

Я трогала взглядом его красивое лицо. Русые волосы и брови на оттенок темнее, густые ресницы и большие глаза, кажущиеся в этот час не голубыми, а тёмно-серыми, пухлые губы и нос чуть с горбинкой...

"Был ли у него этот шрам на переносице? Не знаю... Наверное, был..." — помню, думала я.

И пока размышляла, Кирилл нашёл губами мои губы. От неожиданности из моей груди вырвался короткий вздох, я подалась ему навстречу, и меня захлестнуло волной нового чувства.

Что это было?

Смущение?

Нет.

Возбуждение?

Возможно.

Наслаждение?

Безусловно.

Волнение?

Да.

И страх...

Помню, я испугалась.

Испугалась, что этот момент, в котором мы чувствовали тепло наших губ и ладоней, больше не повторится.

Позже, уткнувшись носом в его плечо, я прошептала:

— Мне так страшно, Кирилл... Ведь мы могли больше никогда не встретиться! Понимаешь?

— Перестань, Дашунь! Не думай об этом! Ведь сейчас мы вместе, и уже ничто нас не разлучит!

— А завтра ты меня украдёшь? — я заглянула ему в глаза.

— И завтра, и послезавтра... Теперь я буду красть тебя каждый день!

И мы снова слились в поцелуе. А мой так и не заданный вопрос "Где он был всё это время?" бесследно растворился в прохладном вечернем воздухе.

Потом мы ещё много раз, вот так обнявшись, сидели под пурпурным небом и любовались закатом.

И много раз целовались. По-разному. Нежно и страстно, глубоко и неистово, трепетно и сладко.

И, конечно, в один прекрасный день я оказалась в его постели...

Кирилл привёл меня к себе.

В первый раз я вошла в его комнату, когда мы были ещё детьми. Убежала из садика вместе с ним и его мамой. Наплела воспитателю, что бабушка так велела. Одна поверила и отпустила, другая поверила и забрала.

Тётя Наташа в тот день испекла нам печенье, сварила яблочный компот, и до позднего вечера мы с Кириллом смотрели мультики и играли с его игрушками.

До сих пор помню тот чудесный день! Я так радовалась, что мне удалось обхитрить взрослых.

Но с наступлением темноты в квартире Пановых раздался звонок. В пороге выросла моя бабушка, вся заплаканная, наполовину красная от давления и наполовину бледная от страха.

Помню, она оттолкнула в сторону ничего не понимающую тётю Наташу, схватила меня за руку и поволокла к выходу. А той бросила на прощанье несколько "иностранных" слов и пригрозила "упечь за решётку".

Что было, когда мы вернулись домой, я даже вспоминать не хочу...

Думаю, с того дня бабушка и невзлюбила Кирилла.

Теперь, спустя годы, я снова с интересом разглядывала его комнату. Прежде её украшали обои с персонажами из мультфильма "По дороге с облаками", книжные полки ломились от красочных журналов и книг про пиратов и путешественников, в углу стоял аквариум с золотой рыбкой, а у окна — кровать-чердак из "Улыбки" на Магистральной.

Теперь обстановка была другой. Мультяшный рисунок на обоях стал готическим. Кровать-чердак уступила место аккуратному мягкому диванчику без подлокотников, детские журналы сменились журналами "Авто и мото", а книги про путешественников сдвинули учебники по "программированию".

Аквариум остался, только "подрос" немного. Вместо золотой рыбки теперь в нём жили барбусы и гупёшки.

На стене появилась плазменная панель, а под ней на стойке — стереосистема с колонками в половину человеческого роста.

— Как тебе моё убежище, — спросил Кирилл, роняя у дивана наши рюкзаки.

Я ещё раз обвела комнату взглядом.

— Всё другим стало... Только занавески из детства, да письменный стол остался. Помню его... — провела пальцем по краю закрытой оргстеклом столешницы.

Сама не заметила, как стала рассматривать зажатые под ним вырезки из журналов, расписания вступительных экзаменов и баскетбольной секции, билеты в кино. Старые. Без меня ходил...

— Ты помнишь, как мы детьми играли за этим столом?

Кирилл неслышно подошёл сзади.

— Конечно, помню...

Одной рукой он аккуратно обнял меня за талию, а другой осторожно убрал волосы с моего плеча и тронул губами созвездие из родинок.

По телу пробежали мурашки. Я обернулась, и его поцелуй поймал мои губы.

Развернув к себе, он целовал меня страстно, требовательно. Его руки скользнули под мою блузку, ловкие пальцы легко справились с застёжкой на бюстгальтере, и моя грудь

оказалась во власти его горячих ладоней.

Через мгновение блузка упала на пол, бюстгалтер упал на неё, их накрыла его футболка.

Кирилл подхватил меня за бёдра и усадил на стол.

Его губы припали к моим набухшим соскам. Он поочерёдно играл с ними. Один щекотал языком, слегка прикусывая, другой прокручивал между пальцами, то сдавливая, то отпуская.

Моё тело трепетало в его руках, отзываясь на ласку тысячей мурашек. Возбуждение горячими волнами растекалось по венам.

Руки порхали по его телу. Я то утопала пальцами в его волосах, то скользила ладонями по сильным плечам. Вскинув голову, сладко постанывала, иногда вскрикивая от сладкой боли, если его губы и пальцы чуть сильнее сжимали мою грудь.

— Я хочу тебя, — хрипло прошептал Кирилл мне в ухо и, не дожидаясь ответа, подхватил на руки и уронил на диван.

— Кирилл... — выдохнула я, но его губы не дали мне договорить, а руки легко справились с пуговицей на джинсах и расстегнули молнию.

— Нам нельзя... — произнесла я, но позволила ему раздеть себя.

— Мы уже взрослые... Нам можно... — он обжигал мою шею поцелуями, а пальцы скользнули под кружевной край моих трусиков. — Ты тоже хочешь... Я чувствую...

— Кирюша, я боюсь... — сжала колени

— Я буду очень осторожен... Обещаю...

Он начал стягивать с меня бельё, но я ухватила его за запястье.

— Нет! Не надо! — мой крик прокатился по комнате. — Я не хочу! — добавила тише.

Он замер, взглянув на меня:

— Что такое, Дашунь? Тебе не нужно бояться...

— Прости... Я не готова...

Кирилл не стал настаивать. Осторожно высвободил руку из-под моей руки.

— Хорошо... Как скажешь... — глаза, секунду назад горящие от страсти, потухли.

Он поднялся с дивана, подхватил с пола свою футболку и вышел из комнаты.

— Кирилл... — крикнула вслед.

— Всё нормально... — раздалось уже за дверью.

Позже я пойму, какую совершила ошибку, отказав ему в близости.

Кирилл ещё много раз распахнёт передо мной свои двери.

Мы будем смотреть телевизор, слушать музыку, баловаться сигаретами на балконе, наблюдая за снующими туда сюда прохожими и много целоваться.

Мы будем болтать обо всём, нарочно не затрагивая тему секса.

И ни словом, ни взглядом Кирилл не выдаст затаившейся в нём обиды

Я буду беспечно целовать его, не подозревая, какую страшную месть он задумал.

Мы будем гулять по улицам, усыпанным жёлтыми листьями, заснеженным и звенящим капелью.

Мы будем планировать свадьбу и бродить по ювелирным магазинам.

Будем ходить в пиццерии и кофейни.

И в один прекрасный день я пойму, что готова, наконец, расстаться со своей невинностью.

Я шепну Кириллу об этом. Он ответит, что очень ждал этого момента.

И вскоре пригласит меня на свидание.

Но в ту ночь раздетая и обездвиженная тяжёлым телом я опять закричу: "Нет! Не надо! Я не хочу!" только рядом будет уже не Кирилл, и мои крики и слёзы не остановят этого человека...

***

Я качаюсь на волнах воспоминаний и постепенно проваливаюсь в сон, откуда меня вскоре выдёргивает Светкин громкий шёпот:

— Эй, я говорила тебе, не звонить мне по скайпу! Я уже сплю... А точнее, мы уже спим! Я с Дашкой...

Услышав своё имя, я окончательно просыпаюсь и прислушиваюсь.

Из динамика Светкиного телефона доносится немного искажённый мужской голос:

— Она спит?

— Да...

— Я классно придумал?

— Конечно...

— Как думаешь, она догадывается?

— Конечно, нет...

— Какая же она наивная... — глухой смешок.

— Ой, ладно, всё... Пока. Я спать! Жду тебя завтра в семь. Я как раз буду одна! — заигрывает Светка.

— До завтра, крошка! Целую тебя!

— А я тебя! — подруга издаёт чмокающий звук.

Затем Светка отключает телефон и, укладываясь, опять скрипит диваном-лягушкой.

А я лежу, боясь пошевелиться и выдать себя. Внутри всё холодеет, потому что я знаю, с кем она только что говорила...

Глава 20

Светка быстро засыпает, а я наоборот теперь не могу сомкнуть глаз. Перевариваю услышанный разговор.

Лапина, Лапина... Тебе что, других мужиков мало? Почему ты выбрала его? Интересно, как давно у вас это началось?

Светка тем временем бормочет во сне:

— Отстань, она же услышит...

Я морщусь...

"Она же услышит..."

Противно до горечи во рту. Как ты могла, Лапина?

Мне хочется сейчас же уйти. Собраться, взять свои вещи и уйти.

Но транспорт ещё не ходит, на такси у меня денег нет, а идти пешком по морозу — так себе вариант...

"Ничего, дождусь утра и первым же троллейбусом уеду домой..."

Часы на музыкальном центре показывают три единицы. Чем занять себя в ближайшие четыре часа? Заснуть уже вряд ли удастся — уровень адреналина в крови зашкаливает. И всё же стоит попытаться.

Светка сопит в подушку, а я отворачиваюсь к стенке и закрываю глаза. Воображение тут же рисует картину — моя лучшая подруга стонет и извивается вегоруках... Нет, это невыносимо!

Откидываю одеяло и сажусь на постели.

"Чего ты так распереживалась, Даша! Тебя с этим человеком ничего не связывает! Даже если он спит со Светкой, обманывая при этом свою женщину! Тебя это не касается!"

Мысленно уговариваю себя и в какой-то момент даже с собой соглашаюсь.

Да, мне нужно просто переключиться, подумать о чём-то другом, вдохнуть морозного воздуха, наконец...

Уже через минуту я потихоньку раздвигаю занавески и, уперевшись руками о подоконник, припадаю к холодному стеклу.

Снаружи ничего нового — мусорные баки, иномарки, заснеженная улица, грязное пятно света на дорожке от уличного фонаря, безликие прямоугольники окон старого дома.

Опять перебираю глазами этажи. Там когда-то была моя комната, рядом с ней кухня. Дальше кухня Кирилла, спальня тёти Наташи и... его комната.

Я обещала себе не смотреть в его окна! Но не могу... Особенно сейчас, когда я узнала то, чего мне не следовало знать.

Так и вижу, как он обнимает её во сне, шепчет на ухо ласковые слова, уговаривает на секс.

Я могла бы сейчас быть на её месте. Будь я тогда более сговорчивой, в моей жизни не случилось бы и половины того дерьма, что мне пришлось пережить.

Светка опять что-то бормочет во сне.

Я собираюсь вернуться в постель, когда у Пановых на кухне загорается свет.

Отсюда я вижу только навесные ящики гарнитура, дорогую люстру и стол у окна. За полгода ничего не изменилось. Не удивлюсь, если старая "Бирюса", которая всегда была бельмом в глазу в дорогой обстановке, до сих пор стоит справа в углу.

Между тем в кухне появляется женская фигура в цветном халате. У тётки Наташи был такой. С долю секунды сомневаюсь, она ли это. Возможно, это новая Даша Кирилла. Ведь беременным свойственно не спать по ночам.

Но женщина подходит к столу, и я отчётливо вижу её короткую стрижку. Чёрные волосы, окрашенные в "драгоценный чёрный агат" от "гарньер". Мама Кирилла всегда красилась только в этот оттенок. Ничего не изменилось.

А тётя Наташа тем временем проходит мимо стола, на несколько секунд скрывается из моего поля зрения и появляется вновь с бутылкой в руках и уже наполненным бокалом. Видимо, я была права — старая "Бирюса" так и стоит на своём месте.

Женщина усаживается за стол и залпом выпивает жидкость в бокале.

Стоп!

Она пьёт вино? Серьёзно?

Я прищуриваюсь... Да, это винная бутылка. Я видела такие по акции в "Козиночке". Название, конечно, не смогу сейчас прочесть, но бутылку такой формы нельзя не узнать.

Пока я размышляю о вине, тётя Наташа достаёт сигареты и закуривает. Сделав первую глубокую затяжку, она выпускает дым и свободной рукой закрывает лицо. Её плечи вздрагивают, и я понимаю, что она... плачет.

Мать Кирилла курит, плачет и прикладывается к бокалу.

Да, тётя Наташа, которую я помню, курила. То были исключительно тонкие сигареты с ментолом. Она всегда красиво зажимала их между пальцами и изящно стряхивала пепел.

Тётя Наташа, которую я помню, иногда плакала.

Однажды она позволила себе всплакнуть, рассказывая мне за чашкой чая, как тяжело маленький Кирюша пережил наш с бабушкой переезд.

— Ольга Николаевна ведь ни телефона ни адреса мне не оставила, — вспоминала она, помешивая ложечкой любимый каркаде. — А мы с Кирюшей потом каждые выходные ездили в Центральный парк, надеясь однажды там встретиться с вами. А сколько раз потом Кирилл один в Центр ездил... Не сосчитать! Денег у меня выпросит, сбегает на рынок, купит розу садовую и бегом на автобус до парка. Бродил там по аллеям, тебя глазами искал. Проболтается до вечера и возвращается домой. Сам уставший, глаза грустные и эта роза, так и не подаренная, в руке. А потом вы встретились в парке...

Её голос дрогнул, и она расплакалась. То были слёзы радости за нас.

Да, тётя Наташа курила, плакала, но...алкоголя в их доме не было никогда. Кирилл не раз заострял на этом внимание.

— Батя у меня запойный был, — говорил он. — Мать боится, что по его стопам пойду. Только с банкой пива увидит, сразу скандалить начинает. Сама за всю жизнь ни капли в рот не взяла, и мне теперь не даёт.

Та тётя Наташа, которую я вижу сейчас, сидит у окна с бокалом в руке, плачет, "закусывает" вино сигаретой и, судя по всему, делает это не впервые.

Я не свожу с неё глаз. Она тушит сигарету, закуривает новую, наполняет высокий бокал напитком цвета крови и залпом осушает его.

С ней что-то не так...

А между тем Наталья поднимается из-за стола, подтянувшись к окну, открывает пластиковую створку, выплескивает остатки вина на снег, и, окинув улицу беглым взглядом, вдруг замирает на месте.

Её взгляд упирается в моё окно.

Она видит меня?

Конечно, нет.

Возможно, она чувствует, что кто-то наблюдает за ней.

Я боюсь быть замеченной. Потому отхожу от окна, возвращаюсь в постель и под Светкино сопение вскоре проваливаюсь в сон.

***

— Доброе утро, Дашка! — восклицает подруга, когда я, заспанная и растрёпанная, появляюсь на кухне. — Остатки вчерашнего курника уже в микроволновке. Так что у тебя есть 3 минуты, чтобы привести себя в порядок и позавтракать со мной!

Часы на кухонной плите показывают полдень. Уехала, называется, первым троллейбусом...

Светка тем временем гремит керамическими чашками и заливает кипятком чайные пакетики. Её забота, конечно, умиляет, но я всё ещё помню, как вчера, спрятавшись под одеялом, она мурлыкала по телефону с чужим мужчиной и зазывала его к себе.

Я молча ухожу в ванную, исполняю все необходимые утренние процедуры, приглаживаю волосы, наношу лёгкий макияж и вскоре возвращаюсь на кухню.

Лапина прихлёбывает чай и, уткнувшись в экран мобильного, уже с кем-то переписывается и хихикает.

Чувствую нарастающее раздражение. Нес нимли она опять кокетничает?

Я настроена вызвать её на разговор. Тем более момент очень подходящий. Мы в квартире одни.

Тамара Борисовна рано утром убежала на дежурство в женскую консультацию, где уже 15 лет трудится акушеркой. А Женька, по Светкиным рассказам, ещё два дня будет в командировке. Поправочка... Должен быть в командировке.

Я усаживаюсь за стол, поддвигаю к себе тарелку с кусочком вчерашнего пирога и обращаюсь к Светке:

— Что, опять чирикаешь со своей СуперКошкой1234?

Нарочно выделяю последнее слово.

— Прям! Это Костик! — отмахивается Светка. — Говорит, в город приехал. Решает вопрос с жильём. Пока остановился в Привокзальной.

Костик? Впервые слышу это имя...

— Какой ещё Костик? Может быть, Пашка? — выгнув бровь, спрашиваю я.

— Нет, — смеётся Светка. — Пашка, это Пашка... С ним мы просто друзья. А Костик... — она вздыхает и, прижав телефон к груди, откидывается на мягкую спинку кухонного диванчика. — Это Костик...

Светка мечтательно закрывает глаза, а мне становится противно. Хочется тут же уличить её во лжи.

Пашка? Костик? Вася Пупкин? Сколько их у неё?

Лучше бы сразу призналась, что пока Тамара Борисовна сутками пропадает на работе, её любимая и единственная дочурка крутит шашни с собственным отчимом. Вот же кобель...

Я чуть не произношу это вслух, но вовремя одумываюсь. Если я выпалю Светке, что знаю про её роман с Женькой, она выкрутится, скажет, что я всё не так поняла, меня же ещё обвинит в подслушивании чужих разговоров, но так и не признается.

"Нет... Нужно быть хитрее, — думаю про себя. — Этот загадочный кавалер придёт к ней сегодня вечером. Отлично... Я очень трепетно отношусь к Тамаре Борисовне и потому просто обязана вывести подругу на чистую воду! Вечером я поймаю её с поличным!"

— Дашка, ты чего молчаливая такая? — набитым ртом с трудом произносит Светка. — Выспалась хоть?

— Да, нормально! Спасибо за завтрак! Поеду домой! Засиделась... — поднимаюсь из-за стола.

С пирогом я расправилась. Задерживаться дольше не вижу смысла.

Светка дёргается в мою сторону.

— Эй, ты куда? Посиди ещё маленько...

— Не могу... Задачки по математике ждут меня! — изображаю что-то наподобие улыбки.

Светка вздыхает, но особо не настаивает. Вытирает губы салфеткой, выбирается из-за стола и плетётся за мной в прихожую, бормоча себе под нос:

— Жаль... А то фильм бы включили...

— В другой раз...

Не хочу. Ничего не хочу. Домой хочу. Мне ещё к Карасёву заглянуть надо.

Я быстро накидываю на себя пуховик, обматываюсь шарфом, небрежно нахлобучиваю шапку на затылок, вставляю ноги в зимние спортивные ботинки и, закинув рюкзак за плечо, покидаю Светкино жилище.

— Увидимся! — кричит она мне вслед, когда нас уже разделяет один лестничный пролёт.

— Пока! — коротко бросаю в ответ, на мгновение обернувшись.

"Уже очень скоро увидимся! Буквально через несколько часов..."

***

Подъезд у Лапиной сырой и холодный. А про освещение жильцы и вовсе не слышали. Окна мелкие и грязные. И расположены где-то под потолком. Потому даже днём здесь темно и страшно.

Шучу. Просто темно. Чего мне здесь бояться?

Я миную почтовые ящики, когда подъездная дверь громко хлопает.

Останавливаюсь. Жду, пока вошедший человек появится на площадке. Но его нет слишком долго.

Затаился и ждёт?

Да, ну... Бред!

Кому надо среди бела дня прятаться в темноте под лестницей?

В полной уверенности, что кто-то просто передумал заходить внутрь, я спускаюсь на первый этаж и практически на ощупь продвигаюсь к уличной двери.

И в этот самый момент чья-то холодная рука больно хватает меня за запястье...

Я пытаюсь закричать, но схвативший зажимает мне рот свободной рукой и грубо шикает:

— Да не шуми ты!

В нос ударяет алкогольное амбре.

Голос женский и очень знакомый. И пока я соображаю, кому он принадлежит, женщина-загадка давит кнопку домофона и пинком открывает уличную дверь.

Оказавшись на морозном воздухе белого дня, мы обе шуримся от яркого света, но теперь я, наконец, вижу, кто так внезапно напал на меня из сырого тёмного угла.

Это Наталья, мать Кирилла.

Выходит, минувшей ночью она всё же заметила меня в окне, и теперь подкараулила в подъезде. Как вообще она попала внутрь?

Та будто читает мои мысли.

— Дашенька, я уж думала, проглядела тебя! — Наталья хватает меня за плечи. — С семи утра у подъезда дежурю! Слава богу, нашёлся добрый человек, впустил погреться...

— Здравствуйте, тётя Наташа! Что Вы тут делаете? — бормочу я, умирая от запаха перегара, которым эта женщина дышит мне в лицо.

— Ты нужна мне...

— А зачем?..

Наталья пьяна, и я не знаю, чего от неё ожидать.

— Сказать тебе хотела.... - её голос срывается, и она вдруг начинает плакать. — Прощения просить хотела... За себя, за сына...

Я не знаю, как реагировать. Она стоит передо мной бледная, растрёпанная, пьяная и, вцепившись в мои рукава, рыдает в голос.

— Тётя Наташа, успокойтесь! Что было, то прошло...

Никогда раньше я не видела её такой разбитой. Когда мы виделись в последний раз, а это было летом прошлого года, когда у нас с Кириллом ещё всё было хорошо, это была ухоженная красивая женщина с прямой спиной и уверенным взглядом. Она носила каблук и юбки, каждый месяц ходила в парикмахерскую и делала маникюр.

Сейчас же я вижу перед собой обычную бабу с какого-нибудь захолустного рынка с запитым лицом и мутными глазами.

— Дашенька, доченька... — Наталья продолжает плакать. Мы стоим под козырьком подъезда у хозяйственной двери. Во дворе нет ни души, и это представление, слава богу, никто не видит. — Молю тебя, не приезжай сюда больше! Не должен Кирюша тебя здесь увидеть! Знаю, ты с девочкой из этого дома дружишь, видела вас. Но не нужно тебе появляться здесь! Я каждый раз боюсь, что вы с Кириллом столкнётесь! Но ещё хуже будет, если он тебя здесь увидит! Понимаешь?

Не понимаю. Ничего не понимаю... Что за бред она говорит?

Почему это я должна прятаться от Кирилла и его новой подружки? Чего Наталья боится? Что её сын увидит меня и бросит беременный живот своей новой Даши? Какая чушь...

— Да не переживайте Вы так, тётя Наташа! Не стану я Вашему сыну жизнь ломать! Между нами давно всё кончено!

— Ничего ты не знаешь, девочка! — я боюсь, что даже через пуховик её пальцы оставят синяки на моих плечах. — Ты не понимаешь, насколько она опасна! Не понимаешь, на что она способна!..

О ком она говорит? О новой пассии Кирилла? Что опасного может быть в беременной девушке? Зачем вообще ей воевать со мной? Я не встаю между ними, не пытаюсь разрушить их отношения. Меня в его жизни давно нет.

Наталья явно не в себе...

Та, едва успокоившись, снова принимается плакать, чередуя всхлипы со словами извинения.

— Прости меня, Дашенька! Прости, деточка! — бормочет она, не отпуская мои плечи.

Я аккуратно выпутываюсь из её "объятий" и делаю шаг в сторону. Мне надо ехать домой, а я вот уже десять минут слушаю слёзный бред пьяной женщины. Пора сваливать...

— Тётя Наташа, у меня дела! Вы успокойтесь! Идите домой!

Стараюсь говорить как можно мягче, а сама делаю несколько шагов назад. Затем разворачиваюсь и быстрым шагом устремляюсь в сторону остановки, не оставляя Наталье возможности меня остановить.

Та что-то кричит мне в спину, но я её не слушаю.

Вскоре на старом троллейбусе уже мчусь на Центральную.

"Не приезжай сюда! Не приезжай сюда! — негодую про себя. — Ещё чего! Да я всего через несколько часов вернусь на Садовую, чтобы разоблачить Лапину!"

***

Двор на Центральной принадлежит голубям.

Парковка забита похожими друг на друга иномарками, потому что выходные и праздники местные автолюбители предпочитают проводить перед телевизором.

На детской площадке пустуют горки и качели. Хотя всего пару дней назад Степан Дмитриевич, наш дворник, выскреб на ней снег до асфальта. Командовала уборкой сама Галина Тимофеевна, старшая по нашему дому. Её, на удивление, тоже не видать.

Обычно Галина Тимофеевна днём и ночью неусыпно дежурит на лавочке у первого подъезда, охраняя территорию лучше любого участкового. Ни один наркоман и ни одна проститутка не проскочат мимо Галочки. А жильцам, вовремя не сдавшим деньги на ремонт крыши, и вовсе не поздоровится.

Но сегодня даже Галина Тимофеевна покинула свой пост.

Я в задумчивости бреду к подъезду. По привычке поднимаю глаза на окна. Раньше они приветствовали меня тёплым жёлтым светом. Бабушка колдовала на кухне, время от времени поглядывая на улицу сквозь тюлевые занавески. Будь она жива, я бы увидела её танцующий у плиты силуэт.

Но сейчас наши окна похожи на два пустых серых квадрата, очерченных пластиком. Признаки жизни подаёт только выбившаяся наружу занавеска в бабушкиной спальне. Она треплется на ветру, будто зовёт на помощь.

Разве вчера перед выходом я не закрывала окна?

Не помню... Возможно...

Я поднимаюсь на крыльцо и прикладываю к домофону красную лепёшку ключа. Тот отзывается протяжным пиликаньем. Хватаюсь за ручку, тяну на себя тяжёлую металлическую дверь и уже собираюсь провалиться в темноту сырого подъезда, когда за спиной раздаётся наглый свист, а следом громкое:

— Соколова! Сюда иди!

Услышав свою фамилию, вздрагиваю. Не ожидала такой скорой встречи...

Сделать вид, что не слышу, и незаметно исчезнуть не получится. Я отпускаю дверную ручку и оборачиваюсь...

Карасёв собственной персоной.

Мой бывший одноклассник, сосед и любимчик моей покойной бабушки в одном лице.

Высокий зеленоглазый брюнет спортивного телосложения с густыми бровями, непокорной чёлкой, лёгкой небритостью на скулах и едва различимым шрамом на левой щеке.

В прошлом победитель школьных олимпиад по физике и городских соревнований по баскетболу, первый в классе по сбору макулатуры и выносу строительного мусора, лучший в мире "чинитель" розеток и "прожигатель" дверных звонков, а так же самый быстрый доставщик пакетов с продуктами из супермаркета.

Теперь этот когда-то подающий надежду парнишка нигде не учится и не работает.

Сутками сидит у компьютера, курит сигареты без фильтра, пишет дурацкую музыку и рисует в какой-то программе картинки, на которые не взглянешь без слёз.

Называет себя "фрилансером", мол, работает на себя. На деле же просто лентяй и пивной алкоголик, тянущий деньги с матери-инвалида.

Толик избавил меня от необходимости подниматься на второй этаж третьего подъезда и звонить в его пропахшую дымом восемьдесят пятую квартиру. Сам явился.

Вышагивает своей фирменной наглой походкой, в ответ на мой суровый взгляд нахально улыбается.

Несмотря на январский мороз, его пуховик наполовину расстёгнут, шарф ослаблен, а спортивная шапочка поднята на затылок. О варежках я вообще молчу. Их просто нет.

Из правого кармана торчит банка с пивом. Тёмное нефilterованное. Другого Карасёв не употребляет.

— Что, нашлюхалась? Явилась, наконец! — слышу в свой адрес.

Конечно, он пьян.

У меня случается дежавю...

Полтора года назад. Поздний июньский вечер.

Мы с Кириллом встречаемся уже два месяца.

Я возвращаюсь домой с очередного свидания.

Мне остаётся всего несколько шагов до подъезда, когда Карасёв неожиданно вырастает на моём пути. Выныривает откуда-то из глубины скрытого темнотой двора. Свет уличного фонаря падет ему на лицо, искажая его правильные черты.

Толик пьян. Сжимая зубами сигарету, он щурится от едкого дыма и пронзает меня острым взглядом.

— Что, нашлюхалась? — цедит со злобой. — Весь вечер сосалась с ним, да? Вон, губы опухшие... Он тебя уже трахнул?

Мне больно и обидно слышать эти слова в свой адрес, но мне хватает ума не вступать с ним в словесную перепалку.

— Отстань! Это не твоё дело! — чуть слышно бросаю в ответ, огибаю его справа и торопливо скрываюсь в подъезде.

— Мало мы тогда с пацанами ему ебальник начистили! Больше надо было! Чтобы говорить, сука, не мог...

Эти слова Толик кричит мне уже в спину, и я пропускаю их мимо ушей.

О чём говорил Карасёв, я пойму уже после нашего расставания с Кириллом. Когда Светка, наконец, расскажет мне, что произошло в тот день, когда бабушка разоблачила нас и за руку увела меня со школьного двора.

— Сейчас вы всё равно уже не вместе. Поэтому я могу тебе рассказать, — робко начнёт Светка во время наших очередных ночных посиделок. — Помнишь, Кирилл пропал тогда на восемнадцать дней?

Я кивну в ответ:

— Ну, и...

— Я знаю, почему... — она будет заметно нервничать и теревить пальцами рыжую прядь. — Их было трое. Три здоровенных амбала против одного. Твоего Кирилла... Я видела, как он свернул за угол школы, а эти трое двинули за ним...

В глубине школьного двора, где не тает снег до самого лета, где в высоком бурьяне всякий раз гложет газонокосилка Сан Саныча, где уже тридцать лет дыра в заборе, словно магнит, притягивает к себе бомжей и собак, Карасёв и его свита, Шишов и Ерёмин, догнали моего Кирилла.

Один напал сзади, дёрнул за воротник и повалил на спину, другой выбил из руки розу, третий нанёс несколько ударов по лицу и в район солнечного сплетения.

Что было дальше, Светка не видела. Она бросилась за помощью, а когда вернулась с Иваном Степановичем, нашим физруком, всех четверых уже не было. Осталась только кровь на тропинке. Кровь моего Кирилла...

После случившегося он пропадёт на восемнадцать дней, а, вернувшись, не скажет ни слова о стычке с Карасёвым и его компанией. Я замечу шрам на его переносице, но не придам этому значения.

Сейчас Толик опять стоит в двух шагах от меня. Летний пейзаж за его спиной сменился на зимний, вместо лёгкой футболки теперь на нём тёплый пуховик и шапка. Неизменным остался его колючий, пробирающий до мурашек взгляд и зажатая в зубах сигарета.

— Тебя всю ночь не было дома! Где ты была, Соколова? Нашла себе кого? Или с мудаком этим снюхалась опять? — Карасёв никогда не выбирает выражений, это его фишка.

Если будучи зелёной выпускницей средней школы я испугалась, промолчала, предпочла уйти от конфликта, то сейчас я уже не боюсь дать Карасёву отпор.

— Не твоё дело, Карась! Кто ты такой, чтобы я перед тобой отчитывалась? Лучше верни мне телефон и прекрати тереться у моего порога! Меня достали твои тупые приколы! Тебе мало того, что ты уже натворил?

— Чего? — он хмурится и выплёвывает окурок. — Какой телефон?

— Который ты стащил у меня из кармана два дня назад! Или скажешь, что ты не был на вечеринке у Тимохина и не подходил к моей двери?

Я делаю шаг ему навстречу, оперевшись взглядом в расширенные зрачки зелёных глаз.

Его взгляд меняется, нахмуренные брови выпрямляются, глаза... добреют.

Он игнорирует мой вопрос.

— Повзрослела... — произносит Толик. — Осмелела... Ещё красивее стала...

У него изо рта вырываются клубы пара. Я чувствую запах перегара, табака и едва ощутимый аромат туалетной воды.

От сказанных слов мои щёки предательски вспыхивают, и я рада, что на морозе этого не видно.

— Ненавижу тебя, Соколова... — Толик произносит эти слова с такой интонацией,

будто хочет сказать совсем другое.

Он тянет руку к моему лицу. Я отстраняюсь, но он успевает дотронуться щеки. Это прикосновение обжигает.

— Не трогай меня! — произношу резко и отступаю на два шага.

Не отводя глаз он приближается, я делаю ещё пару шагов назад.

— Какая ты стала... Недотрога... — произносит Карасёв, пряча руки в карманы пуховика. — Значит, ему можно было лапать тебя... Везде... А мне, Карасёву, который в ту ночь впустил тебя в свой дом пьяную, грязную и с кровью на ляжках, тебя даже тронуть нельзя...

— Заткнись, дурак! — к горлу подкатывает комок. Слезы близко, потому что его слова бьют в самое больное место.

Толик будто читает мои мысли и с кривой ухмылкой продолжает:

— Помнится, когда еле живую я нёс тебя на руках к себе, ты была не против! Когда ванну тебе набирал, пока ты сидела в моей комнате и стонала от боли, ты была не против! Когда моя мать набросила на твои трясущиеся плечи свой халат, ты была не против! Когда я уступил тебе свой диван, а сам, как собака, улёгся на полу, ты, сука, была не против! Так что же случилось? Почему сейчас ты гонишь меня, как скотину? Что, до сих пор сохнешь по этому мудаку, который передал тебя своему озабоченному другу, словно эстафетную палочку? Или всерьёз думаешь, что это я твою бабушку угрохал? Да такая дичь даже мне бы в голову не пришла! Что ты вылупилась на меня глазами своими блядскими? Тебя сутки дома не было! Где ты шляется?

Я чувствую, что вот-вот разревусь. Слова Карасёва режут, словно ножи, впиваются в самое сердце, разрывают изнутри.

Я больше не хочу с ним говорить, не хочу его слушать и видеть его тоже не хочу.

Плевать на телефон! Пусть подавится этим куском пластика с кнопками!

Я хочу сейчас только одного — быстрее скрыться в сыром тёмном подъезде.

— Да пошёл ты! — с трудом выговариваю я, резко разворачиваюсь и почти бегом бросаюсь к спасительной металлической двери.

Последнее, что я слышу, прежде чем она хлопает за моей спиной, это дьявольский смех Караса и его брошенные вдогонку слова:

— Я всё помню, Соколова!

В два скачка оказываюсь у почтовых ящиков. Забиваюсь в угол, роняю на пол рюкзак, опускаюсь на корточки, и, закрыв лицо руками, наконец, даю волю слезам...

— Как мне забыть ту ночь? Как мне забыть ту ночь? — повторяю сквозь слёзы, обхватив голову руками.

— Дашенька, — кто-то касается моего плеча. — Что с тобой, детка? Тебе плохо?

Поднимаю глаза и вижу соседку Антонину Петровну Краснову, которая живёт на четвёртом этаже, сразу подо мной.

Ей немного за пятьдесят, у неё близко посаженные серые глаза, вздёрнутый нос, чётко очерченные губы и пышное каре цвета "пепельный блонд". Она носит неброский макияж, отдавая предпочтение естественной красоте. Но в покупке бижутерии себе не отказывает. Крупные камни, нанизанные на леску, и массивные серьги — слабость Антонины Петровны.

Даже сейчас, когда она стоит передо мной, одетая в домашний фланелевый халатик и резиновые сланцы на босу ногу, в её ушах мерно покачиваются большие посеребренные кольца.

Это она обнаружила мою бабушку, беспомощно лежащей на полу, и вызвала ей скорую.

— Ой, здравствуйте... — я быстро смахиваю слёзы и поднимаюсь.

— Зябко... Надо было шаль накинуть... — как бы невзначай говорит Антонина Петровна, поправляя ворот халата. Её плечи непроизвольно вздрагивают от холода. — А я спустилась к почтовым ящикам, проверить квитанцию, а тут ты... Ты что здесь делаешь, Дашенька? У тебя всё нормально?

Она смотрит на меня с тревогой и жалостью. Затем её взгляд перемещается на лежащий у моих ног рюкзак и брошенную сверху шапку, потом на мои пальцы, испачканные тушью...

Да, сейчас у меня тот ещё видок.

— Всё в порядке... Я просто... — у меня не получается сходу придумать причину, почему в ясный субботний день я сижу в полумраке прокуренного подъезда и размазываю тушь по щекам.

Но Антонине Петровне мои объяснения не нужны. Она и без того понимает, каково мне сейчас, после смерти бабушки.

— Не отвечай, не надо... — говорит она. — Бери свои вещи и пойдём ко мне. Чаем тебя напою. Ты, наверняка, голодная...

***

После пяти минут, проведённых у зеркала в маленькой ванной комнате, отделанной кафелем, я опять становлюсь похожа на человека и вскоре уже сижу за крошечным столом на пустой и оттого такой просторной кухне.

По площади она точно такая же, как моя, но в ней нет ничего, кроме этого обеденного стола, за которым могут уместиться только два человека, малюсенькой раковины в углу и такого же малюсенького холодильника. Такие обычно ставят в номера отелей.

Антонина Петровна — женщина одинокая. Никогда не была замужем, не имеет детей, не водит гостей.

Денно и ночью пропадает в Центральной средней школе, вкладывая благое в юные умы учеников начальных классов.

На постоянно преследующие её вопросы "Почему Вы отказались от создания семьи? Почему лишили себя радости материнства?" Антонина Петровна с улыбкой отвечает:

— Моя семья — это мои ученики! Вчерашние дошколята и будущие врачи, строители,

спортсмены, артисты и другие выдающиеся личности! Они и есть мои дети!

Питается Антонина Петровна в школьной столовой, дома практически не готовит. Потому из кухонной техники у неё только электрический чайник да однокомфорочная плитка, убранная на подоконник.

В комнате стоит односпальная кровать, в ванной — узкая стиральная машина "Малютка", в прихожей — один крючок для одного плаща, в пороге — коврик для одной пары обуви.

Вся обстановка квартиры буквально кричит о том, что второму человеку здесь не место. Общение с людьми Антонина Петровна сводит к минимуму, заменяя его чтением книг. Последние здесь повсюду. На кухонном подоконнике, на тумбочке в прихожей, даже на стиральной машине в ванной комнате.

В спальне на высоком стеллаже учебная литература чередуется с журналами по психологии и педагогике. Письменный стол завален научными работами разных академиков, конспектами лекций и учебными планами. На полу у кровати возвышаются стопки художественной прозы.

Антонина Петровна никого не впускает в свой крошечный домашний мирок. И только для меня делает исключение.

Она забрала меня к себе, когда умерла бабушка, и с тех пор всегда оказывается рядом в трудную минуту.

— А Вы помните, тем вечером мы так же сидели за этим столом? — произношу я, поднося дымящуюся чашку к губам.

Антонина Петровна сидит напротив меня. Перед нами на столе раскрытая пачка с печеньем, сахарница и блюдце с конфетами.

Женщина вздыхает в ответ:

— Помню, конечно... Не стоит ворошить, Дашенька. Тебе, я гляжу, сейчас и так не сладко.

Нет, я буду ворошить. Нельзя просто взять и выбросить из памяти тот злосчастный день минувшей осени...

Это случилось третьего сентября.

День начался как обычно.

С утра мы с бабушкой вместе позавтракали. После я закинула в рюкзак курсовую работу и пару тетрадей, нацепила кроссовки, подхватила ветровку и, чмокнув бабушку в морщинистую тёплую щёку, выпорхнула за дверь.

Убегая на остановку, взглянула напоследок в наши окна.

Бабушка была на кухне. Смотрела на улицу, раздвинув занавески. Она увидела меня и помахала рукой на прощание. Я махнула в ответ и свернула за угол соседнего дома.

В тот момент я видела маму Олю живой и здоровой в последний раз.

Вскоре я уже ехала на учёбу, радовалась сентябрьскому солнцу, повторяла в уме конспект по экономике и не подозревала, что всего через несколько часов в наш дом придёт беда...

Во время лекции в распахнутое окно просторной аудитории ворвался голубь. Хлопая крыльями, он принялся кружить над нашими головами.

Преподаватель, молодая выпускница педагогического вуза, вскрикнула от неожиданности, девчонки завизжали, мальчишки заулюлюкали и стали бросать в несчастную напуганную птицу стирательные резинки и шарики из бумаги.

Я же только на секунду оторвала взгляд от конспекта, а затем снова вернулась к своим записям.

А голубь, описав над нами последний круг, прокричал что-то по-своему, по-птичьи, и выпорхнул за окно.

То был недобрый знак.

Я поняла это, когда, вернувшись домой, увидела в пороге бледную Антонину Петровну, а в комнате на полу распластанное тело моей бабушки.

На ней был уличный синтепоновый стёганый плащ и сапоги, испачканные грязью. По всей видимости, бабушка вернулась с улицы и не смогла раздеться. От самого порога по полу тянулась цепочка грязных следов.

Мама Оля была ещё жива, когда опустившись на колени, я склонилась над ней, заглянула в мутные непонятного цвета глаза, осторожно откинула со лба седые пряди и провела ладонью по волосам. Одна шпилька выскользнула из них и звонко ударилась об пол.

— Что случилось, бабуль? — моя слеза капнула ей на щеку.

— Даша... — слабым голосом проговорила бабушка. — Прости меня... Это я во всём виновата. Если бы ни я, ничего бы этого не случилось... Я испортила тебе жизнь...

— О чём ты говоришь, бабуль? — ещё одна моя слеза оставила мокрый след на её щеке.

— Мне так жаль, что тебе пришлось пройти через это... — мама Оля шумно втянула воздух. — Это была моя ошибка... Я должна была предвидеть это...

— Да что ты такое говоришь, бабушка? — я старалась говорить ровно, но то и дело громко всхлипывала. — Ты самая добрая, самая красивая, самая лучшая...

Я гладила её по щекам, стирая с них свои слёзы, но уже через секунду глупые капли снова падали из моих глаз.

— Я многого не успела тебе рассказать, Дашенька... Я должна была... Здесь... Здесь бы... Бу...

Приступ тяжёлого кашля оборвал бабушку на полуслове.

— Я не понимаю, бабуль... — сквозь слёзы проговорила я. — Кто-то был здесь? Ты видела кого-то?

Но бабушка не ответила. Прикрыла глаза, скривилась в гримасе. Её дыхание стало прерывистым, а руки, притянутые к груди, ослабли.

— Бабушка! Бабушка, — я потрясла её за плечи, надеясь, что это поможет. — Кто здесь был?

Мама Оля открыла глаза в последний раз, силясь что-то сказать, но смогла выдать только еле различимое:

— Он...

Затем мама Оля сомкнула веки и обмякла на моих руках. Сжатая в кулак ладонь раскрылась, и из неё выпал пустой бутылёк из-под лекарства, а вместе с ним — скомканная полоска атласной ткани, увидев которую, я похолодела от ужаса...

Это был пояс от моего платья.

Того самого платья, в котором я поехала на своё последнее свидание, села в ту проклятую машину, а после отчаянно сражалась за свою честь.

Я помню, как вцепившись в этот пояс, сжимала его до сломанных ногтей, когда чужие сильные руки рвали на мне одежду.

Помню треск ползущего по швам белья.

Помню утробный рык и жадное возбуждённое дыхание этого человека.

Помню его холодные пальцы на моих бёдрах, которые, впиваясь в кожу, оставляли на ней синяки и отметины.

Помню свой крик о помощи, а следом чужую влажную ладонь на моих губах и грубые наглые поцелуи на шее.

Помню нехватку воздуха в лёгких от запаха его одеколona.

Помню скрип дивана под тяжестью наших тел.

Помню пронзающую меня жгучую боль.

Помню свою беспомощность...

Теперь эти ужасные воспоминания, которые я долгие месяцы так старательно прятала в глубинах сознания, взорвали мой мозг подобно проснувшемуся вулкану.

Я поняла, о чём говорила моя бабушка.

Она узнала о случившемся со мной кошмаре и не смогла справиться с чувством вины.

А рассказать страшную правду о той ночи ей мог только один человек.

"Он..." — произнесла мама Оля перед смертью.

И говорила она о Карасёве.

Своё разорванное, испачканное кровью платье я оставила у него. Толик клялся, что никому ничего не расскажет о произошедшем. А платье обещал сжечь.

Почему он не выполнил обещание? Почему сохранил пояс от платья? Зачем, спустя почти два месяца, он отдал его моей бабушке и всё ей выложил? Неужели он не понимал, что это убьёт её? Чем помешала ему бедная старуха, которая души в нём не чаяла? За что он так жестоко обошёлся с ней и со мной?

Я не могла найти объяснения его поступку.

У меня перехватило дыхание от ярости.

— Мерзавец! Чудовище! Чёртов ублюдок! — закричала я, разрыдавшись в голос. — Здесь был он! Это он всё рассказал бабушке! Он знал, что у неё больное сердце, и всё равно всё ей рассказал! Это он убил её! Это Карасёв...

Антонина Петровна, бледная и напуганная, пыталась меня успокоить, прижимала к себе, гладила по голове. А я билась в истерике и пыталась высвободиться из её объятий.

— Госпади, Дашенька... При чём тут Карасёв... — бормотала женщина, не отпуская меня. Она не понимала, почему я обвиняю Толика в смерти бабушки, и сделала вывод, что я просто не в себе от горя. — Я понимаю, как тебе сейчас тяжело, но ты должна это пережить, дорогая. Я не брошу тебя...

— Вы не понимаете... Не понимаете... — захлёбываясь слезами, лепетала я. — Карасёв... Это Карасёв убил её...

— Тише, тише, девочка! Всё пройдёт! — приговаривала Антонина Петровна,

поглаживая меня по голове. — Ты справишься! Время лечит!

Я постепенно затихла и уже не пыталась вырваться, только изредка всхлипывала у неё на груди.

Мы, обнявшись, сидели на полу посреди комнаты, когда над нами выросли санитары скорой помощи.

Двое мужчин в одинаковых костюмах. Один средних лет, низкий и коренастый, с серым лицом и ранними морщинами под глазами. Другой молодой, высокий и худощавый. По всей видимости, практикант.

Они осмотрели бабушку, констатировали смерть и сухо поставили нас перед фактом.

Тот, что помоложе добавил:

— Мне очень жаль...

На что я резко ответила ему:

— Врёшь! Ты не можешь её жалеть! Ты даже не знал её! Для тебя она лишь очередная умершая старуха...

— Даша... Дашенька... — подала голос Антонина Петровна и, обратившись к молодому человеку, добавила, — простите её, ради бога. Ей сейчас очень тяжело...

Да, мне было очень тяжело.

Я была знакома с ложью и предательством, но со смертью столкнулась впервые в жизни.

Антонина Петровна меня не бросила. Она поделила со мной моё горе и часть хлопот взяла на себя.

Это было так великодушно с её стороны. Ведь по сути моя бабушка была ей чужим человеком.

Да, какое-то время они вместе преподавали в одной школе, но общаться и дружить им не доводилось. Работали на разных этажах, пересекались редко, да и разница в возрасте в два десятка лет была не в их пользу.

И тем не менее в трудный час Антонина Петровна не оставила меня и буквально за руку провела через самый тяжёлый отрезок моей жизни.

Сейчас, спустя несколько месяцев после случившегося, я снова благодарю её за оказанную помощь и поддержку.

— Спасибо Вам за всё, Антонина Петровна. Сама я бы не справилась...

— Пустяки, Дашенька... На моём месте любой сделал бы тоже самое, — отвечает она и, смутившись, отводит глаза.

— Я так не думаю, — произношу, уставившись на сколотый край своей опустевшей чашки. — К сожалению, не каждый готов на такие великодушные поступки. Как показывает практика, мир полон предателей!

Пока я говорю это, перед глазами уже выстраивается список: Кирилл, Толик...

Да даже Светка, моя единственная подруга.

Обманывать родную мать — это ли не предательство с её стороны?

Антонина Петровна хочет что-то возразить, но наш разговор прерывает грохот на лестничной площадке...

Сначала доносится топот взбегающих по ступенькам ног, а вместе с ним громыхание металлических перил, после мы слышим требовательный стук в дверь.

Стучат не к нам, а в одну из соседних квартир. А точнее — в мою квартиру.

— Опять долбают... — с досадой произносит Антонина Петровна. — Всю ночь покоя не было. Сейчас вот опять...

На этот раз я уверена, что это Карасёв.

"Не всё сказал. Пришёл добавить пару слов..." — думаю про себя.

Между тем стук прекращается, но всё ещё ощущается чьё-то присутствие на площадке. Чуть позже слышатся шаги на лестнице. Спускающийся шаркает по двери Антонины Петровны, будто чувствует, что я здесь. А спустя ещё пару мгновений на площадку возвращается прежняя тишина.

— Это Карасёв... — мрачно говорю я. — Ко мне приходил...

Антонина Петровна, конечно, помнит, как захлёбываясь слезами, я обвиняла Толика в смерти бабушки. Потому сейчас осторожно спрашивает:

— Дашенька, ты всё ещё злишься на него?

— А Вы как думаете? — боюсь, мой ответ звучит слишком грубо.

Антонина Петровна вздыхает. Она непроизвольно дотрагивается до раскрытой пачки с печеньем, сдвигает её в сторону. Затем принимается перемешивать чайной ложкой остатки жидкости в кружке.

— Я видела вас из окна сегодня... — не поднимая глаз, будто невзначай произносит она. — Это Толик довёл тебя до слёз?

Я молчу в ответ. По-прежнему не глядя на меня, Антонина Петровна горько усмехается:

— Я могла бы догадаться. Ты злишься на него, он в ответ злится на тебя. А ведь могли бы стать такой красивой парой.

— Вы сейчас шутите? — мои глаза округляются. — После того, что он сделал?

Антонина Петровна не отвечает. Она откладывает ложку, поднимается из-за стола и подходит к незашторенному окну.

Из уличного пейзажа я вижу только верхушки деревьев и серое пасмурное небо. Мимо окна проносится птица.

— Почему ты решила, что именно Толик виноват в смерти твоей бабушки?.. — она стоит ко мне спиной, смотрит на улицу, тербит поясok халата.

— Вы же слышали бабушкино последнее слово... — опять изучаю глазами битую чашку.

— Конечно, слышала... Он... Здесь был он... — задумчиво произносит Антонина Петровна, глядя в окно. — Но почему ты решила, что твоя бабушка имела в виду Толика? Мне кажется, на тот момент вы с ним неплохо ладили. Разве не его цветы стояли тогда в вазе на кухонном столе?

Она оборачивается и выжидающе смотрит на меня.

Цветы... Да, то были его цветы. В пятницу вечером он пришёл ко мне с букетом, а в субботу утром нагрянул к моей бабушке и загнал её в могилу.

Нападать внезапно — это так по-Карасёвски.

Его драка с Кириллом, о которой мне рассказала Светка, яркое тому подтверждение.

Того он тоже застал врасплох.

Но главным неоспоримым доказательством является полоса атласной ткани, которая до сих пор лежит в ящике моего стола, похороненная под толщей прошлогодних конспектов.

Но я не говорю всего этого Антонине Петровне, произношу одно лишь:

— Потому что это он...

Выходит почти по слогам.

Антонина Петровна вздыхает, и снова разворачивается к окну. В небе появляются первые предвестники обещанного синоптиками снегопада.

— Пойми, Дашенька, я знаю этого парня много лет, — говорит она, глядя куда-то вдаль. Сейчас, зимой, из наших окон открывается панорамный вид на оживлённый проспект. — Я помню его ещё трёхмесячным карапузом, а Нину Михайловну, его мать, здоровой молодой женщиной. Она частенько просила меня погулять с маленьким Толиком.

Антонина Петровна возвращается за стол, трогает рукой электрический чайник, включает и под его мерное шипение продолжает говорить:

— Знаю, в школе вы с Толиком не ладили, и у тебя есть основания сердиться на него. Но я знаю и другое. Например, что в трудный час он подставил тебе своё сильное плечо.

Заметив мой удивлённый взгляд, Антонина Петровна улыбается краешками губ:

— Да, моя хорошая, я видела из окна, как в ту ночь Толик на руках понёс тебя в свой подъезд. А потом ты две недели пряталась у него от Ольги Николаевны. Или скажешь, я не права?

Я молча опускаю глаза. Мусолю в руках бумажный ярлычок испитого чайного пакетика. Конечно, права... А что мне ещё было делать? Я не могла явиться домой в таком виде.

Антонина Петровна не требует ответа и продолжает:

— Полагаю, с тобой случилось что-то скверное, и ты скрыла это от бабушки...

"Да, случилось. Да, скрыла. А Карась пришёл и всё ей выложил..." — думаю про себя.

Антонина Петровна не умеет читать мыслей. Она заливает кипятком новые чайные пакетики и говорит с улыбкой:

— Тебе удалось обмануть пожилого человека, но не меня. Как-то мы встретились с Толиком в супермаркете. В его тележке лежало платье 42 размера. Я спросила у него: "Кому-то в подарок?" Он ответил: "Матери..." Это прозвучало так забавно. Я-то знаю, что Нина Михайловна даже в молодости носила одежду 50 размера. Это платье он выбрал для тебя. Не так ли?

Я опять молчу в ответ.

Да, я попросила его купить мне платье. Взамен моего, разодранного в лохмотья...

— У Толика сложный характер, но он умеет хранить секреты, и он не убийца, — резюмирует Антонина Петровна. Она делает глоток горячего чая и берёт из открытой пачки надломленное печенье. — Я уверена, он не имеет никакого отношения к смерти твоей бабушки.

Стоп!

Почему она так уверена в этом? Если она видела нас с Толиком в ту ночь, значит, видела и платье, в котором я была. Она должна была узнать атласный пояс от него, который бабушка сжимала в руке до последнего вздоха.

Я хочу сказать ей об этом, но Антонина Петровна опережает меня.

Её следующая фраза бьёт меня подобно электрическому разряду:

— Дашенька, а ты не думала, что твоя бабушка хотела сказать не "Он", а "Она"?..

— О чём Вы говорите? — хлопаю ресницами, будто это поможет быстрее понять смысл сказанных слов. — Вы думаете, я потеряла бабушку из-за какой-то женщины?

Антонина Петровна не отвечает, только неопределённо пожимает плечом. Мол, кто знает...

Это заставляет меня задуматься.

Что я знала о бабушке...

Её нельзя было назвать очень общительной. Она не приглашала гостей, не устраивала шумных праздничных застолий и сама редко куда ходила. Иногда говорила по телефону. Но то были её бывшие коллеги по лицу, которые скупно поздравляли её с праздниками, у которых она интересовалась успехами нынешних учеников. Личных разговоров избегала. Во всяком случае при мне.

Единственным человеком, с которым бабушка могла поговорить по душам, была Стрельцова Альбина Витальевна, низенькая улыбчивая старушонка с коротко стриженными седыми волосами и хитрыми бегающими глазками. Любительница пощелкать семечки, опрокинуть рюмашку, а после исполнить какой-нибудь слезоточивый романс.

Она жила с нами по соседству на Садовой и была единственной, кто поддержал нас, когда мы с бабушкой собрались переезжать.

Всё моё детство старушки делили на двоих одну лавочку во дворе, успели выплакать море слёз и обменяться тысячей рецептов. Представляю, как тяжело было расставаться таким подругам. И тем не менее, новость о нашем переезде Альбина Витальевна восприняла стойко и даже с радостью.

— Центральная школа и в самом деле лучше! — сказала она маме Оле. — А с тобой, Ольга, не потеряемся! Адрес ты мой знаешь! Будешь ко мне приезжать, будем с тобой чай гонять!

И бабушка ездила к Альбине Витальевне, как по расписанию — каждую первую субботу месяца.

В тот злосчастный день, третьего сентября, они тоже должны были встретиться.

Могла ли их встреча закончиться ссорой?

Вполне возможно. Если взять во внимание, что вот уже несколько месяцев Альбина Витальевна не подходит к телефону.

Я нашла два её номера в бабушкиной записной книжке и не раз пыталась дозвониться, чтобы сообщить печальное известие. Но домашний телефон Альбины Витальевны отзывался короткими гудками, а на мобильном отвечал робот:

— Абонент не может быть вызван. Оставьте сообщение после сигнала...

Я оставила с десяток таких сообщений, но Альбина Витальевна так и не откликнулась.

Подругам и раньше случалось ссориться и играть в молчанку. Они могли не разговаривать неделями. Но едва начинался новый месяц, подходила суббота, и бабушка снова мчалась на Садовую к любимой подруге.

На данный момент старушки пропустили уже четыре таких субботы. И то, что Альбина Витальевна до сих пор не кинулась искать маму Олю, ещё раз доказывало, что в свою последнюю встречу старушки сильно поругались.

Но никакая, даже самая крепкая ссора с подругой не довела бы мою бабулю до

сердечного приступа.

Да, мама Оля часто приезжала от Альбины Витальевны в расстроенных чувствах и вместе с "приветами" и гостинцами привозила с собой повышенное давление. Виной тому были их жаркие обсуждения болячек, сериалов, погоды и разных рецептов одного и того же яблочного пирога. Сначала они спорили до хрипоты, а после напару глотали пилюли.

Но даже самый горячий спор о жирности кефира, который следует добавлять в тесто, не смог бы убить маму Олю.

Её убили кусок атласной ленты и связанная с ним история, "любезно" кем-то рассказанная.

Откуда Альбина Витальевна могла узнать подробности пережитого мной кошмара, если они были известны только одному человеку? Как пояс от моего платья мог попасть к ней в руки?

Ответы были очевидны.

Никак.

Я отодвигаю от себя пустую чашку, та громко елзлит по поверхности стола. Поднимаю глаза на Антонину Петровну, которая по-прежнему сидит напротив и наверняка сожалеет сейчас о том, что не умеет читать мысли. Смотрит на меня в упор, ждёт реакции на её предположение.

— Так что ты думаешь об этом, Дашенька? — спрашивает она.

Я больше не собираюсь томить её ожиданием.

— У бабушки в окружении была только одна женщина, которая могла её расстроить! — с полной уверенностью заявляю я. — То была её лучшая подруга. Она умела ранить словами. Ранить, заметьте, но никак не убить! — расставляя акценты, слегка приподнимаю кружку и ударяю ею о столешницу. — Она не может быть причастна к смерти бабушки.

— А почему ты решила, что речь идёт об этой подруге? — Антонина Петровна хитро прищуривается, будто знает что-то такое, чего не знаю я.

Наверно, это черта присуща всем учителям — знать ответ, но не подсказывать, а заставлять думать. Мол, я-то знаю, сколько будет дважды два, но предлагаю тебе самой хорошенько подумать и сказать мне правильный ответ.

Но я не знаю никаких других персонажей женского пола в бабушкином окружении. А такие, что способны довести пожилого человека до смертельного инфаркта, тем более мне не известны. На долю секунды в памяти всплывает Наталья, мать Кирилла. Ещё одна женская фигура на поле.

Но её я сразу отметаю. Наталья не стала бы мне вредить. Хотя бы в память о моих отношениях с Кириллом.

Она до сих пор очень сожалеет о нашем расставании. Я убедилась в этом сегодня утром, когда взглянула в её посеревшее, исполненное страданием лицо. Человек, который так искренне плачет и просит прощения не мог причинить зла моей бабушке.

Минутку!

Что Наталья бормотала сегодня утром, вцепившись в мои плечи?

"Но ещё хуже будет, если она тебя здесь увидит!..."

И вот это:

"Ты не понимаешь, насколько она опасна! Не понимаешь, на что она способна!..."

Я уверена, речь шла о новой девушке Кирилла.

Может ли та быть причастна к смерти моей бабушки?

Конечно, нет.

Они даже не были знакомы!

Я могу сейчас сколько угодно перебирать в уме разных знакомых мне девушек и женщин. Представлять, как одна из них останавливает мою бабушку на улице и вываливает на неё подробности моего последнего свидания. Но так или иначе всё сводится к тому, что некто, "убивший" мою старушку, знал то, что было известно только одному человеку. И поясок от платья, который выпал из рук мамы Оли, также был только у него.

У Карасёва...

Потому он и только он виноват в случившемся.

Антонина Петровна, как и другие учителя из моей школы, просто его выгораживает.

Прежде чем я успеваю произнести это вслух, соседка обрушивает на меня следующее:

— А ты не думала, Дашенька, что в смерти Ольги Николаевны виновата... твоямама?

Слова, которые я хотела произнести всего пару секунд назад, растворяются у меня на языке подобно шипучей конфете. Я непроизвольно сглатываю.

— Что Вы сказали? — произношу это, а сама тут же пугаюсь незнакомой хриплоты собственного голоса.

— А чему ты так удивляешься, Даша? — на лице Антонины Петровны читается искреннее недоумение. — Разве твоя мама не могла прийти сюда?

Она издевается? Или просто ничего не знает?

— Дашенька, что с тобой? Ты вся побледнела...

Антонина Петровна с испуганным видом встаёт из-за стола, подходит ко мне и мягко кладёт ладонь на моё плечо. Я съёживаюсь, но у меня не хватает духу сбросить её руку.

— Вы разве не знаете?.. — произношу несвоим голосом.

— Не знаю чего?

— Моя мама... Она умерла...

— Вот как?

Я чувствую, как рука женщины едва заметно вздрагивает и испытываю внутреннее облегчение, когда она отпускает моё плечо и возвращается на своё место за столом.

Мы испуганно смотрим друг на друга, и некоторое время в воздухе висит звенящая тишина, которую вскоре нарушает музыка, рвущаяся из подъехавшего к окнам автомобиля.

Антонина Петровна срывается с места, резким движением захлопывает форточку, что помогает лишь немного сбавить громкость, и возвращается за стол. А я смотрю на окно. Сумерки закрашивают пространство за ним в нежно-голубой свет.

— Надо же... — женщина горько вздыхает. — Когда это случилось?

— Не знаю... — опять цепляюсь глазами за битую чашку, стоящую передо мной. — Наверно, вскоре после моего рождения. Бабушка не говорила мне. Она вообще не любила говорить о матери. Даже её фотографии ни разу мне не показала. Я знаю только, что маму звали Лариса, у неё были длинные светлые волнистые волосы и...

И всё.

Больше я ничего не знаю о матери. У меня вдруг появляется непонятно откуда взявшаяся уверенность, что Антонина Петровна может восполнить этот пробел.

— Лариса со светлыми волнистыми волосами... — задумчиво произносит она. — Интересно...

— Вы её знали? — с надеждой спрашиваю я. — Может быть, видели с бабушкой?

— Да, случалось... — Антонина Петровна опускает глаза перед собой, улыбается краешками губ. — Помню её совсем девчонкой. Глаза огромные и немного грустные, россыпь веснушек на носу... Когда я выпускницей вуза пришла работать в лицей, ей было семь... Потом выросла, расцвела...

— А какой она была? Расскажите...

— Мне не доводилось общаться с ней лично, — Антонина Петровна вскидывает голову, поправляет без того идеально уложенные волосы, — но по тем редким встречам в стенах школы, когда твоя мама приходила к Ольге Николаевне, по случайно услышанным мною обрывкам их разговоров я могу сделать вывод, что в молодости твоя мама была той ещё бунтаркой. Юбки, едва прикрывающие попу, татуировки хной на плечах, густо накрашенные

ресницы... Порой мне казалось, что твоя мама специально издевается над твоей бабушкой... Полагаю, она была поздним ребёнком

Выставив руку перед собой, Антонина Петровна по одному загибает пальцы в кулак и шевелит губами, считая про себя.

— Если мне тогда было около тридцати пяти, твоей бабушке немного за пятьдесят... Получается, Ольга Николаевна родила твою маму ближе к сорока, — говорит она. — Это объясняет её чрезмерную опеку. Я сама — поздний ребёнок. Помню все эти: "Нельзя!", "Не ходи!", "Не дружи!", — женщина горько усмехается. — Уверена, и твоей маме приходилось не сладко. Потому она и бунтарила. Нередко их семейные разборки заканчивались слезами обеих. Никогда не забуду их последнюю перебранку. Ольга Николаевна потом неделю плакала и ещё полгода ходила задумчивая, никому не улыбалась. А в один прекрасный день написала заявление на увольнение и ушла из лица.

— А Вы знаете, что тогда случилось?

— Это я потом уже поняла... — Антонина Петровна улыбается. — Когда спустя долгих семь лет увидела твою бабушку здесь, на Центральной, а с ней тебя, семилетку. Сначала во дворе на качелях, а потом и в рядах первоклассников... Ты случилась, Дашенька! У мамы своей случилась в её юные 17 лет... И сразу стало понятно, о чём они говорили в тот день, укрывшись от посторонних глаз в полумраке школьного коридора. "Ты не должна! Подумай о будущем!" говорила Ольга Николаевна твоей маме. А та в слезах что-то ей отвечала, но слов было не разобрать. То ли просила о чём-то, то ли спорила...

— А Вы помните, как впервые встретились с моей бабушкой через годы?

Антонина Петровна кивает:

— Конечно. Из окна за вами наблюдала и в магазине несколько раз видела. По началу подойти не решалась, а позже мы столкнулись с Ольгой Николаевной на площадке. Она с авоськой из магазина шла, а я на работу спешила, и мы буквально врезались друг в друга на пороге моей квартиры. Твоя бабушка меня узнала, улыбнулась. Но то была грустная улыбка. Минувшие годы очень её состарили. Она похудела, сгорбилась, глаза стали другими, потухшими... Я спросила: "Ольга Николаевна, что Вы здесь делаете?" Она скупо ответила: "Переехали... Соседями будем..."

— А Вы не спрашивали бабушку о моей маме?

— Конечно, спросила. У той глаза сразу увлажнились, она отвернулась, пробормотала что-то о делах...

— Тайна, покрытая мраком... — киваю я. — Мне бабушка так и не рассказала, что случилось с мамой. Знаю, что умерла, а почему это произошло... — пожимаю плечами.

Антонина Петровна бросает:

— А умерла ли...

Кровь будто покидает мой организм, и я мгновенно замерзаю в душном до этого помещении. Мне требуется какое-то время, чтобы собрать рассыпавшиеся мысли и придать им форму вопроса.

— На что Вы намекаете? — произношу почти по слогам. — Вы думаете, моя мама... жива?

Антонина Петровна лишь пожимает плечами в ответ.

— Но если представить, что это правда, тогда получается... — чувствую нервное покалывание на кончиках пальцев. — Получается... Бабушка обманывала меня все эти годы? Разве такое возможно?

Музыка под окнами смешивается с грубыми выкриками парней и звонким девичьим смехом.

Антонина Петровна молчит ещё несколько секунд, которые кажутся мне вечностью.

— Всё возможно... — наконец, отвечает она. — После ухода Ольги Николаевны по школе ещё несколько лет ходили разные слухи. Все понимали, что уволилась она из-за дочери, с которой, по всей видимости, что-то произошло. И теперь каждый высказывал свою версию случившегося. Одни были уверены, что твоя мать забеременела, а потом умерла при родах. Другие утверждали, что видели её на вокзале Пригорода с грудным ребёнком на руках. А кому-то спустя время она встретила снова беременной...

— И Вы верите в эти слухи? Думаете, моя мать после родов сначала сбежала со мной в Пригород, а после вернулась, подбросила бабушке и снова сбежала? Нет! Это не может быть правдой! — мотаю головой, будто хочу стряхнуть с себя эти мысли.

— Даша, ты же сама говоришь, что бабушка не рассказывала тебе о матери... — Антонина Петровна накручивает на палец нитку от чайного пакетика.

Я не понимаю, к чему она клонит.

— И не называла причину её смерти... — продолжает соседка. — Ты не задумывалась, почему?

Я слежу, как она делает один оборот нити, за ним следующий. Эти незамысловатые движения сейчас выглядят зловеще.

— Потому что не хотела меня расстраивать! — первая мысль, которая приходит мне в голову, и за которую я тут же хватаюсь. — Узнай я, например, что моя мама умерла при родах, я бы всю жизнь винила себя... Бабушка боялась этого и потому скрыла причину! — Или скрыла причину, потому что не смогла придумать причину и предпочла просто избегать этих разговоров... А всё потому, что твоя мама жива! — Антонина Петровна смотрит на меня в упор.

Мои широко распахнутые глаза открываются ещё больше. Мне не нравится тон этой женщины и её невозмутимый взгляд.

Как она может говорить так уверенно о том, чего не знает наверняка.

— Вы опираетесь на какие-то слухи, Антонина Петровна! — вскрикиваю я. — Будь моя мама жива, бабушка непременно рассказала бы мне об этом! Зачем ей скрывать от меня правду столько лет?

— А что, если твоей бабушке приходилось лгать все эти годы?

— Назовите хоть одну причину...

— Она обманывала тебя, чтобы защитить...

— Защитить от кого? От матери? — у меня из груди вырывается нервный смешок. — Не говорите ерунды, Антонина Петровна! Вы уже не знаете, что придумать, чтобы отвести подозрения от Вашего разлюбезного Толика. Моей бабушки уже четыре месяца нет в живых, а предположение, что в её смерти виновата моя мать, Вы мне высказываете только сейчас, когда я сказала Вам, что каждой клеточкой своего тела ненавижу этого ублюдка! Что ещё Вы придумаете, чтобы выгородить его?

Та хочет что-то ответить, но я не желаю её слушать.

— Довольно этих разговоров! — резко вскакиваю с места, цепляясь за стул. Тот подпрыгивает на месте и громко падает на пол.

Мне плевать!

Я бросаюсь прочь из кухни. Антонина Петровна поднимается из-за стола, ставит на место упавший стул и спешит за мной.

— Даша, стой! — в попытке остановить она хватает меня за локоть, но я отдёргиваю руку.

— Не трогайте меня! — бросаю на бегу. — Ваши подозрения, Антонина Петровна, оскверняют память дорогих мне людей. Вы считаете, что моя мать могла бросить меня грудничком, а бабушка могла скрывать это почти двадцать лет! Какая сказочная чушь!

— Даша, послушай, я должна рассказать тебе кое-что...

— Не нужно ничего говорить! Боюсь, мои уши не выдержат новой порции ваших нелепых выдумок! — срываю с вешалки пуховик, подхватываю выпавшую из рукава шапку, наспех обуваюсь.

К выходу меня гонят не только эмоции, но и голос радиоведущего, доносящийся с улицы даже сквозь плотно закрытые пластиковые окна.

— Этот музыкальный час завершают Джейсон Джейн с их последним хитом "Я хочу в лето!" — выкрикивает он из динамиков чьей-то автомагнитолы. — А Ф-ское время 16:00, друзья! Далее вас ждёт выпуск новостей, прогноз погоды на ближайшие сутки и много всего интересного! Не переключайтесь!

"О, Боже! Если в Ф-ске четыре, то у нас уже шесть!"

Время в компании Антонины Петровны пролетело незаметно. И если я всё ещё хочу попасть к Светке и застать её в объятиях Женечки — а я очень этого хочу! — мне следует поспешить, потому как ещё десять минут назад я должна была сесть в троллейбус до Садовой.

Я разворачиваюсь к двери и вдруг слышу в спину:

— Ты думаешь, твою мать звали Ларисой? И ты уверена, что у неё были длинные светлые волосы?

Замираю на месте в ожидании продолжения.

— Так вот... — Антонина Петровна откашливается. — Да будет тебе известно, что твою мать звали Татьяной, и она всегда была брюнеткой!..

Я медленно оборачиваюсь.

Женщина смотрит на меня взволнованно и хочет что-то добавить, но я не позволяю ей говорить.

— Не верю ни одному Вашему слову! — произношу спокойно, но жёстко. — Благодарю Вас за поддержку и участие, Антонина Петровна! Благодарю за тёплый приём и чай с печеньем! Но сейчас я должна идти...

— Даша... — последняя попытка меня остановить с треском проваливается.

Дёргаю металлическую щеколду, несложная конструкция легко поддается, и я в два счёта оказываюсь на лестничной площадке. Соседка не гонится за мной. И слава богу...

Снаружи пахнет какой-то химией.

"Иван Иванович из 96-ой квартиры..." — думаю про себя.

Уверена, в каждом подъезде живёт свой такой вот "Иван Иванович". Который круглый год красит и долбит стены, травит тараканов и через день возит по полу старую тумбу. Или что там у него.

Находясь сейчас в нескольких шагах от своей квартиры, я на короткий миг впадаю в замешательство.

Бежать на остановку или всё же подняться к себе?

Помню, что хотела зайти, закрыть форточку на кухне, сбросить рюкзак и переодеться. Но времени на всё это уже нет. А потому я сбегая по ступенькам на первый этаж, давлю кнопку домофона и, навалившись на дверь, падаю в объятия морозного вечера.

****Мой троллейбус давно ушёл, а до следующего минут пятнадцать, не меньше. Чтобы не мёрзнуть на остановке, я шагаю в сторону метро. Вливаюсь в толпу вечно спешащих людей, и она уносит меня в подземку.

Покупаю жетон, прохожу через турникет, спускаюсь на кишашую людьми платформу. В лёгкие проникает воздух, пропитанный креозотом. Этот запах возвращает меня в детство. Мы с бабушкой часто спускались в метро просто так, прокатиться на эскалаторе.

Сейчас я опять вспоминаю маму Олю, её морщинки у глаз, её волнистые седые локоны, длинные пальцы с аккуратно наманикюренными ногтями. Я представляю её в просторной школьной аудитории. Как она стоит у доски с мелом в руках или указкой, что-то объясняет своим ученикам, называет кого-нибудь по фамилии, задаёт вопросы, ставит оценку в журнал. Представляю, как бабушка проводит родительское собрание, отвечает на вопросы встревоженных матерей и отцов, хвалит каждого из ребят...

"Нет, бабушка не могла столько лет меня обманывать. Она была слишком порядочна. Она просто не умела лгать! Она учила меня искренности и доброте, потому что сама была такой..." — я улыбаюсь этим мыслям и окончательно успокаиваюсь.

Вагон тем временем, мерно покачиваясь, спешит по зелёной ветке. Мне удобно здесь, у окна в углу. Спрятавшись от внешнего мира под капюшоном, я закрываю глаза и проваливаюсь в сладкую дрёму.

Меня будит женский голос, раздающийся из динамика:

"Станция Поликарпова. Конечная. Просим вас освободить вагоны."

Подхваченная всё той же толпой других пассажиров я выбираюсь на поверхность.

После тёплого вагона метро ёжусь от холода, зарываюсь в шарф, натягиваю шапку

плотнее, прячу руки в карманы и теперь ругаю себя за то, что опоздала на свой троллейбус.

Отсюда до Садовой две остановки, преодолеть которые мне предстоит пешком, а пальцы на ногах уже замёрзли.

Я прибавляю шаг, чтобы согреться и люблюсь огнями вечернего Н-ска, чтобы отвлечься.

Город ещё не стряхнул с себя новогодней мишуры. Вдоль проспекта Поликарпова, что пересекает Садовую, тянется полоса мигающих фонарей. Я фантазирую, будто это цветные карамельки, нанизанные на нитку. Сколько их здесь? Сотня? Тысяча? Я иду и от нечего делать считаю их про себя.

Наконец, выхожу к перекрёстку. До Светкиного дома рукой подать. Задерживаюсь на светофоре, который будто нарочно взрывается красным светом. Переступая на месте, чтобы хоть немного согреть окоченевшие ноги, я чертыхаюсь про себя, гипнотизирую взглядом убывающие секунды, тороплю их мысленно и бросаюсь через дорогу, едва загорается жёлтый. Сразу сворачиваю вправо, во дворы, и вскоре уже стою под окнами Лапиной.

В Светкиной комнате зажжён свет. За шторами выделяется силуэт.

Это подруга. Стоит у окна, жестикулирует руками, с кем-то говорит. Я, кажется, даже слышу её смех отсюда, с улицы. Вскоре рядом с ней вырастает вторая фигура, мужская, высокая. Они сливаются в одну, двигаются медленно и плавно. Целуются или танцуют, обнявшись, — не разобрать. Потом она поднимает руки вверх, а он стягивает с неё футболку.

— Вот вы и попались, голубки... — говорю вслух, меня всё равно никто не слышит. — Я как раз вовремя! Шоу только начинается, и моё место в первом ряду...

Мёрзнуть у подъезда не приходится. Как только я поднимаюсь на крыльцо, домофон протяжно пиликает, и дверь распахивается. Первой на улицу выбегает собака породы хаски, а следом, едва поспевая, выныривает её хозяин.

Он приветственно мне кивает, я киваю в ответ и сразу проскальзываю внутрь.

На Светкиной площадке темно и пахнет едой. Желудок тут же отзывается урчанием, и я вспоминаю, что за последние несколько часов пила только чай с печеньем и сейчас не отказалась бы от порции жареной картошечки.

Звонить в дверь не спешу, прежде прислушиваюсь. Кажется, у Светки играет музыка, других звуков не слышу. Вой сигнализации где-то на дворовой парковке не в счёт.

Даю себе ещё пару секунд и, наконец, нажимаю на пухлую кнопку звонка.

По квартире разносится мелодичная трель. Музыка стихает и через мгновение слышится возня по ту сторону двери. Топот, хихиканье, женский голос. Светкин.

— Дапусти ты! Это соседка, наверно, за солью пришла! Ну, всё, я открываю... Спрячься там... — громко говорит подруга, явно от кого-то отбиваясь.

— Эй, кто там? — это она уже мне. — Баба Люба, это Вы?

— Это я, Светка, открывай... — отзываюсь я.

Из-за темени на площадке вряд ли она видит меня в глазок, но голос, конечно, сразу узнаёт.

— Дашка?! — восклицает подруга через дверь, а затем гремит ключами и долго шебуршит ими в замочной скважине.

Наконец, дверь отворяется и в проёме появляется её стройная фигура в лёгком шёлковом халатике.

При слабом освещении прихожей Светка похожа на призрака. Милого такого призрака со взъерошенными кудряшками и огромными от удивления глазами.

— Дашка, ты что здесь делаешь? За книгой что ли пришла? — Светка хлопает ресницами, будто хочет взлететь.

Я тут же теряюсь.

Книга?

Какая книга?

Я забыла у Светки книгу?

— Да... — зачем-то говорю я. — Можно зайти?

Я делаю шаг вперёд, но Светка продолжает загораживать собой дверной проём, лишая меня возможности попасть внутрь.

Удивление на её лице сменяется виноватой гримасой.

— Дашунь, я бы тебя впустила, но, понимаешь... Я не одна... А книгу я сейчас тебе вынесу! Подожди здесь! Ага?

Не дожидаясь моего ответа, Светка прикрывает дверь, и я слышу шлёпанье её босых ступней по ленолеуму.

— Дашка пришла! — говорит она кому-то вполголоса. — Сейчас, погоди...

Кто-то басит в ответ, на что она отвечает:

— Ага, смеёшься что ли?!

А затем опять раздаётся её мерзкое хихиканье. Сейчас оно именно таким мне и кажется

— мерзким, лживым, отвратительным.

Я не собираюсь стоять тут в темноте на лестнице и спокойно ждать, пока она там кокетничает со своим любовником.

"Для чего я, собственно, сюда пришла? Чтобы вывести их обоих на чистую воду!" — напоминаю себе и, толкнув входную дверь, захожу в квартиру.

Не разуваясь, не сбрасывая верхней одежды и рюкзака, следую напрямик в Светкину комнату. А там подруга уже стянула с полки мою книгу и собирается идти с ней ко мне. Развернувшись к выходу, она видит меня в дверном проёме и вскрикивает от неожиданности.

— Дашка! Твою мать! Ты зачем вошла? Ещё и в обуви! — она кивает на мои зимние ботинки. — Я же сказала, что сама вынесу тебе книгу! — размахивает учебником.

Финансовая математика! Подумать только! Я реально забыла её здесь!

Но сейчас меня больше волнует не математика и не вопли подруги, а тело позади неё, фоном растянувшееся на диване.

Лица мне не видно из-за Светки, а вот всё остальное представлено взору во всей красе. Этот парень лежит на покрывале абсолютно голый. Увидев то, что не должна была увидеть, отвожу взгляд и врезаюсь глазами в пылающее от гнева лицо подруги. Мои собственные щёки пылают сейчас ещё ярче.

Боже! И смешно, и стыдно одновременно!

Ворваться в чужой дом, в обуви и без приглашения! Внаглую пялиться на обнажённого мужика! О чём я только думала!

Увидев мои пламенеющие щёки, Светка резко оборачивается на парня.

— Ты хоть бы прикрылся, идиот!

Она чуть сдвигается и теперь, я, наконец, вижу, кто это...

Это не Женька. Это какой-то совершенно незнакомый мне, но очень даже симпатичный парень, на которого абсолютно не действуют Светкины вопли.

Он продолжает лежать, демонстрируя себя во всей красе, и нахально лыбиться.

Боюсь, таким поведением этот красавчик рискует получить в голову моим учебником по финансовой математике. Кажется, Светка уже прицеливается!

— Оу, полегче, крошка! — парень театрально хмурится. — У меня нет секретов от твоей подруги! Третьей будешь?

Он нагло подмигивает мне и тянется к тумбочке за сигаретами.

— Кстати, малыш, — это он Светке, — ты нас не познакомила! — закуривает, выпускает дым в сторону. — Павел Валентинович Рогов...

Молодой человек протягивает мне руку, предлагая обменяться рукопожатиями. Естественно, я не реагирую. А Светка закатывает глаза.

— Паша, может хватит поясничать! Причиндалы спрячь! — ворчит она.

Повинуется Паша или нет, я не знаю, потому что подруга выталкивает меня в коридор и захлопывает за собой дверь.

Я слышу в спину приглушённое:

— Приятно было познакомиться, красотка! Заходи ещё!

А затем смех... Нет, скорее гогот.

Вот же придурок! Этот... Паша.

Подозреваю, это и есть тот самый Пашка, с которым Светка играет в одну он-лайн игру, а сегодня собиралась сходить на вечерний киносеанс.

Отличный фильм, ничего не скажешь! Даже я заценила пару кадров...

Боже мой, ну и конфуз!

Теперь со стыда я готова рассыпаться по полу кубиками "лего".

А Светка между тем суёт учебник по математике мне в руки и тянет к выходу.

— Идиот! — произносит она себе под нос, и в этом я с ней солидарна.

Затем подруга переключается на меня:

— А ты-то чего запёрлась? Сказала же, вынесу я тебе эту долбанную книгу!

Я не могу придумать подходящего к этой ситуации ответа, но и правду сказать тоже не могу.

Что я скажу ей?

"Светка, ты знаешь, я подслушала прошлой ночью твой разговор по телефону и сделала вывод, что ты спишь со своим отчимом! А сейчас приехала, чтобы застать вас в объятиях друг друга..."

И ещё вот это:

"Светка, у твоего Пашки голос очень похож на Женькин! Ну, случайное совпадение! Представляешь?"

Бред! Подруга сразу решит, что я ненормальная.

Чтобы как-то выкрутиться, я сваливаю всё на книгу.

— Мне правда нужен был учебник по математике... — невнятно бормочу и съёживаюсь, ожидая Светкиной реакции.

— Да уж... Я смотрю, у тебя совсем уже крыша поехала от твоих задачек... — выдаёт

подруга. — Лучше бы парня себе нашла! У Пашки, знаешь, сколько друзей? Подберём тебе кого-нибудь!

Она это серьёзно?

Ну, по крайней мере, Светка больше не злится, что я вот так внезапно ворвалась в её личную жизнь. И это радует.

— Спасибо за заботу, дорогая! Но я как-нибудь сама... — дружески хлопаю её по плечу и выхожу на площадку.

Мне хочется добавить пару слов о задачках, к которым Светка относится так пренебрежительно.

Эти задачки, а также сочинения, изложения, рефераты и курсовые в настоящее время в буквальном смысле не дают мне умереть с голоду.

Я всегда помогала бывшим одноклассникам и нынешним одноклассникам с выполнением домашней работы. Делала это для души и абсолютно бесплатно. Мне не было нужды брать с ребят какую-либо оплату.

Сейчас, когда мамы Оли не стало, ситуация изменилась. И хоть сама я ни разу не попросила денег за выполненные задания, родители нерадивых учеников теперь рассчитываются со мной продуктами, оплатой мобильного телефона и наличными в конверте. Это помогает мне сводить концы с концами после смерти бабушки.

Я не хочу сейчас объяснять всего этого подруге. Я и так отняла слишком много её личного времени. А потому едва оказавшись на площадке, я наспех прощаюсь со Светкой, ещё раз напоследок извиняюсь за причинённые неудобства и сбегая вниз по ступенькам.

Колючий морозный воздух приводит меня в чувства. Горящие неоновой зеленью часы над аптекой показывают 20:42.

Зимний вечер вот-вот превратится в зимнюю ночь. Я быстрым шагом иду в сторону остановки, чтобы успеть на свой троллебус до Центральной.

В мыслях опять и опять ругаю себя за глупость.

Ну как, чёрт возьми, я могла подумать, что Светка спит с отчимом? Что натолкнуло меня на эту нелепую мысль? Подумаешь, голос похож немного. По имени она его не называла. Да они с этим Пашкой вообще говорили не больше минуты. Чем зацепил меня их разговор?

"Эй, я говорила тебе, не звонить мне по скайпу! Я уже сплю... А точнее, мы уже спим! Я с Дашкой..."

"Она спит?"

"Да..."

"Я классно придумал?"

"Конечно..."

"Как думаешь, она догадывается?"

"Конечно, нет..."

"Какая же она наивная..."

О ком они говорили? Кого называли наивной? Над кем посмеивались?

Если бы она говорила с Женькой, я бы с уверенностью сказала, что речь идёт о Тамаре Борисовне.

Но по ту сторону экрана был Пашка, которого Светка вряд ли познакомила с матерью. А следовательно и говорить о ней они не станут.

И сразу напрашивается вывод, что эти двое говорили обо мне...

Ну, конечно! Как же я сразу этого не поняла!

"Я с Дашкой..."

"Она спит..."

"Она не догадывается..."

"Она наивная..."

Всё это было сказано обо мне!

Но что, чёрт возьми, задумали эти двое?

Чего мне теперь ждать? Приятного сюрприза или очередного предательства? Только на этот раз со стороны лучшей подруги.

Я принимаю решение вернуться к Светке и задать этот вопрос ей в лицо.

Разворачиваюсь на сто восемьдесят и... замираю на месте.

Мне навстречу идёт... Кирилл.

Идёт не один, а со своей пассией.

Меня тут же бросает в жар, и я напрочь забываю, куда собиралась.

Вместо того, чтобы идти вперёд, не обращая на них внимания, я шныряю за ближайший газетный киоск и принимаюсь наблюдать.

На расстоянии в добрую сотню метров, при слабом уличном освещении и моём зрении в минус две диоптрии лиц, конечно, не разглядеть, но Кирилла я и за версту узнаю. По походке, по манере поправлять капюшон, да даже по этой сумке на плече, которую он сейчас придерживает за ремень.

Последние сомнения рассеиваются, когда до меня доносится его смех. Это на самом деле он.

А рядом вышагивает она, его новая Даша. Её лица тоже не разобрать. Мешает вязанный шарф, натянутый до самых глаз и глубокий капюшон с богатой опушкой на голове.

Вижу волосы, выпущенные наружу, длинные, кажется, слегка волнистые. Светка о них говорила. Только не уточнила, что у новой Даши концы прядей обесцвеченные. Да разве это имеет значение. Мой взгляд на волосах долго не задерживается.

Всё внимание перемещается на живот. В зимнем пуховике он, действительно, кажется огромным. Зато ножки такие стройные, в тёплые колготки обтянутые, в угги обутые. Модная девчонка, издали видно.

Смотрю на эту парочку и сердце заходится, бьётся о рёбра пойманной птицей, а на глаза опять слёзы наплзают.

А голубки между тем друг к другу прижимаются, воркуют, шаг сделают — остановятся, поцелуются. И мороз им не мороз. А я смотрю на них из-за киоска, и от обиды зубы до скрежета стискиваю.

Как он мог так быстро на неё переключиться? Ну, как?

Никогда не забуду его глаза с красной сеточкой вокруг радужки.

"Твою мать, кто это сделал?" — кричал он мне, глядя на синяки, оставленные грубыми чужими пальцами.

Хватило ведь наглости спросить.

Будто сам не знал, кого отправил за мной, и чем это может закончиться.

Я много думала над тем, что случилось. Вспоминала, как Кирилл позвал меня на

свидание, как я готовилась к встрече, как мы со Светкой платье выбирали в торговом центре. Как потом я стояла у "Корзиночки" и волновалась. Как получила сообщение и как, не думая, бросилась к машине Полянского...

Что, если Кирилл заранее спланировал тот вечер? Шаг за шагом — позову, не приеду, отправлю Стаса и пусть делает с ней, что хочет.

Его план сработал.

Но тогда почему он смотрел на мои ссадины такими безумными глазами? Он ожидал чего-то другого?

Я не раз задавалась этим вопросом и в итоге пришла к выводу, что Стас должен был всего лишь меня припугнуть.

В этом был замысел Кирилла.

Когда-то я не согласилась переспать с ним, его это задело, и он решил при случае мне отомстить. А точнее продемонстрировать, какими грубыми и жестокими бывают парни.

Стас должен был сыграть роль эдакого беспринципного нахала, распускающего руки. Чтобы я сравнила и поняла, каким ласковым и нежным был со мной Кирилл. И чтобы пожалела, что когда-то отвергла его.

Однако, войдя в образ, Полянский увлёкся, заигрался и не смог остановиться.

"Назови мне имя, и я найду этого ублюдка!"

Такими были последние слова Кирилла, прежде чем я выкрикнула:

"Стас! Это был Стас! Ты доволен?"

Изменившись в лице, Кирилл отпрянул от меня, развернулся и быстро ушёл. Больше я его не видела.

А спустя время местные новости уже трубили:

"Найдено тело! Выпал из окна! Находился в состоянии алкогольного опьянения! Несчастный случай!"

И на каждом канале на весь экран фотография этого смазливового подонка.

Я ни за что не поверю, что это было случайным совпадением!

Стас не просто так выпал из окна. Это Кирилл постарался.

Какой бы крепкой ни была их дружба, Полянский преступил черту дозволенного и поплатился за это! Кирилл нашёл его, учинил расправу и заставил всех поверить в несчастный случай.

И как после этого он мог так легко променять меня на другую девушку?

Если верить Светке, он уже через неделю путался с новой Дашей. И по нынешнему размеру её живота не сложно догадаться, как быстро она оказалась в его постели. Сразу видно, эту девушку не пришлось долго уговаривать.

Я не могу объяснить его поступок. Он не поддаётся никакой логике. Разве только...

От следующей мысли у меня внутри всё опускается.

"Нет, это не может быть правдой!"

Я даже не хочу сейчас чётко формулировать то, о чём только что подумала...

Сладкая парочка тем временем движется к автобусной остановке. Ещё немного, и они поравняются со мной.

Представляю, как вытянется лицо Кирилла, когда он увидит меня. Какими глазами он будет на меня смотреть? Осмелится ли заговорить со мной или сделает вид, что не узнал? Или, наоборот, с радостью познакомит меня со своей беременной подружкой, а за одно расскажет, почему так скоро променял меня на неё.

Я уже предвкушаю нашу встречу, мысленно готовясь к разговору, но Кирилл и его Даша в очередной раз останавливаются, сливаются в поцелуе, затем перебрасываются парой фраз, хихикают и... сворачивают в сторону парка.

Как же так? Я уже настроилась на разговор. Даже была готова знакомиться с девушкой, занявшей моё место. А эти двое вот-вот скроются из виду.

Я смотрю им вслед, не зная, что делать дальше.

Отпустить? Или броситься вдогонку?..

"Зачем тебе это, Даша? Что было, то прошло! Вы давно уже не вместе! И какая теперь разница, почему он выбрал её! — кричит мой внутренний голос. — Одному богу известно, чем может обернуться ваша встреча. Наталья предупреждала тебя, что эта девушка опасна! Ты на самом деле не знаешь, на что она способна!"

Но я гоню прочь все предчувствия. И вместо того, чтобы забыть эту мимолётную встречу, сесть на троллейбус и ехать на Центральную, я поправляю лямку рюкзака, натягиваю повыше шарф и следую за Кириллом и его Дашей.

Расстояние между нами стремительно сокращается. Вскоре я приближаюсь настолько, что уже путаюсь в шейфе знакомого до боли аромата.

"Маленькое чёрное платье".

Так, кажется, называется эта туалетная вода. Когда-то у меня была такая же.

Помню, как-то мы с Кириллом сидели в парке на лавочке. На моих коленях лежал рюкзак. Оттуда выглядывал Светкин каталог с косметикой, который она подбросила мне на всякий случай.

Кирилл обратил на него внимание.

— У мамки днюха скоро! — сказал он. — Может, подберём ей что-нибудь?

Я с радостью согласилась ему помочь. Вынула каталог, и мы вместе принялись рассматривать яркие развороты.

Раздел с туалетной водой изучали с особым интересом.

Кирилл, далёкий от "всех этих женских штучек", искренне удивился "пахучим" страницам. Тем, которые можно потереть и ощутить аромат на руке.

Мы оценили весь представленный женский парфюм, немного поспорили, и в итоге выбрали "маленькое чёрное платье". Только не для тёти Наташи, а для меня.

— Мне нравится! Возьми себе! — заявил Кирилл и я, конечно, не смогла ему отказать.

Вскоре бутылёк с ароматом поселился в моём рюкзаке. Я всюду носила его с собой и время от времени брызгала на запястья, пока он не опустел.

Теперь той же водой поливается новая пассия Кирилла.

Интересно, это была его идея? Или по какому-то невероятному совпадению она тоже любит этот аромат?

За размышлениями не замечаю, что иду за ними на опасно близком расстоянии. Стоит Кириллу сейчас обернуться, он тут же меня заметит. Не спасёт даже темнота зимнего вечера.

На самом деле, я зря переживаю. Кирилл настолько поглощён своей беременной подружкой, что едва ли сейчас обратит внимание на кого-то, кроме неё.

Он так к ней прижимается, что, кажется, даже опушки их капюшонов переплетаются ворсом.

Вдруг девушка поскользывается. Он мгновенно реагирует и придерживает её, не позволяя упасть.

При виде этой трогательной сцены моё сердце сжимается от боли в жалкий комочек. Во мне вдруг просыпается дикое желание обнаружить себя. Сделать что-то такое, чтобы Кирилл обратил на меня внимание.

Воображение подбрасывает разные варианты.

Догнать и толкнуть его в спину. То-то он удивится! Я ведь никогда не позволяла себе ничего подобного.

Или лучше ускорить шаг, обогнуть их справа и преградить дорогу.

Сказать своей тёзке:

"Ну, привет, Даша! Ты знаешь, кто я такая? Я бывшая девушка Кирилла! А ты знаешь почему мы расстались?.. А вот послушай!"

И вывалить на неё, хлопающую ресницами, всё до мелочей. И про наше несостоявшееся свидание у "Корзиночки", и про сообщение на телефон с незнакомого номера, и про синюю ауди, и про Полянского. И не забыть упомянуть о том, что после случившегося Стас в скором времени выпал из окна.

"Вот так совпадение! Представляешь? Будь осторожна с этим парнем! — произнесу я и взглядом укажу на Кирилла. — Кто знает, что он может сделать с тобой?"

Конечно, это только мои фантазии...

Ничего я не скажу. Максимум, на что мне хватит духу, это просто выкрикнуть сейчас его имя.

Я уже набираю в лёгкие воздух, но слышу голос Кирилла и выдыхаю.

До этого они шли молча. В обнимку, но молча. Может быть, музыку слушали через одни наушники. Кирилл это любит.

Но сейчас он спрашивает у неё:

— А ты помнишь, как мы на "Бартона Джона" ходили? Места для поцелуев...

— Угу! — отзывается она. — Здорово было!..

Я не ослышалась? Они смотрели "Бартона Джона"? В кинотеатре?

Мы с Кириллом тоже ходили на этот фильм. Выбрали места в последнем ряду. Места для поцелуев...

Слушаю дальше.

— А потом в "Котейке" сидели... Помнишь?

— Конечно!

— Напомни, какое ты выбрала тогда пирожное?

— Кажется, шоколадное... — отвечает девушка, немного подумав.

— Да, точно...

А вот я выбрала клубничное. Долго сомневалась, даже монетку подбросила.

Стоп!

Это что же получается? Кирилл водил в кино нас обеих? На один и тот же фильм? И оба свидания прошли по одному сценарию? Киносеанс, места для поцелуев, кафе, пирожное...

Пока я соображаю, всплывают новые факты.

— А колесо обозрения помнишь? — спрашивает Кирилл у своей спутницы. — С него стадион как на ладони видно! Вот бы опять прокатиться!

"Дважды катался! Хватит с тебя!" — со злостью думаю я.

На колесе обозрения мы тоже были. Как с него выглядит стадион я, если честно, не знаю. Я ужасно боюсь высоты. Помню, пока Кирилл любовался красотами Н-ска, я сидела зажмурившись, и молилась.

А ещё помню, как он жарко целовал меня там, наверху. Я почувствовала его горячие губы на своих губах, но глаза так и не открыла. Мы слились в долгом поцелуе, а потом Кирилл прижал меня к себе и прошептал:

— Трусиха ты моя...

Выходит, он встречался с нами обеими одновременно?

У меня скручиваются внутренности от следующей чудовищной мысли.

Девушка по имени Даша, которая идёт сейчас рядом с моим... к-хм, с моим бывшим Кириллом не случайно появилась.

Она всегда у него была...

Мне требуется время, чтобы осознать это.

А Кирилл между тем подкидывает всё новые и новые факты.

Зоопарк, Набережная, Аллея друзей, планетарий... Где они только не были.

Ежедневно болтаясь по городу, мы тоже были с ним во всех этих местах.

Больше нет смысла отрицать очевидное. Страшная правда, которую я боялась произнести вслух, безжалостно на меня обрушивается.

Кирилл вовсе не променял меня на новую девушку. Это со мной он начал встречаться, уже находясь в отношениях с ней.

Сначала он вёл куда-то её, а после проигрывал тоже самое во второй раз, уже со мной.

И "маленькое чёрное платье" из Светкиного каталога он мне предложил не случайно, а потому что она пользуется этой водой. Чтобы я не чувствовала "чужого" запаха на его одежде.

Теперь понятно, почему после нашего расставания эта барышня так скоро оказалась рядом с ним. Она всегда была где-то поблизости.

Но если у Кирилла уже были отношения, зачем ему понадобилась я?

Он встречал меня после занятий. Он проводил со мной кучу времени. Мы много целовались и чуть не переспали. Из-за меня его даже побили!

Что это было? Какая-то игра? Спортивный интерес? Дурацкий прикол?

Вариантов не перечесать.

Возможно, на тот момент они с его другой Дашей были в ссоре.

Возможно, он просто так обманывал нас обеих.

Возможно, Кирилл поспорил с кем-то из друзей.

Ну, скажем...

"Прикинь, Мишаня, вчера встретил Дашку! В детский сад вместе ходили! Вымахала — класс! Спорим, она ещё целка!"

Или...

"Серёга, прикинь! Решил замутить ещё с одной цыпочкой! С детства её знаю! Теперь у меня будут подружки с одинаковыми именами! Точно не перепутаю! Интересно, а целуются они тоже одинаково? Сравню и узнаю!"

А ещё вот это...

"Пацаны, делайте ставки, кто из них мне быстрее даст!"

Продолжать можно до бесконечности.

Ноги отказываются идти дальше. Я больше не хочу слушать, где ещё они были вместе. Я теперь и без того знаю, что куда бы Кирилл не водил свою вторую Дашу, меня он водил туда же. Только уже после, следующим рейсом.

Потому он и не спешил ко мне на свидание у "Корзиночки". Потому и отправил за мной Стаса. Потому и позволил случиться тому, что случилось.

Ему было не жаль меня потерять. Зачем ему Даша Соколова, малолетняя недотрога, когда у него есть ещё одна. Доступная, наверняка красивая, а теперь ещё и беременная.

В таком случае зачем ему понадобилось разбираться со Стасом? Или этот подонок всё-таки сам вывалился из окна?

У меня нет ответов на эти вопросы.

Голова идёт кругом. Я уже ничего не понимаю. Стою посреди закутанной в зиму аллеи, смотрю на две фигуры, постепенно исчезающие в темноте, и не могу удержать слёз.

— Ненавижу тебя! Ненавижу! — кричу я Кириллу вслед.

Конечно, он уже не слышит. Слава богу, и других людей по близости нет. Иначе смотрели бы сейчас на меня, как на ненормальную.

Я сдёргиваю варежку и остервенело стираю с лица мокрые дорожки. Спускаю с плеча рюкзак, разворачиваюсь вокруг себя и бреду к остановке. Ноги сами несут меня в метро.

Спускаюсь в подземку, качаюсь в полупустом вагоне и мысленно уговариваю себя не думать о Кирилле. Только не думать не получается. Ощущение такое, будто мои едва затянувшиеся раны были только что снова разодраны. Безжалостно, голыми руками.

Еле живая добираюсь до дома. Звук домофона рвёт на куски тишину январского вечера. Проваливаюсь в пропахшую краской темноту тёплого подъезда. Карабкаюсь на свой пятый этаж и... вскрикиваю.

Правда о том, что Кирилл на протяжении полутора лет меня обманывал, кажется сейчас сущей мелочью по сравнению с тем, что видят мои глаза...

На двери моей квартиры "красуется" надпись:
"ВПУСТИ МЕНЯ, ТВАРЬ!"

Жирные ядовито-жёлтые буквы на металлической поверхности цвета "венге". Подозреваю, на эти несколько слов ушёл не один баллончик с краской.

Теперь понятно, откуда взялся в подъезде этот химический запах.

Не нужно обладать сверхспособностями, чтобы догадаться, чья это работа.

— Карасёв! Подонок! Да когда ты, наконец, успокоишься! — вскрикиваю так, что будь у меня соседи, они бы уже выскочили на площадку, узнать, не убивают ли кого.

Я разворачиваюсь и, едва поспевая за собственными ногами, бросаюсь вниз по ступенькам.

***

— Какого хрена, Соколова? — заспанный и взъерошенный Толик устало трёт глаза, заполнив собой весь дверной проём.

Мне с большим трудом удалось достучаться до него, и теперь ясно, почему.

Как вообще этот двухметровый верзила может спокойно спать после того, что сделал?

С другой стороны, хочется верить, что сейчас он, наконец, протрезвел, и мне не придётся говорить с пьяным быдлом, коим становится Карасёв уже после двух банок своего тёмного нефильтрованного.

— Ты зачем это делаешь? — выкрикиваю я, надеясь скорее привести его в чувства.

Толик сводит брови к переносице:

— Что?

— Говорю, с приколами заканчивай, Карась! Моя жизнь из-за тебя и так летит ко всем чертям! Тебе этого мало? Теперь вы с друзьями решили поиграться в "Возвращение Полянского"?

Я изображаю пальцами ковычки, а Толик не понимая хлопает глазами:

— Ты чё несёшь?

— Хватит прикидываться идиотом! — я приближаюсь к нему и буравлю его глазами, искренне сейчас жалея, что едва достаю ему до подбородка. — Я сразу поняла, что это твоих рук дело! Верни мой телефон! А потом иди, смывай свои художества!

— Соколова, ты бухая, что ли? Какой телефон?

Карасёв чешет затылок и смотрит на меня, как на дуру.

— Который ты стащил из моего кармана два дня назад! Или скажешь, ты не был у Тимохина и не тёрся у моей двери?

— У Тимохина? Дай вспомнить... — он так усиленно чешет затылок, будто в самом деле мог забыть, что делал всего пару дней назад. — У Тимохина был... Но к твоей двери точно не поднимался! На фига мне? И твой "кирпич" за три копейки мне на фига? С таким на Центральной только ты ходишь. Ну, и Сегарь, наверно... О! Кстати, может это он взял?

— Очень смешно...

Сегарь, то есть Сергей, — это местный дурачок без определённого места жительства. Безобидный и безотказный. Первый помощник у Степана Дмитриевича, нашего дворника.

Может, на самом деле, это он стащил мой телефон?

А что? Бабушка часто отгоняла его от нашей двери. Конечно, этаж последний, чердак

близко... Из жильцов на этаже только мы с бабулей. Вот Серёжа нет, нет, да и приляжет на наш коврик.

Да, если дверь была открыта, а мой телефон торчал из кармана, Сегарь вполне мог заглянуть и прихватить его. А с ним и медведя...

Нопринести-тоигрушку к моей двери мог только Карась! Слишком уж чётко она была скопирована. Таких подробностей, как оторванная пуговица-глаз и дыра от сигареты на банте, больше никто не знал.

И стучать в мою дверь, прикинувшись Полянским, мог только Карасёв. Ну, или один из его дебильных дружков.

— Ладно... — говорю я. — А в Полянского кто нарядился? А медведя кто принёс? Тоже Сегарь? Карасёв, ты думаешь, я совсем дура?

У Толика брови подскакивают от удивления:

— Нарядился в Полянского? Ты гонишь? Что за дичь?

— Я в окно видела... Как он... К-хм, в смысле, как ты или кто-то из твоих пацанов садился в машину! И пуховик ведь такой же нашли! И "ауди" подогнали! Поржать решили? Напугать меня? Поздравляю! У вас получилось! До сих пор колени дрожат! — показательно хлопаю в ладоши.

Я ожидаю, что Карасёв, наконец, не выдержит, признается и даже отправдываться начнёт. Но, сложив руки на груди, он спокойно мне заявляет:

— Соколова, у меня для тебя плохие новости... Это был не я.

— А надпись на двери? Тоже скажешь, не твоих рук дело? — спрашиваю уже не так резко, и чувствую, как липкий страх начинает протягивать ко мне свои щупальца.

"Пусть это сделал он... Пусть это он... Ну, пожалуйста..."

Увы... Кажется, Карась в самом деле тут ни при чём.

— Что за надпись? — его брови снова съезжают к переносице.

— "Красивые" буквы "красивым" почерком. Послание автомобильной краской... — стараюсь говорить спокойно и дышать ровно, но, кажется, воздуха на тесной площадке становится всё меньше и меньше. — Сегодня днём кто-то оставил на моей двери...

— Сегодня ночью я к тебе приходил, стучал... — почти с сожалением говорит Толик. — Но днём я спал...

Лучше бы он сказал: "Да, это я написал..."

Или

"Сорян, Дашка! Бухой я был..."

Ну, и или что-то в этом духе.

Да хоть матом ответил! Без разницы!

Я бы его даже краску отмывать не заставила, честное слово!

Но он смотрит на меня и не меньше моего хлопает глазами. Невооружённым глазом видно, что ему самому уже не по себе.

От напряжения меня начинает колотить мелкая дрожь, а где-то глубоко-глубоко внутри пищит тоненький голосок:

"Даша, а если это правда сделал не Карасёв?"

Но тогда кто?

Кто уже дважды стучал в мою дверь?

Кто подкинул медведя?

Кто оставил надпись на двери?

Кто так изощренно пытается свести меня с ума?

Ну, не покойник же, в самом деле...

Карасёв между тем на несколько секунд скрывается за дверь и появляется вновь уже в пуховике, наброшенном на домашнюю футболку, и зимних кроссовках.

— Так что за надпись, Дашка? Пойдём, покажешь...

***

Спустя пару минут мы стоим у моей двери и взираем на жирные размашистые штрихи.

Подтянув руку к затылку, Толик присвистывает:

— Ни хера себе, Пикассо.... Не, Дашка, это точно не моих рук дело! Я бы написал: "СУКА!"

Он ещё и шутит? Молодец!

— Не кривляйся! Лучше скажи, кто мог это сделать? — спрашиваю я.

— Понятия не имею... — Карасёв запускает руки в карманы и дёргает плечами.

— Может, кто-то из твоих пацанов?

— Из моих пацанов точно никто так не напишет. Они ошибок пятнадцать сделают!

— Хватит прикалываться! Мне не до шуток! — не выдерживаю я, потому что мне в самом деле не смешно.

— Нет, серьёзно... Откуда мне знать, кто тебе "любовные" письма пишет! — Толик вынимает руки из карманов и взмахивает "ковычками". — Спроси лучше у того, с кем ты спала прошлой ночью!

Я закатываю глаза. Вот только его тупой ревности мне сейчас не хватает!

— Я у Светки была... Она мне не дала... — парирую в ответ и меняю тему. — Ладно, я за тряпкой... Отмывать будем...

— Тут одной тряпки мало будет! Растворитель тащи! — не унимается Толик.

— Дурак... — устало бросаю я.

Иду к двери, но едва вешаю рюкзак на ручку, чтобы достать ключи, та вдруг со скрипом открывается...

Меня накрывает липкая смесь ужаса и паники. Едва дыша, я отпускаю дверную ручку и медленно отступаю назад.

Толик мгновенно реагирует.

— Что за херня?

Он в считанные секунды оказывается впереди и загораживает меня собой.

Я выглядываю из-за его плеча. Мы, замерев, смотрим на входную дверь, которая теперь бесшумно покачивается на сквозняке.

В прихожей темно. Из недр квартиры доносится бормотание радиоприёмника. Он уже много лет стоит на столе в бабушкиной спальне, но при мне она ни разу его не включала.

Спустя минуту напряжённого ожидания я осмеливаюсь подать голос.

— Карасёв, что происходит? Меня ограбили? — произношу почти шёпотом.

— Хрен знает... Теперь ты веришь, что я тут ни при чём? — вполголоса отвечает тот, не сводя глаз с двери.

— Угу... И что нам делать?

— Оставайся здесь. Я пойду проверю...

Толик делает шаг вперёд, но я хватаю его за запястье.

— Не ходи! А если в квартире кто-то есть?

— Не ссы! — он мягко высвобождает руку. — Я пару клёвых приёмчиков знаю!

На этой фразе Карасёв оборачивается, понарошку "бьёт" себя по челюсти и с улыбкой мне подмигивает.

Эта улыбка запускает в моём организме необратимый химический процесс.

Напряжение отступает, я улыбаюсь Толику в ответ, и когда снова вижу его взъерошенный затылок, понимаю, что не прощу себя, если с этим парнем что-нибудь случится.

Внутренний голос нашёптывает мне что-то вроде:

"Даша! Это же Карась! Твой бывший одноклассник, который, если ты помнишь, довёл твою бабушку до сердечного приступа! Он же избил твоего Кирилла! И тебя саму не раз прикладывал затылком к стене мужского туалета! Ты много лет ненавидишь его! Забыла?"

Но химия сильнее...

Неважно, каким Карасёв был когда-то. Важно, каким я вижу его сейчас. Его не страшит неизвестность. Он готов рисковать собственной жизнью, чтобы защитить меня.

— Я с тобой! — бросаюсь к нему и снова хочу взять его за руку, но Толик выдёргивается и взмахом указательного пальца указывает мне на моё место.

— Оставайся здесь, я сказал! — строго говорит он, и я не смею ослушаться.

Вскоре Карасёв скрывается за дверью, а для меня наступает время мучительного ожидания.

Я готовлюсь услышать крики, звуки борьбы, звон бьющегося стекла, треск ломающейся мебели и даже выстрелы. Но до меня доносятся только шаги блуждающего по квартире Толика и глухое хлопанье межкомнатных дверей. Ну, и прогноз погоды из радиоприёмника, разумеется.

Последней хлопает дверь ванной комнаты. Её щеколда давно просится на выброс.

Я успеваю поверить, что всё в порядке и даже осмеливаюсь шагнуть к двери, когда за

ней вдруг раздаётся дикий вопль Карасёва:

— Ах, ты сука!

А следом глухой удар чего-то обо что-то. Затем ещё и ещё.

"Боже! Там в самом деле кто-то есть!"

Вновь охваченная ужасом я пячусь назад.

Грохот тем временем стихает и наступает пугающая тишина. Кажется, даже радио больше не говорит.

Что мне делать? Зайти внутрь? Звать на помощь? Бежать прочь? Что?!

"Нет, я не могу оставить Толика один на один с этим мерзавцем! Боже, божечки... Как же страшно! Ну, почему он так долго не выходит?"

Я готова расплакаться от страха и непонимания происходящего. Перед глазами стоит картина — Карасёв, согнувшийся пополам и харкающий кровью, и возвышающийся над ним Полянский с бейсбольной битой в руках.

Проходит ещё полминуты напряжённой тишины. Я уже собираюсь войти внутрь и будь, что будет. Но входная дверь вдруг распаивается и на пороге вырастает двухметровая фигура Толика.

Его лицо... Нет, оно не испачкано кровью. Оно "испачкано" широченной кривой улыбкой.

— Что, Соколова? Наложил в штаны? — подозреваю, он едва сдерживается, чтобы не заржать в голос.

— Идиот! Это смешно по-твоему?! — бросаюсь к нему и хватаю за ворот пуховика.

Я готова разорвать его на части за эту дебильную выходку и вместе с тем счастлива, что с этим дурачком ничего не случилось.

— Ты напугал меня! Ты это понимаешь? — отталкиваю его от себя и в то же время еле справляюсь с желанием обнять от радости.

— Ладно, ладно! Сорян... Не удержался! — он вскидывает руки, показывая, что сдаётся, и гогочет по-идиотски.

— Так что там? — спрашиваю я, заглядывая ему через плечо, но в темноте всё равно ничего не вижу.

— Не бойсь, Соколова! Всё чисто!

Он пропускает меня в квартиру, закрывает дверь и зажигает свет в прихожей.

Я оглядываюсь вокруг себя.

Чисто... Действительно, чисто...

Только бабушка поддерживала в квартире такую чистоту. Мне одной некогда да и не для кого наводить такой порядок.

Разуваюсь, не спеша иду по комнатам, включая свет в каждой из них. Толик следует за мной по пятам.

Первым делом я захожу в бабушкину спальню. Плед на её диване аккуратно расправлен. Подушки взбиты и составлены друг на друга. Бабушка всегда выстраивала из них пирамиду. Я же просто разбрасываю по дивану.

Форточка настежь распахнута, от чего в комнате свежо и, я бы даже сказала, холодно. Цветы на подоконнике политы и расставлены на одинаковое расстояние друг от друга. Стекланные дверцы серванта начищены до блеска. Посуда в нём стоит практически в алфавитном порядке. На однотонном ковре не видать ни соринки, хотя, к своему стыду, я не помню, когда последний раз его пылесосила. Рекламные журнальчики на письменном столе,

прежде хаотично раскиданные, сейчас лежат одной ровной стопочкой.

Осторожно заглядываю в шкаф. Оставшиеся после бабушки немногочисленные вещи аккуратно разложены по цветам.

В моей комнате такая же картина. Форточка открыта, цветы политы, постель заправлена. На покрывале — ни морщинки, на книжных полках — ни пылинки, а сами книги расставлены по росту.

В ванной и туалете тоже кто-то потрудился. Даже полотенце, которое я обычно бросаю на батарею как придётся, сейчас аккуратно висит и смотрит на меня лицевой стороной.

В кухню захожу в последнюю очередь. Окидываю беглым взглядом сверкающий гарнитур, плиту, начищенную до блеска, холодильник с магнитиками, выложенными теперь в одну линию, и уже ничему не удивляюсь.

Оборачиваюсь на Толика:

— Что всё это значит?..

Толик в отличие от меня ничего странного не заметил.

— Не знаю... Вроде нормально всё... Просто кое-кто опять не закрыл дверь! — беззаботно отвечает он.

На меня намекает. Раньше со мной такое случалось. Могла уйти и просто хлопнуть дверью, которая вообще-то ключом закрывается!

Мы с бабушкой не раз ругались по этому поводу.

"Из-за тебя нас обчистят когда-нибудь!" — ворчала она.

"Боже мой! Да кому нужен твой старый скрипучий диван? Кроме того, ты всегда дома!" — огрызалась я в ответ.

Но то было раньше. Теперь я повзрослела, поумнела и больше так не делаю.

Хотя в последний раз я уходила из дома сама не своя. Никак не могла отойти от ночного кошмара. Перед глазами стояла та женщина без лица, которая опять умерла на моих руках. Я думала о ней всё утро. И, видимо, за этими мыслями не заметила, что опять не закрыла дверь. И про форточки забыла по той же причине.

Но как объяснить перестановку по всей квартире и работающий радиоприёмник? К нему я точно не прикасалась. Не мог же он сам собой включиться!

А Толик между тем беспечно интересуется:

— Так что не так-то? Пропало что-то?

— Ты издеваешься? — вскрикиваю я. — Кто-то проник в мой дом, включил музыку и немного прибрался! И я не припомню, чтобы кого-то просила об этом! И ты ещё спрашиваешь, что не так? Да здесь всё не так! Абсолютно всё! Даже эта долбанная перечница стоит не так!

Я тыкаю пальцем в несчастную стекляшку со специей и застываю на месте.

На кухонном столе лежит сложенный вдвое тетрадный лист. Я сразу не заметила его, потому что была ослеплена идеальной чистотой моего вечно убогого жилища.

На листе аккуратным почерком выведено:

"БУДУ ЗАВТРА В 17:00"

— Что это? — поднимаю на Толика испуганные глаза.

— Хер его знает... — задумчиво произносит тот и уже по привычке тянет руку к затылку.

Я беру со стола записку, не переставая сканировать её глазами.

"БУДУ ЗАВТРА..."

Сердце в груди медленно набирает обороты.

"А что, если это... Нет, невозможно..."

— Это он... — до боли в пальцах сжимаю листок, уставившись на чернильные буквы. — Он написал...

— Кто? — басит Карасёв за моей спиной.

— Полянский... — я оборачиваюсь. — Он жив. И он нашёл меня...

— Ты прикалываешься? С чего ты взяла? — Толик озадаченно хмурится.

— Как ты не понимаешь? Стук в дверь, человек в красном пуховике, синяя "ауди", плюшевый медведь, надпись на двери и, наконец, это...

Замолкаю на полуслове. К глазам подступают слёзы отчаяния, комок в горле мешает

говорить.

Я сглатываю и произношу дрожащим голосом:

— Я думала на тебя и твоих пацанов, а на самом деле это всё сделал он...

— Не гони! Полянский мёртв! — осторожно произносит Толик.

— А как ты объяснишь всё это? — спрашиваю я, взмахнув листком бумаги. — Вещи, книги, цветочные горшки... Всё, абсолютно всё стоит по-другому! И эта записка... Полянский жив и уже несколько раз доказал это! Он был в моём доме! Понимаешь? Он играет со мной! Он хочет свести меня с ума!

Я швыряю записку на стол и хватаюсь за голову. Сердце бешено колотится, руки сами собой сжимаются в кулаки, а по щекам катятся солёные капли. Я не знаю, что делать.

— Ну, ну, Соколова! Посмотри на меня, — Толик мягко кладёт руки на мои плечи, я послушно поднимаю на него заплаканные глаза. — Это хрень какая-то! — он произносит слова почти по слогам. — Ты всерьёз думаешь, что Полянский воскрес из мёртвых и пришёл к тебе немного прибраться? Это даже звучит, как полный бред!

— Это он стучал в мою дверь! Это он принёс медведя! Я видела, как он садился в машину! Он жив! Понимаешь? — шепчу я сквозь слёзы. — Он всех нас обманул! Он придёт и опять сделает мне больно!

— Не гони, Дашка! Полянский мёртв, и мы оба это знаем! А всему этому, — отпусти мои плечи, Толик обводит руками пространство вокруг, — всему этому должно быть какое-то другое объяснение!

Он снова притягивает меня к себе. Я утыкаюсь ему в плечо, и мои слёзы оставляют на его футболке мокрый след. Но в крепких мужских объятиях мне уже не так страшно. Напряжение понемногу спадает. Я ощущаю себя под защитой.

А Толик будто читает мои мысли.

— Я здесь, с тобой! Я не дам тебя в обиду! — произносит он, удерживая меня в кольце своих рук. Ты веришь мне?

Да. Я верю ему.

— Угу... — ещё раз всхлипываю, прижавшись к его груди, и потихоньку прихожу в себя.

Почему я раньше не замечала, какое мускулистое у него тело, и как вкусно пахнет его гель для душа...

Мы ещё немного стоим, обнявшись, а затем Карасёв отстраняется, тянется к столу, берёт записку и, повертев её в руках, заявляет:

— Будет завтра?... Отлично! Значит, встретим!

— Что? — я смотрю на него с удивлением.

Смяв записку в кулаке, Толик заявляет:

— Я останусь у тебя до завтра и дождусь этого ушлёпка, кем бы он ни был!..

За окном властвует зимняя ночь. Где-то во дворе лает собака. Чей-то мужской бас орёт пьяные песни, а женский сопрано сыплет ругательства вместо припева. Обычное дело для нашей улицы.

Я ставлю чайник, делаю бутерброды и следующие два часа мы жуём, пьём кофе и болтаем ни о чём.

И это так странно.

Ещё утром я ненавидела и проклинала Толика. А теперь он сидит на моём диване в своей мятой футболке, такой взъерошенный и домашний, и мне кажется, что роднее этого человека нет никого на свете.

Я испытывала к Толику похожие чувства, когда после пережитого ужаса оказалась в его "шалаше", как он сам называет своё жилище.

Помню, пока я жила у него, мы каждую ночь устраивали подобные посиделки. Потому что ночей я боялась больше всего.

Толик заказывал пиццу или суши, включал музыку, травил анекдоты и болтал обо всякой фигне. Он старался забить мою голову любой ерундой, только бы я не думала о случившемся со мной кошмаре.

Я это понимала и была благодарна ему. Слушала, улыбалась в ответ и однажды поверила, что всё будет хорошо.

А потом я вернулась к бабушке, и Толик стал частым гостем в нашем доме. Он приходил с цветами и конфетами, чинил всё, что успело сломаться, и гонял чай с моей бабулей. Помню, та сияла от радости, впуская его в наш дом.

И вот однажды бабушка открыла ему дверь в последний раз...

Я многое могу списать на кого-то другого. Украденный телефон — на Серёжу-дурачка, надпись на двери и плюшевую игрушку — на внезапно воскресшего Полянского. Но с поясом от платья прийти к бабушке мог только Карасёв. Ну или кто-то, кому он передал его. Потому что это был тот самый пояс. Не умело скопированная подделка, как это могло быть с медведем, а именно оригинал. Я узнала его по своим инициалам, аккуратно вышитым бабушкой с изнаночной стороны. Никто не смог бы их подделать, ведь только я знала, что они есть.

Так зачем Карасёв это сделал? Зачем он всё рассказал моей бабушке? Зачем отдал ей проклятый пояс? Зачем он сначала помог мне вернуться к жизни, а потом снова эту жизнь разрушил?

Я ни разу не задала ему этих вопросов. В первый же вечер окрестила "убийцей" и просто вычеркнула из своей жизни. Ничего не объясняя, стала избегать встреч и прекратила отвечать на звонки.

Однажды Толик всё же поймал меня во дворе.

"Что не так, Соколова?" — спросил он, больно удерживая меня за руку и лишая тем самым возможности вырваться и сбежать.

И тогда я "выплюнула" ему в лицо:

"Не трогай меня, мерзкий ублюдок! Это из-за тебя умерла моя бабушка!"

Услышав эти слова, Толик опешил и немного ослабил хватку. Я воспользовалась этим, высвободила руку и скрылась в подъезде.

Его другие попытки поговорить со мной заканчивались одинаково. Не желая слушать, я выкрикивала ему очередную порцию ругательств и убегала прочь.

— Может быть, настало время поговорить обо всём открыто? Спросить напрямую: "Толик, зачем ты это сделал?"

Тот будто читает мои мысли и первым начинает этот разговор.

— Я помню, как прожёл тебе звонок, — говорит он. — Помню, как удерживал тебя в школьном туалете и говорил гадости. Помню, как подбил пацанов, отметелить твоего придурка. А ещё я курю, бухаю и разговариваю матом. Я далеко не положительный персонаж и не отрицаю этого. Но ты винишь меня в смерти бабушки. Да на такое дерьмо даже я не способен! Довести пожилого человека до инфаркта — это же просто дичь какая-то! Соколова, с чего ты решила, что Ольга Николаевна умерла из-за меня?

— Она сжимала в руках пояс от моего платья... — опустил глаза, отвечаю я. — Того самого платья, понимаешь?

— Пояс от платья? Серьёзно? — я не смотрю на него, но представляю, как его брови сейчас подпрыгивают от удивления. — Думаешь, я пришёл к твоей бабушке и, размахивая поясом от платья, рассказал ей, как подобрал тебя во дворе?..

— А что ещё я должна думать, Карасёв? — я вскидываюсь так, что мой кофе выплёскивается из кружки, и несколько капель падают на плед и тут же впитываются. — Она сжимала его в руках и задыхалась от чувства вины! А потом она умерла! И, знаешь, какой была её последняя фраза? "Он! Здесь был он!" Понимаешь? А кто ещё знал об этой истории, кроме тебя?

Его ответ остужает мой пыл лучше любого контрастного душа.

— Не было на тебе никакого пояса, Соколова!

— В смысле?

— В прямом! В глаза не видел! Похоже, ты посеяла его ещё до того, как я обнаружил тебя на скамейке у подъезда... Как ты сама этого не помнишь? — говорит Толик и добавляет с горькой ухмылкой. — Хотя, если вспомнить, в каком ты была состоянии...

— Но если я потеряла пояс... — начинаю я.

Толик продолжает:

— Кто-то прибрал его к рукам и принёс твоей бабушке! И это точно был не я!

— Но кто мог это сделать?

— Кто-то, кто знал о случившемся. Кто-то, кто был знаком с твоей бабушкой. Кто-то, кто злился на неё и желал ей смерти. Кто-то, кому было не жаль тебя... Я могу долго перечислять. Хочешь узнать, кто это был? Вспомни, где оставила эту чёртову тряпку!

Я собираюсь с мыслями.

Когда я уходила от Полянского, пояс ещё был на моём платье. Я помню, как в пороге зацепилась им за обувницу. А потом он волочился за мной на пути к перекрёстку. А потом...

— О, боже... Я знаю! — произношу не своим голосом. — Мой пояс взяла она, та женщина...

— Что за баба? — интересуется Толик, отставляя свою кружку. Я следую его примеру.

— Она подобрала меня у обочины...

Память отбрасывает меня в жаркую июльскую ночь. Ту самую ночь...

Я вышла из "Жемчужного" и кое-как добралась до перекрёстка. Мне нужно было решить, куда двигаться дальше.

"Адское" перепутье предлагало три варианта.

Свернуть в Центральный пригород и попросить его жителей о помощи. Отправиться домой в Н-ск и всё рассказать бабушке. Или сбежать от позора, боли и воспоминаний в К-ск.

На тот момент бегство казалось мне единственным выходом. Я сделала несколько неуверенных шагов в выбранном направлении. Затем пошла быстрее и быстрее.

Впереди у обочины стоял автомобиль. Я подумала, что он брошенный, но едва приблизилась, меня ослепили его "противотуманки".

"Это знак! — сказал мой внутренний голос. — Бегство тебе не поможет! Куда бы ты не убежала, воспоминания об этой ночи будут преследовать тебя до конца жизни. Вернись домой и будь сильной!"

Я прислушалась к нему. Развернулась и пошла в сторону Н-ска.

Автомобиль между тем заурчал двигателем и неспеша пополз за мной.

Я была не в том состоянии, чтобы думать о преследователе. Самое страшное, что могло случиться с невинной девятнадцатилетней девушкой, уже случилось.

Меня избили и грубо изнасиловали. Какой ещё вред мог причинить мне сидящий за рулём человек?

С этими мыслями я потихоньку брела вдоль обочины. Машина тем временем набрала скорость и поравнялась со мной.

Я даже не повернула головы, когда стекло со стороны водителя медленно сползло вниз и раздалось:

— Садись, подвезу...

Голос был грубый. Я подумала, прокуренный или простуженный. И только теперь понимаю, что его специально изменили.

Это была женщина. Я видела её боковым зрением на фоне белого глянца иномарки.

Приглашение незнакомки я, само собой, проигнорировала. Но та оказалась настойчива.

— Не дури! Садись! — воскликнула она и, высунувшись из окна, протянула руку.

Я шарахнулась в сторону и только тогда осмелилась взглянуть на неё.

В памяти остались её огромные чёрные очки и белый палантин, искусно обмотанный вокруг головы. Он скрывал нижнюю часть лица женщины, шею и плечи. Запомнились длинные кружевные перчатки на руках. Те, что надевают невесты на свадьбу. И белый плащ с рукавами "три четверти".

Я, помню, отметила про себя, что эта барышня одета явно не по погоде. Своеобразное одеяние и хрипотца в голосе не позволяли определить на глаз её возраст. Она могла быть и юной девушкой, и взрослой женщиной, и даже старухой.

Я замешкалась, не зная, как поступить. Здравый смысл и дорожный указатель подсказывали, что до Н-ска добрых 50 км, преодолеть которые пешком станет для меня непосильной задачей. Но страх оказаться опять в чужой машине один на один с незнакомым

человеком удерживал на расстоянии.

— Ну, что же ты? Садись, не бойся! Я не кусаюсь! — сказала незнакомка, видя моё замешательство.

Её губы скрывал палантин, но я почему-то подумала, что на этой фразе она улыбнулась. И тогда мои последние сомнения отступили.

Я обошла машину, открыла заднюю дверцу и забралась в салон, обтянутый белой кожей.

Боясь испачкать сиденье, присела на самый краешек и аккуратно подобрала лохмотья, в которые превратилось моё платье. Пояс от него волочился по полу, и мне пришлось поддёрнуть его, чтобы не защемить дверцей.

— Ну, что, в путь? — воскликнула незнакомка, глядя на меня в зеркало заднего вида. Я видела только её очки.

Не дожидаясь моего ответа, женщина ударила по газам, и мы тронулись с места.

Помню, мне было очень неудобно в этом дорогом автомобиле, и я жалела, что приняла помощь. Но время вспять не повернуть.

Очень скоро мы прибыли в город. Пейзажи окраины сменились на промышленные застройки и стройные ряды торговых центров, быстро сменяющие друг друга жилые дома и кафе, аптеки и небольшие скверы.

Вскоре я увидела за окном свою Центральную. Едва заметив её первые пятиэтажки, я попросила незнакомку высадить меня. Она ответила что-то о запрещающем знаке и провезла чуть дальше, точно к моему дому.

— Вот здесь удобно будет? — спросила женщина, паркуясь у моего подъезда.

— Да, спасибо... Это как раз мой дом... Вон мои окна на пятом этаже... — ответила я.

— Надо же! Вот так совпадение! — воскликнула она.

А я была настолько подавлена, что не заострила внимания на этом совпадении. Подумаешь, чудеса...

— Угу... — буркнула ей в ответ и выбралась из машины.

Женщина пожелала мне удачи, просигналила на прощанье и, лихо развернувшись, вскоре скрылась за домом.

Подниматься в квартиру я, конечно, не стала. Добралась до ближайшей скамейки, опустилась на неё и, оставшись один на один с тишиной июльской ночи, разразилась слезами...

— А потом подошёл ты... — закончила я.

Толик слушал очень внимательно, не перебивал, не вставлял своих идиотских шуточек. Но, едва я умолкла, воскликнул:

— Ну, и дура ты, Соколова!

Я непонимающе захлопала глазами:

— Что?

Он ударил себя ладонью по лбу и покачал головой, изображая смайлик "рука-лицо".

— Да что не так-то?

— Всё не так! — наконец, ответил Карасёв, убрав руку от лица. — Ты же сама ей фактически назвала свой адрес. Вон, говорит, мои окна на пятом этаже! Заходите, если что! Грохните мою бабу! А то достала уже со своим порядком!..

Я смотрю, как он кривляется, как голос коверкает, изображая меня, и понимаю, что он прав! Как я могла быть такой беспечной.

Но следующая мысль бьёт меня похлеще любой неисправной электропроводки.

Я произношу севшим голосом:

— А я ведь не говорила ей, что мне нужно на Центральную... Я даже не говорила ей, что мне нужно в Н-ск... Эта женщина помогла мне не случайно! Она знала меня!

Разве посторонний человек будет переживать за какую-то чумающую девку у обочины. Разве станет мараť свою машину таким вот пассажиром? Конечно же, нет! А эта женщина везла меня до города полсотни километров и ни слова не сказала ни про моё разодранное платье, ни про мои руки со сломанными ногтями, ни про моё лицо, украшенное чужой "лаской".

Когда за окном замелькали наши пятиэтажки, и я попросила высадить меня у одной из них, она воскликнула что-то вроде: "Надо же совпадение! Всегда езжу этой дорогой!"

Теперь я понимаю, что она блефовала.

— Конечно, она знала и меня, и мою бабушку!.. — сглатываю, чтобы снять давящее напряжение в груди.

— И как ты думаешь, кто эта баба? И чем так провинилась перед ней твоя старушка? — спрашивает Толик.

— Я не знаю... — растерянно пожимаю плечами, а у самой в голове звучит голос Антонины Петровны:

"А что, если твоя бабушка хотела сказать не он, а она?..."

И ещё вот это:

"А что, если твоя мама жива?"

Сейчас эти слова уже не кажутся мне "сказочной чушью".

Я ведь на самом деле ничего не знаю о матери. А что, если она и вправду жива. И если так, то бабушка предпочла скрыть от меня правду только по одной причине. Потому что, действительно, хотела защитить! Антонина Петровна высказала такое предположение, только я не захотела слушать.

А что, если так и есть?

Что, если та женщина, что подобрала меня у обочины, и есть моя мать?

И на самом деле это она виновата в смерти моей бабушки...

Я случайно произношу эти мысли вслух.

— Твоя мать вроде померла тыщу лет назад? Или всё-таки нет? Во приколы! Как в сериале... — Толик возбуждённо хватается за голову.

Кажется, его забавляет эта ситуация.

— Не смешно, Карасёв! — огрызаюсь я. — Но надо смотреть в лицо фактам. Та женщина, которая подобрала меня у обочины, знала слишком много для постороннего человека.

— Хрен знает... — Толик неопределённо дёргает плечами. — Может, реально случайное совпадение. Может, нет.

На этом мы оба замолкаем. Карасёв тянется за своей кружкой и припадает к ней. Я же свою гипнотизирую на расстоянии.

Мне опять колет глаза эта надпись:

"Самой лучшей в мире внучке от бабули"

Бабушка, бабушка, почему ты не рассказала мне, что же случилось с мамой на самом деле?

— Слушай, Дашка, — вдруг вскрикивает Толик, едва не поперхнувшись. — А может, это...

— Что? — я озадаченно смотрю на него.

— Может, это она тут у тебя... — он описывает в воздухе круг указательным пальцем. — Ну, похозяйничала? Так, по-матерински...

— Дурак... Думала, что умное скажешь...

Я фыркаю, но вместе с тем задумываюсь над его словами.

А что, если он прав.

Квартира убрана в бабушкином стиле. Всё по линейке, всё по цветам. Так убраться мог только человек, обладающий её генами...

Заметив, что я всерьёз задумалась над его словами, Толик по-свойски роняет руку на моё плечо:

— Ладно, не парься, Дашка! Пошутил я. Завтра эта личность загадочная явится, и мы разберёмся, кто там... Мать иль не мать...

Он зевает так заразительно, что мне хочется последовать его примеру. Я подавляю зевок и смотрю на часы.

02:14... Неудивительно, что мы оба зеваем.

— Ты падай, а я ещё подежурю!

Толик ведёт плечом, как бы намекая, куда именно я должна падать.

Я слишком устала и расстроена, чтобы кокетничать. И хоть справа от меня лежат две прекрасные подушки, упакованные в вышитые бабушкой наволочки, я выбираю другой вариант, спортивный, накачанный.

Осторожно прислоняюсь к Карасёву, устраиваю голову на его плече и очень быстро проваливаюсь в сон.

Кажется, Толик ещё что-то говорит, но я уже не прислушиваюсь.

Я почти уверена, что он вытащил из треников свой мобильник и уже звонит кому-то из пацанов. Ну, или каким-то образом дотянулся до моей книги и читает её по слогам.

Я не обращаю на это внимание и пытаюсь уснуть. Но когда в тишине вдруг звучит моё имя, накрывшая меня дрема в секунды рассеивается и, притворившись, что уже сплю, я полностью обращаюсь в слух.

— Дашка, родная моя... Как же устал я рядом с тобой мудаком прикидываться! А всё потому что люблю тебя, девочка моя! С третьего класса люблю! И признаться боюсь! Боюсь, что посмеёшься и пошлёшь меня куда подальше! А ведь я что угодно для тебя сделаю! И материться перестану! И пить брошу, и курить! Вон за вечер ни одной сигареты не выкурил! И работу нормальную найду! Только бы ты разглядела меня настоящего! Только бы поверила мне...

Я притворяюсь спящей, а сама слушаю и дышу через раз. А сердце бьётся о рёбра так громко, что, боюсь, оно выдаст меня.

Таким я Толика не знала. Сейчас он говорит всё это, потому что думает, что я сплю.

А я не сплю...

Меня будит гомон на улице.

Воскресное утро в нашем дворе всегда начинается одинаково.

Наш сосед Иван Иванович и дворник Степан Дмитриевич встречаются у беседки приветствуют друг друга, обмениваются рукопожатиями. А за тем их разговор, начатый с безобидного "Как жизнь?", перерастает в горячий спор о той самой жизни. Кто чем болен, кто чем недоволен, ну и так далее.

Вот и сейчас эти полные сил пенсионеры задались целью перекричать друг друга, а за одно поднять на уши всех жильцов нашего дома и соседнего. Того, что справа.

Я нехотя разлепляю глаза и сразу же упираюсь в горящие в темноте кроваво-красные цифры на часах. Половина девятого...

Обвожу взглядом тёмную комнату. Нет, ничего мне не приснилось. Я всё там же, в идеально убранной не моими руками "двушке" на Центральной. А справа от меня на самом краю дивана свернулся калачиком Толик. Я помню, что заснула на его плече, а теперь лежу на бабушкиных красивых подушках, укрытая её же плюшевым пледом. Догадаться, кто позаботился обо мне, не сложно. Вот это двухметровое туловище, которое сейчас так смешно морщится во сне.

Смотрю на него и сердце плавится от нежности.

У него две родинки на шее и едва заметный шрам на левой щеке. А ещё ресницы. Такие густые, чёрные...

Что со мной?

Я так долго грезил Кириллом. Все мои мысли были заняты только им. Я любила его, ненавидела, злилась, скучала, ревновала и не могла думать ни о ком, кроме него.

А сейчас я смотрю на эти густые чёрные ресницы, и мне хочется прикоснуться к ним губами, а сердце в груди отстукивает "Мелодию дождя" Бетховена точно по нотам.

А в памяти его слова:

"Только бы ты разглядела меня настоящего..."

Я осторожно сползаю с дивана и укрываю Толика пледом, нарочно задержав свою ладонь на его спине дольше, чем следует. Кажется, он что-то бормочет, зарываясь лицом в мягкий плюш. Я оставляю его досматривать последний сон, а сама на цыпочках выхожу из комнаты.

В этот самый момент в бабушкиной спальне дребезжит старый телефон. Я бросаюсь к аппарату и срываю трубку, надеясь, что звонок не успел разбудить Толика.

— Алло?

— Дарьюшка! Наконец-то! Я уже сбилась со счёта, сколько раз звонила тебе за последние сутки! Слава богу, нашла этот твой номер!

На другом конце провода звонко щебечет Аделина Павловна Апрельская, мама одного из нерадивых учеников, которому требуется моя помощь в решении задач по математике.

— Здравствуйте, Аделина Павловна! — отвечаю я, накручивая пружину провода на палец. — Как хорошо, что Вы позвонили! У меня ведь украли мобильник...

— Ой, беда, беда!..

Женщина изо всех сил старается изобразить участие, но я-то знаю, что сейчас её волнуют только задачки сына, которые я должна была решить для него ещё два дня назад.

— Ваши задания почти выполнены, — говорю я, прежде чем она начнёт причитать мне в трубку. — Я уже сегодня после обеда смогу их Вам отдать.

— О, Дарьюшка! Это чудесно! А то ведь мой Димка, оболтус, вымахал выше отца, а по математике не в зуб ногой. Ну, мы с Геннадием заедем к тебе сегодня часика в два. Удобно будет?

— Конечно, Аделина Павловна! Буду ждать Вас!

— Ну, вот и прекрасно! — шумно выдыхает женщина мне в трубку. — А по оплате как договаривались? Ага?

— Да, да, конечно! Всё как обычно...

— Чудесно! Чудесно! Ну, тогда до встречи, Дарьюшка! Скоро будем!

На этом она отключается.

Я кладу трубку, прислушиваюсь, не проснулся ли Толик, и, успокоившись тишиной, намереваюсь отправиться в душ. Но мои планы разрушает ещё один телефонный звонок.

— Алло? — я уверена, что это опять Аделина Павловна. Забыла что-то сказать, хочет добавить пару слов. — Слушаю Вас...

Но ответа не следует. На другом конце провода шумит улица, сигналият и гудят автомобили. В какой-то момент кто-то на фоне кричит:

"Центральная, 15... Да, это тут рядом за Главпочтамтом..."

А тот, кто звонит, между тем тяжело дышит мне в трубку и молчит. Возможно, идёт или бежит.

— Аделина Павловна, это Вы? — спрашиваю я, хотя прекрасно понимаю, что это не она. Это совсем другой человек.

И он уже рядом с моим домом...

— У тебя тут что? Горячая линия? — раздаётся за спиной.

Одновременно с этим телефонная трубка в моей руке взрывается короткими гудками. Я прижимаю её к груди и оборачиваюсь.

Толик стоит в дверях спальни, заспанный и взъерошенный, и, скривив недовольную гримасу, ерошит и без того косматый затылок. По всей видимости он ещё не проснулся.

Я медлю с ответом, уставившись на него.

— Эй, ты чего? — Толик оставляет в покое свою макушку и уже встревоженно смотрит на меня. — Случилось что? Или просто я с утра так плохо выгляжу?

Он переводит взгляд с моего лица на трубку, которая до сих пор жалобно пищит у меня на груди.

— Кто звонил?

— Он здесь, на Центральной... — произношу сдавленно, чувствуя, что вот-вот разревусь.

— Кто?

— Полянский...

— Ты опять? — Карасёв недовольно хмурится и снова тербит затылок. — Полянский — покойник! Ты забыла? — он заразительно зевает.

— Нет! Он жив! — вскрикиваю я. — И сейчас он идёт к моему дому! Я только что слышала его дыхание! Понимаешь?

Швыряю трубку на место и опускаюсь на диван. Чувствую, как от напряжения потеют ладони. Сердце больно колотится где-то под рёбрами. Не знаю, куда себя деть.

Карасёв плюхается рядом со мной, и его рука падает на моё плечо.

— По-моему, у тебя паранойя... С чего ты решила, что это он? — спрашивает Толик. — Ну, подышал тебе кто-то в трубку. Что в этом такого? Это просто телефонный звонок. Кто-то позвонил, понял, что ошибся, сбросил вызов. Такое случается.

— Кто-то случайно позвонил! Кто-то случайно бродит у моего дома! Не слишком ли много случайностей? — набрасываюсь я на Карасёва.

Тот беззаботно дёргает плечами:

— Не вижу повода для паники! Моя мать вон тоже бродит по Центральной. С шести утра. Какого чёрта её в магазин в такую рань понесло? Уже трижды мне позвонила и отправила два сообщения.

Задумавшись, Толик замолкает, но уже через секунду вскакивает с места, как укушенный:

— О! Так, может, это мамка моя тебе звонила? — он смотрит на меня так, будто ждёт моего одобрения. Но мне нечего ему сказать. — А что? Я сам ей вчера твой номер оставил на случай, если у меня вдруг батарея сдохнет!

Не дожидаясь моего ответа, Толик принимается шарить в карманах спортивных штанов и вскоре выуживает оттуда свой мобильник. Тонкий пластиковый чёрный прямоугольник, коих сейчас у каждого первого по две штуки.

Мы с ним упираемся глазами в горящий экран, перечерченный по диагонали кривой ветвистой трещиной. Через пару мгновений открывается телефонная книга, и, не буду скрывать, я начинаю жадно впитывать взглядом указанные в ней имена.

Нина Михайловна, записанная у Толика как "Маман", в списке пропущенных вызовов лидирует. Она, действительно, звонила сыну уже четыре раза. Судя по указанной рядом с номером информации, последний звонок от неё был пропущен всего пару минут назад.

Второе место этого своеобразного "топ-чарта" занимает Вовка. Он потерял Толика дважды. Последний раз в половине четвёртого.

А за ним, на третьей строчке, значится некая... Мари. И моё сердце больно реагирует на это женское имя...

Что это? Ревность? Быть не может!

Кто мы с Карасёвым друг другу?

Бывшие одноклассники? Соседи?

Даже не друзья.

И тем не менее сейчас, когда я стою рядом с Толиком, почти касаясь щекой его плеча, и мы смотрим на горящий в темноте экран его мобильного, чужое женское имя в списке контактов царапает мне глаза и выжигает на сердце жирный знак вопроса.

"КТО ОНА?"

Почему мне так важно это знать?

Не из-за тех ли слов, что я случайно подслушала прошлой ночью? Толик шептал о своих чувствах ко мне, а я притворялась, что сплю.

Я знаю, что не должна была слышать его признаний. Знаю, что фактически "своровала" их. Но теперь мне известно, что он любит меня.

И пусть я не могу ответить Толику взаимностью, мне неприятна мысль, что вокруг него крутится какая-то Мари.

Так кто же она?

Мы с Карасёвым росли в одном дворе и учились в одной школе. Я уверена, что знаю эту девушку. А потому первым делом принимаюсь перебирать в уме имена бывших одноклассниц.

Лилька, Полька, Женька, Алка...

Ничего общего с Мари.

Хотя...

Всё же есть одна.

Марина Ларская. Завистницы называли её "дылда безмозглая". Для парней она была Мари.

Длинноволосая пепельная блондинка с огромными синими глазами и кукольными ресницами. На своих шестнадцати сантиметровых шпильках она легко могла смотреть свысока даже на Толика.

Помню Ларскую в старших классах.

За ней бегали толпы влюблённых мальчишек. Но Марина предпочитала ребят постарше. Путалась с одним таким. Виталиком-связистом с Боровой. Он занимался восточными единоборствами и постоянно оттачивал своё мастерство на местной школоте.

После занятий белокурая красotka запрыгивала в его помятый "рено логан", и тот, урча и кашляя, увозил их в закат.

Сразу после выпускных экзаменов влюблённые голубки поженились. А в прошлом году Марина родила Виталику двойню.

Как хулигану с окраины удалось покорить сердце центральной красотки, мне непонятно до сих пор.

Непонятно и то, как она, принцесса Ларская, могла оказаться в телефонной книге Карасёва?

Помнится, она даже не смотрела в его сторону. Толик всегда был для неё человеком второго сорта.

Так какого чёрта она, замужняя баба с двумя детьми, теперь звонит ему по ночам?

Или я всё-таки ошибаюсь, и это вовсе не Ларская скрывается за именем Мари?

Любопытство точит меня изнутри, но я ещё раз мысленно напоминаю себе, что мы с Карасёвым чужие друг другу люди, и мне не следует ломать голову, что за девушка засоряет своими звонками память его телефона.

Кроме того, у меня полно своих забот. Я должна закончить реферат для Семёнова, решить задачи Апрельским и набросать план курсовой работы для Каполкина. А ещё на моём кухонном столе до сих пор валяется скомканная записка.

"БУДУ ЗАВТРА..."

Вот где настоящая проблема.

Потому что "ЗАВТРА" — это уже сегодня...

А у Толика нет проблем. Он, лохматый и заспанный, с полосой от подушки на щеке, смотрит на экран своего мобильного, бормочет себе под нос "Говорю же, мамка звонила" и, будто не замечает, что звонила ему не только мамка.

Я смотрю на его губы и кончик носа, и пролётшую от яркого прямоугольника света морщинку между бровями. Он улыбается своей фирменной кривой и немного горькой улыбкой, и мне вдруг опять не страшно рядом с ним. И опять хочется прикоснуться губами к этой его слегка помятой щеке.

Но внезапно лицо Карасёва меняется. Вытягивается, заостряется и даже немного бледнеет.

Это случается ровно в тот момент, когда страница телефонной книги скрывается за красным занавесом входящего вызова, и вместо мелких чёрных буковок на белом фоне, сложенных в разные имена и выстроенных в многоэтажный список, на внезапно раскрасневшемся экране появляется белый безликий человекообразный силуэт, а под ним четыре крупные буквы.

"МАРИ"

Она сама звонит ему. И звонит точно по расписанию, очень не вовремя, когда я, уже победившая страх, снова умираю от любопытства.

"Кто же она, чёрт возьми?"

Я открываю рот, собираясь вытолкнуть из себя этот вопрос, но Толик, "мой" Толик, глядя на эти четыре буквы, выдаёт своё "Блядь!" раньше. И гасит экран мобильного, оставив нас на мгновение в крошечной тьме. Благо, глаза к ней привыкают очень быстро. Возможно это случается благодаря неизвестному источнику электрического света за окном.

Затем мой заспанный рыцарь топит телефон в кармане спортивных штанов. И, подхватив бесформенную кучку зимнего пуховика, накануне брошенную в прихожей, сверкая голыми пятками и острыми щиколотками, устремляется к входной двери.

Я, не моргая, смотрю, как он возится с носками и со шнурками на кроссовках. И мне кажется, что вчера он справлялся гораздо лучше.

Толик напуган. Это видно без очков.

Что его так взволновало? Неужели проклятый входящий вызов от некой Мари?

— Что случилось? Ты куда? — спрашиваю я, когда он щёлкает дверным замком и одну ногу уже выбрасывает за порог моей квартиры. Молча, ничего не объясняя, не прощаясь. Просто бежит куда-то. Или к кому-то...

Маякнув полосой грязно-рыжего электрического света лестничной клетки, он скрывается за дерматиновой дверью, оставив меня один на один с этим зимним утром, с этим нагло ворвавшимся в мой дом холодом и прокуренным подъездным запахом. И с этим бьющимся в черепной коробке вопросом:

"Какого хрена?"

Я делаю несколько бесполезных, ни чуть не успокаивающих вдохов и выдохов. И примерно на третьем моя входная дверь, жалобно скрипнув, снова отворяется, и я опять вижу косматую голову моего только что сбежавшего приятеля.

— Мне это... Бежать надо. Я позже буду, ладно? Пока, Машка...

Дверь снова захлопывается, и теперь в моей голове не на жизнь, а на смерть бьются уже

два вопроса:

Какого, мать его, хрена?!

И ещё...

Как он сейчас меня назвал?

Я не ослышалась?

Машка?

Серьёзно?

И ещё через пару десятков матерных мыслей, самой цензурной из которых будет: "Да как он посмел?", до меня вдруг доходит, что к чему.

И всё, абсолютно всё, наконец, встаёт на свои места...

С тех пор, как Толик канул в бездне ржавого прокуренного подъезда, прошло уже четыре часа.

Я успела принять душ, надеть спортивное трико и футболку, чуть подкрасить ресницы, сделать себе чашку чая с лимоном и расправиться с бутербродом, оставшимся с минувших ночных посиделок.

Я старалась ни о чём не думать и просто разделила свой завтрак с ещё одним белым морозным утром.

Затем прошлась по комнатам и...

Градус моего настроения, чудом поднявшийся в "плюс" впервые за последние пару дней, снова упал до нуля, а затем и вовсе ушёл в минус.

Идеально прилизанные комнаты, по линейке застеленные покрывала, книжные полки, напрочь лишённые пыли, зеркала без единого пятнышка — всё вокруг сделалось чужим. Будто вернувшись домой, я случайно ошиблась дверью. Одна только мысль, что кто-то ходил по моим квадратным метрам, трогал мои вещи, перекладывал их с места на место и возил по ним тряпкой, вызывала у меня приступ тошноты. Но самым ужасным оставалось то, что я понятия не имела, кто мог это сделать?

Я словно провалилась в лихо закрученный детектив, где на голову главного героя одна за другой валяются неприятности, а путь его полон тайн и загадок.

Вот только в книгах обычно у центрального персонажа имеются друзья-товарищи, союзники, которые помогают ему преодолевать трудности. Мне же приходится справляться в одиночку.

Я сразу подумала о Карасёве, моём единственном помощнике, который ещё по темноте сбежал прочь, сверкая пятками, и с тех пор ни разу не позвонил. Затем подумала о таинственной девушке по имени Мари и её суперспособности вселять в людей ужас одним только входящим вызовом.

Мне никогда не забыть Толиковых дрожащих рук и его исполосованного страхом лица.

Почему двухметровый верзила испугался какой-то девчонки?

Я размышляла над этим, пока наблюдала за его неловкими попытками завязать шнурки, пока рассматривала обшарпанный дермантин на захлопнувшейся за ним двери. И, наконец, нашла ответ.

Мари — девушка Карасёва. Поэтому он не стал говорить с ней в моём присутствии. Чтобы она не поняла, что он не один. Поэтому так стремительно убежал. Чтобы она не застала его в моей компании.

И, конечно, это не Марина Ларская, как я подумала сначала. Это какая-то Мария. Или просто Машка, именем которой Толик случайно второпях обозвал меня.

И наверняка те слова, что он шептал прошлой ночью, предназначались не мне, а ей.

Он мог сидеть рядом со мной, держать на своём плече мою голову, гладить, чёрт побери, мои волосы, но при этом смотреть на её фотографию в своём мобильнике и обращаться именно к ней.

Моё желание отгородиться от прошлых разочарований и обид новыми отношениями, избавиться от одиночества и снова стать кем-то любимой сыграло со мной злую шутку. Мой слух меня подвёл, и вместо чужого имени я услышала своё.

И сейчас это убивает меня гораздо больше, чем комнаты, вычищенные до блеска чьими-то руками.

Оставшись одна, я привела себя в порядок, я заставила себя поесть и старательно делала вид, что на самом деле ничего страшного не случилось.

Затем я уселась за письменный стол, открыла учебник и даже решила парочку несложных задач.

Но последние сорок минут я смотрю на растерзанный в клочья тетрадный лист. Потому что вместо примеров и уравнений с двумя неизвестными моя рука принялась писать на бумаге одни и те же проклятые буквы.

М А Р И

Сколько бы я не убеждала себя в обратном, эта чёртова баба существует на самом деле, и с этим ничего не поделаешь. Это разъедает меня изнутри. И я не могу себе объяснить, почему так происходит.

Я много лет считала Толика своим врагом, а теперь веду себя так, будто люблю его больше жизни. Это невозможно. Я всю жизнь любила Кирилла, а Карасёва всю жизнь ненавидела. Это было нормально. И пусть дальше так будет.

Тогда почему я сейчас остервенело сминаю бумагу в кулаке, вскакиваю со стула, едва его не опрокинув, и принимаюсь метаться по идеально вылизанной комнате?

Почему мне хочется снести к чёртовой матери все эти расставленные по алфавиту книги, и разложенные по цветам вещи, и эти проклятые статуэтки и ароматические свечи...

Я замахиваюсь, чтобы разрушить выстроенную незванным гостем идиллию, но моя рука застывает в воздухе, а через мгновение падает и плетью повисает вдоль тела.

Я смотрю прямо перед собой и не верю своим глазам.

Это что ещё за хрень?..

Я смотрю на стройный ряд сувениров, аккуратно выставленных по росту вдоль книжных корешков, и только сейчас понимаю, что впервые вижу эти безделушки.

В нашем доме никогда не было ни статуэток, ни магнитиков, ни ароматических свечей. Бабушка их терпеть не могла, называла бесполезными пылесборниками, и, случись кому-нибудь из коллег подарить ей что-то подобное на праздник, без жалости выбрасывала.

Эта дюжина керамических драконов, пластиковых телят и тряпичных мышей со вшитыми в лапы магнитами появилась в моём доме вместе с идеальным порядком и короткой запиской на столе.

Кто, чёрт возьми, решил меня напугать, а вместе с тем так изощрённо посмеяться над памятью моей бабушки?

Я не могу ответить на этот вопрос. Единственное, что сейчас мне по силам, отправить все эти безделушки в мусорное ведро.

Но я этого не делаю. Я стискиваю зубы, сжимаю кулаки и ничего не делаю, потому что выставленные на полке сувениры — только первый акт этого блядского спектакля.

Следующим любопытным для меня открытием становится фотография в рамке, что стоит чуть правее от армии пылесборников.

Я смотрю на снимок и с ужасом понимаю, что мне знакома эта молодая счастливая женщина на снимке.

Я уже много раз видела эти струящиеся золотистые локоны, эти тонкие усыпанные родинками руки, эти длинные музыкальные пальцы с аккуратным маникюром и белое платье, едва прикрывающее худые колени.

Ну, здравствуй, героиня моих кошмаров! Наконец, ты показала мне своё лицо...

Аккуратный овал с чётко очерченными глазами цвета мяты, гладкая кожа, ровный слегка припудренный нос, точки веснушек на переносице и щеках, пухлые губы, тронутые загадочной улыбкой, и золотистые пряди рассыпанные по молочно-белым плечам.

Мои глаза вмиг увлажняются.

— Мама, мамочка... — шепчу я сквозь слёзы.

"Твоя мать была очень красивой женщиной!" — рассказывала бабушка и говорила истинную правду.

Но мама Оля много лет внушала мне, что моя мама умерла. А это была наглая бессовестная ложь. Потому что снимок, с которого эта молодая, полная сил женщина сейчас загадочно мне улыбается, был сделан всего несколько лет назад. Об этом свидетельствует ряд крохотных цифер в углу:

17.07.2012

Тем летом я перешла в восьмой класс и уже много лет считала свою маму умершей при каких-то страшных обстоятельствах. Страшных на столько, что бабушка предпочла скрыть их, нежели рассказать правду.

Я прикладываю ладонь к губам, а затем осторожно касаюсь крохотной щеки на матовой фотобумаге.

— Мамочка, она говорила мне, что ты умерла... А ты жива... И ты была здесь...

Я закрываю глаза и прерывисто вздыхаю. Этот трогательный момент прерывает громкий стук в дверь.

Я вздрагиваю и распахиваю глаза. Мой взгляд беспомощно бросается к электронным часам.

Половина второго.

Апрельские слишком пунктуальны. Они не приедут раньше обозначенного времени.

"Карасёв... Явился, не запыхался... — язвительно думаю я. — Вспомнил-таки обо мне. Сейчас распахну дверь и прогоню его к чёртовой матери. К-хм, а лучше обратно к этой его Мари..."

Стремительно шагаю к двери и, не глядя в глазок, отворяю засовы. Ржавый моргающий электрический свет врывается в мою прихожую вместе с запахом мороза, табака и... женской туалетной воды.

На моём пороге стоит она.

В зимних сапогах на шпильке, в дорогой норковой шубе до колен, с крохотной сумочкой на плече. Из-под вязаной шапочки выбиваются чуть влажные золотистые локоны.

Её щёки тронуты румянцем, а на ресницах застыли капельки умерших снежинок.

Она улыбается своей мягкой улыбкой и негромко произносит:

— Здравствуй, Дашенька! Как же ты выросла за эти годы... Впустишь меня в свою уютную жизнь?

А у меня пропадает голос от волнения. И вместо ответа я несколько раз киваю головой.

Передо мной стоит она, женщина с фотографии.

Моя мама, которую я много лет считала умершей.

— Пожалуйста... — произношу, наконец, дрожащим шёпотом и отступаю в сторону, позволяя ей войти...

Она аккуратно переступает порог, бесшумно закрывает за собой дверь и разувается.

Её движения легки и изящны. Той грации, с которой эта женщина спускает с плеча сумку и сбрасывает норку, снимает шапку и встряхивает золотистыми локонами, её осанке и умению держать лицо позавидовала бы любая столичная модель.

Плавнo виляя бёдрами, Лара отправляется в ванную, где проводит ещё несколько минут, приводя себя в порядок.

И вот она, согрeвшаяся, румяная, элeгантная, в кашемировом свитере и узких джинсах, с идеальным макияжем и маникюром, наконец, предстаёт передо мной.

Я жду, что эта женщина заключит меня в объятия, покроет мои щёки мокрыми поцелуями, и буквально задушит своей туалетной водой.

Но она этого не делает.

Держится на расстоянии, на меня не глядит, осматривается. Я бы сказала, оценивает.

Возникшая пауза затягивается, и чтобы прервать неловкое молчание, я предлагаю:

— Может, чаю?

— Спасибо, не откажусь... — следует ответ.

Я отправляюсь на кухню, а Лара, между тем, совершает экскурсию по квартире.

Чайник шумит на столе. Врезаясь в сочную розовую мякоть колбасы, острое лезвие ножа громко стучит о разделочную доску. Неугомонная зимняя улица врывается в открытую форточку. Звуки бешено пляшут вокруг меня, но мой слух улавливает лёгкий скрежет фоторамки о полированную поверхность книжной полки.

Вспоминаю, что дотронувшись до снимка, я слегка сдвинула его. На пару сантиметров. Лара вернула ему прежнее положение.

Несомненно, это её руки превратили мою квартиру в эталон чистоты и порядка. И записку на столе оставила она. Я уверена.

Когда чуть позже мы располагаемся за кухонным столом друг напротив друга, я ни о чём её не спрашиваю.

Я украдкой наблюдаю, как она грациозно держит кружку, осторожно прикасается к ней губами, неслышно глотает, и понимаю, что мне неуютно.

Лара ведёт себя словно чужая.

Почему она не говорит со мной? Почему то и дело отводит глаза?

Хотя зачем я задаю себе эти вопросы. Наверняка ей сейчас в разы хуже, чем мне. Это ведь она бросила меня младенцем. Безусловно, её гложет чувство вины за всё, что она совершила. Ей нужно время, чтобы подобрать правильные слова.

Желая ей помочь, я отставляю свою кружку и вполголоса говорю:

— Я так рада, что ты приехала... Я скучала... Правда...

Сделав глоток, Лара поднимает на меня мятные глаза. Её брови удивлённо выгибаются, губы растягиваются в улыбке.

— В самом деле?

Я дважды киваю в ответ.

— Любопытно... — произносит она. — А зачем я приехала, знаешь?

— Конечно! — отвечаю я. — Потому что ты тоже скучала по мне... Мама...

Я была уверена, что едва назову эту женщину мамой, она отгадет, повисшее в воздухе

напряжение вмиг улетучится и мы с ней, наконец, сольёмся в жарких объятиях.

Но Лара выпрямляется, отставляет свой чай и смотрит на меня с ещё большим удивлением. Нет. Скорее, с презрением. Будто услышала что-то оскорбительное.

— Как ты меня назвала? — спрашивает женщина, сощурившись.

Её идеально гладкий лоб покрывается складками морщин, брови ещё сильнее искривляются, а мягкая до этого улыбка превращается в оскал.

— Деточка, позволь поинтересоваться, с чего ты взяла, что я — твоя мать? — резко и холодно, делая паузы на каждом слове, спрашивает она.

Я в замешательстве.

Что-то идёт не так.

Кто эта женщина, облачённая в кашемир?

— Разве нет? — выдыхаю я и сглатываю давящий на горло комок.

— Господи, боже, кто сказал тебе такую глупость?

Под её тяжёлым взглядом я скукоживаюсь до размеров грецкого ореха. Невнятно мямлю, мол, бабушка рассказывала. Про красоту, про волосы золотистые, про имя необычное, редкое.

Она выплёвывает колючий смешок.

— Ну, Ольга Николаевна, ну, выдумщица... Зачем она это делала? Зачем описывала меня вместо Таньки?

Лара читает на моем лице недоумение и поясняет.

— Твою мать звали Татьяной, и она была брюнеткой! — повторяет женщина слова Антонины Петровны, ещё раз усмехнувшись напоследок.

Когда одно и тоже повторяют два разных человека, это невозможно считать случайным совпадением.

"Значит, мою мать, действительно, звали Татьяной..."

— Я видела её пару раз, — продолжает Лара. — Кстати, ты очень на неё похожа... Понятия не имею, что с ней случилось. Сдаётся мне, то была мутная история...

Между нами снова повисает молчание. Воздух кажется густым и тяжёлым. Ещё немного и он заискрится от напряжения.

"Эта ухоженная, сладко пахнувшая женщина, обладающая шикарными волосами, красивым телом, дорогими шмотками и золотыми побрякушками — не моя мать..."

Мой мир снова рушится.

Горький комок, собравшийся в груди, больно жжётся и просится наружу. Царапается, кусается изнутри, норовит вот-вот пролиться слезами. Мне приходится до скрежета стиснуть зубы, чтобы не дать ему выплеснуться.

Просто я ещё не знаю, что спустя пять минут разговора с этой расфуфыренной мадам, буду только рада, что мы с ней не родственники...

— Мама... Подумать только... — недовольно хмыкает Лара. — Да я ненавижу детей! Всегда их терпеть не могла! Этих мелких, сопливых, вечно орущих маленьких ублюдков. Брр! — она с отвращением передёргивает плечами. — Нет уж, деточка, детей у меня нет. Это Анфиса, моя глупая сестра, души в них не чаяла. И в итоге от них же пострадала. Её второй младенец умер на третьем часу жизни. В тот же день эту дуру обнаружили в служебном помещении роддома висящей на поясе от халата. Бедняжка была так убита горем, что полезла в петлю, даже не подумав, что станет с её старшим ребёнком. А я теперь расхлёбываю последствия её идиотского поступка. Костик... Ментовской сынок, мажорчик грёбаный. Что же ему с папкой в Пригороде не сиделось?..

"Для чего эта женщина рассказывает мне всё это? — думаю я. — Зря я впустила её. Зачем она здесь? Кто она, чёрт возьми?"

Та будто читает мои мысли.

— Ладно! — Лара хлопает ладонями по столешнице и поднимается. — Хватит разговоров! Перейду сразу к делу!

Ножки стула беспощадно скребут линолеум. Я съёживаюсь.

Что-то идёт не так.

Она вытягивается передо мной в полный рост, стряхивает с белых кашемировых плеч невидимые пылинки и, уперев руки в бока, заявляет:

— К вечеру вы с бабкой должны освободить квартиру!

— Что? — беспомощно выдыхаю, глядя на неё снизу вверх.

— Что слышала! — рявкает Лара. — Собирайте свои пожитки и валите отсюда к чёртовой матери! Так понятнее?

В одно мгновение из грациозной, изящной женщины Лара превращается в сущую ведьму. Она пронзает меня зелёным взглядом, трясёт в воздухе остро заточенным пальцем и всем своим видом источает ледяной яд.

— Моя бабушка умерла... Вы разве не знаете? — говорю я, будто этот факт остановит златовласую мегеру.

Но та вдруг замирает.

— О... Не знала, не знала...

Кажется, Лара и вправду удивлена. Но, к моему несчастью, её удивление очень быстро сменяется полным равнодушием.

— Что ж, туда ей и дорога! — сложив руки на груди, выплёвывает она. — Мне никогда не нравилась эта мерзкая старуха. Мошенница, завладевшая чужим имуществом. Я была категорически против их договора. Но моя мать, сердобольное создание... Царствие ей небесное...

Эта женщина говорит загадками. Она — чужак, ворвавшийся в мой дом. Она рассказывает мне ужасные вещи. Она указывает мне, что делать. Она устанавливает свои порядки.

Я не понимаю, что происходит.

Мы с бабушкой переехали сюда, когда мне было семь. Я была ребёнком. Я не помню.

Ничего не помню.

Лара тем временем тянется к своей чашке, опрокидывает в себя остатки чая, и, бросив

опустевшую керамику в раковину, снова впивается в меня изумрудными радужками.

Я смотрю на неё затравлено, ожидаю её дальнейших действий.

— Вижу, деточка, ты в самом деле ничего не понимаешь... — неожиданно мягко произносит кашемировая женщина.

Я не отвечаю, но и не отвожу глаз. Лара отчётливо видит в них два жирных вопросительных знака. А ещё страх. Хотя страх мне хотелось бы спрятать. Кажется, она сжаливается надо мной.

— Господи, ты же совсем ещё ребёнок... — вздыхает Лара почти искренне. — Пожалуй, я должна тебе всё объяснить. Чёрт, никогда не умела говорить с детьми... Но всё же попробую... Идём!

Она подходит ко мне, берёт за руку и вытягивает из-за стола. Я не сопротивляюсь.

Мы идём в мою комнату.

— Ты видишь эти книги? — ткнув пальцем в разномастные корешки, спрашивает Лара.

Я киваю.

— Вы ведь не покупали их, верно?

Я вынуждена согласиться. Эти книги достались нам с бабушкой вместе с этой квартирой.

— Это были её книги! — говорит Лара. — Анфиса очень любила читать...

— А вот эти игрушки видишь? — она указывает на пластиковый контейнер в углу.

Я давно выросла из детского возраста. Он уже много лет стоит вот так. Закрытый, упакованный, готовый в любой момент отправиться к новым детям.

— Ты играла в детстве этими игрушками, не так ли? — спрашивает Лара, взирая на меня, застывшую, растерянную, подавленную.

Я опять киваю в ответ.

Она довольно улыбается.

— Наш Костик тоже играл с ними когда-то... Это были его игрушки.

Затем особо не церемонясь, женщина распахивает мой плательный шкаф.

— А здесь? Много ли здесь твоих вещей? — спрашивает она, указывая на полки с идеально уложенным постельным бельём, полотенцами и прочими тряпками. — Например, платья? Сколько здесь твоих платьев?

Я вынуждена признать, что она права.

В этом доме слишком мало моих личных вещей. Эта квартира досталась нам с бабушкой полностью упакованной. Кажется, мы даже вилок не покупали.

Но это не значит, что эти квадратные метры не мои.

"Таковы условия продажи!"

Кажется, так сказала бабушка.

Мне, семилетней, конечно, было без разницы на какие-то там условия. Я любовалась своими красными туфельками, розовыми рюшами на платье и облаками над головой, похожими на барашков.

"Паспорт! — вдруг осеняет меня. — Я должна показать Ларе свой паспорт! В нём же всё есть! Моя фамилия, фотография, прописка... Сейчас я покажу этой бабе свои документы, и она отвалит!"

Я бросаюсь в прихожую к своей сумке и принимаюсь переворачивать её внутренности.

Лара, застыв в дверном проёме, наблюдает за мной со снисходительной улыбкой.

Так смотрит родитель на провинившегося ребёнка. На его жалкие попытки замести

следы преступления.

Так смотрит учитель на своего ученика, не выучившего урок. Следит за его глазами, беспомощно бегающими по странице учебника.

"Перед смертью не надышишься!" — говорит её взгляд.

А я, наконец, вылавливаю потрёпанную книжецу со страшенькой фотографией с самых недр своей бездонной сумки, хватаю несчастную за псевдокожаные бока и победоносно трясу ею в воздухе.

"Сейчас я поставлю эту лживую сучку на место!" — думаю про себя, заранее предвкушая победу над незваной гостьей.

Но уже через мгновение с ужасом понимаю, что держу в руках не документ, удостоверяющий личность, а лишь его облезлую шкурку.

Корочки пусты. Паспорта нет.

Видимо, он ушёл из моей сумки вместе с телефоном. Мистически исчез, как плюшевый медведь с ящика.

Воображение рисует мне его тлеющие останки где-нибудь на окраине за гаражами.

"Ничего. Ничего страшного. Не время впадать в панику. Сейчас я найду что-нибудь, что докажет мои права на эту квартиру."

И я бросаюсь в бабушкину спальню, к серванту. Там, в ящиках, она хранила все важные бумаги: документы, письма, открытки, какие-то талоны.

"Сейчас, сейчас..."

Я выдвигаю по очереди каждый ящик и роюсь, роюсь, роюсь. А проклятые слёзы не дремлют. Они уже здесь. Они уже мешают мне смотреть.

Но меня не остановить.

В конце концов, двенадцать лет — это целая жизнь. Наверняка найдётся хоть что-то, что покажет этой мерзкой кашемировой суке, кто в доме хозяин! Уверена, за столь долгий срок накопилась не одна сотня бумаг: медицинские карты, сертификаты, счета за воду и электричество, письма из налоговой, ксерокопии.

"Должно быть хоть что-то. Хоть что-то..."

Лара тем временем следует за мной по пятам. Она уже сидит у меня за спиной, на бабушкином диване. С прямой спиной, с руками на коленях.

Её взгляд всё тот же. Мерзкий, снисходительный.

— Деточка, ну зачем ты наводишь бардак? Что ты хочешь найти? — спрашивает она, и поскольку я ей не отвечаю, продолжает, — Я прекрасно знаю, что лежит в этих ящиках. Я знаю в этом доме каждую булавку. Я сама лично вчера всё тут прибрала. Тебе ничего не найти, уверяю. Ты зря теряешь время. Лучше начни собирать вещи.

Нет! Я не сдамся! В конце концов я могу обратиться к соседям. Бабушку многие знают и помнят.

— Антонина Петровна! — громко, почти восторженно произношу я.

Лара моментально реагирует.

— Кто? Эта старая дева с четвёртого этажа? — спрашивает она, скривив своё красивое лицо. — Да, да, да... Эта баба постоянно дежурит у окна и суёт нос не в своё дело! Действительно, обратись к ней. Наверняка, она расскажет тебе много интересного.

У меня опускаются руки. Я падаю на колени и позорно реву. Бессовестно реву. В голос.

Мне 19 лет. Ей, этой твари кашемировой, без малого полтинник. Мне её не победить.

Я сдаюсь и уже через десять минут, хлюпая носом, собираю вещи...

Лара хищно улыбается, глядя как я из сотни чужих нарядов, забираю своих два. Как из стройного ряда книг вытягиваю своих три. Четыре пары обуви, по одной на каждый сезон. Пуховик. Шапка. Шарф. Немного канцелярии. Бабулина фотография. Подушка.

"Нет, подушку, пожалуй, оставляю... Она вышита бабушкой, она дорога мне, но займёт слишком много места в сумке."

Лара тем временем скрывается на кухне и вскоре снова возвращается с маленьким блюдцем в руке.

— Я закурю? Ты не против? — спрашивает она, будто ей в самом деле необходимо моё разрешение.

Я складываю футболки, складываю кофты. Я молчу в ответ.

Лара с пластиковой кошки скользит к дивану. Она снова легка и изящна. Она довольна собой.

Лара победила. Лара молодец.

Она усаживается, устраивает на коленях блюдце, свою импровизированную пепельницу, шуршит картонной пачкой, выуживая из неё сигарету, чиркает зажигалкой и, наконец, закуривает.

Затягивается жадно, победоносно, глубоко. И с наслаждением выдыхает.

Комната в считанные секунды наполняется сизым дымом. Я с трудом сдерживаю кашель.

Ларе плевать на мои страдания. Она изящно стряхивает пепел, снова затягивается, снова выдыхает и вдруг произносит:

— Между нами возникло непонимание. Уверена, ты считаешь меня мерзкой сукой, внезапно вторгшейся в твою жизнь.

Так и есть.

— Пойми, детка, я сама — жертва обстоятельств... — вздыхает она с фальшивой горечью.

Я молчу.

Не дождавшись моих реплик, Лара продолжает:

— Ты просто ничего не знаешь! А этой истории между тем уже больше двенадцати лет. И сейчас я тебе её расскажу...

— Ну, предысторию ты уже знаешь, — Лара выпускает из лёгких последнее облако дыма, тушит окурочок о край блюдца и, отставив его в сторону, разворачивается ко мне.

— Эта квартира принадлежала Анфисе, моей старшей сестре, — она кладёт ногу на ногу и обхватывает колени руками. — Она была наивной дурочкой, мечтающей об огромной семье. Легко влюблялась. Не думая, отдавалась. Дважды беременела. Но замуж так и не вышла. Костик, её старшенький, родился крепышом. А с Андрюшкой не повезло. Врачи сразу сказали: "Долго не проживёт!" Так и вышло. Три часа всего протянул. А едва его не стало, не стало и её... — она умолкает на мгновение, с горечью вздыхает и отворачивается к окну.

Там, за морозными кружевами, играет метель.

— Осиротевшего пацанёнка мы отправили в Пригород, к блудному папаше. Квартиру выставили на продажу, — продолжает Лара, наблюдая за вальсирующими в январе снежинками. — Следующие семь лет она так и простояла никому не нужная. Мёртвая, обесточенная. Люди приходили, смотрели, головами кивали, обещали перезвонить и пропадали. Конечно, кто захочет связываться с дохлой электропроводкой и прогнившими трубами? А тут ещё по двору слухи поползли, мол, сестра моя не своей смертью померла. Мол, это медсёстры в роддоме сначала её наркотиками накачали, а потом на поясе от халата повесили. И теперь душа её по комнатам бродит, а по ночам стоит она у окна в белом саване и на руках малютку свою держит... Брр! Прямо мурашки по коже... — Лара ёжится и одёргивает кашемировые рукава.

Поднявшись с дивана, она делает несколько бесшумных шагов до письменного стола, скользит взглядом по царящему на нём беспорядку, что-то перекладывает, что-то поправляет. Скорее всего, делает это неосознанно, на автомате. А потом оборачивается и, устроив обтянутые в джинсы ягодицы на краю столешницы, продолжает рассказывать:

— Но однажды всё же нашёлся желающий купить эту пропахшую смертью халупу. Приехал к нам средних лет мужичок, осмотрелся, поулыбался и согласился на все условия. Его не испугали ни ржавые трубы, ни старая электропроводка. И даже цена на квартиру понравилась. Как я радовалась, наконец, избавиться от этих серых мрачных стен! Вырученной суммы мне бы вполне хватило на аккуратную "однёшку" на Парковой. Тогда я бы сразу съехала от матери, этой пьющей эгоистичной старухи. Но вдруг на горизонте появляется твоя бабка. Никогда не забуду, как она, бедно-зелёная, выросла у нас на пороге. Мамка впустила её, провела на кухню. Они сидели до темноты, о чём-то шептались, кажется, обе плакали. А на следующее утро мать заявила, что не станет продавать эту квартиру. Конечно, я возмутилась. Мы так поругались, что две недели не разговаривали. А вы тем временем заняли здешние шкафы и полки, расположились на этих диванах, забили продуктами чужой холодильник. Меня трясло от негодования! Но когда на мою карту упала ваша первая арендная плата, а за ней сразу вторая и третья, я успокоилась и даже пожалела, что мы с матерью не сдали эту квартиру раньше. У меня, наконец, появились деньги. Мне стали доступны салоны красоты и магазины. Я завтракала в кафе и заказывала еду из ресторанов. Я путешествовала. Это была райская беззаботная жизнь, несмотря на то, что мне приходилось жить с матерью и терпеть её пьяные выходки. Но потом она сгорела от почечной недостаточности, и решилась ещё одна моя проблема. Твоя бабка исправно

платила аренду, я теперь одна хозяйничала в "трёшке" на Садовой, и, кажется, это были лучшие годы в моей жизни. Но неделю назад объявился Костик, сын моей покойной сестры. Он оборвал мне телефон. Кричал в трубку: "Два дня! У тебя два дня, чтобы освободить квартиру и отдать мне ключи!" Видишь ли, он думал, что теперь я здесь хозяйничаю. Слышала бы ты, каким тоном он разговаривал со мной. А когда-то, в мае 1994-го, это был маленький беззащитный, орущий кулёк, перетянутый голубой лентой. Помню, смотрела на него и думала, что люблю детей...

Лара замолкает. Вскоре её аккуратно очерченные губы сжимают новую сигарету, а в ладонях чиркает зажигалка. На этот раз она не спрашивает моего разрешения, задумчиво курит и опять смотрит в окно.

— После разговора с Костиком я позвонила твоей старухе и поскольку её номер оказался не доступен, я приехала сюда лично, — продолжает женщина, стряхивая в блюдце седую горстку пепла. — Боже! Ты видела эту надпись на двери? Просто ужас... — она качает головой, шумно выдыхает и гасит окурочок. — Но ещё страшнее оказался бардак, который ждал меня внутри. Ты что же развела здесь, дорогая? Или подростки все такие? — Лара хмурит идеально прорисованную бровь. — Как тебе не стыдно, Даша. Ты же девочка!

И это говорит мне женщина, смолящая, как паровоз?

— А Вы оставили дверь нараспашку! — парирую в ответ.

— В самом деле? Не может быть...

"Ещё как может!" — хочу крикнуть я, но сдерживаю себя.

К чему эта пустая перебранка?

Эту женщину и эти стены я вижу сегодня в последний раз.

"Через час, максимум через два, меня здесь не будет! — злюсь про себя. — И мне плевать, что говорит и думает обо мне эта мадам в кашемировом свитере!"

Я, наивная, ещё не знаю, что всё случится гораздо быстрее. Что уже через тридцать минут я брошу здесь свои вещи и с бешено колотящимся сердцем и слепыми от слёз глазами босиком побегу на январский мороз в поиске надёжного укрытия...

— Ладно, не будем ругаться! — Лара смягчается, её брови принимают естественную форму, морщинки разглаживаются. — В конце концов, я сама когда-то была подростком. Я всё понимаю. Разбросанные шмотки, трёхзначные счета за телефон, секретки в дневнике, мысли только о мальчиках, — она с улыбкой закатывает глаза. — На меня тоже мамка ворчала. Говорила, что я вся в отца. Такая же неряха. Истинная Стрельцова...

Мои щёки вспыхивают:

— Что? Вы сказали Стрельцова?

— Ну, да. Лариса Андреевна Стрельцова, приятно познакомиться. А что тебя так изумляет? — удивлённо спрашивает Лара.

— А Стрельцова Альбина Витальевна...

— Моя мать... А в чём, собственно, дело? Мы уже час разговариваем, а до тебя только дошло, что я дочь Альбины Витальевны?

И снова этот взгляд. Снисходительный, удивлённый. Взгляд под названием "Соколова, ты дура?"

— Не знала, что у Альбины есть дети... — отвечаю растерянно и тут же поднимаю на Лару испуганные глаза. — Подождите, Вы сказали, она умерла?

— Всё верно, — кивает женщина. — Восемь лет уже прошло.

Ничего не понимаю...

Моя бабушка ездила к Альбине Витальевне всего несколько месяцев назад, минувшей осенью. Я помню ту злосчастную субботу.

Я рассказываю об этом Ларе, но та в ответ давится смехом:

— Ездила к моей матери? Серьёзно? Повторюсь, моя мать померла восемь лет назад, а до этого два года никого не узнавала! И твоя бабушка прекрасно это знала. Какие встречи? — она складывает руки на груди. — Даша, твоя бабуля обманывала тебя все эти годы. Осознай это, наконец!

— Но зачем? Зачем она это делала? — дрожащим голосом спрашиваю я у Лары, будто она может ответить на этот вопрос.

Та пожимает плечами:

— Мне это непонятно... Мне вообще ничего непонятно. Например, зачем твоя бабушка называла родную дочь чужим именем? Зачем придумала для неё другой облик? Зачем ей понадобилась эта квартира? И почему она готова была платить бешеные деньги за аренду? Кстати, чуть не забыла...

Она с трудом просовывает пальцы в узкие карманы джинсов и вытягивает оттуда сложенные пополам купюры.

Лара не успевает объяснить мне, что это за деньги. Наш разговор прерывает "Je T'Aime" Mylene Farmer. Мелодия доносится из прихожей, из крохотной лаковой сумочки на цепочке.

— Костик звонит... — произносит Лара с досадой. — Наверно, хочет удостовериться, что квартира готова...

Женщина кладёт деньги на стол и, не торопясь, идёт за телефоном. Вскоре она уже говорит с племянником.

— Да, Костя... Ещё нет... Конечно, всё будет, как договаривались... Жду.

Закончив разговор, Лара возвращается в комнату и плюхается на диван.

— Так, о чём мы говорили? — спрашивает она, вращая телефон в руке. — Ах, да... Деньги... Так вот...

Мой взгляд цепляется за пейзаж на задней стенке мобильного. Цветущая сакура, озеро, пирс... Но уже через секунду телефон поворачивается ко мне другой стороной, и я вижу сочную фотографию на экране.

На снимке парнишка лет трёх-четырёх. Забавный карапуз с большими карими глазами и родинкой на правой щеке. Бабульки, увидев такого, обычно умиляются, ахают и трижды плюют через плечо.

А я смотрю на него и едва сдерживаю крик...

Он смотрит на меня огромными карими глазами и лучезарно улыбается, и сжимает крохотными пальчиками нарядного плюшевого мишку.

Тот блестит чёрными глазами-пуговицами, козыряет алым накрахмаленным бантом, ослепляет гляncем картонной бирки "Мир детства и Ко". Он только-только сошёл с конвейера.

Пройдёт время, и эта игрушка превратится в прожжённое сигаретой одноглазое нечто. А её хозяин, этот малыш с ангельской улыбкой и пухлыми щёчками, обернётся чудовищем на синей "ауди". Чудовищем, не знающем границ, наглым и жестоким.

Футболка, которую я прежде аккуратно складывала, старательно расправляя каждый залом, за секунду становится тряпкой в моих потных ладонях. Кулаки сжимаются сами собой, и я слышу, как нежный хлопок трещит между пальцами.

Я выпускаю несчастную вещь из рук, и не сводя глаз со снимка, медленно поднимаюсь.

Лара тем временем указывает взглядом на купюры, лежащие на столе:

— Возьми эти деньги! Тут...

Обратив внимание на меня, спиной отступающую к выходу, Лара осекается. Она видит мои распахнутые ужасом глаза, слышит моё сбившееся дыхание и меняется в лице.

— Даша? Что с тобой? Ты смотришь так, будто за моей спиной призрак!

Женщина смотрит взволнованно, опять кривит идеальные брови, театрально оборачивается.

"Призрак у неё не за спиной!" — кричу про себя.

"Призрак у неё в руках!" — кричат мои скрученные страхом внутренности.

"На фотографии в телефоне!" — бьётся в грудной клетке сморщенный комок, оставшийся от сердца.

— Этот мальчик... — дрожащей рукой указываю на снимок. — Я знаю его...

Лара обращается к цветному изображению на экране.

— В самом деле? Это детская фотография Костика. Здесь ему три года. Интересно, где вы могли с ним видеться? Сколько тебе? Девятнадцать? Когда ты родилась, он успел справить свой первый юбилей, и уже два года жил с отцом в Пригороде. Специально поставила эту фотографию вместо обоев. Чтобы Костик знал, что я никогда о нём не забывала.

— У него родинка... — сдавленно произношу я и, осёкшись, сглатываю. И делаю ещё один осторожный, неуверенный шаг назад. — И глаза...

— Семейная мушка Стрельцовых! — ядовито хмыкает Лара. — Такая была у его матери, у деда, у прадеда. И у меня, — она трогает свою идеально белую и гладкую щеку. — Но я свела её к чёртовой бабушке! А глаза достались Костику от папаши. Когда-то моя глупая сестричка попала на его колючий карий взгляд. Доверилась его густым ресницам, пропади они пропадом! Этот, наверняка, такой же! — она кивает на изображение мальчишки. — Ловелас. Сердцеед. Стрельцов Константин Игоревич... Правда, сразу после переезда к отцу Костик сменил фамилию. Этот подонок всё же признал в парнишке своего. И стал наш мальчик Кинишевым.

"Нет! — кричит мой стянутый спазмом желудок. — Он стал Полянским!"

"Станиславом, мать его, Владимировичем!" — кричит сморщенный комок в моей груди.

— Это Полянский! Стас Полянский! — кричу я уже в голос.

Лара реагирует моментально. Вскидывает на меня свой фирменный взгляд, изящно выгибает левую бровь, улыбается краешками губ:

— Кто?

— Адское чудовище, искалечившее мне жизнь!

— Детка, ты что-то пугаешь! — возражает женщина. — На этом снимке Костик, сын моей покойной сестры! — она держит телефон на вытянутой руке, тычет в меня фотографией на экране.

По центру часы. Цифры меняются на моих глазах. 14:01

Успеваю подумать, что Апрельские опаздывают и, возможно, не приедут вовсе.

Это даже к лучшему. Потому что я подвела их. Димкины задачи так и остались нерешёнными.

Но на фоне почти рухнувшей жизни потеря клиента кажется мне сущей мелочью.

— Видишь эту рубашку? — Лара тем временем стучит акриловым ногтем по экрану. — Я лично покупала её. И эти брючки на лямках, и эту игрушку. Анфиски уже месяц не было в живых. А Костик каждый день плакал и звал маму. Чтобы как-то утешить ребёнка, я поехала в "Детский мир" и стянула с полки первого попавшегося медведя. Видела бы ты как мальчишка прижал его к себе...

Медведь!

Ну, конечно!

Ладно, соглашусь, маленькие дети могут быть очень похожи друг на друга. На общей классной фотографии бабушка не раз путала меня с Дариной Козловой. Такой же тёмненькой. С такой же чёлочкой. И блузки мы с Дариной носили одинаковые.

Я тоже могла спутать Полянского Стасика с Кинишевым Костиком.

По ошибке признать в невинном ребёнке будущего хулигана и насильника.

Но!

Игрушка!

Собранная из ткани и ниток, украшенная пуговицами и лентами, помеченная подписью производителя на картоне она не могла израсти и поменяться.

Да, сейчас она лишилась глаза и прежнего лоска, и не может похвалиться гладкостью банта. Но это тот самый медведь, что сидел у меня за дверью пару дней назад. Тот самый медведь, что магически исчез вскоре после этого. Вместе с телефоном и паспортом. И моим покоем...

Вот она, глянцевая пуговица, которая нынче беспомощно болтается на чёрной нитке. Вот она бирка с заломом посередине, который сохранился по сей день. Наверно, заводской брак. А вот шёлковая лента, которая спустя время будет извиваться и корчиться в беспощадных объятиях пламени.

В ту июльскую ночь этот медведь стал безмолвным свидетелем случившегося. Он сидел на комодке в дальнем углу комнаты и уцелевшим блестящим глазом наблюдал за происходящим.

Равнодушно смотрел, как Полянский толкнул меня на кровать, как схватил за бёдра жадными голодными пальцами и отнял у меня самое дорогое...

Этот медведь видел всё. Я помню, как его лохматый силуэт двигался в такт моим безвольным движениям.

Я закрываю лицо ладонями и прячу в них жгучие слёзы. Душа рвётся на части.

Воспоминания снова обступают меня кольцом, цепляют, щиплют, стягиваются петлёй на горле, мешают дышать.

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

— Даша! Да что с тобой? — слышу я голос Лары сквозь дьявольский гул в голове.

Её присутствие отрезвляет.

Я стираю с ресниц солёные капли, делаю глубокий вдох и произношу стальным тоном:

— У меня для вас плохие новости. Этим медведем играет теперь другой "мальчик".

Лара ведёт кашемировым плечиком:

— И что с того? Костик давно вырос. Весной ему будет двадцать четыре...

— Полянскому тоже двадцать четыре! Надо же! Случайное совпадение! — злобно огрызаюсь я.

— Почему ты всё время его упоминаешь? — вопрошает Лара.

Я отвечаю:

— Два дня назад он бросил эту игрушку у моей двери. Он был здесь, понимаете? Долго стучал, а позже оставил послание. Видели надпись автомобильной краской? Вы подумали на Костика. Обозлился? Расстроился? Был пьян? Не-е-ет... — качаю указательным пальцем из стороны в сторону. — Это сделал Полянский. И обращался он ко мне. Это меня он называл тварью! Понимаете? Я видела его красный пуховик и затылок, обтянутый в серую шапку. Вашему Костику нравится красный цвет?

Лара не успевает ответить.

— Что вообще Вы знаете о своём племяннике? Когда Вы видели его в последний раз? Двадцать лет назад, когда делали это фото? — указываю глазами на потухший экран мобильного в её наманикюренных пальцах. — Вы знаете, как с возрастом изменился голос Вашего племянника? С кем он сейчас общается? С кем дружит?

Лара молчит в ответ. Потому что я попала в яблочко. Она не знает, каким вырос Костик. Она помнит его ревушим мальчишкой, требующим вернуть ему маму.

Я горько ухмыляюсь:

— Ничего Вы не знаете, Лариса Андреевна... А я расскажу Вам. Полянский, это ублюдок в красном пуховике, был здесь два дня назад. И оставил мне условный знак. Медведя, которого Вы когда-то купили своему племяннику. Так он напомнил о себе. Будто после случившегося я могла забыть о нём. Вам не обязательно знать подробностей... — улыбаюсь горько и неестественно. — "Я вернулся!" написал он чёрным маркером на промасленном картоне. И этот почерк принадлежал вовсе не Костику...

— К чему ты клонишь, Даша? Я не понимаю... — Лара хлопает нарощенными ресницами.

Я не томлю её ожиданием. У меня нет на это времени.

— Полгода назад Полянский покончил с собой. Выпал из окна собственного дома. По крайней мере, так говорят официальные источники. Его тело нашли и похоронили. И рассказали об этом в местных новостях. Но два дня назад этот человек стоял за моей дверью. Живой и здоровый. Из плоти и крови. А теперь задумайтесь, чей же труп обнаружила полиция, учитывая внешнее сходство Полянского и Вашего племянника? И кто сейчас едет сюда под видом Кинишева Константина Игоревича?

Лару не пугают мои слова. Она смотрит уверенно и спокойно. И это довольно странная реакция для человека, только что узнавшего о возможной смерти близкого родственника.

Поэтому я повторяю ещё раз:

— Лара! Вашего Костика, возможно, уже полгода нет в живых! А человек, убивший его, с минуты на минуту появится здесь, в этой комнате! Вы это понимаете?

Я ожидаю увидеть в её глазах тревогу и слёзы, на щеках красные пятна или кафельную бледность, а на кончиках пальцев мелкую дрожь. Ожидаю чего угодно, но только не этого равнодушного взгляда и чуть приподнятых уголков перламутровых губ.

Эта женщина улыбается?

Серьёзно?

— Вас насмешили мои слова? — спрашиваю я.

Вместо ответа следует короткий вздох и всё тот же равнодушный взгляд.

Прозрение обрушивается на меня больно и безжалостно.

— Ведь на самом деле нет никакого Кинишева Константина Игоревича... — хрипло произношу я, медленно отступая назад. — Его не существует, верно? И эту слёзную историю о погибшей сестре и её младенце Вы тоже выдумали! И не было никакого договора об аренде! Правда? — ещё два шага назад. — Вам просто нужно было сбить меня с толку, пустить пыль в глаза, запутать...

Улыбка мгновенно сползает с аккуратного лица кашемировой женщины:

— Даша, о чём ты говоришь?

— У Альбины Витальевны не было детей! — говорю я и не узнаю собственного голоса, сдавленного спазмом в горле. — Никакая Вы не Стрельцова! Так ведь, Лариса Андреевна! Если, конечно, это Ваше настоящее имя... Зачем Вы здесь? Что Вам нужно?

Я делаю ещё пару шагов к выходу и упираюсь спиной в дверной косяк.

— Даша...

Лара делает попытку встать с дивана, но я резко выбрасываю руку вперёд:

— Не смейте приближаться ко мне! Я всё поняла! Вы за одно с этим ублюдком! Вы помогаете ему!

— Даша, ты меня пугаешь... — Лара хмурит идеальные брови.

— Господи! Это же так очевидно! — я вскидываю руки. — Вы храните у себя его детскую фотографию, потому что этот мерзавец Вам дорог!.. Фамильная родинка Стрельцовых, квартира на Парковой, аренда, племянник Костик... — выплёвываю горький смешок и демонстративно хлопаю в ладоши. — Пять баллов за актёрскую игру и отличный сюжет, Лариса Андреевна! Это было очень убедительно! Теперь я понимаю, как Полянскому удалось разыграть свою смерть! Это Вы помогли ему всех обмануть! Я угадала? Позвольте узнать, кто сейчас покоится в земле под чужим именем на мраморной плите? Манекен из торгового центра? Кукла, набитая соломой? Или какой-то бедолага, случайно попавший под Вашу изящную горячую руку? — мои губы растягиваются в искусственной улыбке, которая больше походит на оскал. — Что заставило Полянского прикинуться мёртвым? Не думаю, что он испугался расплаты. Такие люди не способны на раскаяние. Так кем же Вы приходитесь этому подонку? Любящей тётушкой? Матерью, готовой на всё ради сына? — я спрашиваю и сама тут же отвечаю на свой вопрос. — Нет, материнское сердце не способно

на такую жестокость! У Вас нет детей, и, пожалуй, это единственная правда, которую Вы рассказали о себе!

Лара не отвечает. Её щёки покрываются красными пятнами. Искусственные ресницы хлопают в два раза быстрее, изумрудные радужки мечутся из стороны в сторону, сканируя моё лицо.

— Ты не представляешь, как ты ошибаешься, Даша, — наконец, произносит она, и я застываю на месте.

Моё сердце срывается в пропасть. Проходит несколько бесконечно долгих секунд, прежде чем я снова могу дышать и говорить.

"Прости, приехать не могу! Отправил за тобой Стаса."

— Это же Вы прислали мне то чёртово сообщение? — мои пальцы зарываются в волосы, шепчу хрипло, чуть слышно. — Это Вы устроили мне ту проклятую встречу! "Отправил за тобой Стаса..." Не Мишку, лучшего друга. Не Игоря, проверенного олимпиадами однокурсника. А какого-то неизвестного мне Стаса! Я должна была сразу насторожиться... Вы знали про меня и Кирилла. Знали мой номер телефона. О, боже... — мне опять не хватает воздуха в лёгких и приходится приложить усилия, чтобы озвучить следующую мысль. — Вы знали обо мне слишком много для случайного человека!

Я замолкаю на мгновение. У Лары появляется шанс всё объяснить, но она хлопает глазами, поглаживает джинсовые колени и упускает выпавшую возможность.

"У твоей матери были золотистые локоны... — звучит в моей голове голос бабушки. — Её звали Лара, Ларочка..."

"Твоя бабушка хотела тебя защитить..." — сменяет его голос Антонины Петровны.

"Я ненавижу детей..." — вспоминаю я слова самой Лары.

Элементы разбитой мозаики один за другим занимают свои места, и теперь в моём воображении собирается полная картина происходящего.

Я делаю глубокий вдох и продолжаю:

— Ведь это Вы — женщина в белом палантине, которая той ночью подобрала меня у обочины? Верно? — моя ладонь устремляется к губам. — Вы увезли меня в Н-ск и высадили прямо у подъезда. Вы знали не только мой точный адрес, но и правила этого дома!

Обвожу взглядом растерзанную ныне комнату. Раскрытую голодную пасть чемодана, вещи, сиротливо жмущиеся к нему, книжные полки.

— Вы знали, как должны стоять книги и висеть платья. Эти правила придумала бабушка, и только она их соблюдала. Раскладывала вещи по цветам и вешала их по росту. Непременно так, чтобы плечики смотрели в одну сторону! Вот! — указываю на распахнутый плательный шкаф. — Вы в точности повторили бабушкин почерк, и это выдало Вас, Лариса Андреевна! — перевожу взгляд на стройный ряд разномастных безделушек на книжной полке. — А эти сувениры... Бабушка терпеть их не могла. Вы принесли их сюда, потому что знали, что её больше нет! И не делайте вид, что не понимаете о чём речь, Лариса Андреевна! Ведь это Вы довели пожилую женщину до сердечного приступа и оставили умирать! Что именно Вы ей рассказали? Как обманном путём заманили меня в захолустный дачный посёлок? Как спустя несколько часов подобрали у обочины чумазую и босую? А может быть, Вы поделились с ней своими планами? Например, сообщили, что однажды придёте в этот дом и заявите о себе? Наверняка не забыли упомянуть, что сделаете это весьма изощрённо. У Вас богатая фантазия, Лариса Андреевна. Воскресший покойник, магически исчезнувшие плюшевый медведь, телефон, паспорт. Каких ещё "сюрпризов" мне ждать от Вас?

- Ты что-то путаешь, девочка! — Лара закидывает ногу на ногу и тянется за сигаретами. Картонная пачка пуста. Женщина раздражённо комкает её и бросает в блюдце с окурками. Она опять скидывает брови и хлопает искусственными ресницами. — Я совершенно не понимаю, о чём ты говоришь! — её притворное удивление выглядит омерзительно

— Всё Вы понимаете, Лариса Андреевна, всё Вы понимаете! — выдыхаю я и делаю паузу, прежде чем окончательно разоблачить её. — Как давно из брюнетки Татьяны ты превратилась в золотистую красавицу Лару? Знаешь, а тебе к лицу эти локоны и мятный цвет глаз, мама...

— Что? Я же говорила тебе...

— Хватит притворяться! — вскрикиваю я. — Скажи, мама, ты специально выкрасила волосы, чтобы походить на образ, придуманный бабушкой? Ты знала, что она не рассказывает мне о тебе, настоящей?

— Ты несёшь бред, Даша! Что, начиталась своих долбанных детективов? — спрашивает Лара, пронзая меня мятным взглядом. Она тяжело дышит, её грудь рвано вздымается под мягким кашемиром.

— Теперь я отлично понимаю, почему бабушка все эти годы скрывала от меня правду. Потому что ребёнку не следует знать о том, что его мать — чудовище! Ты... Слёзы обрывают меня на полуслове. От солёной влаги щёки вспыхивают. Я прячу лицо в ладонях.

— Ты сломала мне жизнь, мама! Ты это понимаешь? — я опять смотрю на неё, но теперь вижу только расплывшийся силуэт. — Ты злилась на бабушку и потому так жестоко обошлась со мной? Ответь? Ты хотела, чтобы я страдала? Есть ли у тебя сердце, мама?

Я закусываю губу, чтобы не разреветься в голос.

Ответа не жду. Бросаюсь к выходу, потому что не хочу больше ни секунды оставаться наедине с этой женщиной. И пока я дрожащими руками пытаюсь справиться с щеколдой на двери, у Лары звонит телефон.

— Да, Костик. Заходи, конечно. У нас всё по плану. Я жду тебя! — звенит её голос в оглушающей тишине. — Подожди, ненормальная! Ты что себе напридумывала? Костик — мой племянник! И он уже здесь! Сейчас он поднимется, и ты убедишься, насколько абсурдна твоя теория!

Последние несколько фраз адресованы мне.

Лара поднимается с дивана и следует за мной. Медленно. Покачивая бёдрами. Как она любит. Я же никак не могу справиться с проклятым куском металла. Щеколду безнадёжно заело. Я беспомощно дёргаю её, та скрипит, хрустит, но не поддаётся. Мы с бабушкой никогда ею не пользовались.

"Это она задвинула чёртов засов! — с ужасом понимаю я. — Чтобы поймать меня в ловушку!"

— Что ты там возишься, детка? Помочь? — Лара выглядывает из-за моего плеча. Меня обжигает аромат её духов и горячее дыхание с привкусом помады над ухом. — Ах, этот дурацкий замок... Давай, помогу!

Она мягко отстраняет меня в сторону и берётся изящными пальчиками за холодный металл.

— Вот так, — Лара проделывает с щеколдой известные ей одной манипуляции. Та, жалобно скрипнув на прощание, сдаётся, и дверь, наконец, распаивается.

Опьянённая запахом мороза, табака и свободы я бросаюсь на волю.

"Она отпустила меня! Она меня отпустила! — про себя скандирую по слогам, сбегая по

бетонным ступеням. Те колючим морозом кусают мои босые ступни. — Плевать! Я сбежала от неё и это главное! Я вырвалась из её душного плена!"

Но уже через пару мгновений моё ликование рассеивается в затхлом подъездном воздухе.

Подобно меткому выстрелу меня сражает звук хлопающей двери. Ворвавшись с улицы, преодолев три с половиной лестничных пролёта, он в буквальном смысле сбивает меня с ног. Я оступаюсь и падаю на холодный бетон.

— Слышишь, Даша? Костик уже здесь! — кричит сверху Лара. Она стоит у перил и смотрит в прогал между ними. — Он уже поднимается, Даша! Я вижу его серую шапочку и красный пуховик! Вот ведь совпадение! Костик в самом деле любит красный цвет! — она дьявольски смеётся. — Слышишь шаги на лестнице? Это он! Сейчас ты увидишь, насколько была не права...

И до меня, наконец, доходит, почему эта женщина так легко меня отпустила. Она знала, что далеко мне не убежать.

Я застываю на ледяных ступенях.

Бежать дальше нет смысла.

Мне не скрыться от Полянского.

Я в ловушке...

Подъездная дверь снова хлопает.

Дважды.

С улицы тянет морозом и сигаретами.

Я сижу на ступенях, обхватив себя руками, и прислушиваюсь к каждому шороху.

Впитываю звуки словно поролоновая губка.

Во дворе хрипит двигатель чьей-то "ласточки", где-то плачет младенец, кто-то кашляет, на карнизе копошатся птицы, а топот чужих ног становится всё громче.

Он уже близко.

Я чувствую его одеколон.

"От тебя вкусно пахнет. Это что за парфюм?"

"Версаль... Синий..."

"Мм... Классный... Мне нравится..."

Дура наивная...

Гоню прочь ненужные воспоминания.

Про себя считаю шаги.

Один.

Два.

Три.

— Яичники застудишь, глупая! — говорит Лара сверху. Она стоит за металлическим ограждением и смотрит на меня точно с балкона. — Тебе ещё детей рожать! Не дури! Вернись в дом!

Я игнорирую её слова. Можно подумать, она в самом деле печётся о моём здоровье.

Но, кажется, эта женщина и вправду взволнована. Со словами "Пойду хоть тапки тебе вынесу" она проваливается в квартиру. Там, за дверью, у неё снова гудит мобильник. Она отвечает на входящий вызов, тут же обо мне забывает и больше на площадку не возвращается.

Мне всё равно. Уставившись перед собой, я мелко дрожу от холода и считаю шаги.

Десять.

Одиннадцать.

Двенадцать.

Он уже на третьем. Нас разделяет один этаж. Двадцать ступеней.

"Я могу подняться на свой пятый и выиграть ещё двадцать..."

Но попытка встать на ноги оборачивается неудачей. Парализованная холодом и страхом я не могу управлять своим телом. Не чувствую рук и поясницы, не могу оторвать от бетона окоченевшие ступни и беззвучно плачу, спрятав лицо в ледяных ладонях.

Пятнадцать.

Шестнадцать.

Семнадцать.

Он громко дышит. Я слышу.

Впору начать обратный отсчёт.

Между нами последние десять ступеней.

Девять.

Восемь.

Семь.

Сейчас никто и ничто не заставит меня отвести руки от лица. Я ни за что не открою глаза.

"Я никого не вижу, а значит, никто не видит меня!" — вспоминаю себя, пятилетнюю.

Так мы играли с бабушкой в прятки. Я застывала посреди комнаты, закрывшись ладошками, и она "никак не могла меня найти".

Ходила кругами и приговаривала:

— Где же моя Дашенька? Где же моё Солнышко? И на диване нет, и под диваном нет, и на кресле нет, и за креслом нет, и за шторкой нет, и за полкой нет...

А потом я начинала смеяться, и тогда бабушка меня "находила".

Сегодня, как в детстве, я опять хочу крепко зажмуриться и стать невидимкой.

Но волшебства не случается.

Три.

Два.

Один.

Мои сомкнутые у лица ладони обжигает тяжёлое дыхание, а чужие холодные пальцы больно хватают за плечо...

Пусть он трясёт меня за плечи. Пусть шипит что-то злое и обидное в самое ухо. Я зажмурюсь сильнее, закрою уши и не услышу.

И ни за что не взгляну на него.

С ледяных бетонных ступеней прокуренного подъезда, из его кое-как выкрашенных стен перенесусь на Садовую.

В далёкий 2003-ий, где я, пятилетняя, стою, закрывшись ладошками, в центре тёплого зала нашей "хрущёвки". За моей спиной горит ёлка. В комнате пахнет салатом. А по телевизору — "Чародеи".

На мне бирюзовое платье в горошек и белые пышные банты. А на бабушке цветной сарафан.

Мы играем с ней в прятки. Она ходит кругами, шелестя подолом, ищет меня "под диваном" и "за кроватью", зовёт Солнышком и по имени. И ласково, будто невзначай, гладит по голове.

Мне нравится, как она пахнет.

Даже спустя пятнадцать лет я так хорошо помню, этот терпкий цветочный аромат её духов, что, кажется, чувствую его прямо сейчас.

Чёрт возьми!

Я на самом деле чувствую его!

Он будто строгая родительская рука, оберегающая малыша от опасности, выдёргивает меня из прошлого, из тёплых детских воспоминаний и возвращает в суровую холодную реальность 2018-го.

Картинка в моём воображении рассеивается, но знакомый аромат остаётся. А вместе с ним голос.

— Даша, Дашенька... — зовёт он, пробиваясь сквозь мои ладони, плотно прижатые к ушам.

Я слышу своё имя и осторожно открываю глаза.

— Даша! — Антонина Петровна больно трясёт меня за плечо.

Я вижу её глаза, разрисованные мелкими морщинами, и щёки, румяные от мороза, и неизменные кольца в ушах. Она в потрёпанной дублёнке и норковой шапке, в сапогах, переживших не одно поколение, и с полным пакетом еды из "Корзиночки", тяжело повисшим на левой руке.

Стоит надо мной, склонившись и тем самым укрыв от опасностей внешнего мира, и давит холодными пальцами мою ключицу.

Она пахнет морозом и бабушкиными духами, которые я сама когда-то ей отдала.

— Это Вы... А он... Где он? — говорю сбивчиво, озираюсь по сторонам, пытаюсь заглянуть поверх её плеча. Его не видно. Его нет. — Он же был здесь! Он поднимался! Я слышала!...

— О ком ты говоришь, Даша? — спрашивает Антонина Петровна и, не дожидаясь ответа, продолжает, — Господи, что ты здесь делаешь? В холоде! Босая!

И снова ответ ей не нужен. Используя свободную руку, она помогает мне подняться. Я между тем неловко думаю про себя, что соскребать с пола моё трясущееся тело становится нашей традицией.

Антонина Петровна не слушает моего лепета об ужасном человеке в красном пуховике, о его тяжёлых шагах на ступенях, о матери, объявившейся в моём доме, спустя много лет.

Она берёт меня под руку словно душевнобольную, ведёт к своей двери, молча отпирает её, и пропускает в свою обитель.

Я пытаюсь перед ней извиниться за недавнюю ссору и грубые слова, за недоверие, за свой суровый взгляд и повышенный тон. Но женщина всякий раз спокойно отвечает:

— Ничего... Ничего...

И добавляет:

— Я не буду с тобой говорить, пока ты не согреешься и окончательно не придёшь в себя. Ванна прямо по коридору. Ну, ты знаешь...

Следующие сорок минут я кисну в мыле и пене, и геле для душа. Неистово тру себя щёткой и обливаюсь едва ли не кипятком.

Антонина Петровна приносит мне чистое полотенце и вышарканный до дыр домашний халат.

А потом она жарит лук и мясо, и тушит картофель. Режет хлеб и салат. Греет чайник и разворачивает печенье. А я сижу у окна на стуле, забравшись на него с ногами, и смотрю на зимние сумерки.

Мне всё ещё страшно. Я прислушиваюсь к гомону снаружи. Пытаюсь уловить каждый звук внутри дома и за его пределами.

Во дворе лает собака, ругается влюблённая парочка, кричат дети, гудят машины... А на лестнице снова шаги.

Они близко. Внизу. И вскоре за дверью. Пронесются мимо. Поднимаются выше. Вскоре слышу громкий стук в дверь и узнаю знакомый почерк.

Один длинный удар, три коротких, ещё один после паузы и два коротких следом. Эта композиция повторяется дважды.

Полянский...

Я знаю.

Так он стучал, когда пришёл ко мне в первый раз, несколько дней назад.

Сейчас этот человек опять стоит у порога моей квартиры и ждёт.

Ждёт, когда замок щёлкнет, дверь глухо простонет, и красавица Лара впустит его, чужака, в мой дом.

Вскоре я слышу их топот и гулкие голоса у себя над головой. Но думаю о тетради, оставленной на столе, о Димкиных нерешённых задачах, о чашке чая, брошенной в раковину.

Это была моя обитель. Ещё вчера в ней всё было по моим правилам. А сейчас по моему дому ходят два чужих человека, незваные гости, нагло ворвавшиеся в мою тихую размеренную жизнь.

Мне хочется кричать от бессилия. Хочется всё рассказать Антонине Петровне, попросить её совета и защиты. Но та пресекает любые мои попытки заговорить.

"Поешь..."

"Бери печенье..."

"Чаю подлить?"

И мы молча едим, молча пьём, а после разбредаемся по комнатам.

Молча.

Она уступает мне зал, свой диван и две полки в шкафу.

Я не просила.

Она сама.

Как и в тот сентябрьский вечер, когда бабушки не стало, Антонина Петровна снова пришла мне на помощь. Забрала под крыло, дала хлеб и кров. И не задала ни единого вопроса.

Пока Антонина Петровна за стеной смотрит новости Пригорода и между делом набирает петли на вязальных спицах, я в её старом халате на голое тело меряю шагами просторный зал. Иногда выглядываю в окно. Картинка за ним давно утонула в зимнем вечере, слиплась и почернела.

Потому я рассматриваю картины на стенах и книги, выставленные за стеклянными дверцами немецкого гарнитура, и аккуратные пирамиды обувных коробок сверху под самым потолком.

Одна из них мне знакома.

"Весарио-модельс" — бабушкины зимние сапоги. Она их купила, совсем чуть-чуть поносила и кому-то отдала. А коробку оставила. Хранила в ней нитки, иголки и прочую мелочь для рукоделия.

"Не лезь! Растеряешь!" — ворчала бабушка, когда я, взобравшись на стул, норовила стащить "Весарио" с полки.

А когда мама Оля умерла, коробку с рукодельными прелестями забрала Антонина Петровна.

Помню, как она подмышкой несла её, перевязанную лентой, на свой этаж. Надпись "Весарио-модельс" качалась в такт её неторопливым шагам.

Сейчас мне до дрожи в коленях хочется спустить бабушкины сокровища на пол и прикоснуться к ним. Погладить каждую тесьму, каждый неровно отрезанный лоскут. Зарыться пальцами в пуговицы, набрать полный кулак и выпустить. Послушать, как они загремят, рассыпаясь, вдохнуть их запах, вспомнить маму Олю, всплакнуть.

Я взбираюсь на стремянку, будто нарочно приставленную здесь же у стены, тянусь за коробкой, хватаю её за картонные бока и начинаю осторожно спускаться.

"Весарио" потеряла былую яркость, стала гораздо легче, чем казалась мне в детстве, и больше не перевязана тёмно-синей лентой.

Мне остаётся сделать последний шаг, когда раздаётся стук в дверь.

Один длинный удар, три коротких, ещё один после паузы и два коротких следом.

Эта композиция повторяется дважды...

Моё сердце дважды ударяется о грудную клетку и застревает в рёбрах. Попад в ловушку, беспомощно дёргается.

"Тук-тук. Тук-тук. Тук-тук..."

Руки теряют силу и больше не слушаются.

Коробка, набитая пряжей и нитями, превращается в грудку кирпичей, удержать которую мне не по силам. Она скользит картонными боками в моих влажных ладонях, дрожит, извивается, срывается прочь и с грохотом падает на пол.

От удара крышка слетает, и всё содержимое одной бесформенной массой раскатывается по комнате.

Антонина Петровна на шум не реагирует. Она приглушает звук телевизора и, шаркая кожаными тапочками, направляется в прихожую.

Я хочу броситься ей под ноги, схватить за руку, истошно закричать: "Прошу Вас, не открывайте!" Но парализованная страхом продолжаю стоять на стремянке в шаге от пола и смотреть на пёстрое месиво у себя под ногами.

— Кто там? — спрашивает Антонина Петровна. Она уже у двери и готова распахнуть её, не дожидаясь ответа.

А там женский голос.

— Здравствуйте! — доносится снаружи. — Это Лара! Помните меня? Я живу над Вами...

Лара...

Не просто так она в точности повторила комбинацию Полянского. Это издёвка. Намёк.

Один длинный удар, три коротких, ещё один после паузы и два коротких следом.

Это он подсказал ей.

Или постучал за неё...

Не удивлюсь, если этот ублюдок стоит сейчас за её спиной.

"Не впускайте их, прошу Вас!" — кричу про себя, но вслух не могу произнести ни звука. Ужас держит меня за горло, поперёк которого сморщенным печёным яблоком ворочается сердце.

Антонина Петровна между тем лязгает замком, распахивает дверь и запускает Лару.

Кажется, женщина в самом деле пришла одна.

Что ж, уже не плохо...

Громко цокая шпильками, она переступает порог и затаскивает за собой мою дорожную сумку на колёсах. Плотной набитую вещами. Слишком громоздкую для узкого коридора.

Антонина Петровна принимает сумку, пристраивает в углу за дверью.

Мне из комнаты плохо видно прихожую.

За фигурными стёклами закрытых зальных дверей силуэты двух женщин выглядят цветными пятнами, движущимися в жёлтом электрическом свете.

— Я так понимаю, Даша здесь? — спрашивает Лара. — Видела, Вы уводили её с лестницы...

— Здравствуй, Ларочка... Конечно, здесь... — отвечает Антонина Петровна. — Притихла что-то... Наверно, уснула...

Лжёт.

Она знает, что я не сплю.

Она не могла не услышать моего грохота.

Стоп!

Антонина Петровна назвала эту суку Ларочкой?

— Наговорила мне... — с досадой произносит кашемировая женщина. Её духи уже в комнате. И меня тошнит от них. — Слышали бы Вы, Антонина Петровна, какую чушь она плела!

— Прости её, милая. Ей всего девятнадцать. А на неё уже столько всего обрушилось...

Что? Она перед ней ещё и оправдывается?

— Ладно... — вздыхает женский голос. Следом скрипит лаковая сумочка, затем трещит пластиковая молния. — Вещи я занесла... А вот деньги... — шелест купюр. — Это последняя арендная плата. Возвращаю. Это всё, чем я могу помочь! Деньги сейчас девочке не помешают!

— Хорошо, Ларочка... Спасибо тебе...

— Ну, мне пора! — нарочито громко, чтобы я слышала, произносит Лара. — Не болейте! И не держите зла!..

Антонина Петровна бубнит в ответ дежурные любезности, а Лара снова стучит шпильками, гремит дверным замком и убирается прочь.

Когда в прихожую возвращается тишина, ко мне возвращается способность двигаться, видеть и ясно мыслить.

Антонина Петровна спокойно приняла мои вещи. Не задавая вопросов, взяла деньги. Любезничала с Ларой. Благодарила. Извинялась.

Что? Это? Было?

Она не удивилась, когда нашла меня на ледяных ступенях, зарёванную и босую. И сейчас, когда я уже несколько часов брожу по её дому, ем её еду и снашиваю её халат, она спокойно вяжет, смотрит телевизор и не спрашивает меня, что случилось.

Почему?

Почему, чёрт возьми, она ни о чём меня не спрашивает?

Да потому что она знает больше меня.

Потому что эта с виду милая добрая женщина определённо что-то скрывает.

А что именно ей известно, я понимаю уже через пару мгновений, когда ещё раз внимательно вглядываюсь в разнопёструю кучу у себя под ногами, только что извергнутую обувной коробкой.

"Какого хрена..." — тяжело сглатываю и осторожно спускаюсь со стремянки.

Бусины и пуговицы липнут к моим босым ступням, вонзаются в них округлыми боками.

Присев на корточки, я принимаюсь собирать их в ладонь.

Восемь одинаковых, искусно сымитированных жемчужин, шесть кнопок для одежды, четыре скрепки и два зажима для бумаги. Скучная горстка гремит и колется в моём кулаке.

Это всё, что осталось от бабушкиных сокровищ.

Нитки, иголки и лоскуты цветной ткани уступили место бумаге, чекам, фотографиям и другой разной мелочи.

Вот, почему "Весарио-модельс" так заметно полегчала!

Детские часы, две заколки, резинка для волос и... ключ с плюшевой белкой без хвоста вместо брелка.

Всё это было моим.

Мои часы, мои заколки и мой... экземпляр ключа от квартиры на Садовой.

Я помню, как оплакивала эту бесхвостую белку, когда бабушка сказала, что вместе с ключом случайно отдала её новым жильцам.

Мама Оля ещё утешала меня:

— Не грусти, Дашутка! Твоя белочка будет жить теперь у Ванечки. Он хороший мальчик. А тебе я куплю новую игрушку! Обещаю!

Бабушка так и не купила мне новую белку.

Но сейчас важно не это.

Важно то, что этого ключа не должно быть здесь!

Бабушка отдала его.

Двенадцать лет назад.

Двенадцать лет назад она продала нашу квартиру на Садовой, а ключи от неё, включая этот, с царапиной по всей длине и проклятой белкой на кольце, отдала!

Так какого чёрта этот фигурный кусок металла греется сейчас в моей ладони?

Какого, блин, чёрта эта белка таращит на меня свои лаковые бусины-глаза?

Она тоже что-то знает, чего не знаю я?

Прячу ключ в хлопковый карман не моего халата и переключаюсь на другие вещи, выпавшие из "Весарио-модельс".

Резинки для волос и заколки меня не волнуют. С гораздо большим интересом я берусь изучать кипу бумаг, раскинувшуюся веером у моих ног.

Десятки моих детских рисунков, поздравительные открытки, подписанные неуверенной детской рукой.

"ПАЗДРАВЛЯЮ, БАБА"

"ДАРАГОЙ ДЕДУШКА МАРОЗ"

Вырезки из журналов с полезными советами и рецептами, грамоты и похвальные листы на цветной глянцевой бумаге, чеки и фотографии.

Последних немного. Штук пять или семь.

На всех — я, маленькая и беззубая, бабушка, ещё молодая и счастливая, и девушка, обнимающая нас обеих.

Мама...

Моя настоящая, всамомделишная мама.

У неё и вправду густые каштановые волосы, собранные в небрежный пучок на затылке, тонкие руки с аккуратными ногтями и... нет лица.

На каждом из пяти похожих друг на друга снимков лицо девушки плотно зачиркано чёрной пастой...

"Почему ты всегда прячешь лицо, мама?" — шепчу чуть слышно и чувствую, как поступает комок к горлу, в носу щиплет, а глаза жжёт слёзная плёнка.

Я кладу снимки обратно в коробку и крепко зажмуриваюсь.

— Пошла прочь, глупая вода! Убирайся!

Хлопковым рукавом грубо растираю глаза и возвращаюсь к бумагам.

Бегло пролистываю бабушкины грамоты, дипломы и похвальные листы. Аккуратно перекладываю в коробку медали — "почётного педагога" и "учителя года". Отбрасываю в сторону пустые небрежно разорванные конверты. Берусь за банковские квитанции и... застываю на месте.

В заголовке "Перевод денежных средств"

Под ним цифры в две строчки, откуда и куда переводились деньги, статус операции (исполнена), назначение платежа, дата исполнения и фамилии участников операции.

На первой, попавшейся мне в руки, квитанции указан сентябрь 2008-го года.

Хватаюсь за другие потрёпанные чеки.

Октябрь 2008-го...

Ноябрь 2009-го...

Август 2011-го...

Вскоре собираю внушительную стопку криво распечатанных справок, чеков и квитанций, подтверждающих мои птичьи права на жилплощадь, которую я долгие годы считала своей.

С августа 2005-го по сентябрь 2017-го Соколова Ольга Николаевна перечисляла деньги Стрельцовой Ларисе Андреевне "за аренду квартиры на Центральной".

После смерти мамы Оли, а именно с октября 2017 и по сегодняшний день, арендную плату вносила за неё Краснова Антонина Петровна.

"За аренду... За аренду... За аренду..." — значится в каждом платёжном документе, коих здесь почти полторы сотни.

Выходит, эта женщина в узких джинсах и белом кашемире говорила правду. Она в самом деле Стрельцова Лариса Андреевна, у которой моя бабушка долгие годы снимала квартиру.

"Что за... "

— Дашенька... — голос за спиной.

Резко оборачиваюсь.

Засунув руки в карманы домашнего платья, в дверях стоит Антонина Петровна.

Увлечённая своим занятием, я не заметила, как она вошла.

— Что это такое? — спрашиваю я, указывая на стопку бумаг, лежащую на моих коленях, и смахиваю слёзы, появившиеся как всегда не кстати. И жду ответа.

Антонина Петровна обводит взглядом комнату, царящий в ней беспорядок, и будто нарочно медлит. Медленно проходит к дивану. Медленно опускается на него. Неспеша поправляет хлопковый подол. И только спустя минуту или две начинает говорить.

— Когда-то это должно было случиться. Такое невозможно скрывать всю жизнь, — она вздыхает с сожалением.

Я откладываю документы, поднимаюсь с пола и осторожно подсаживаюсь к ней:

— О чём Вы говорите?

— Твоя бабушка двенадцать лет снимала эту квартиру у Стрельцовых, — говорит Антонина Петровна и, опережая все мои вопросы, добавляет. — Я не знала этого, клянусь. Мы столько лет жили по-соседству. За солью друг к другу ходили, сериалы одни и те же смотрели, болтали о том, о сём. Но про аренду она рассказала мне только когда поняла, что умирает. Я пришла на её глухой плач и стоны, увидела её лежащей на полу и бросилась на помощь. А она ледяными пальцами вцепилась в мою руку и хрипло произнесла: "Тоня, спаси мою Дашеньку! Не брось её, прошу тебя! Я денег тебе оставляю! Много! Только убереги её!" А после добавила: "Она за мной пришла! А, значит, и за ней придёт!" И стала рассказывать. О том, что бежать ей когда-то пришлось. О деньгах каких-то говорила. Хрипло, неразборчиво. Много плакала. Тебя жалела, себя винила. И всё время повторяла: "Я должна была скрыться. Иначе она погубила бы нас обоих! А теперь не изменить ничего! Помоги Дашеньке, Тоня! Отдавай деньги Ларочке! Каждый месяц отдавай! Только не рассказывай ничего моей девочке! Молча отдавай! Пусть внученька счастлива будет! Пока правда сама не вскрыется! Ты сама поймёшь, когда это случится!" И плакала, и плакала. Указала на эту коробку из-под зимних сапог. В ней были деньги. Аккуратно лежали, по конвертам. А ещё фотографии и мелочь разная. Я эту коробку потом к себе унесла. И до сегодняшнего дня указ твоей бабушки честно выполняла...

Антонина Петровна прерывисто вздыхает, разглаживает и без того идеальный подол на коленях. Её голос дрожит от волнения.

— Зачем? — спрашиваю я, пристально вглядываясь в её влажные, покрасневшие глаза. — Зачем Вы это делали? Зачем делали так, как она Вам сказала? Моя бабушка по сути была для Вас чужим человеком. Какое дело было Вам до последнего желания соседской старухи? Ворчащей и недовольной жизнью старухи. Старухи, топающей у Вас над головой, постоянно что-то роняющей. Зачем Вам понадобилось взваливать на себя эту ношу? Заботиться о чужой соседской девчонке? Хоронить её бабушку? Платить за квартиру, в которой она живёт? Кормить её? То и дело подбирать с пола, чумазую и зарёванную? Зачем?.. Что-то не сходится, Антонина Петровна, что-то не сходится...

Женщина не успевает ответить. Её щёки вспыхивают румянцем раньше любых слов.

И этот румянец выдаёт её...

— Что же Вы молчите, Антонина Петровна? Не можете сходу сочинить правдоподобную историю? — у меня вырывается злой, я бы сказала, ядовитый смешок.

Вскакиваю с дивана и принимаюсь ходить по комнате, по разбросанным на полу бумагам. Зарываюсь пальцами в волосы, тяжело дышу. Чувствую, как покрываюсь пунцовыми пятнами от негодования.

— Как же я устала от лжи, Антонина Петровна! От наглой, бессовестной лжи! Не утруждайтесь! Не выдумывайте ничего! Просто скажите правду! Скажите, как есть! Этот халат на мне, — трясусь за хлопковый воротник, — этот горячий ужин, мягкий диван и пустые полки в шкафу — это ничто иное, как искупление вины. Я угадала?

И снова не дожидаясь ответа. Говорю сама:

— Вы помогаете мне, Антонина Петровна, потому что причастны к смерти моей бабушки? Верно? О, боже! Ну, конечно! Как же я сразу этого не поняла! Говорите, обнаружили её лежащей на полу. Ага. Но откуда мне знать, что это не Вы довели её до сердечного приступа? Откуда мне знать, что Вы не в сговоре с этой женщиной в кашемировом свитере? — указываю рукой в сторону прихожей, откуда ещё не улетучился сладко-приторный аромат туалетной воды. — Может быть, Вы вместе подделали все эти чеки, придумали чёртову легенду и разыгрываете передо мной свой дешёвый спектакль? Ларе нужна квартира, а Вам — добрая подруга в соседки! Что Вы так смотрите на меня? Думаете, я не слышала, как Вы любезничали с ней? И с какой радостью Вы приняли у этой особы мои вещи и деньги? Которые, между прочим, до сих пор лежат в Вашем кармане, Антонина Петровна. Сколько она платит Вам за соучастие? Нет! Не отвечайте! Не пугайте меня цифрой! Лучше скажите, как давно Вы решили избавиться от нас, скучных несовременных соседей?

Я замолкаю. В комнате повисает звенящая тишина. Сердце колотится, как сумасшедшее, щёки горят огнём и... снова эта солёная вода в глазах. Чёрт бы её побрал!

Закрываю лицо руками, чтобы спрятать её, стереть, затолкать обратно, под опухшие веки.

Ненавижу! Всё вокруг ненавижу!

Опускаюсь на пол, полностью обессилив. И выпускаю слёзы, разрешаю им жечь мои щёки и капать на хлопковый подол.

Зачем я это делаю?

Зачем лелею надежду, что всё происходящее со мной — чья-то злая шутка, нелепая ошибка, глупый розыгрыш?

Мне давно пора признать горькую, жестокую правду.

Это не они, чужие малознакомые люди, лгут мне сейчас. Это моя бабушка, моя родная, любимая бабушка обманывала меня все эти годы.

Нет никакого спектакля.

Такое количество чеков, копий и квитанций просто невозможно подделать.

Сама "Мона Лиза" позавидовала бы их подлинности.

И ключ, который лежит сейчас в моём кармане, не из бумаги вырезан. Он самый настоящий. Жалит меня за бедро, лежит там, на хлопковом дне, и смотрит металлическим глазом в распоротые тканевые волокна.

И на договоре аренды, будто нарочно поправшемся мне на глаза, красуется аккуратный бабушкин почерк. Настоящий почерк. Который я легко могу отличить от подделки по "фирменной" петельке на последнем слогe фамилии.

И лицо девушки на матовых фотографиях, конечно, зачиркано бабушкиной рукой. Настоящей рукой...

Страшная реальность повсюду и отменить её невозможно.

— Даша, Дашенька... — Антонина Петровна, бледная, в минуты постаревшая лет на десять, поднимается с дивана и подходит ко мне. Обнимает за трясущиеся плечи, поправляет спутавшиеся волосы, прижимает к себе. — Иди сюда, бедная ты моя...

И я плачу в её объятиях. Наверно, в тысячу первый раз за этот вечер дрожу всем телом и плачу.

Антонине Петровна между тем гладит меня по спине и приговаривает:

— Ну, всё, всё... Всё... Всё...

Когда я немного успокаиваюсь и затихаю, она говорит мне:

— Спрашиваешь, зачем я тебе помогаю? Почему оберегаю? Я отвечу. Потому что ты доченьку мне напоминаешь... Настеньку...

— У Вас есть дочь? — я смотрю на женщину мокрыми глазами и часто моргаю.

— Да, детка, да... Знаю, в школе все меня старой девой кличут. Будто я не слышу. Только неправда это. И дружила я, и замужем была. И Настеньку родила. Вот только жизнь семейная у нас с Митей не сложилась. Молодая была, глупая. Не разглядела его настоящего. А после свадьбы он и показал себя во всей красе. Я после родов поправилась сильно, и начал Митенька мой на худеньких засматриваться. На кассиршу в магазине, на парикмахершу, на медсестричку в поликлинике. Так и сбежал от меня к халату коротенькому да стройным ножкам в бронзовых чулках. Сам из моей жизни исчез и Настеньку с собой прихватил. А девчужке всего-то годик исполнился. Митя передал её своей матери, а та быстро ребёнку мозги запудрила. "Нет у тебя мамы! — сказала. — Умерла мама! Ирина (Марина, Карина) теперь твоя мама!" Я за малышку свою должна была кожу с них содрать. Сама из той самой кожи вылезти, если потребуется. До крови драться, до гематом, до хрипа предсмертного. Но мне было всего девятнадцать, прям как тебе сейчас. И я испугалась. Испугалась, что не справлюсь одна с ребёнком. Испугалась его, Митю, большого, взрослого, тридцатилетнего. И маму его испугалась. Глаз её злых, прищуренных, волос чёрных и кошелька тугого. Что я Настеньке, кроме любви своей предложить могла? Комнату в коммуналке? Один туалет на двенадцать человек? Бумажную сосиску на завтрак? А Митя из обеспеченных. Сам золотым ребёнком рос и дочери всё дал. Выросла красавицей, умницей. Только вот меня не помнит, конечно. У неё теперь мама Кристина и младший братик Алёшка. А я после всего на сердце замок амбарный повесила и в науку ушла. Окончила педагогический, пришла в школу учителем, окружила себя ребяташками, их заботами, улыбками. Они собой пустоту в моей душе и заполнили. Вот такие дела, Дашенька. Вот такие дела.

Выговорившись Антонина Петровна замолкает, а я, потрясённая её рассказом, не знаю, что сказать.

— Видишь, деточка, у каждого свои секреты... — добавляет женщина с горькой улыбкой.

И я киваю в ответ.

А потом мы опять молчим. Сидим на полу и просто слушаем тишину. Думаем каждый о своём. Пока я первая не подаю голос.

— Как Вы думаете, что она сделала? Моя мама? — спрашиваю, уставившись в никуда. — Почему бабушке пришлось скрываться от неё и скрывать правду о ней?

— Не знаю, милая... Не знаю... — отвечает Антонина Петровна.

— И как мама нашла нас с бабушкой, спустя столько лет? — спрашиваю, не рассчитывая на ответ. — Теперь я точно знаю, что это она приходила к маме Оле. И это она довела её до инфаркта. Что она ей наговорила? Угрожала? Шантажировала? Что?

Антонине Петровне нечего мне ответить. Она обнимает меня крепче, прижимая подбородок к моему затылку, и тяжело вздыхает:

— Ничего не знаю, моя хорошая...

И тогда я выпутываюсь из объятий женщины и решительно заявляю:

— А я выясню! Всё выясню!

— Что ты задумала, Даша? — взволнованно спрашивает Антонина Петровна.

И я отвечаю:

— На протяжении двенадцати лет, что мы прожили на Центральной, бабушка раз в месяц обязательно уезжала на Садовую. Мне говорила, что встречается с подругой, Альбиной Витальевной. Но Лара сказала, что та умерла восемь лет назад. Спрашивается куда в таком случае ездила мама Оля все эти годы?

Антонина Петровна растерянно пожимает плечами.

— Не знаете? А я, кажется, догадываюсь... — возбуждённая следующей мыслью, расплываюсь в злорадной улыбке. — Бабушка не просто так хранила у себя ключ от нашей старой квартиры, — хлопаю себя по карману, в котором до сих пор греется фигурный кусок металла. — Думаю, там, на Садовой, за старыми деревянными окнами меня ждёт немало интересного...

— Ну, куда ты на ночь глядя! Ты погляди на часы! — причитает Антонина Петровна.

Она вжалась в спинку дивана, подобрала под себя ноги и с тревогой, жалостью и едва ли не со слезами смотрит, как я вышвыриваю из своего чемодана тёплые вещи.

Ларе надо отдать должное. Она упаковала в мой багаж всё до шариковой ручки. Здесь и книги, и черновики рефератов и... Димкины нерешённые задачи, за которые я так переживала.

— Дождись утра, милая! Поедешь на свежую голову! — не унимается Антонина Петровна. — И вообще... Зачем тебе это? У меня и тепло, и сытно, и места много. Оставайся! Живи! Устрою тебя в лицей! По бабушкиными стопам пойдёшь! Первоклашек будешь учить! Ты башковитая! Ольга Николаевна рассказывала...

Я жёстко обрываю её бессмысленную тираду:

— Прощу Вас, не уговаривайте меня! Я всё решила! Я сейчас же поеду на Садовую! Мне это нужно! Понимаете?

— Понимаю... Всё понимаю... Но...

— Но? — настораживаюсь, ожидая очередного "сюрприза". И он очень быстро случается.

— Дашенька, не стоит этого делать... — выдыхает Антонина Петровна. — Я не всё тебе рассказала...

Застываю на месте и осторожно выпускаю из рук водолазку, которую собиралась надеть.

— О чём Вы говорите?

— Не думала я, что ты вот так сразу сорвёшься... — сокрушается женщина. — Надо было этот ключ проклятый спрятать подальше, как Ольга Николаевна велела...

— И что же ещё я должна знать прежде чем покину Ваш дом? — спрашиваю, теряя терпение.

— Дашенька, — Антонина Петровна нервно тербит пальцами подол своего платья. Прячет глаза будто стыдится своих слов или собирается солгать, — твоя бабушка очень не хотела, чтобы ты возвращалась на Садовую...

— Продолжайте...

— Перед смертью она сказала мне: "Сбереги мою деточку! Не дай им встретиться! Ты не представляешь, насколько она опасна! Не представляешь, на что она способна!.." И руку мою крепко так сжала. До сих пор мурашки, как вспомню...

Антонина Петровна ведёт плечами, оправляет ворот платья, обхватывает себя руками и, кажется, даже уменьшается в размерах.

— Подождите, как Вы сказали? — от услышанного мне самой становится не по себе.

"Ты не представляешь, насколько она опасна! Не представляешь, на что она способна!.."

Я уже слышала эти слова.

Всего сутки назад их произнесла Наталья, мама Кирилла. Мы стояли у Светкиногого подъезда. Женщина была пьяна и напугана и просила меня больше не приезжать на Садовую.

О, чёрт!

Она ведь тоже просила меня не приезжать на Садовую!

Случайное совпадение?

Конечно, нет!

Выходит, Наталья говорила вовсе не о беременной подружке своего сына, как успела подумать я. Она, как и бабушка, боится мою мать и вчера предостерегала меня от встречи сней.

Больно осознавать, что человек, подаривший тебе жизнь, — самое настоящее чудовище. Но всё вокруг указывает на это.

Фотографии, зачирканные бабушкиной рукой. Её многолетнее молчание. Кипа чеков за аренду квартиры, ставшей нашим убежищем. Их общую сумму страшно произнести вслух.

В этом же списке мама Кирилла. Её глаза, полные страха и слез, её сухие губы и дрожащие руки на моих плечах.

И её слова.

"Ты не представляешь, насколько она опасна!.."

"Худенькая девушка со снимка на самом деле опасна! — кричит мой внутренний голос. — Прислушайся к словам Антонины Петровны. Прислушайся к Наталье. Оставь в покое свою дурацкую затею! Разбери вещи! Остайся!"

Нет.

Я должна докопаться до правды. Какой бы страшной и горькой она ни была.

Дурное предчувствие заглушаю скрежетом молнии на пуховике. Закутываю его в шарф и шапку, топлю в зимних ботинках, прячу в карманах вместе с перчатками и заветным ключом от Садовской "хрущёвки" и навсегда покидаю распахнутые объятия чужого дома.

— Чемодан хоть оставь! — лепечет Антонина Петровна, когда я протаскиваю огромную сумку на колёсах сквозь узкие двери. — Господи, Дашенька... Беду чую! Не должна я тебя пускать! Двенадцать лет! Двенадцать лет, детка! Ты даже не знаешь, что тебя ждёт там, на этой Садовой проклятой...

Вот именно. Не знаю. Но обязательно это выясню.

— Благодарю Вас за помощь и поддержку, Антонина Петровна! — произношу мягко, даже с улыбкой. — Всё. Мне пора. Прощайте.

Женщина трёт глаза, всхлипывает, бормочет мне вслед напутственные слова. Уже через пару секунд я не вижу её за бетонными перекрытиями. Тащу за собой багаж, громыхая им по ступеням. Не оборачиваюсь, не останавливаюсь, не позволяю себе передумать.

Растворяюсь в морозном вечере, обжигаю им лёгкие, руки и лицо. Пересекаю двор по гладко выбритой от снега дорожке и сворачиваю в примыкающую к нему аллею.

Знаю, что Антонина Петровна смотрит на меня из окна. Хочу поскорее скрыться от её печального взгляда. Она будет смотреть мне вслед, пока тьма не проглотит без остатка мой силуэт.

Не оборачиваюсь, не машу ей рукой на прощанье.

Потому что ещё не знаю, что вижу её в последний раз...

Спустя десять минут петляний между седыми сонными домами я выхожу к метро. На другой транспорт в этот час рассчитывать не приходится. Толкаю тяжёлые стеклянные двери, с трудом продёргиваю за собой рюкзак и ныряю в залитое электричеством подземелье.

В вагоне два человека. Девушка в горнолыжном костюме ядовитой расцветки и пожилой мужчина с бумажной книгой в руках.

Знакомая обложка.

"Любовь в кармашке" Маргариты Алёшиной.

Еле сдерживаю улыбку умиления. Не зря говорят: "Любви все возрасты покорны!" Оказывается, история Кати и Андрея интересна не только молодёжи, но и читателям почтенного возраста.

Даже немного завидую мужчине. Он на первых страницах. Всё самое интересное у него впереди.

Оставляю в покое случайных попутчиков и через боковое окно бросаю короткий взгляд в соседний вагон. И там пассажиров — по пальцам перечесть. Один дремлет, другой копается в телефоне, третий просто смотрит в никуда, прижав к себе пакет.

Следуя их примеру, я поправляю свой чемодан, проверяю, надёжно ли он зафиксирован, и, убедившись, что всё в порядке, откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза.

Но задремать не получается. Мысли в голове жужжат, толкаются, перебивают друг друга. А тревога бежит по венам, пачкая кровь словно мазут.

До конечной ещё три станции. Затем механический голос пожелает мне всего доброго, и я покину вагон. Преодолею двадцать семь каменных ступеней платформы, узкий турникет и тяжёлые двери и снова окажусь во власти морозного вечера.

Потом буду по заснеженной улице волочить за собой багаж, ноги и уверенность в том, что не зря затеяла всю эту авантюру.

Снежинки будут сверкать и переливаться в свете разноцветных лампочек-карамельек, будут кружить и осторожно садиться мне на голову.

Я представляю, как они тают на щеках, превращаясь в крошечные капельки, и мне становится особенно тревожно. Подобно горстке снега в горячей ладони тает и моя решительность.

Я доберусь до Садовой, зайду в подъезд старого дома и даже поднимусь на этаж...

Что дальше?

Что меня ждёт там, за дверью?

Тёплая улыбка или оскал?

Глаза, полные радостного удивления или чужой озлобленный взгляд?

"Конечно же мама обрадуется! — мысленно уговариваю себя. — По другому и быть не может!"

И вопреки всем тревогам и сомнениям представляю себе следующую картину.

Я достаю из кармана ключ и осторожно вставляю его в замочную скважину. Делаю два оборота, и дверь открывается. Оставляю багаж снаружи и бесшумно вхожу в прихожую.

У порога высокие мамины сапоги. Я ставлю рядом с ними свои ботинки и, не раздеваясь, прохожу в дальнюю комнату, откуда брезжит тусклый свет настольной лампы.

Мама стоит у окна с бокалом вина в руке...

Нет.

Она сидит за столом, склонившись над вышивкой...

Нет.

Она смотрит телевизор. Какой-нибудь романтический фильм.

На ней тонкий вязаный свитер, обтягивающий худые плечи.

Нет.

Она в платье. Домашнем платье с длинным подолом, усыпанном розами.

Её волосы чуть тронуты сединой.

Они собраны в пучок на затылке, точь-в-точь как на снимке.

Нет.

Скорее, распущены и струятся по спине.

А, может быть, мама носит теперь короткую стрижку и красит волосы в "пепельный блонд"...

Я застываю у двери и жду, когда она почувствует моё присутствие и обернётся.

Это случается через несколько секунд.

Она вздрагивает, медленно оборачивается и...

Я не вижу её лица!

Вот чёрт! Его опять нет.

Я не могу представить себе, как выглядит моя мама, поэтому вся остальная картинка в моей голове вмиг рассеивается.

Я открываю глаза, когда пассажиры уже толпятся у выхода из вагона. Той девушки в горнолыжном костюме и пожилого мужчины с книгой больше не вижу.

Выходит, я и вправду задремала.

За окном "бежит" платформа и фигурки новых пассажиров последнего обратного рейса.

Я поднимаюсь со своего места, разминаю затёкшие ноги, снимаю с тормоза багаж и присоединяюсь к жидкой толпе замученных людей.

А дальше всё движется по придуманному мной сценарию.

Механический голос в динамиках, каменные ступени, турникет и узкие двери. Морозный вечер и снежная улица. "Карамельные" лампочки над головой, тяжёлая ноша за спиной и не менее тяжёлая душа.

Через добрых двадцать минут я уже у подъезда, а ещё через десять — у двери...

Старой. Дермантиновой.

Ничего не изменилось...

На площадке такая темень, что хоть глаз коли. Справа у двери что-то громоздкое, обёрнутое в целлофан. Сложно сказать, что это. Похоже на сложенный велосипед.

Осматриваю дверь. Глаза уже привыкли к темноте, и я вижу металлический кружок замочной скважины. Вот она, фигурная прорезь, точно подходящая под мой ключ.

Сердце заходится от волнения. Кажется, его стук разносится по площадке и бьётся о стены.

Делаю несколько глубоких вдохов и выдохов, чтобы немного успокоиться.

Дальше медлить нельзя.

Я запускаю обратный отсчёт.

Десять...

Девять...

Восемь...

Три, два, один.

Пора.

Вынимаю из кармана ключ и осторожно вставляю его в замочную скважину...

— Ну, что же ты... — хнычу я от досады.

Даже в шестилетнем возрасте у меня без труда получалось сделать ключом два оборота. Сейчас же проклятый кусок металла застревает в замочной скважине и отказывается мне подчиняться.

Что-то не так...

Я вынимаю ключ и вставляю его в прорезь во второй раз. В третий. Пробую перевернуть другой стороной, сделать оборот по часовой стрелке и против неё. Тщетно.

Спустя ещё несколько безуспешных попыток отпереть дверь я вынуждена признать, что мой ключ не подходит к врезанному замку. Он — пустышка, бесполезная фигурка, выточенная на токарном станке, сувенир...

Господи! Ну, конечно!

Опьянённая своими же фантазиями я бросилась на поиски приключений вместо того, чтобы сесть и задуматься.

На какие деньги бабушка снимала квартиру на Центральной?

Если верить вороху чеков, оставленных мной у Антонины Петровны, мама Оля ежемесячно платила за аренду сумму, равную трём её пенсиям. Откуда у пожилой женщины, в одиночку воспитывающей ребёнка, могли взяться такие деньги?

Я только сейчас задаюсь этим вопросом. До этого меня волновало лишь то, что бабушка мне лгала, и квартира, в которой мы жили, оказалась чужой. А как (ка-ак?!!) мама Оля рассчитывалась за жильё все эти годы, мне было не важно.

Но теперь, стоя у запертой двери, я, наконец, включаю мозг.

На самом деле всё просто, как дважды два!

Чтобы много лет платить за "Центральную", бабушка вынуждена была продать "Садовую".

Это же очевидно! Почему я сразу об этом не подумала?

Эта квартира уже двенадцать лет принадлежит другим людям. И, конечно, новые жильцы давным давно сменили дверные замки. Возможно, они изначально не стали брать у бабушки её ключи. И мой ключик с белкой она сохранила просто как память о былых временах...

Сейчас остаётся только гадать, почему бабушка решила ничего мне не рассказывать? И почему когда я горько оплакивала свою белку, она не достала её из коробки и не показала мне?

Не знаю.

Сейчас я знаю только одно.

Вот уже минут пятнадцать я пытаюсь вломиться в чужой дом.

И лучше мне скорее убраться отсюда вместе со своим "игрушечным" ключом и огромным чемоданом, пока хозяева квартиры не услышали за порогом подозрительную возню и не вызвали полицию.

Ошпаренная этой мыслью, я резким движением выдёргиваю ключ из замочной скважины, прячу его в кармане пуховика и отступаю назад.

Нащупываю за спиной ручку своей сумки-тележки, хватаюсь за неё и тащу прочь с площадки. Та с грохотом скачет по ступеням и, к несчастью, привлекает к себе внимание.

Уже через мгновение лязгает дверной засов одной из квартир, и на бетонный пол лестничной клетки падает вытянутый прямоугольник света. Пространство за моей спиной озаряется оранжевым.

Я оборачиваюсь и тут же врезаюсь глазами в запертую дверь Пановых. Гладкую, глянецовую, похожую на плитку шоколада.

Подумать только, я совсем забыла о ней. А она здесь. Притаилась слева в темноте и в любой момент готова распахнуться и выпустить Кирилла или его маму Наталью. Или что ещё хуже их пузатую мамзель с обесцвеченными паклями.

"Нет! Надо срочно валить отсюда!" — думаю я, но скрипучий женский голос из другой, уже распахнутой, двери будто хватает меня за капюшон.

— А ну, стоять! — грозно рявкает женщина, высунув наружу только косматую голову.

Узнаю Варвару Ивановну. Годы берут своё. Она поседела, состарилась, но так и не избавилась от привычки совать нос в чужие дела.

— Ты кто? Чего тебе надо? — хмурится баба Варя, насквозь прокалывая меня колючим карим взглядом. По всей видимости, она не узнаёт меня, взрослую.

Я могла бы этим воспользоваться, извиниться, наплести какой-нибудь чуши. Мол, ошиблась квартирой, этажом, планетой...

Но я зачем-то говорю правду.

— Здравствуйте, Варвара Ивановна. Это я, Даша Соколова. Помните меня? Мы с бабушкой переехали отсюда двенадцать лет назад...

Баба Варя продолжает хмуриться и буравить меня глазами. Видимо, соотносит в уме сказанные мной слова с моей внешностью.

Конечно, она помнит меня семилетней девчушкой в гороховом платьице. И теперь ей нужно какое-то время, чтобы узнать эту девчушку во мне, высокой девятнадцатилетней девахе, упакованной в зимний пуховик и шапку так, что глаз не видать... Я на всякий случай стягиваю её с головы.

К моему удивлению, баба Варя узнаёт меня очень быстро. Она прекращает хмуриться и расплывается в широкой улыбке.

— Дашка! Правда ты, что ль? Во вымахала! Не узнать! — кудахчет баба Варя, целиком вывалившись на площадку. — А ты как здесь? Откуда? Вернуться что ль надумали? Чемодан у тебя... Как бабуля поживает? Жива? Здорова? Давно не видать её! Ты ко мне заходи! Чаю выпьем!

Она тараторит, не оставляя мне шанса вставить словечко. И всё же у меня получается.

— Варвара Ивановна, спасибо... — говорю я. — Не нужно ничего. Не могу я. Время позднее. Мне идти надо. Я так... — быстро соображаю, как объяснить старушонке, зачем я здесь ночью и с чемоданом. — Я так... ностальгирую немного... — и это правда. Как никак в этих стенах прошло моё детство. — А чемодан... Так это... — думай, Даша, думай! — Путёвка у меня! В пионерский лагерь! Ой... Ну, как его... Лагерь отдыха...

Боже, что я несу! Какой, нахрен, лагерь!

Но баба Варя жадно заглатывает любую мою ложь. Ещё бы. Ей теперь на три недели вперёд будет, о чём посплетничать во дворе с другими бабками.

— Ну, ясно, ясно, — быстро кивает Варвара Ивановна. — А Оленька, бабушка твоя, как поживает?

На самом деле, я ничего не хочу рассказывать этой женщине, но без ответа она всё равно меня не отпустит. Или, что ещё хуже, придумает что-нибудь сама.

А потому лови-ка ещё одну тему для сплетен, баба Варя...

— Никак, Варвара Ивановна... — вздыхаю я. — Умерла бабушка. Четыре месяца назад умерла...

— Ой, ой, ой... Вот беда! Вот беда! — охает старушка. Она искренне мне сочувствует. — И как же ты одна? Справляешься?

— Справляюсь, Варвара Ивановна, справляюсь по-тихоньку...

Баба Варя складывает руки на груди и ударяется в рассуждения:

— А я-то думаю, куда Оля пропала? Последний раз ещё осенью встречались. На почте. Как сейчас помню, суббота была. Третье сентября. И с тех пор нет и нет её...

"Суббота была... Третье сентября..." — повторяю про себя.

Эта фраза кипятком обжигает спину. Получается, в свой последний день бабушка вернулась домой с почты...

— Что Вы сказали, Варвара Ивановна? — взволнованно спрашиваю я. — Вы виделись с моей бабушкой...на почте?

— Ну, да... Ну, да... — кивает баба Варя. — С тех пор, как вы в центр уехали, мы только на почте с ней и виделись. Много лет стабильно раз в месяц там встречались. Каждую первую субботу. Как поезда, мать их за ногу...

Вот и ещё один осколок мозаики занял своё место в общей картине.

Оказывается, все эти годы бабушка ездила на Садовую вовсе не на старую квартиру и даже не к Альбине Витальевне.

Она ездила напочту!

В её сто пятьдесят второе отделение. На пересечении Садовой и Кудрявцева. В это облезлое двухэтажное здание, по которому тараканы пешком ходят и километровая очередь в единственное окошко.

Господи! Что она там забыла?..

Пенсия приходила бабушке на карточку, бумажных писем она не писала, лотерейных билетов не покупала.

— Зачем мама Оля ходила на почту? — спрашиваю я Варвару Ивановну.

Та с радостью выкладывает:

— Гостинцы от кого-то принимала! Каждый раз коробку — ого-го! — женщина руками обрисовывает в воздухе внушительных размеров квадрат.

— Что Вы имеете в виду?

— Конфеты, игрушки, книги, — поясняет баба Варя.

— Что?

— Да, да! — кивает старушка. — А ещё, помню, деньги были. Сама видела. В конвертах. Белых таких.

— Деньги...

Я задумываюсь.

Антонина Петровна упоминала о деньгах, которыми бабушка рассчитывалась за съёмную квартиру. Я и сама видела белую россыпь пустых конвертов у своих ног. Один такой конверт покоится сейчас во внутреннем кармане моей багажной сумки. В нём без малого пятнадцать тысяч, которые я взяла у Антонины Петровны. Остальные деньги вернула ей в качестве благодарности за заботу и участие в моей жизни.

Повозившись с молнией, я вынимаю конверт из сумки и протягиваю его Варваре Ивановне.

— В посылках были такие же конверты?

Та жадно впивается глазами в белый прямоугольник. Крутит, вертит его, будто взвешивает, а после возвращает мне со словами:

— Один в один, Дашенька! Один в один!

Вот как бабушка платила за аренду!

Кто-то регулярно высылал ей деньги.

Кто же он? Этот благодетель?

Первым на ум приходит дядя Коля. Весёлый, коренастый дядька из дома напротив.

Когда-то у него был свой продуктовый магазинчик и машина "девятка".

В своё время дядя Коля оказывал бабушке знаки внимания. Помню, приходил с цветами, звал нас обеих в кино. Но мама Оля его букеты не принимала и от свиданий вежливо отказывалась. Она позволила дяде Коле починить две розетки, собрать книжный шкаф и помочь вынести из дома старый ламповый телевизор. На этом всё.

Потом у дяди Коли возникли сложности в делах. Он закрыл свой магазин и уехал из города. И больше они с бабушкой не виделись.

Мне нравится думать, что это дядя Коля протянул бабушке руку помощи. Но я знаю, что это неправда.

Мама Оля ни за что не взяла бы его денег.

Она привыкла рассчитывать только на себя и меня с детства этому учила.

"Поверь мне, Дашенька, твои заботы никого не волнуют! — говорила мама Оля. — Люди выслушают тебя из вежливости, а потом пойдут решать собственные проблемы, даже не вспомнив, о тебе!"

"Коллеги не станут искренне радоваться твоему повышению, сколько бы чашек кофе ты с ними не выпила! А с лучшей подругой вы будете дружны ровно до тех пор, пока её парень не шлёпнет тебя по заднице забавы ради..."

"Ни на кого не надейся! Никогда не жалуйся! Будь сильной и самостоятельной!" — неустанно повторяла бабушка, а сама тайком принимала от кого-то деньги и подарки.

Что ещё было в посылках?

Конфеты? Игрушки? Книги?

Я не получила ничего из перечисленного.

Тот вшивый кулёк сливочных карамелек, которые бабушка отдавала мне со словами: "Это тебе от Алечки!", не в счёт. Сегодня я уверена, что она покупала его на обратном пути в ближайшем супермаркете.

Во мне вдруг просыпается та маленькая девочка с Садовой, которая жила с бабушкой на гроши. Та девочка, у которой не было новых кукол и ярких раскрасок. Которая ни разу не была на море и последняя в своём классе попробовала шоколад в модной обёртке.

"Где мои игрушки? Где мои книги? Где те самые конфеты из огромной коробки?" Варвара Ивановна будто читает мои мысли.

— Знаешь, что самое странное? — говорит она. — Твоя бабушка ничего, кроме денег, из этих посылок не забирала. Она получала коробку, здесь же её потрошила, выуживала конверт с наличностью, а остальное содержимое так и оставляла где-нибудь на лавочке во дворе. У меня сердце кровью обливалось! — баба Варя роняет руки на грудь. — Чего там только не было за всё время! И разные игрушки, и шоколад импортный, и платяница, точно для принцессы, и книги красочные в дорогом переплёте. Однажды я осмелилась одну книжечку себе забрать. Для внучки. Сейчас покажу.

Баба Варя скрывается за дверью и скоро появляется вновь, сжимая в руках толстую книгу с красочной обложкой.

"Детский детектив" — читаю про себя название, и руки сами тянутся потрогать глянцевого рисунка.

Раскрываю книгу и замираю. На первой странице надпись шариковой ручкой:

"Даше от Тани. В детстве я очень любила эту книгу. Надеюсь, и тебе она понравится!"

Ниже рисунок цветными карандашами. Молодая женщина с волосами цвета горького шоколада, печальными глазами и лёгким румянцем на щеках.

Я смотрю на неё, и в памяти всплывают найденные мной фотографии, на которых нас трое. Я, бабушка и девушка без лица.

Женщина на книжной странице срисована с одной из этих фотографий...

Мама...

Теперь я точно знаю, что она жива и даже прекрасно рисует. А ещё её гложет чувство вины. Чувство настолько сильное, что в своей подписи она не осмеливается назвать себя матерью. Пожалуй, и я не стану так её называть.

"Даше от Тани..."

Легко касаюсь аккуратных чернильных завитков и искусно рассыпанных по бумаге карандашных линий. Мягкий грифель цепляется за кончики пальцев. Рисунок свежий, книгу отправили недавно.

— Кто такая Таня? — неожиданно резко спрашивает баба Варя.

От её голоса я вздрагиваю.

С губ едва не срывается: "Мама..."

Но я вовремя осекаюсь. Баба Варя переехала на Садовую, когда мне было три года, и мы жили вдвоём с бабушкой. Она тоже думает, что моя мама умерла, и другой правды ей знать не следует.

— Так, никто... Дальняя родственница... — бросаю небрежно первое, что приходит в голову.

— Поня-я-ятно! — протяжно произносит баба Варя. — Не понятно только, чем же эта бедолага твоей бабушке не угодила? Деньги она, значит, забирала, а всё остальное бросала как есть...

Я неопределённо пожимаю плечами. Мол, понятия не имею.

Хотя уже предполагаю, почему и как всё случилось.

Чтобы подтвердить свою догадку, мне нужен ответ только на один вопрос.

Я поднимаю глаза на Варвару Ивановну:

— С какой посылкой пришла эта книга?

— Это последняя была... Июльская... — отвечает женщина. — Последние два месяца Оля ничего не получала. Сама слышала, как эта бабища почтовая дважды рыкнула ей из окошка: "Пригород отгрузили! Других коробок нет!" И в августе так было, и в сентябре...

Всё правильно.

События словно шерстяные петельки вязаного рисунка цепляются друг за друга и выстраиваются в ряд.

— Я знаю... — произношу чуть слышно, игнорируя изумлённый взгляд Варвары Ивановны. — Знаю, как всё было!

А всё было так.

Мама... К-хм, девушка по имени Таня рождает меня в семнадцать. Будучи совсем юной и беспечной, она оказывается не готова к бессонным ночам, подгузникам и детским болячкам. Не выдержав "прелестей" материнства, Таня оставляет меня бабушке и бежит в Пригород.

Бежит за лёгкой беззаботной жизнью. Возможно, за новой любовью. Не знаю.

Бабушка, разгневанная поступком дочери, вычеркивает её из нашей жизни. Испорченные семейные фотографии и выдуманные истории о белокурой красавице Ларе, умершей много лет назад, — прямое тому доказательство.

В своих рассказах мама Оля нарочно "хоронит" свою дочь, называет её другим именем и придумывает ей новую внешность, настоящую пряча на фотографиях под толстым слоем

чернил. Она делает это, чтобы при случайной встрече мы с Таней не узнали друг друга.

Следующие семь лет Татьяна не участвует в нашей жизни и никак себя не проявляет. Но приходит день, и она вспоминает о моём существовании.

Таня выходит на связь, принимается слать из Пригорода деньги и подарки. Но не за тем, чтобы искупить свою вину и вымолить прощение, а чтобы... заткнуть бабушке рот.

Не просто так в своё время в школьных коридорах шептались, мол, видели дочку Ольги Николаевны и беременной, и с ребёнком на руках. В Пригороде у Татьяны теперь другая семья.

Она боится, что правда о когда-то брошенном ею младенце выплывет наружу. Потому Таня просит бабушку исчезнуть. Возможно, угрожает ей.

Чтобы спасти нас обеих, мама Оля бросает Садовую вместе с нажитым потом и кровью имуществом и бежит на Центральную.

Чтобы оплачивать новое жильё бабушка вынуждена принимать от дочери деньги, но подарки, книги и разные угощения отправляются на растерзание бродячим собакам.

Между тем Татьяне дорого обходится её тайна. Она очень быстро понимает, что не сможет вечно платить матери за молчание. Поэтому спустя годы, она возвращается в Н-ск, чтобы раз и навсегда избавиться от прошлого.

Начинает с меня.

Для воплощения в жизнь своего коварного замысла Тане нужен помощник. Кем ей приходится Полянский, остаётся только гадать. Но он активно берётся за дело. Находит меня в Н-ске, увозит к себе и... не выполняет задуманного.

"Пошла прочь, Соколова! Убирайся! Исчезни!" — кричит он мне вслед, когда я, не оборачиваясь, покидаю его территорию, когда я плачу и ненавижу его, даже не подозревая, что он только что сохранил мне жизнь, которую должен был отнять.

А Таня между тем наблюдает за нами. Поняв, что её план провалился, она подбирает меня, грязную, босую, но живую с обочины адского перепутья и увозит обратно в Н-ск, а после возвращается к Полянскому. Он слишком много знает, и ему нельзя доверять. И потому спустя время все новостные каналы трубят о внезапной кончине "парнишки" из Пригорода.

Не справившись со мной, Таня приходит за бабушкой. С пожилым человеком расправиться проще. Достаточно рассказать ему что-то страшное. Что-то такое, чего не выдержит старческое больное сердце. Например, о свидании единственной внучки с грубым хулиганом и насильником в дремучем дачном посёлке. А в доказательство показать напуганной женщине пояс от платья, который та расшивала когда-то собственными руками...

Что ж, здесь у неё всё получилось. Бабушка ей больше не помешает. Но я-то ещё жива и здорова. И я всё знаю! И я её не боюсь!

— Слышите? Я не боюсь её! — говорю с вызовом Варваре Ивановне.

Та не понимающе хлопает глазами:

— Даша? Что с тобой? О ком ты говоришь?

Я игнорирую вопрос и продолжаю:

— Если она здесь, за этой обшарпанной дверью, притаилась и ждёт моего визита, пусть знает, что я пришла и готова встретиться с ней лицом к лицу!

Под недоумённым взглядом старушки делаю пару шагов в сторону запертой двери и уже не скребусь чуть слышно игрушечным ключом, а стучу громко, открыто и кричу, не жалея

Голоса:

— Я здесь! Я сама пришла к тебе! Открывай!..

— Тише!

Варвара Ивановна бросается ко мне и хватается за манжет рукава. Её круглые чёрные глаза кажутся сейчас в два раза больше, а морщины — глубже.

— Не шуми! Деток разбудишь! — громко шепчет она. — Что с тобой? К кому ты обращаешься?

— Вы знаете её? Видели её здесь? — я тычу пальцем в карандашный рисунок. Корешок книги трещит в моих руках.

Баба Варя часто моргает, вглядываясь в картинку.

— Никогда, Дашенька, никогда! Это же просто рисунок...

— Неет, это не просто рисунок! — выдыхаю с раздражением. — Это послание, понимаете? Послание для меня! Она боится меня, своего прошлого, понимаете? Боится, что я всем расскажу! И сейчас она там, за дверью... Понимаете?

Я часто дышу, глядя на бабу Варю. Пытаюсь разглядеть на её лице хотя бы крошечный намёк на понимание, но вижу только жирный вопросительный знак и ничего больше.

— Даша... Ты меня пугаешь, — медленно говорит старушка. — В этой квартире уже двенадцать лет никто не живёт! Она стоит бесхозная с того самого дня, как вы с бабушкой покинули её стены. Я всё ждала новых соседей! Но с тех пор, как Ольга заперла эту дверь, здесь не было ни души!

— Как же так? — спрашиваю растерянно, но вовремя замечаю огромный целлофановый пакет у двери. — Тогда чей это свёрток?

— Так это Натальин... — невозмутимо отвечает баба Варя. — Коляску для будущего внука приготовила. Ты знаешь, что Кирилл скоро отцом станет?

Закусив нижнюю губу, я молчу.

А женщина продолжает:

— Я-то помню, как вы с ним под окнами целовались... Не жалеешь, что такого парня упустила?

Молчу.

— Ты его бросила, а он, смотри-ка, не растерялся! Быстро замену тебе нашёл! — говорит баба Варя. — Под ручку с ней ходит, всем показывает. А та будто нарочно лицо от людей прячет. То в палантин замотается, то шарф натянет до самых глаз, то очки тёмные напялит... Думаю, страшная она. Не просто так Наталья теперь по ночам воет и пьёт как не в себя. И тебя всё время вспоминает, жалеет. Не рада она новой невестке, а деваться некуда. У той пузо, как два арбуза...

Старушка вздыхает. Я нарочно не отвечаю, не поддерживаю этот бессмысленный разговор. Она всё равно не знает, как всё было на самом деле. Что Кирилл первый меня обманул. И вряд ли сейчас о чём-то жалеет...

После небольшой паузы баба Варя кивает на мою бывшую дверь:

— А в этой квартире призракам впору завестись! Мне, кстати, порой так и слышатся голоса. Бывает, ночью не спится. Лежу в тишине и вдруг слышу за стеной, будто стонет кто-то. Иногда смеётся. А иногда словно падает что-то. И половицы скрипят... А потом — раз! — и опять тишина...

Старушка замолкает, задумавшись, но через мгновение её лицо резко меняется. Она

внимательно смотрит на меня, нахмутив седые брови.

— Погоди, что ты сказала об этой женщине с рисунка? Она боится тебя?

Я жалею, что наболтала лишнего и дала волю эмоциям. Теперь Садовая будет гудеть от сплетен. Чёрт! Чёрт! Чёрт!

Пока я думаю, как выкрутиться, Варвара Ивановна берёт из моих рук книгу, ещё раз внимательно смотрит на картинку и возвращает мне, резюмируя:

— Нет, никогда её не видела... Так что, говоришь, она натворила?

— Ой, да не слушайте Вы меня! — восклицаю с глупой улыбкой, отступая назад. — Я просто устала сегодня. Сама не знаю, что говорю. Я пойду, пожалуй...

Я услышала главное — в этой квартире никто не живёт. А теперь мне пора уносить ноги.

— Вот, заберите себе! И забудем наш разговор! До свидания!

Отдаю книгу Варваре Ивановне, хватаю ручку багажной сумки и, громыхая ею, бегу вниз по ступеням. Спешу убраться прочь, пока старушка не опомнилась и не бросилась за мной вдогонку, засыпая вопросами.

На моё счастье, в квартире самой бабы Вари раздаётся телефонный звонок. Хлопая дверью, она уходит к себе, а я вскоре опять оказываюсь на улице под ледяным чёрным небом.

По укатанной скользкой тропинке иду вдоль горящих окон первого этажа. Там чьи-то голоса и музыка, звон посуды и смех, а мне выть хочется от собственной глупости.

Я ругаю себя за большое воображение.

Дура!

С чего я взяла, что меня кто-то ждёт в этой квартире на Садовой. Что её дверь легко откроется моим ключом. Что на пороге меня встретит мама...

Надо было прислушаться к словам Антонины Петровны и не дёргаться на ночь глядя. Сидела бы сейчас на её кухне, помешивала чай в бокальчике и не болталась продрогшая насквозь по ночному городу с тяжелой сумкой за спиной.

Чертыхаясь, покидаю заснеженный двор и выхожу к ухабистой, разбитой машинами дороге, что разделяет Садовую на два берега. Там, на другой стороне, Светкин дом.

Пока стою на светофоре, ожидая "зелёного", невольно бросаю взгляд на её окна.

В комнате подруги горит настольная лампа. В соседнем окне — темнота. Тамара Борисовна на дежурстве. Иначе свет от экрана её плазменной панели скакал бы сейчас по шпорам. Светка рассказывала, что её мама смотрит телевизор, даже когда спит.

Бог знает, зачем я сворачиваю к их дому.

До остановки 10 минут быстрым шагом или 20–25 с такой поклажей, как у меня. Там в этот час легко поймать такси. Я могу вернуться на Центральную и постучать к Антонине Петровне. Могу доехать до Привокзальной и переждать ночь в её душном номере.

Но меня манит свет лампы на письменном столе. Лапина не спит. Наверняка, сидит сейчас, сторбившись, над своим ежедневником и строчит гадости про очередного любовника. И мне вдруг нестерпимо хочется подняться к ней, втащить свою сумку в её прихожую, и прямо с порога выпалить всё. И про Полянского, и про чужую квартиру на Центральной, и про посылки от матери, и про всё остальное. И расплакаться на её плече. Для чего ещё нужны подруги.

Домофон пиликает, пропуская меня в тёплый подъезд, едва я набираю номер квартиры. Словно подруга заранее ждала моего прихода. Кто знает, может, она и вправду увидела меня

В окно.

Представляю себе нашу встречу. Светкины глаза, выпученные от удивления, и шквал её вопросов, первым из которых будет:

"Соколова, ты что тут делаешь?"

А затем:

"Это что у тебя? Чемодан?! О, боже! Что случилось?"

И я расскажу. Всё расскажу. О том, что теперь мне негде жить. Что та квартира, в которой прошла большая часть моей жизни, на самом деле принадлежит чужим людям. А в этой, на Садовой, стоят новые замки и, по словам бабы Вари, гуляют призраки...

О, чёрт! Новые замки!

Как я могла о них забыть?

Варвара Ивановна сказала, что в квартире никто не живёт!

"...стоит бесхозная с того самого дня, как вы с бабушкой покинули её стены..."

"...призракам впору завестись..."

"...порой так и слышатся голоса..."

"...будто стонет кто-то..."

Конечно, это могут быть просто фантазии пожилого человека. Разыгравшееся воображение одинокой старушки.

Но!

Дверные замки-то в квартире самые настоящие! Другие! Новые! Они не по зубам моему старенькому ключу с белкой!

Кто установил их? Призрак?

Конечно, нет!

В эту квартиру явно кто-то наведывается. И Варвара Ивановна или не знает этого, или... нарочно это скрывает.

Я сопоставляю факты в уме.

Когда я принялась стучать в дверь, старуха поспешила меня остановить и была явно напугана.

"Деток разбудишь..." — сказала она.

Вот только дети тут ни при чём!

Она боялась, что меня услышат там, за дверью!

Ошарашенная внезапной догадкой, я застываю на месте.

Ну, Баба Варя! Ну, актриса! Ей бы в театр! На сцену! Как убедительно она сыграла удивление!

"Никогда, Дашенька, никогда!"

Как мастерски она заговаривала мне зубы!

И Кирилла не забыла упомянуть.

"Натальин пакет... Коляску приготовила для будущего внука... Кирилл скоро отцом станет..."

Сейчас я боюсь даже представить, что на самом деле хранится в этом пакете.

Мне нужно немедленно вернуться обратно и довести начатое до конца, но прежде я должна освободить руки. Не могу больше таскать за собой свою тележку. Пока брошу её в Светкиной прихожей, а позже заберу.

— Погоди! Дверь открою! — доносится сверху Светкин голос.

Между нами один этаж. Подруга уже в пороге и ждёт меня. Судя по всему, у неё

очередное свидание, на котором я опять стану непрошенной гостьей.

Ну, и ладно...

Без каких-либо угрызений совести поднимаюсь на площадку.

Дверь в квартиру Лапиных распахнута настежь. В проёме высокая фигура в домашнем халате.

И это не Светка...

Время застывает на том самом моменте, когда ещё ничего не случилось. Когда ещё есть шанс, что всё нормально. Этот человек в махровом халате находится у себя дома, где ему должно находиться. Пока его приёмная дочь где-то болтается со своими придурковатыми друзьями, он проводит тихий вечер в компании красавицы-жены.

Та выпорхнет сейчас из-за его спины и ослепит меня своей улыбкой.

"Даша?.. Здравствуй! А Светочки нет! Уехала в кафе с Алисой и Вадиком!" — скажет она.

"Да, Тамара Борисовна! Знаю... — совру я в ответ, потому что не могу этого знать. — Можно мне оставить у Вас чемодан?"

"Конечно! — воскликнет она. — Ты заходи, раздевайся! Выпей чаю со мной и Женечкой..."

И прильнёт к его махровому плечу.

Но моя фантазия вмиг рассеивается, когда из-за широкой спины высокого мужчины выглядывает не Тамара Борисовна, а её распущенная дочь. А сам Женечка, к сожалению, не превращается вдруг в какого-нибудь прыщавого Петю или Диму, а остаётся тем, кем по факту является — бессовестным козлом, нагло обманывающим жену.

— Женечка, зайчик, ты что так долго? Сдачи нет? — мурлычет Светка и замолкает, увидев меня. Её лицо бледнеет и вытягивается. — Дашка?.. О, чёрт... Ты что тут делаешь?

А я молчу в ответ. Сверлю их обоих глазами и молчу. А в голове только одна мысль. И та нецензурная...

"Этот мудака должен был только завтра вернуться из командировки..."

Наконец, сам Женечка решается подать голос.

— Дашка, клянусь, это не то, что ты подумала! — шутливым тоном произносит он.

Я горько ухмыляюсь в ответ:

— Ну, конечно! За твоей спиной девица в прозрачном пеньюаре и стрингах, а ты сам, я уверена, стоишь передо мной в халате на голое тело... Что тут можно подумать? Только одно — ты козёл!

— Даша! Не смей так говорить! Мы правда ничего такого не делали! — взвизгивает Светка, но напоровшись на мой холодный взгляд, меняет тон.

— Мы ждали курьера, — лепечет она. — В "Дима-Пицца" сегодня акция... Две по цене одной и десерт...

— Да уж, представляю, что у вас на десерт...

Последнее слово я буквально выплёвываю Светке в лицо.

Мне больше не о чем с ними говорить. Я разворачиваюсь и начинаю осторожно спускаться по ступеням проклятую сумку. Не собираюсь оставлять свои вещи этой парочке.

— погоди!

В отличие от своего любовника, которому, кажется, плевать на происходящее и который очень быстро исчезает с порога, Светка вырывается на площадку. Бежит за мной, хватая за плечо, разворачивает к себе.

— Да погоди же! — стоит, как есть, босиком, полуголая, с этими дурацкими кудряшками, пахнет сладкой водой и мятной жвачкой. — Я понимаю, как это выглядит... Слушай... Да, я знаю, я мразь, я обманываю свою мать, — сбивчиво тараторит она. — Да у

нас всего один раз было... Ну, хорошо, два раза... В конце концов, тебе-то какая разница?..

Мне есть разница. Я очень трепетно отношусь к Тамаре Борисовне. Знаю, как много она работает, чтобы её единственная доченька ни в чём не нуждалась, чтобы одета была с иголочки, чтобы на море ездила. И знаю, как она любит того козла, который сидит сейчас у телевизора и, нисколько не переживая о её чувствах, спокойно ржёт над тупыми шутками какой-то тупой программы. И мне хочется плакать от мысли, что завтра эта чудесная, эта золотая женщина вернётся с ночного дежурства и, ни о чём не подозревая, будет готовить полезный завтрак этим мразям по случаю досрочного возвращения "любящего" мужа из командировки...

— Не рассказывай мамке... Ладно?.. — просит Светка.

Глаза печёт от подступающих слёз.

— Да пошла ты! — сдавленно произношу я, скидывая её руку со своего плеча.

— Даша...

— Пошла ты! Пошла ты! — кричу я в такт громяющим по ступеням колёсам. — Видеть тебя не хочу!

И не смотрю на неё.

— Ну, и вали, дура закомплексованная! — кричит Светка мне в спину. — Так и будешь всю жизнь над тетрадками своими сидеть! Тебя вообще не касается, с кем я сплю! Она — моя мать, и мы сами разберёмся! Понятно?

— Шлюха... — говорю я, скрывшись с её глаз этажом ниже.

Светка в этот момент уже хлопает дверью и не слышит меня, а я под рваный стук сердца и грохот колёс спускаюсь на первый этаж.

На крыльце сталкиваюсь с молодым человеком с эмблемой "Дима-пицца" на стёганом жилете. На подъездной дорожке стоит фургончик с тем же логотипом.

А вот и тот самый курьер, которого они ждали...

Мне уже всё равно. Пусть делают, что хотят. Я огибаю фургончик и плетусь к перекрёстку.

Светкин поступок выбил меня из колеи, и потому я на время забываю, что хотела вернуться в свою бывшую квартиру. Иду, куда глаза глядят. Спешить мне некуда. Меня нигде никто не ждёт.

Считаю фонарные столбы и лампочки над головой, ловлю губами падающие снежинки, наслаждаюсь тишиной зимней ночи и вдруг слышу за спиной свист тормозов и громкий окрик:

— Соколова! Садись, прокатимся!

О, чёрт...

На голос не оборачиваюсь и не сбавляю шага. Наоборот. Стараюсь идти быстрее, но проклятая тележка тянет назад.

Призываю на помощь воображение. Представляю, что мне послышалось, что прозвучала не моя фамилия. И вообще, за моей спиной никого нет.

Но свет автомобильных фар медленно полосует чернильную ночь. Крадётся за мной, окрашивая неровности дороги в холодный белый.

Зажмуриться и отменить реальность не получается.

В какой-то момент машина останавливается. Это позволяет мне выиграть время. Я изо всех сил тяну за собой багажную сумку. Успеваю сделать ещё несколько неуверенных шагов.

Водитель тем временем гасит фары, глушит двигатель и громко хлопает дверцей. Поставив машину на сигнализацию, он идёт за мной. Снег беспомощно ломается под тяжестью его ног. Скрипит громко, отчаянно. И уже близко.

Я прибавляю шаг, а потом и вовсе пускаюсь в бега. Бросаю свою тележку и несусь вдоль спящих за сугробами домов, надеясь укрыться от преследователя в ближайшем дворе.

Ночью можно легко затеряться в заснеженных постройках детской площадки или среди брошенных на парковке машин.

Я скрываюсь за высоким кузовом грузовой газели. Перевожу дыхание. Прислушиваюсь.

Вскоре появляется идущий по моим следам человек. Я острожно выглядываю из своего укрытия, чтобы рассмотреть его.

Это парень. Он в зимней куртке, спортивных брюках и шапочке. Ночью краски стёрты. Сложно сказать, какого цвета его одежда. И лица не разобрать. Но у меня богатая фантазия. Мне кажется, я вижу карие глаза, густые чёрные брови и даже родинку на щеке. А ещё вижу красный пуховик с серебристой надписью "Лайк". И уверена, что шапочка на мужчине непременно серая.

"Чушь! Полянский мёртв!" — одёргиваю себя.

Затаив дыхание, наблюдаю, как парень озирается по сторонам, ищет меня в темноте. Затем он пересекает двор и вскоре растворяется в темноте.

Следующие несколько минут я не двигаюсь с места. Прислушиваюсь. Сегодня на удивление тихая ночь. Тишину нарушает только моё собственное сбитое дыхание и слабый вой сирены где-то за домами. Других звуков нет. Но что-то мешает мне вздохнуть спокойно. Что-то есть в морозном воздухе.

А именно запах парфюма и сигаретный дым...

Как в каком-нибудь остросюжетном фильме, ей-богу. Когда героине кажется, что ей удалось оторваться от злодея, тот внезапно вырастает у неё за спиной.

На снег, слабо подсвеченный уличным фонарём, падает чёрная тень.

Вместе с тем на моё плечо ложится тяжёлая рука.

Содрагаясь от холода и страха, я медленно оборачиваюсь.

— Бу! — вишнёвый дым в лицо. — Поиграли и хватит... Ты едешь со мной...

— Дурак! Ты меня напугал! Ты это понимаешь? — кричу наглому мерзавцу в лицо, готовая наброситься на него. — Как ты узнал, что я здесь?

— Неважно... — коротко бросает тот. — Идём.

Он берёт меня за руку и ведёт к машине. Я не сопротивляюсь, идти мне некуда.

У обочины вовсе не синяя "ауди", как я успела себе нафантазировать, а серебристая "тойота".

Её двигатель мягко урчит в ночной тишине, в салоне тепло и пахнет яблоком, а на заднем сиденье уже покоится мой багаж.

Мой спутник занимает водительское кресло, я устраиваюсь позади него. Пассажи́рское место рядом с ним завалено журналами. На обложке верхнего — голая девица.

— Не помню, чтобы у тебя была машина! — подмечаю, пристёгиваясь.

— Это не моя. Занял у Рыжего... — следует ответ.

— Когда ты успел сдать на права?

— У меня их нет... — гогочет. — Тоже занял у Рыжего! — открывает бардачок, вынимает из него чужое водительское удостоверение, демонстрирует мне. — Сегодня зови меня Кудрявцев Денис Александрович, детка! — призывно двигает бровями. — Глаза у нас похожи, а шапку можно не снимать...

Закрываю лицо руками и качаю головой.

Этот человек неисправим!

— Чужая машина, чужие документы... Что дальше, Карасёв? — спрашиваю я.

— Дальше — на заправку... Бензин на нуле...

Мы летим по Садовой к ближайшему "Лук-ойлу".

Пока Толик заправляет машину и, заигрывает с приветливой блондинкой у кассы, у меня появляется минутка на размышление.

Он что, следил за мной?

Откуда он взялся на Садовой?

И не где-нибудь, а точно у Светкиного дома!

Скорее всего, это Антонина Петровна позвонила ему и попросила меня подстраховать. Другого разумного объяснения на ум не приходит.

Другой вопрос, где носило Карасёва последние семнадцать часов?

Помнится, утром, до того как сбежать, он получил вызов от некой Мари. Представляю их жаркие объятия, и на душе становится гадко.

Неужто ревную? Чушь собачья!

Это же просто Толик, мой придурочный бывший одноклассник.

Кстати, куда мы сейчас направляемся? К Антонине Петровне? В Привокзальную гостиницу? Куда?

Этот ненормальный вообще в курсе, что у меня больше нет дома?

Думаю, да. В курсе. Раз он ни слова не спросил о моей сумке.

— Куда теперь? — первым делом спрашиваю я, когда Толик возвращается в машину.

— Ко мне... — шуршит сдачей, снова пристёгивается, заводит двигатель.

— А как же...

Я хочу спросить его о той девице с именем Мари. Понравится ли ей мой визит?

Но Толик обрывает меня вопросом:

— У тебя есть другие предложения?

Других предложений у меня нет, и потому через несколько минут мы едем по всё той же Садовой только уже в обратном направлении.

Наш путь лежит между домами, один из которых бывший мой, а другой — нынешний Светкин.

Соблазн ещё раз взглянуть в её окна высок, но, пересилив себя, я отворачиваюсь.

Смотрю на другую сторону улицы, на свой старый дом, на окна Кирилла и на те окна, что когда-то были моими...

"О, боже! — щурюсь, моргаю и ещё раз судорожно перечитываю этажи. — Этого не может быть!"

Варвара Ивановна уверяла меня, что в моей бывшей квартире уже двенадцать лет никто не живёт.

Но сейчас, в эту самую минуту, в комнате, где в прошлом была бабушкина спальня, горит свет...

Я была права!

В эту квартиру на самом деле кто-то наведывается.

Не зря я собиралась туда вернуться! Не зря!

— Останови машину! — истошно кричу Толику, впиваясь в его кресло всеми десятью пальцами. — Ты слышишь? Сейчас же!

Карасёв на мои вопли не реагирует. Даже скорости не сбавляет. Честное слово, будь я сейчас на переднем сиденье, вцепилась бы в руль, не задумываясь. Единственное, что я теперь могу, это как следует хлопнуть его по плечу:

— Останови, я сказала!

— Угомонись, дура! — рывкает Толик в ответ. — Здесь нельзя тормозить!

К моему счастью, мы приближаемся к перекрёстку. Светофор вспыхивает красным и "тойота" замирает на месте. Но едва я бросаюсь к дверце, на ней срабатывает автоматический замок.

— Что за нафиг, Карась? — я возмущённо хлопаю ресницами, уставившись на Толика, а точнее на его затылок. — Я сказала, мне нужно выйти! Ты не понял?

Тот оборачивается. Читаю с его лица встречный вопрос: "Соколова, что за херня?"

Но вслух звучит другое:

— Соколова, здесь нельзя выходить! На той стороне стоят менты! А мы сидим в чужой тачке, если ты помнишь. В бардачке — чужие права, а в моей крови две банки пива и рюмка вискаря. Поэтому советую тебе прижать задницу и не дёргаться. Понятно?

— Более чем... — огрызаюсь в ответ и откидываюсь на спинку сиденья.

Как бы паршиво это не звучало, но Карасёв прав. Мне ещё проблем с законом не хватало для полного счастья. Через лобовое стекло перекрёсток отлично просматривается, и на другой его стороне, действительно, переливаются проблесковые маячки полицейских машин.

В конце концов, я могу вернуться на Садовую утром...

— А ты чего хотела-то? — уже спокойно спрашивает Карасёв, когда мы снова трогаемся с места и благополучно переезжаем "опасный" участок дороги.

— Уже ничего... — бросаю в ответ, складывая руки на груди и демонстративно отворачиваясь к окну. В стекле моё отражение, за ним фонари и бегущий в ночи городской пейзаж. Ничего интересного.

Разве что...

— Бургер хочу... И острые крылышки... — бросаю будто невзначай, провожая глазами мигающую вывеску популярной нынче закусочной. И работают они круглосуточно, и кресла у них в зале почти королевские. Всё как я люблю...

Уже через минуту Толик лихо паркуется у входа. Покидает машину и спустя некоторое время возвращается с огромными бумажными пакетами в обеих руках, которые составляет на переднее пассажирское сиденье прямо на журнальную голую девицу.

— Сколько человек ты собрался накормить? — со смехом спрашиваю я, когда Толик заводит машину.

— У них сегодня акция... Пивас в подарок... — невозмутимо отвечает тот. — Не смог отказать себе в удовольствии...

Добираемся до Центральной, бросаем машину у подъезда и поднимаемся в квартиру. Стараемся всё делать бесшумно, но, к нашему общему удивлению, в прихожей светло.

Нина Михайловна не спит, сидит на пуфике у зеркала и перебирает горошины на бусах. Нет, она не ждёт сына. Она блуждает в каком-то своём мире. Когда Толик зовёт её, оборачивается не сразу и смотрит на нас с удивлением. Будто видит в первый раз.

— Здравствуйте, Нина Михайловна, — робко произношу я. — Вы меня помните?

— Помню, Светочка, помню... — отвечает та после паузы.

— Это Даша, мам... — вздыхает Толик и, обернувшись ко мне, вполголоса добавляет, — постоянно пугает тебя с Лапиной, — приставляет большой палец к виску, крутит ладонью, — совсем плохая стала. Не обращай внимания...

Мне не по себе. Последний раз я видела эту женщину летом, когда Толик вот так же привёл меня к себе. В тот вечер я сама была не в лучшем состоянии, но Нина Михайловна показалась мне вполне разумной. А сейчас невооружённым глазом видно — её болезнь прогрессирует.

— Мам, иди спать, я уже дома, всё нормально, иди, — говорит Толик и помогает матери подняться. Та что-то хочет сказать, но Карасёв останавливает её, — потом, мам, потом. Иди, иди...

Нина Михайловна послушно плетётся к себе. А мы уходим в комнату Толика.

Пока я выбираю более подходящий наряд из тех, что лежат в моей сумке, Карасёв шуршит на кухне пакетами, звенит посудой, кипятит чайник, чиркает зажигалкой.

Я быстро переодеваюсь, приглаживаю волосы у зеркала, немного подкрашиваю ресницы и тут же ловлю себя на дурацкой мысли, что наша с Толиком сегодняшняя встреча очень похожа на свидание.

"Дура! Какое свидание! — одёргиваю себя. — У этого парня есть девушка! Забыла, как резво он убежал от тебя, едва она позвонила..."

Кстати...

Отворачиваюсь от зеркала и обвожу взглядом комнату. Если Карасёв с кем-то встречается, мне на глаза обязательно попадутся какие-нибудь "доказательства". Совместные фотографии, сувениры, открытки. Да хотя бы девчачьи волосы на его расчёске...

Ни-че-го.

Или Карасёв прежде тщательно замёл все следы, или...

Он появляется в комнате неожиданно.

— А тебе идёт это платье... — присвистывает, приближаясь. Я стою к нему спиной и вижу его отражение в зеркале.

— Обычное... Хлопок в мелкий горошек... Но всё равно спасибо, — щёки вспыхивают от смущения.

— Я собирался накрыть здесь, но подумал, что на кухне будет удобнее, — говорит Толик. Мы смотрим друг на друга через зеркало. — Мама уже приняла снотворное, и до утра эта часть квартиры в полном нашем распоряжении... Ты можешь идти к столу. Я буду через минуту.

Я киваю его отражению и оборачиваюсь.

— Не задерживайся! — улыбаюсь его глазам.

Он улыбается в ответ, и моё сердце приятно заходится. Ну, почему мне так нравится эта его идиотская улыбка... И глаза... И вихрь чёрных волос...

"Соколова! Это же Карасёв! — в сотый раз напоминаю себе. — Что с тобой?"

И не могу ответить на этот вопрос.

Действительно, почему, когда он рядом, со мной происходят эти метаморфозы?

Почему сейчас, когда Толик сидит за столом напротив меня, мне хочется придвинуться ближе, незаметно коснуться его рукой, будто невзначай прижаться к его небритой щеке.

Почему мне так нравится его запах?

Почему меня так манит расстёгнутый ворот его рубашки?

Почему по моему телу растекается приятное тепло, когда он прикуривает и щурится от дыма?

Почему?

"Потому что ты напугана жизнью. И уже долгое время одинока, — подсказывает внутренний голос. — А Толик сейчас ближе всех. Толику не плевать на твои проблемы. Толик не в первый раз выручает тебя. Какими бы не были обстоятельства, этот парень всегда оказывается рядом и готов прийти на помощь... А ещё ты пьяна..."

А вот это правда.

Последний раз я пила алкоголь ещё с Кириллом. Или уже со Светкой... Не помню.

Сегодня, мне хватило нескольких глотков, чтобы опьянеть, и ещё нескольких глотков, чтобы потерять голову.

Потому как то, что я сейчас сделаю, иначе как безумием не назовёшь...

Я лежу в его постели, рассматривая едва различимые в темноте потолочные плиты. Простенькая мозаика, ромбики, кружочки, полосочки.

Это наяву.

А в мыслях — воспоминания минувшей ночи. Плывут друг за другом словно вагоны бесконечного поезда, и сами собой ложатся на музыку.

Спадают прочь бретельки с молочно-белых плеч...

В его глазах — огонь, и я хочу обжечься...

"Есть время передумать... Ты, дуручка, пьяна..."

"Молчи..." — целую нежно у чёрного окна.

А дальше... Наши тени сливаются в одну...

Тону в его объятиях, беспомощно тону...

Мы дышим, рваным стоном пронзая тишину...

"Люблю тебя, малышка..."

"И я... тебя... люблю..."

Спиной стоит и курит. По комнате сквозняк...

Смеётся: "Не жалеешь?"

"Я счастлива, дурак..."

Мурлыкаю себе под нос незамысловатую мелодию и улыбаюсь.

Сейчас Карасёва нет. Сбежал ещё утром. Одевался, шуршал, считал деньги. На прощание чмокнул меня, сонную, в висок.

Не иначе, как за цветами умчался. Представляю его в пороге с букетом и тортиком, и опять улыбаюсь.

Ради этого я готова даже пропустить занятия в колледже. Первую пару всё равно уже проспала...

Довольная обнимаю подушку, подбираю под себя одеяло, и закрываю глаза, намереваясь вздремнуть ещё часик. Но голос Нины Михайловны за дверью вмиг рушит мои планы.

— Это была её идея... — бормочет она. — Я не хотела... — всхлипывает.

С кем она говорит? Может быть, по телефону...

Я приподнимаюсь на постели, прислушиваюсь.

— Он маленький такой был... Красивый... Я бы ни за что...

Что-то не похоже на телефонный разговор. Скорее, она говорит сама с собой.

Едва я успеваю об этом подумать, Нина Михайловна входит в комнату. Не церемонясь. Без стука. Зажигает свет, заставляя меня подпрыгнуть от неожиданности и зажмуриться до боли в глазах.

Сон как рукой снимает. Я прижимаю к себе одеяло, смотрю на неё ошалело, ожидая любой реакции. От удивления до бешеного крика. Помнит ли она, что я здесь?

Но женщина не обращает на меня внимания. В её руках небольшая лейка. Она проходит к подоконнику, поливает стоящий на нём единственный цветок, рукой стряхивает невидимую пыль, дёргает занавеску и уходит прочь из комнаты.

При этом Нина Михайловна не прекращает бормотать.

Я понимаю, что она не в себе, и не стоит придавать её словам особого значения. Но что-

то в её речи цепляет меня.

То и дело проскальзывают знакомые имена.

Альбина Витальевна...

Тамара Борисовна...

Галочка...

Наталья...

Три из четырёх мне знакомы.

Случайное совпадение?

Нет, не похоже...

И потому я внимательно вслушиваюсь в её бормотание.

Поднимаюсь с постели, бесшумно одеваюсь, привожу себя в порядок и не перестаю слушать.

Покинув комнату сына, Нина Михайловна уходит на кухню.

Вспоминаю, какой бардак мы с Карасёвым оставили на столе, и невольно краснею от стыда.

После того, как Толик подхватил меня на руки и унёс в свою комнату, к еде мы больше не вернулись...

Но, кажется, Нина Михайловна не злится. Гремит ящиками гарнитура, хлопает дверцами, включает и выключает воду, двигает стулья.

И продолжает бормотать.

Вновь и вновь она повторяет эти имена.

Альбина, Наталья, Тамара...

"Это они... Они виноваты..."

"Кровь... На их руках кровь..."

Некоторые фразы женщина повторяет несколько раз.

Перепрыгивает с одного на другое.

Она будто читает рассказ, предложения которого расставлены в произвольном порядке. Получается какая-то бессмыслица.

"Маленький родился..."

"Плакала сильно"

"Смешной такой..."

"Утром нашли её..."

Вскоре её речь уже не кажется мне бредом.

Не желая пропустить ни слова, я достаю из своей бездонной сумки потрёпанную тетрадь, первый попавшийся карандаш и принимаюсь записывать.

Занимаясь обычными домашними делами, Нина Михайловна не умолкает.

А я хожу за ней и пишу.

Она готовит еду и говорит, моет пол и говорит, смахивает пыль с мебели и говорит, говорит, говорит.

Мы вместе завтракаем и обедаем. Вместе сидим у телевизора, вместе перебираем книги, крупу и семена.

За несколько часов я успеваю почувствовать себя невидимкой и успеваю многое записать.

Увлёкшись своим занятием, только к обеду осознаю, что Толика нет дома с самого утра.

Где опять его носит?

Устроился на работу?

Убежал к друзьям, похвалиться вчерашней победой?

Опять встречается с Мари?

Вспоминаю о ней не кстати. Но на удивление ничего не чувствую. Ни обиды, ни ревности.

Потому что сейчас меня больше заботят не похождения Карасёва, а исписанная за день тетрадь.

На первый взгляд, в моём тексте нет никакого смысла. Но я переставляю предложения в нужном порядке, перечитываю снова и...

Ледяные когти ужаса берут меня за горло.

Кажется, я только что влезла туда, куда не следовало...

"О, боже... Это настолько ужасно, что просто не может быть правдой!"

На моих коленях раскрытая тетрадь. Как бы я, хотела, чтобы в ней не было этого ядовитого текста. Увы... Снова и снова перебираю глазами пляшущие буквы.

"Твою же мать!" — прикладываю ладони к пылающим щекам.

В комнате становится душно, несмотря на распахнутую настежь форточку.

Как мне теперь быть?

Сделать вид, что ничего не случилось?

Или сейчас же отправиться к Наталье? Потому что только она сможет мне всё объяснить.

Немного поразмыслив, я принимаю решение не лезть не в своё дело. В конце концов, нельзя так легко верить словам ненормальной женщины. Скорее всего, Нина Михайловна просто фантазирует. А имена... Это просто имена. Ну, совпали случайно... Бывает.

Кроме того, у меня полно своих забот.

Вспомнив о своих планах попасть на Садовую, начинаю судорожно метаться по комнате. Облачаюсь в тёплые вещи, трамбую в багажную сумку гороховое платье и направляюсь к выходу.

В пороге меня настигает чувство вины.

Что подумает Толик, вернувшись?

Попользовалась им и сбежала?

Звучит, конечно, нелепо, но очень похоже на правду.

Я представляю печального Карасёва с букетом в руках, застывшего посреди пустой комнаты, и чувствую себя последней сволочью.

Впрочем угрызения совести быстро проходят, когда я понимаю, что входную дверь, запертую снаружи, не открыть изнутри.

Я бесполезно дёргаю металлическую ручку, но замок держит оборону точно комендант студенческого общежития.

Какого, блин, чёрта!

Получается, пока его Величество Анатолий не соизволит явиться домой, мне нельзя покидать его королевство? Запасного комплекта ключей он, естественно, мне не оставил.

— Тебе не уйти! — за спиной раздаётся голос Нины Михайловны. Я даже вздрагиваю от неожиданности.

Оборачиваюсь. Стоит в домашнем халате, с какой-то глупостью на голове. Ненакрашенная и страшная. Сердце сжимается. Уверена, в молодости эта женщина была очень красивой. Но время и болезни никого не щадят.

— Что Вы сказали? — спрашиваю, отпуская дверную ручку.

— Теперь он тебя не отпустит...

— Что это значит?

Но она больше ни слова не говорит, разворачивается и уходит на кухню.

"Теперь он тебя не отпустит..."

Первая мысль, что приходит в мою голову, весьма эгоистична.

Карасёв не отпустит меня после случившегося. Я ведь помню, как он смотрел на меня и как прижимал к себе. Помню, как стучало его сердце, когда после секса я лежала на его

грудь и кончиком пальца выводила на ней причудливые узоры.

Конечно, он теперь меня не отпустит.

Но другая крохотная мыслишка, словно капля чернил в молоке, тут же всё отравляет.

А что, если дело в другом?..

Гоню прочь глупые мысли.

У Карасёва нет причин меня удерживать. Просто этот балбес убежал и не оставил мне ключ. Ничего криминального. Уверена, он явится сюда с минуты на минуту, и мы вместе над этим посмеёмся.

А пока, чтобы скоротать время, я принимаюсь за уборку.

Комната Толика совсем не похожа на "убежище" Кирилла. У того всё было расставлено в алфавитном порядке, всё лежало по цветам.

Здесь же творится полнейший хаос. Даже нормального письменного стола нет. Стоит в углу какое-то сооружение из г**на и палок.

Из бумажной литературы только журналы со скидками в "Корзиночке" и газеты. Последние висят на стенах, закрывают собой дыры на обоях.

Из техники — ноутбук, который больше похож на подставку под горячее.

Из мебели — диван, трельяж и еле живой шифоньер. Много лет назад у нас был такой же. Но бабушка быстро от него избавилась.

Несмотря на бедную обстановку, мне нравится у Толика. Мне у него спокойно. Совсем как тогда, летом...

После уборки я принимаюсь за учёбу. Рефераты, курсовые и домашние задания моих школьников никто не отменял. Помечаю в своём ежедневнике, при первой же возможности позвонить Апрельским. Аделина Павловна, наверно, с ума сейчас сходит, разыскивая меня. Надо как можно скорее передать ей Димкины задачки.

За учебниками время летит незаметно. День превращается в вечер, затем — в поздний вечер. Я то и дело смотрю на часы и на своё бледное отражение в зеркале. За окном загораются первые фонари, а у меня под рёбрами начинают скрести первые тревожные кошки.

Где носит Карася?

22:15... Нина Михайловна уже посмотрела свой дурацкий сериал...

Где, чёрт возьми, его носит?

До одиннадцати грешу на пробки. До двенадцати — на его чокнутых приятелей.

Стою у окна и высматриваю туловище Карасёва в какой-нибудь толпе у гаражей.

За вечер видела две драки, один танец на камеру и шестнадцать поцелуев.

Видела Тимохина, Рыжего и Славика.

Толика не видела.

Когда стрелки часов переваливают за полночь, я ещё жду, прислушиваюсь. Но к двум часам ночи понимаю, что он не придёт...

— Не реви!..

Нина Михайловна возникает как обычно. Из ниоткуда. Застывает у дверей. Свет из прихожей обрамляет её силуэт. В комнате полумрак. За окном принимается рассвет.

— С чего Вы взяли, что я реву? — огрызаюсь в ответ, а сама поспешно смахиваю слёзы.

— Всю ночь твой плач слушала...

К сожалению, это правда. Сначала я представляла Толика в объятиях какой-нибудь девки. Потом — в луже крови где-нибудь на трассе. Потом...

— Не злись на моего мальчика! — женщина медленно проходит в комнату и опускается

на диван рядом со мной. Я усаживаюсь на постели, обхватив колени руками. — Он для тебя старается...

— О чём Вы говорите?

— Ему нужно время...

— Я Вас не понимаю!

— Скоро всё решится... — Нина Михайловна смотрит перед собой, держит руки на коленях. — Она сама тебе расскажет...

— Кто? О чём Вы?

Вместо ответа женщина вынимает из кармана домашней сорочки чёрно-белое фото. Я подтягиваюсь, чтобы взглянуть на снимок. На нём три женщины в белых халатах. Из-за низкого качества печати и плохого освещения в комнате мне приходится приглядываться. Но я узнаю всех.

В центре — Альбина Витальевна, лучшая бабушкина подруга. Справа — Наталья, мама Кирилла. Слева — сама Нина Михайловна.

Я тут же вспоминаю о своих записях в потрёпанной тетради. Но спросить ничего не успеваю.

— Те, кого ты считаешь живыми, мертвы... — говорит женщина, убирая фото. — Не их бойся. Её бойся...

Да о ком, чёрт возьми, она говорит?

Но Нина Михайловна убирает снимок, встаёт с дивана и выходит из комнаты, оставив меня с сотней разных мыслей в голове и с кучей неотвеченных вопросов.

— Скоро ты всё узнаешь... Скоро... — говорит она уже за дверью.

"Меня зовут Соколова Дарья и это мой дневник. Если сейчас вы читаете эти записи, значит, меня уже..."

Не закончив предложение, бросаю ручку, закрываю лицо ладонями и зажмуриваюсь до звёздочек в глазах. Вот уж не думала, что когда-нибудь стану писать подобный бред. Но ситуация в самом деле бредовая.

Карасёв ушёл из дома одиннадцать дней назад.

Не два... Не три... И даже не пять!

Прошло уже одиннадцатьгрёбаных дней, как он оставил на моём виске свой поцелуй и исчез. И я понятия не имею, где он и что с ним.

Я заперта в этой душной квартире один на один с его чокнутой матерью, которая зовёт меня Светочкой, смотрит дурацкие телешоу и громко храпит по ночам.

Нина Михайловна шаркает по дому в стареньких тапочках, бормочет разные глупости и не переживает, что её сын где-то шляется уже 269 часов 17 минут и 45 секунд... 46... 47...

Возможно, этой женщине не привыкать сидеть взаперти, а вот мне чертовски хреново.

Утешаю себя тем, что рано или поздно меня станут искать. Потеряют преподаватели в колледже или родители учеников, которым я должна отдать рефераты. Каждый вечер ожидаю услышать в новостях своё имя.

"Без вести пропала Соколова Дарья Андреевна 1998 года рождения... Волосы тёмные, глаза карие..."

Но вот уже одиннадцать дней меня никто не ищет. И я мечусь из угла в угол по комнате и не знаю, что делать. Выучила наизусть каждый сантиметр этих восемнадцати квадратов.

Теперь знаю, что стол у Карасёва стоит неровно. Один угол столешницы плотно прилегает к стене, а другой отходит на пару сантиметров. На оконном стекле — следы от пальцев. Два справа и три слева. А снаружи, на кованых решётках, висят сосульки. Пять штук. Три длинных и две коротких.

В газетах на стене сплошная реклама. Ремонт телевизоров, стиральных машин, установка пластиковых окон, предложения о работе... Обои кое-где отходят. Диван скрипит пружинами справа громче, чем слева.

Квартира пропахла жареной рыбой. И это моя вина. В минувший вторник Нина Михайловна стояла у плиты. На сковороде, играя золотыми боками, шипели караси, и я невзначай ляпнула, что в детстве это было моим любимым блюдом. Теперь ем его каждый день и ненавижу.

С матерью Толика мы почти не разговариваем. Она предпочитает говорить сама с собой. Из её несвязного бормотания я узнала, что в молодости Нина Михайловна работала акушеркой. Как мама Кириллы Наталья, как Светкина мама Тамара Борисовна, как Альбина Витальевна, бабушкина подруга.

Эта смазанная фотография, с которой сегодня Нина Михайловна не расстанется, — воспоминание о былых временах. Тогда она, выпускница медицинского института, молодая, красивая, здоровая, полная сил и желаний, лелеяла мечту когда-нибудь стать знаменитым врачом. Но вскоре случилось то, о чём я написала в своей тетради, и в тот же день мечты молодой Нины Михайловны разбились о холодный кафель отделения реанимации...

Потом женщину начали мучить кошмары и чувство вины, и в итоге она стала такой,

какой я вижу её сейчас. Бледной, осунувшейся, рано поседевшей и с призраками в голове.

Смотрю на её сутулую спину, и меня вдруг осеняет. А что, если Толик привёз меня к себе в качестве сиделки. Чтобы я помогала его матери по хозяйству, присматривала за ней, напоминала принять лекарство, а он тем временем мог свободно болтаться с друзьями и не бояться, что его мать уйдёт в магазин и забудет запереть дверь. Ведь не просто так он забрал у неё ключи и мобильный телефон, о чём она не раз упоминала в своей болтовне.

Не удивлюсь, если сейчас Карасёв живёт у своей подружки и наслаждается жизнью, пока я сижу здесь без документов, без связи, без воздуха, лишённая всего, что у меня было. И если в ближайшие дни ничего не изменится, боюсь, я как Нина Михайловна начну путать имена и слышать голоса призраков.

Со мной уже начинают происходить странные вещи.

Например, вчера.

Я весь день провела у окна в надежде увидеть во дворе если не самого Толика, то хотя бы кого-то из его друзей. После обеда показался Тимохин. Узнала его по дурацкому пуховику и шапочке с помпоном. Он шёл вдоль гаражей, уставившись себе под ноги. Я открыла форточку, принялась кричать ему и размахивать руками, но этот балбес даже головы не поднял. По всей видимости, он был в наушниках или просто невменяемый, как обычно.

Странное случилось позже, когда у тех же гаражей я увидела женщину. Она была одета во всё черное, стояла и смотрела в моё окно. Её лица я, само собой, не разглядела. Мы смотрели друг на друга, и я даже помахала ей. А потом у Нины Михайловны что-то загремело на кухне, я отвернулась на мгновение, а когда снова посмотрела в окно, женщины в чёрном уже не было. Была ли она на самом деле, или причудилась мне. Не знаю...

А сегодня мне с самого утра мерещится, будто где-то в комнате гудит телефон. Не звонит, а мягко вибрирует. Но я-то знаю, что в этой квартире нечему звонить. Домашнего телефона у Карасёвых нет, мой телефон исчез, а телефон Нины Михайловны Толик забрал с собой.

И вот сейчас я опять слышу вибрацию. Она доносится из угла комнаты, где стоит письменный стол.

Внимательно прислушиваюсь.

"Ууу... Ууу... Ууу... Ууу..."

Нет, мне точно не кажется! В комнате на самом деле вибрирует телефон!

Бросаюсь к письменному столу и один за одним дёргаю на себя ящики.

"Я так и знала... Вот он лежит... В самом нижнем..."

Среди батареек, лампочек, мотков изолянта и прочего хлама вибрирует кнопочный мобильник. На белом экране чёрные цифры неизвестного номера.

В глаза бросаются последние четыре:

1221

Знакомое сочетание. Кажется, так заканчивается номер кого-то из родителей, чьим детям я решаю задачи.

Пока я раздумываю, могут ли Карасёву звонить мои Петровы или Сидоровы, телефон замолкает. На экране значится уже седьмой пропущенный звонок.

Минуту спустя в правом нижнем углу появляется мигающий конверт. Уведомление о входящем сообщении.

Я понимаю, что нахожусь в чужой квартире, держу в руке чужой телефон, и входящее послание адресовано не мне. Но желание "распечатать" конверт сильнее меня. И потому я открываю сообщение и жадно впиваюсь в него глазами.

"Этот абонент оставил Вам голосовое..." — пишет сотовый оператор.

Я, не задумываясь, набираю указанный в тексте короткий номер и слушаю.

"Анатолий! Что у тебя с телефоном? Никак не могу тебе дозвониться! Потому звоню сюда... — щебечет в трубке женский голос. — Короче... Ты молодец! Всё правильно сделал! Значит, так... Пусть она сидит у тебя и не смей её отпускать... Он в городе. Ты понимаешь, о чём я?.. Он ищет... Нам нельзя облажаться! Ладно, давай, до связи... Набери мне, как прослушаешь."

К концу голосового сообщения на моих щеках исчезает последний румянец, а про сердце я вообще молчу. Оно перестало биться ещё на втором предложении. Я с такой силой сжимаю мобильник, что, кажется, его пластиковый корпус корчится от боли.

Ничего не чувствую и не слышу, кроме адского эха в голове:

"Карасёв запер меня нарочно..."

И это была не его идея. Он следовал чьим-то указаниям.

Но кому потребовалось держать меня взаперти?

Кто прислал ему это сообщение?

Прослушиваю голосовое во второй раз, затем снова и снова.

"Анатолий! Что у тебя..."

"Анатолий!.."

Я знаю Карасёва почти тринадцать лет, но ни разу не слышала, чтобы кто-то называл его полным именем. Толя, Толик, Толян, Карась, козёл... Но никак не Анатолий. Даже учителя чаще обращались к нему просто: "Молодой человек..."

И тем не менее голос в трубке мне знаком. Я уже слышала его раньше. Перебираю в памяти имена одноклассниц, заказчиц, соседей... Нет, всё не то.

Кто же она? Эта особь женского пола, возомнившая себя Господом Богом? Почему она решила, что имеет право управлять моей жизнью? Ограничивать мою свободу?

Я не собираюсь сидеть на месте и гадать. Я собираюсь позвонить ей. Не медля ни секунды я набираю её номер телефона и первое, что слышу в трубке:

"Недостаточно средств для звонка..."

А следом последний пук умирающей батареи, ну и как итог — чёрный экран.

Всё. Занавес.

Из моей груди вырывается почти животный рык:

— Да чтоб тебя, сволочь!

Поддавшись эмоциям, я запускаю телефон в стену. Прямо в газету, которой она прикрыта. Телефон врезается углом точно в глаз какой-то смеющейся от счастья тёте, затем отскакивает от стены и целый-невредимый ложится у моих ног. Так и хочется растоптать его к чёртовой матери!

Я сжимаю ладони в кулаки, притягиваю их к лицу, крепко зажмуриваюсь, тяжело дышу, ненавижу всё вокруг. Едва не плачу от злости. И вдруг слышу мягкий шелест газетного полотна.

Осторожно открываю глаза.

Кое-как прихваченная по углам газета плавно сползает на пол, открывая мне не только брешь на обоях, но и много чего ещё...

У меня перед глазами карта Пригорода. А точнее отдельные её фрагменты, распечатанные на альбомных листах.

"Адское" перепутье, Пригород Центральный, поворот на Н-ск, дачи "Жемчужного"...

Дорога к посёлку нарисована маркером. Петляет красной нитью среди крошечных домиков и заканчивается жирной точкой у... коттеджа Полянского.

Что?!

Подхожу ближе, приглядываюсь. Всё верно. Этот маленький кубик на карте и есть его "усадьба".

Какого чёрта?

Глаза мечутся по красной линии, от точки А к точке В и обратно.

Вот здесь у "Корзиночки" я села к нему в машину, здесь мы свернули, здесь выехали на трассу...

Да тут отмечена каждая блядская кочка на пути!

Но это ещё не всё. Над картой висят фотографии.

Принимаюсь их разглядывать и прихожу в ужас. На них всё, что случилось со мной в тот вечер. История в картинках. Комикс, мать его.

На первом снимке супермаркет "Корзиночка", его парадное крыльцо и яркая вывеска. На следующем — синяя "ауди" крупным планом. Далее — пустынная трасса. Затем — переулок "Жемчужного". А после — двухэтажный коттедж Полянского во всей красе.

Фотографий "усадьбы" здесь не меньше десятка. И ближе, и дальше, и снизу, и сбоку и даже изнутри.

С особой "любовью" показана спальня, ставшая моим кошмаром. Смотрю на широкую кровать в центре и заново проживаю в памяти те страшные минуты. Сердце сжимается от боли и страха, а ладони холодеют и становятся липкими.

На стене есть и другие фотографии. А точнее картинки из интернета.

Висят отдельно, яркие, сочные, рассыпаны тут и там будто заплатки.

Женщина в белом.

Белая иномарка.

Рекламный буклет какого-то ночного клуба в Центральном Пригороде.

И вдруг здесь же обычный тетрадный лист, исписанный шариковой ручкой.

Узнаю ужасный почерк Карасёва. Слов не разобрать, но легко читаются телефонные номера.

Мой номер.

Номер Кирилла.

И ещё два.

С одного из них я получила приглашение на свидание у "Корзиночки", а с другого Карасёву только что звонила некая мадам.

— Что за тупой прикол... — произношу одними губами, снимая со стены лист бумаги.

Снова и снова перебираю глазами номера и пытаюсь разобрать записи. С большим трудом мне удаётся прочесть отдельные слова, и вскоре я понимаю, о чём идёт речь.

— Ах, ты ублюдок! — на глаза наползают злые слёзы. — Это с самого начала была твоя идея!

Я комкаю тетрадный лист и швыряю его на пол. Охваченная слепой яростью принимаюсь сдирать со стены и карту, и снимки. Рву их в клочья, бросаю себе под ноги и топчу, топчу, топчу до боли в суставах.

К счастью или к несчастью, Нина Михайловна меня не слышит. Она громко храпит в своей комнате.

Наконец, обессилив, я падаю на колени и в царящем вокруг хаосе реву как младенец, оторванный от титьки.

"Она получает сообщение..."

"Она приходит на встречу..."

Вот что там написано.

"Он подъезжает за ней в семь..."

"Он увозит её в "Жемчужный"..."

Вот что там написано.

"Она подбирает её у обочины и привозит в Н-ск..."

"Я забираю её к себе..."

Вот. Что. Там. Написано.

Всё случившееся со мной было заранее спланировано, записано и даже проиллюстрировано фотографиями и картинками из интернета.

Это был грёбанный спектакль, поставленный по сценарию.

А я дура!

Карасёв прикинулся хорошим, а я поверила. Ухватилась за его лживую улыбку и растеклась. А люди не меняются! Он был, есть и всегда будет сволочью!

Ненавижу! Ненавижу! Ненавижу!

Мне нужно немедленно выбираться из этого дома, пока у меня есть такая возможность. Пока этот ублюдок не вернулся и не приступил ко второму акту своей постановки.

Я вскакиваю с пола и бросаюсь к окну. Сейчас это мой единственный путь к свободе. Но снаружи решётки, а за ними...

О, Боже! Не верю своим глазам...

У гаражей стоит Светка. Моя смешная подруга. Мой шанс на спасение!

Вот так подарок судьбы! Вот так случайное совпадение!

Стоит такая аккуратная, такая миниатюрная, в приталенном пуховичке, в смешной шапочке, кудри рыжие по спине.

Стоит напротив моего окна и даже не обернётся. Рвется в своей кошмарной сумке, в которую при желании целиком залезть можно.

Я распахиваю окно и кричу ей:

— Светка! Све-етка! Лапина! Да обернись же ты! Чтоб тебя!

Та оборачивается на мой голос, и на её лице расплзается широкая улыбка. На моём — улыбка ещё шире.

Светка коротко машет мне, закидывает сумку на плечо и бежит на меня в своих коротеньких "дутиках" прямо через сугробы.

— Дашка! Слава Богу! Я тебя нашла! — Лапина уже у моего окна.

— Светка! Светочка! Какое счастье, что ты здесь! — я протягиваю к ней обе руки через решётки. Я готова обернуться воздухом, чтобы просочиться сквозь них и обнять подругу.

Светка хватается за меня озябшими пальчиками.

— Что случилось? Что ты делаешь у Карася? — спрашивает она, бегая глазами по моему лицу. — Что с твоим домашним телефоном? Там всё время короткие гудки!

"Потому что Лара наверняка сменила номер..." — думаю про себя, а вслух говорю:

— Я там больше не живу... Долго рассказывать!

— О, понятно, то есть ничего не понятно... — тараторит Светка и перепрыгивает с одного на другое. — А учёбу зачем бросила? Ты дурочка, что ли? До диплома полгода... -

— Я не бросала... Я...

Ответить не успеваю. Светка перебивает:

— Все в колледже только об этом и говорят! Мол, Соколова, умница, отличница, и вдруг учиться перестала. На занятия не ходит, в академ собирается. Тебе на хрена академ этот?

— Что за бред? Какой академ?..

— А ты ведь и правда на пары не ходишь! А в последний раз я чемодан у тебя видела. Ты куда-то ехать собралась? Или ты к Толику переехала? Вы опять мутите? Ты беременна?..

Лапина трещит, не затыкаясь, и я должна остановить её словесный понос.

— Так! Стоп! — рывкаю я и сжимаю Светкины пальцы так, что та взвизгивает и, наконец, замолкает.

— Я. Никуда. Не. Собираюсь... — говорю медленно и уже спокойно, чеканя каждый слог. — Я выйти отсюда не могу! Он меня запер...

Светка хлопает глазами и молчит.

Ясно. Она меня не поняла.

— Карасёв меня запер в своей квартире! Понимаешь? — смотрю на подругу с мольбой в глазах.

— Вау... — выдаёт Светка.

— Это не "вау"! Это "пиздец"! — огрызаюсь я. — И ты должна вытащить меня отсюда!

— А как так вышло? А Карась где? — спрашивает Светка, и меня раздражают её

вопросы.

— Некогда болтать! Ты должна мне помочь!.. — вскрикиваю я, но тут же смягчаюсь. — Пожалуйста...

— Блин... — Светка закусывает нижнюю губу. — Как? У меня даже телефона с собой нет. Видимо, дома забыла. Всю сумку перерыла...

— Вот чёрт... — отчаяние тычется мне под рёбра. Я отпускаю её руки и хватаюсь за кованый металл. Тот моей хватке не поддаётся. — Чёрт... Чёрт...

— погоди! — вдруг говорит Светка. — Так ты у Нины Михайловны ключ возьми! У неё же наверняка есть!

— Нет у неё ничего. Ни ключей, ни телефона! — говорю я, зарываясь пальцами в волосы. — Она ненормальная, сумасшедшая! Ты забыла? Толик у неё всё забрал, чтобы она не дурила...

Мне не нравится, как Светка на меня смотрит. Есть в её взгляде что-то такое... Усмешка, что ли.

— Что такое, Лапина? — спрашиваю я. — Ты мне не веришь?

— Соколова! Это ты ненормальная... — Лапина закатывает глаза.

— Не поняла...

— Нина Михайловна не сумасшедшая! Она разумнее нашей математички! — выпаливает Светка.

— Разумнее нашей математички быть не трудно... — не раздумывая, парирую в ответ, но тут же осекаюсь, — погоди... Что ты сказала? Нина Михайловна не сумасшедшая?

— Конечно, нет! — восклицает Светка. — Моя мама работает в том же роддоме, в котором когда-то работала Нина Михайловна. Мама её не застала, но много о ней слышала... Короче, эта женщина только прикидывается больной!

Видимо, у меня слишком тупой вид. Потому что Светка поясняет:

— Ну, надо ей так! Понимаешь? У них там в роддоме сто лет назад фигня какая-то случилась. Ну, короче... Мама говорила, Нине Михайловне так легче было это пережить. Ходить, бормотать... В общем, на самом деле нормальная она!

Да, о случившейся сто лет назад "фигне" я наслышана... У меня даже записи об этом есть...

Что же тогда получается... Они с сыном за одно? Я-то, дурочка, думала, Толик привёз меня, за матерью его присматривать. А на деле оказывается, это она за мной здесь присматривает!

Ну, Нина Михайловна! Ну, актёрище! И храпит-то как натурально! И таблетки будто правдишние пьёт!

— Ну, так что ты стоишь! — Светкин голос выдёргивает меня из раздумий. — Иди по карманам её полазь! По-любому ключ там где-нибудь!

— Ладно... — послушно отвечаю я. — Попробую...

Я оставляю Светку мёрзнуть на январском солнце, а сама крадусь в прихожую.

Дверь в комнату Нины Михайловны закрыта. Она храпит как и прежде, только телевизор теперь молчит. Я даже не обратила внимания, когда она успела его выключить. Возможно, он стоял на таймере и сам отключился. Не знаю.

Мне некогда думать над этим. У меня мало времени. Я окидываю взглядом узкий коридор.

На видном месте ключей, конечно, нет.

В поле зрения попадает рогатая вешалка у входной двери. На ней повисли три куртки, одна из которых — моя. У двух других карманы отсутствуют.

Всё. Поиски окончены.

Искать ключи (возможно и не существующие вовсе!) — это как иголку в сене. Или как там говорят.

Я обречённо вздыхаю и усаживаюсь прямо на тумбочку у зеркала.

И вдруг дверь спальни, в которой только что храпела мама Толика, протяжно скрипит петлями, и в прихожей появляется сама Нина Михайловна.

— Ты это ищешь? — спрашивает она, роняя к моим ногам связку ключей...

— Ну, что же ты? Бери! — Нина Михайловна подбородком указывает на связку. — Тебе же это нужно?

Она смотрит на меня и ждёт, что я брошусь за ключами. А я не спешу. Смотрю ей в лицо и пытаюсь разглядеть в глазах хотя бы крошечный намёк на безумие. Но взгляд этой женщины ясен, как сегодняшней зимний день за окном.

Светка права. Нина Михайловна абсолютно здорова.

— Я слышала ваш разговор, — говорит она. — Да, я притворяюсь. И мне так легче. И коль теперь ты знаешь правду, с тобой я притворяться не буду.

Шелестя полами домашнего платья, она проходит мимо меня и усаживается рядом.

— Ты хочешь уйти? — говорит Нина Михайловна. — Что ж, удерживать силой не могу. Моего сына нет уже несколько дней. И я не знаю, сколько ещё времени ему потребуется. Поэтому можешь сейчас же воспользоваться моим ключом, отпереть входную дверь и навсегда покинуть этот дом. А можешь остаться. И, поверь мне, так будет лучше. Здесь, в этих стенах, ты в безопасности. Толик привёз тебя сюда, чтобы уберечь. Я советую тебе дождаться его. Уверена, вместе вы примете правильное решение.

Пожалуй, я погорячилась, посчитав эту женщину нормальной. Только безумная могла предложить такое. Продолжать сидеть в четырёх стенах и ждать Карасёва. Зачем? Чтобы он успел привести сюда свою подружку, приславшую ему сообщение? Чтобы, как она сказала, в этот раз они "не облажались"?

- Нет уж, Нина Михайловна! Вы достаточно повели меня за нос! Я сыта по горло вашими небылицами и не собираюсь участвовать в грязных замыслах Вашего сына и его ненормальной подружки! Я ухожу сейчас же! И не смейте вставать на моём пути!

С этими словами я подхватываю с пола ключи, срываю с вешалки пуховик, возвращаюсь в комнату за чемоданом, чёрт бы его побрал. Одеваюсь, обуваюсь, ещё немного толкусь в пороге, подбирая подходящий к замочной скважине ключ, и вот я на воле. Слеплённая солнцем и снегом и скованная Светкиными объятиями. Она поджидала меня на крыльце и бросилась на шею, едва я вынырнула из подъезда.

— Дашка! Я так рада! Так рада! — щебечет она, целуя меня в обе щёки.

— Некогда, Светка, некогда... — я мягко стряхиваю её с себя. — Скорее идём отсюда...

— Конечно! — соглашается Светка. — Куда сейчас?

Этот её вопрос застаёт меня врасплох. А куда в самом деле мне теперь идти? Где меня ждут?

Первая мысль — вернуться к Антонине Петровне. Помнится, она предлагала мне остаться. И на работу устроить предлагала.

Я спускаюсь с крыльца и отхожу от дома на несколько шагов, чтобы взглянуть на её окна.

На балконе растянута вывеска:

"ПРОДАЁТСЯ"

Странно...

— Светка, — говорю я подруге, которая всё ещё стоит на крыльце, ухватившись за ручку моего чемодана. — Ты подожди меня здесь, ладно? Я быстро. Я сейчас.

Не дожидаясь её ответа, я семеню к соседнему подъезду.

Взлетаю на четвёртый этаж и звоню в дверь Антонины Петровны. Пока та шаркает к выходу, я придумываю речь. Мол, согласна остаться, готова помогать, и если её предложение о работе ещё в силе...

Всякие слова теряют смысл, когда входная дверь распахивается и на пороге появляется...

Нет, не Антонина Петровна.

Передо мной стоит женщина... в чёрном.

— Екатерина? — спрашивает женщина. Чёрная водолазка под горло делает её лицо фарфорово-бледным.

— Н-нет... — отвечаю растерянно.

— Ох, простите, я ждала покупателя... Квартиру продаю, — поясняет она, обнимая себя за плечи. — Чем обязана?

— Я к Антонине Петровне...

Женщина в изумлении выгибает аккуратно выщипанные брови. "Ты кто?" — говорит её взгляд. Представляюсь:

— Меня зовут Даша... Соколова... Я жила этажом выше... — указываю пальцем в потолок.

— Да, да, кажется, я понимаю... — кивает. — Постой! Соколова... Эту фамилию я видела на квитанциях! — смотрит встревоженно. — Если ты пришла за бумагами, прости. Их больше нет. Не думала, что за ними кто-то явится. Я готовила квартиру к продаже и выбросила всё лишнее.

— О, нет! — спешу успокоить собеседницу. — Мне ничего не нужно. Я зашла, повидать Антонину Петровну. Узнать, как у неё дела?

— Антонина Петровна умерла четыре дня назад... — говорит женщина. — Я её дочь. Настя.

Что?

Эти слова вгрызаются в самое сердце. Горло перехватывает от спазма. Я не знаю, из-за чего именно перестаю дышать. Из-за того что Антонины Петровны больше нет, или из-за того что передо мной стоит её дочь Настя.

Я внимательно вглядываюсь в усталое вытянутое лицо. В светлой коже, в тёмных кругах под глазами, в печальном взгляде, в сухих заострённых чертах, в русых корнях волос, окрашенных шоколадом, угадывается сходство матери и дочери.

Шепчу хрипло:

— Она говорила, что...

— Что? — Настя обрывает меня на полуслове. — Что у неё нет детей? Или что муж-козлина отнял у неё младенца и сбежал к молодой любовнице?

— И что жила она в нищете и потому не стала бороться за ребёнка... — добавляю я.

— Чудесно, — горько усмехается Настя. — А как мой отец стоял перед ней на коленях и умолял, не бросать его, она не рассказывала? А как бабушка плакала и просила её вернуться в семью, она не рассказывала?

Я верчу головой. Ответ отрицательный.

— Всё было наоборот, — говорит Настя. — Это моя мать сбежала к молодому любовнику в его квартиру с видом на Центральный парк. Она хотела лёгкой жизни и свободы, а не обоссанных пелёнок и детских болячек. Несколько лет мама жила в своё удовольствие, а потом этот хмырь её кинул. И она осталась одна, свободная, с квартирой и с долгами до жопы. Тогда-то она и вспомнила о нас с папой. Но отец к тому времени уже на другой женился, и вернуться ей было некуда. Папа за всю жизнь слова плохого о матери не сказал. И бабушка тоже. Для них она так и осталась Тонечкой, милой девочкой в цветном сарафанчике с Химзаводской улицы...

Спасаясь от сквозняка, Настя переступает порог и прикрывает за собой дверь.

— Мама сама меня нашла и всю правду о себе рассказала, — продолжает женщина. — Позвонила четыре дня назад и выложила всё, как было. И про любовника молодого, и про чувство вины, которое её ко мне не пускало, и про тебя. Я, говорит, девочку соседскую опекаю, прощения у Бога вымаливаю. В гости к себе позвала. Я тем же вечером к ней приехала, но застала только взгляд безжизненный в потолок и бригаду скорой помощи. Сердце... Врачи сказали, мол, переживала много. Ага... Лгала много! Потому и померла... — Настя рвано вздыхает и единожды хлопает в ладоши, — всё, хватит о матери! Нет её больше.

Женщина замолкает, и я молчу.

В голове крутится одна только мысль:

"Никому. Нельзя. Доверять."

Даже Антонина Петровна, милая женщина, заслуженный педагог, светлая голова, лгала мне так искусно, что я поверила.

— А я решила, что это моя вина... — думаю вслух. — Я ушла от неё в тот вечер и даже не обернулась. Она меня отпускать не хотела, переживала, у окна стояла. А я даже позвонить ей не могла. Так получилось. Но Антонина Петровна оказалась права. Не нужно было мне ехать на Садовую. Нет там никого. Хотя нет! Я видела свет в окне... Или мне показалось... Баба Варя сказала, там никто не живёт.

Сомневаюсь, что Настя разбирает поток моих мыслей, я говорю сбивчиво, всё подряд, перескакиваю с пятого на десятое. Но она выхватывает из контекста нужное и резко обрывает меня:

— Говоришь, Баба Варя сказала? А если баба Варя лжёт?

Я смотрю на неё, хлопаю глазами и молчу.

— Что глядишь? — ухмыляется Настя. — Задумалась?

Блин... А ведь она права...

— Никому нельзя доверять, Даша! — говорит Настя, в точности повторяя мою мысль. — Все могут лгать. Или преследуя свою выгоду. Или потому что им так удобно. Или потому что боятся. Или потому что их попросили солгать. Я могу продолжать до бесконечности, — Настя опять обнимает себя за плечи. — Я не совсем понимаю, о чём ты говоришь, но... — она наклоняется ко мне, словно хочет поведать страшную тайну, и вполголоса говорит, — если ты откуда-то ушла, что-то не сделала, потому что поверила чьим-то словам, вернись и ещё раз попробуй!

Я послушно киваю. Я согласна с ней.

У меня перед глазами стоит облезлое окно и свет, горящий в нём. За одиннадцать дней моего заточения у Карасёва я успела себя убедить, что в ту ночь на Садовой я ничего не видела. Мы с Толиком ехали на скорости, я могла обсчитаться этажом, и вообще, возможно, это был просто отблеск луны на чёрном стекле.

Но теперь я вновь уверена, что видела в том окне электрический свет. И я полна решимости. Пусть мне опять суждено ошибиться, пусть окажется, что всё-таки баба Варя права, и в квартире никто не живёт, я поеду на Садовую и ещё раз постучу в её дверь...

На этом мы прощаемся. Время поджигает. Светка ждёт меня внизу и наверняка уже превратилась в сосульку, прыгает там у подъезда и матерится на французском.

Я благодарю Настю за мудрый совет, ещё раз соболезную её утрате и бегу вниз по ступеням.

Подруга караулит мой чемодан под козырьком второго подъезда. Она замёрзшая и злая. Переминается с ноги на ногу и, увидев меня, набрасывается с воплями:

— Ну, наконец-то, блин! Ты где была? Почему так долго!

— Прости. Задержалась, — говорю я, подбегая. Поехали скорей!

— Куда?

— На Садовую! Оставлю у тебя свой багаж! — подхватываю чемодан и киваю в сторону автобусной остановки. — Мне надо кое с чем разобраться...

— О, ладно! — соглашается Светка. — Я и сама собиралась позвать тебя к себе! Хочу познакомить тебя кое с кем...

Я слишком занята своими мыслями и не заостряю внимания на последней фразе.

А зря...

Потому что уже через сорок минут, оказавшись на пороге её квартиры, я буду жалеть, что пропустила эти слова мимо ушей.

Но это случится через сорок минут. А пока мы качаемся в полупустом троллейбусе, рисуем ногтями узоры на замёрзшем стекле и болтаем о разном.

Она спрашивает, почему я больше не живу на Центральной, и я рассказываю ей всё. Про чужую квартиру и Лару, про стопку квитанций с бабушкиной подписью и про найденный ключ от Садовой, про посылки от матери и про Полянского. Чего уж там, пусть знает.

Светка хлопает густо накрашенными ресницами и периодически издаёт нечленораздельное: "О, оу, оё..." и "Ни фиги себе!"

— Почему сразу не рассказала? — спрашивает она. — Это же капец!

Что ей ответить? Не хотела ранить её нежную душу? Стыдилась? Была не готова говорить об этом? Не знаю... Не рассказала и всё.

Потом мы едем молча и через растаявшие пятнышки на окнах любимемся зимой.

— Дашка, ты прости меня за нашу последнюю встречу! Ладно? — будто между прочим говорит Светка. — Я наговорила тебе всякого, хотя сама была не права. Не знаю, как я вообще могла так поступить с мамой. Просто Женька казался мне таким красавчиком, таким взрослым, таким опытным. Любопытно мне стало, какой он, ну... в этом смысле. К тому же он так мне улыбался, шутил, подмигивал. Не устояла я, понимаешь?

Не понимаю... Но сейчас не хочу развивать эту тему.

— Проехали... — коротко бросаю в ответ, надеясь поскорее свернуть этот разговор.

— Нет, правда... — не унимается Светка. — У нас с ним в тот день последний раз было, клянусь! Я утром матери всё рассказала. Она, конечно, в шоке была, расплакалась. А Женька сразу ушёл. Благородным козлом оказался. Сказал, понимает, что виноват и потому должен уйти, дать моей матери время всё обдумать, успокоиться. Сейчас живёт в "Привокзальной", а мамка квартиру нам ищет. После случившегося она со мной-то неделю не разговаривала, а его тем более не простит...

Я слушаю молча. Что тут скажешь? Наломали дров.

Потом мы с подругой не спеша бредём по заснеженной улице. Она изменилась. Лишилась своего новогоднего лоска и лампочек-карамельек. Скинула праздничную мишуру и опять стала серой и повседневной.

На подходе к Светкиному дому я опять смотрю на свои бывшие окна. То кухонное, в котором я видела свет, сейчас чёрное и безжизненное. Опять думаю, что зря приехала, но гоню прочь эти мысли.

Несмотря ни на что я исполню задуманное! Поднимусь на этаж и снова позвоню в дверь. А там будь что будет!

Светка помогает мне втащить чемодан в свой подъезд, и мы плетёмся наверх. На пороге её квартиры переводим дыхание, она открывает дверь, и мы вваливаемся внутрь.

Прихожую заполняет вишнёвый дым. Едкий запах врзается в ноздри, и я невольно задерживаю дыхание.

Почему здесь пахнет сигаретами? Почему в квартире моей подруги, где никто не курит, пахнет проклятой вишней с ментолом?..

Вопросы отпадают сами собой, когда я вижу брошенный у зеркала пуховик.

Красный.

С серебристой надписью "Лайк".

Я нервно сглатываю и медленно оборачиваюсь на Светку, которая тем временем запирает дверь за моей спиной. Мне кажется, щеколда лязгает так громко, что хочется закрыть уши.

— Лапина, что происходит?

Та прячет ключ в кармане куртки и растягивается в улыбке:

— Сюрпри-и-из!..

"Нет! Нет! Это невозможно! Это какое-то дурацкое совпадение!" — кричит мной внутренний голос.

Сейчас Лапина стянет с головы свою ужасную шапку, тряхнёт копной рыжих волос, кивнёт на эту красную куртку у зеркала и скажет что-то типа: "Прикинь, совпало!"

Ну, так ведь?

Я смотрю на изломанную надпись "Лайк" серебристыми буквами, и руки сами тянутся к пропахшей вишнёвым дымом хрустящей ткани. Так я хочу убедиться, что всё происходящее со мной в данный момент просто нелепая случайность.

"Это не его куртка... Это другая куртка... — уговариваю себя, сантиметр за сантиметром перебирая пальцами подобранную вещь. — У неё подкладка другая и рукава короче..."

Но я зря себя обманываю. Это та самая куртка. Из той же ткани, с теми же пятнами на манжетах и чуть надорванной петелькой. Помню, как в тот вечер в доме Полянского она сорвалась с вешалки и в прямом смысле прыгнула мне в руки.

И "вишня с ментолом" в воздухе та самая и еле уловимый "синий версаль"...

Осознав это, я швыряю куртку на пол, точно она обжигает мои руки, и с обидой и злостью одновременно смотрю на Светку.

— Ты тоже в этом замешана... — произношу горьким шёпотом, а на ресницах уже собираются слёзы-предатели. — Полчаса назад я душу тебе изливала... — голос хрипит, срывается. — Я рассказывала про мою боль, доверилась тебе, а ты... Ты, оказывается, лично знакома с этим ублюдком! И сейчас он здесь, в твоём доме!

— Ты о чём говоришь?

Светка хмурится, но я-то знаю, что она притворяется, играет. Хочет, чтобы я поверила, что она не имеет отношения к случившемуся. Ничего не выйдет!

— Я винила всех вокруг, а нужно было внимательно приглядеться к тебе, Лапина... — произношу вполголоса, жёстко, уверенно, не оставляя подруге шанса меня остановить. — Теперь я понимаю, почему голос в том сообщении показался мне таким знакомым. Это был твой голос! Это из-за тебя Карасёв держал меня взаперти! Потому что ты попросила его об этом! Что, боялась, я сбегу и сорву твои планы? — горько усмехаюсь. — Как ты тогда сказала? "Пусть она сидит у тебя и не смей её отпускать!" Признайся, Лапина, ты собиралась снова толкнуть меня в лапы этому мерзавцу? — я делаю шаг вперёд, Светка отступает назад.

— Соколова, ты меня пугаешь! — говорит она. — Что с тобой? Я реально не понимаю, о чём ты говоришь! Какое сообщение? Я не общаюсь с Карасёвым. Ты прекрасно это знаешь!

Неожиданно где-то в глубине душевой "хрущёвки" раздаётся:

— Трубку возьми! Возьми трубку, я тебе говорю! Срочно возьми трубку!

Услышав это, я застываю на месте.

Это "кричит" мой мобильник. Когда-то шутки ради мы с Лапиной записали её голос на диктофон, и я поставила эту запись на входящий звонок. А теперь он доносится из Светкиной комнаты.

— Вот же идиот! Зачем он это врубил? — выдыхает Лапина.

— О, чёрт... — выдыхаю я. — и телефон у меня тоже ты украла!

В голове не укладывается.

— Я же звонила тебе! Ты зевала мне в трубку и сонно мямлила! — перехожу на крик. — А сама в это время стояла за моей дверью! Твою же мать! Какого хрена, Лапина?

Теперь я даже не знаю, что хуже. То что моя лучшая подруга увела у меня телефон? То что мой телефон находится сейчас в руках у Полянского? Или то что Полянский сидит сейчас в комнате Лапиной, и нас с ним разделяет лишь тонкая стена из гипсокартона?

Что мне делать?

Броситься к выходу или броситься в комнату?

Укрыться от опасности или посмотреть опасности в лицо?

Пока я соображаю, Светка первая мчится к Полянскому. С воплем "Выруби сейчас же это г**но!" она проносится мимо и скрывается в своей комнате.

А я...

Я иду за ней...

Когда я вхожу в комнату, они ругаются у окна.

— Я же просила не брать мои вещи! — вскрикивает Светка и тонкими пальчиками толкает Полянского в грудь. Мой телефон лежит на её столе.

— Да ладно, чё ты! — отмахивается тот, защищаясь от её нападков.

У него на шее наушники хомутом, из них рвётся или тяжёлый рок, или металл, не знаю.

Увлечённые друг другом они не обращают на меня внимания, и я потихоньку разглядываю его.

У Полянского такое же спортивное тело и идеальный для зимы загар; татуировка-дракон на правом предплечье и модная стрижка из мужского журнала; спортивные штаны и белая футболка-поло.

Ничего не изменилось.

Он стоит ко мне спиной, и потому его бесстыжих глаз я не вижу.

Меня вдруг посещает мысль развернуться и убежать, незаметно исчезнуть, воспользовавшись заминкой. Но повинуюсь какой-то неведомой силе, я продолжаю неподвижно стоять, вцепившись в дверной косяк.

Нет, никуда я не уйду, пока не взгляну на его наглую физиономию!

Тем временем их короткая перебранка сменяется взаимными перемигиваниями, за которыми вот-вот начнутся брачные танцы.

Я не выдерживаю и выкрикиваю:

— Эй! Ничего, что я тоже здесь?!

Услышав мой голос, парочка оборачивается и в меня впиваются сразу две пары глаз. Одни густо накрашенные Светкины и другие глубокие карие...

Не Полянского...

Что за чёрт?

Я даже щурюсь, чтобы убедиться, что зрение меня не подводит.

Плечи, стрижка, родинка на правой щеке — его. Куртка в прихожей, одеколон и запах сигарет — всё его! А глаза чужие! Также карие, так же очерчены густыми ресницами... но другой формы глаза!

Я моргаю тысячу раз прежде чем до меня окончательно доходит, что это не Полянский!

Передо мной стоит другой человек!

Другой! Понимаете?

И я готова обнять его за это!

А вот он, кажется, настроен ко мне совсем не дружелюбно.

С его лица сползает игривая улыбка, блеск в глазах растворяется, а брови съезжают к переносице.

Полянский... к-хм, вернее очень похожий на него молодой человек, отстраняется от Светки и на триста шестьдесят разворачивается ко мне.

А дальше всё происходит слишком быстро.

В три шага он вырастает передо мной, больно хватает за плечи и встряхивает словно куклу.

— Вот мы и встретились, мерзкая тварь! — скалится громила, обнажая белые зубы.

Я взвизгиваю от боли в ключицах, а Светка выкрикивает:

— Эй, что происходит? Кинишев, отпусти её!

А дальше она обращается ко мне:

— Соколова, откуда ты знаешь Костика?

Я хочу сказать, что не знаю его, но не могу. Мне трудно дышать в стальных "объятиях" этого парня. Открываю рот, а оттуда ни звука, только слабый выдох.

Так вот ты какой, Кинишев Костя!

Ментовской сынок. Ларин племянник. Мальчик с фотографии в её телефоне, выросший в огромного детину и живущий теперь на Центральной вместо меня.

"Боже, до чего же ты похож на Полянского! — думаю про себя. — Неудивительно, что я приняла тебя за него!"

— Зай, сейчас же оставь в покое мою подругу! — между тем вопит Лапина. — И объясни, что происходит?

Зай повинуется Светке и отпускает меня. Вернее отталкивает с такой силой, что я ударюсь затылком о дверной косяк. А сам он медленно отступает, продолжая вдоль и поперёк полосовать меня жгучим взглядом.

— Спрашиваешь, что происходит?.. — выплёвывает он Светке, не оборачиваясь. — Эта сука убила моего друга...

— Что? — выдыхает Лапина, выглядывая из-за его плеча.

— Что? — выдыхаю я.

Светка смотрит на меня, я смотрю на парня, а тот сжимает кулаки, мечет глазами молнии и то белеет, то краснеет от напряжения. Долбанный хамелеон!

Наступает звенящая тишина. Кажется, воздух в комнате вот-вот заискрится от напряжения.

— Зай, я не понимаю? — чуть слышно произносит Светка, а сама смотрит на меня так, будто уже поверила своему громиле. — Она же моя подруга...

— Расскажешь подруге, что да как? Или я сам? — верзила обращается ко мне, но я молчу. Потому что не понимаю его.

— Поляныч был моим другом, — без лишних прилюдий начинает Костик. — Да каким, нахрен, другом... Настоящим братаном! Мы даже похожи с ним были. Татуху видишь? — тычет пальцем в дракона на плече. — Я её в память о нём набил. У него такой же был. А мушку под глазом видишь? — указывает на родинку. — Он себе такую же нарисовал. Потому что мы с ним как братья были! Куртку одну на двоих носили! Сигареты одни и те же курили! Понятно тебе? Поляныч был классный чувак. У него лишь один косяк был. Напивался в сопли.

Дальше громила оборачивается к Светке и говорит только с ней, будто меня вовсе нет.

— В тот вечер она, — псевдо-Полянский дёргает подбородком в мою сторону, — позвала его на свидание. Этот дурак взял мою машину и махнул в город. Потерялся на двое суток, а на третьи заявился ко мне бухой в хлам и рассказал всё как было. Мол, встретился с ней, — опять указывает на меня, — привёз к себе, вина выпили, то да сё, а потом крышу, говорит, сорвало. Сам не помню, говорит, как на неё набросился, и что делал? У самого теперь душа, говорит, в ключья. Не простит, говорит, она меня. Такое, говорит, не прощают! Теперь мстить будет, говорит. Если честно, я ни хрена тогда не понял. А Поляныч потом ещё три недели бухал, не просыхая. Ну и я вместе с ним. И вот как-то вечером он опять у меня машину попросил. Я, говорит, к ней поеду! Найду её, в ногах валяться буду, пока не простит. Машину-то забрал, только до города не добрался. Утром мой отец со смены пришёл и

выдаёт: "Стас-то ночью в окно вышел! Знаешь?"

Громила переводит дыхание и продолжает:

— Меня по допросам таскать начали. Мол, ты же его друг, можешь помочь следствию. Машина, говорят, у дома твоя стояла. По клубам-барам вы вместе ходили. Ни хрена, говорят, это не несчастный случай. Мы говорят, Полянского знаем, он в наших стенах частый гость. Сам бы он такого не сделал. Там, говорят, и борьба на лицо, и полно всего. Колись, говорят, Костик, бабу что ль не поделили? Короче, его смерть чуть на меня не повесили, но батя впрягся. С его помощью обставили всё, как несчастный случай. Но мне с того дня в нашей деревне житья нет. Мать, старуха Полянская, по улицам ходит и на каждом углу орёт: "Убийца! Убийца! Кинишев — убийца!" Люди от меня шарахаются, пальцами тычут. Хотя я вообще не при делах. Но знаю, кто мог желать смерти моему другу... — смотрит на меня, а у самого глаза красные. — Ты, Соколова! Тебя он тогда в родительской спальне трахнул и от тебя потом мести ждал!

Громила опускается на диван и продолжает:

— Когда весь "Жемчужный" против меня поднялся, только Стёпка, местный дурачок, мне поверил. Он сказал, что в день "несчастливого случая" видел у дома Полянских фигуру женскую. Говорит, одета была, как невеста. Вся в белом. И очки огромные на ней были. На черепаху, говорит, похожа из мультика. Я и раньше предполагал, кто мог это сделать, а после Стёпкиных слов окончательно убедился, — Костик упирает локти в колени и сцепляет руки в замок. — "Черепеховые" очки в нашей деревне бабы не носят. Тамошним модницам эта штукавина не по карману. И всё же была там одна, что вечно из толпы выделялась... И деньги у неё, и шмотки сплошь заграничные. — опять смотрит на меня исподлобья. — Не догадываешься, о ком я, Соколова?

Догадываюсь... Подходящая по описанию женщина в "черепеховых" очках уже встречалась на моём пути. Когда-то она подобрала меня у обочины и привезла в город. Но я молчу.

— Я о матери твоей говорю, о Татьяне Алексеевне! — подсказывает мне Костик. — Та постоянно в своих "черепеховых" очках по Центральному Пригороду разгуливала. А теперь, видимо, и к нам в "Жемчужный" наведальась. Точно в день смерти Поляныча! К самому его дому! Надо же, совпадение! На самом деле этого следовало ожидать. Поляныч обошёлся с тобой как мудака, и твоя мать пришла за ним. Я отцу так и сказал, но тот приказал мне молчать. А знаешь, почему? — спрашивает, будто я и вправду могу это знать. — Да потому что батя мой как последний дурак твою мамку любил! Двенадцать лет бегал за ней как мальчишка. Букеты-конфеты дарил, кольца-серьги покупал, деньгами помогал, постоянно из дерьма вытаскивал. А в этот раз готов был меня, родного сына, в дерьмо окунуть, лишь бы Танечке его ничего не было. А мне из Пригорода пришлось валить. Бросить дом, работу, знакомых кучу. А Танечка как полгода назад свалила в город, не прощаясь, так и прячется до сих пор где-то здесь среди многоэтажек. Как её найти, не подскажешь? Я бы рассказал ей, как мой отец за неё до сих пор там ж*пу рвёт. Я когда ехал сюда, думал, найду её, в клочья разорву. А сейчас думаю, нахрен мне связываться? У меня теперь квартира в Центре, работа нормальная, Светка... — Костик подмигивает Лапиной и хлопает себя ладонями по коленям. — А батя себе новую бабу найдёт! Так своей матери и передай!

На этом парень поднимается с дивана и снова подходит ко мне.

— Если бы ты Полянычу тогда не написала, ничего бы этого не случилось! — он говорит вполголоса, почти шепчет. — Он был бы сейчас жив! Понимаешь? Что ты можешь

сказать в своё оправдание, Соколова?

— Я ему не писала... — отвечаю я. — До того вечера я даже не знала его...

— Хорошо прикалываться! — хмурится Костик, слегка отстраняясь. — Не до шуток сейчас!

— А я не шучу, — спокойно отвечаю я. — Я тебе больше скажу... Свою мать я тоже не знаю. До недавнего времени я думала, что она умерла.

Костик хмурится пуще прежнего, строго глядит на меня, выгибая широкие брови.

— Ты за дурака меня держишь? — рявкает он. — Отец дважды в неделю приводил эту лживую тварь к нам домой. И она постоянно говорила о тебе. "Доченька то... Доченька это..." — кривляется и лицом, и телом. — Хвалилась, не замолкая. "Закончила школу без троек!", "Сама себе платье сшила!" Думаешь, откуда мне твоя рожа знакома? Мы с тобой вроде как не встречались раньше. Да потому что твоя мамаша постоянно светила передо мной твоими фотками. "Костик! Вы могли бы с ней подружиться!"

Я не верю ушам. Откуда у моей горе-матери сведения обо мне? И тем более фотографии!

— Однажды отец показывал ей свой старый фотоальбом, — между тем продолжает Костик. — Среди прочих случайно попался мой снимок из армии. На нём мы стоим вместе с Полянычем. Наше сходство, конечно, поразило твою мать, и она сказала отцу: "Я могу показать это фото своей дочери? Уверена, Костик ей понравится!" Батя не возражал, и одержимая идеей познакомить тебя со мной, твоя мать забрала фотографию. А через пару дней Полянычу посыпались сообщения от некой Супер Кошки. "Привет, а ты красавчик!", "Давай встречаться!" и так далее. Короче, ты выбрала не меня, а его. И я теперь наблюдал, как Поляныч, здоровый детина, расплывается в улыбке при виде новой смс-ки. С того дня я в буквальном смысле лишился друга. Он даже бухать перестал. Только и делал, что корчился от счастья над своей мобилой и цитировал мне километры вашей переписки. Я могу по памяти повторить, как ты звала его приехать.

Костик откашливается и выдаёт:

— "Стасик, надо поговорить! Приезжай завтра в Н-ск! В 19:00 я буду ждать тебя у "Корзиночки"! Целую, твоя Супер Кошка."

Супер Кошка...

Почему эти два слова так больно режут мой слух. Я могу поклясться, что уже слышала нечто подобное.

— Ну, что, Супер Кошка, я немного освежил твою память? — ехидничает Костик. — Или ты по-прежнему будешь врать, что не знала моего друга?

— Я. Его. Не. Знала! — чеканю в ответ. — И я не писала ему! И чтоб ты знал... — перевожу дыхание и достаю козырь из рукава. — Мне самой пришло приглашение встретиться у этой долбанной "Корзиночки"! Понятно?!

Моё заявление громилу обескураживает.

— Вот как? Неожиданно... — задумчиво произносит Костик.

Мне кажется, он готов сдаться и поверить мне.

— Значит по-твоему, сначала кто-то писал Полянычу любовные сообщения от твоего имени, а потом устроил вам встречу в городе? — спрашивает Костик, имитируя пальцами ковычки.

— Именно... — невозмутимо отвечаю я.

— Что за бред? Нахрена кому-то это делать?

— Не знаю...

На самом деле одно предположение у меня есть, и я осторожно его озвучиваю:

— А что, если Полянскому писала... моя мать? Разыграла весь этот спектакль с твоим фотоснимком. Притворилась, что собирается нас познакомить. А на самом деле хотела сблизиться со Стасом, чтобы сначала использовать его для своей цели, а потом навсегда избавиться от него.

— Для какой ещё цели, Соколова? Что ты несёшь?

— Испортить мне жизнь! Довести бабушку до сердечного приступа! Которая неспроста всю свою жизнь скрывала от меня, что моя мать жива! Думаешь, почему? Да потому что моя мать — страшный человек! И не смотри на меня, будто всё ещё мне не веришь! Говоришь, она хвасталась моими успехами? Ага, конечно! Да она бросила меня младенцем, и ей было наплевать, что со мной будет! Ты сам сказал, что моя мать продинамила твоего отца! Тебе ни о чём это не говорит? Она — безжалостная, лживая, лицемерная сука! Она убила твоего друга! Забыл? Какие ещё тебе нужны доказательства?

— Уууф... — шумно выдыхает, Костик. — Ну, хорошо... Допустим, я поверю, что так всё и было. Твоя мать, лживая сука, написала Полянчу от твоего имени, а потом устроила вам "романтическое" свидание. Она испортила тебе жизнь и всё такое... И вообще ты никогда её не знала. В таком случае где она взяла твой номер телефона, чтобы отправить тебе сообщение? — хитро прищуривается Костик. Кажется, он всё ещё пытается поймать меня на лжи. — И ещё. Если она бросила тебя младенцем, откуда в её мобильнике взялись твои взрослые фотографии? Откуда ей всё о тебе известно? Случайное совпадение?

— Я не знаю... — честно признаюсь я. — Для меня самой это загадка...

— Я знаю, — подаёт голос Светка...

За время нашего разговора с Костиком Светка совсем притихла и даже побледнела.

— Это я виновата... — говорит она и берёт со стола свой ноутбук, — я не знала... — поднимает крышку, разворачивает экраном ко мне, — я правда не знала... — её голос дрожит, кажется, она едва сдерживает слёзы, — я даже подумать не могла... — открывает страницу какой-то социальной сети, а точнее переписку некой Лиски с некой СуперКошкой1234.

И тогда я, наконец, вспоминаю, откуда я знаю эту "Супер Кошку"!

"Дашка, не ревнуй! Это всего лишь девочка из интернета. Я даже имени её не знаю. Какая-то СуперКошка1234..."

Однажды Светка при мне переписывалась с ней и просила меня не ревновать. А я всё равно ревновала.

Сейчас я не вчитываюсь, о чём говорили эти две особы. Но в глаза сразу бросаются цифры.

Лиска написала СуперКошке1234мой номер телефона.

Я поворачиваюсь к Светке. Я молчу, но мой взгляд красноречивее любых слов:

"Лапина, мне нужны объяснения!"

И Светка объясняет:

— Она написала мне как-то вечером. На одном девчачьем форуме. "Привет! Как дела?" и всё такое. Мы стали болтать о том, о сём. Мне показалось, она была чем-то расстроена. Спросила, есть ли у меня подруги? Я, конечно, сразу рассказала о тебе. Слово за слово, случайно ляпнула, что у нас с тобой номера телефонов похожи. Ну, они ведь правда похожи... Так она узнала твой номер. Клянусь, я не думала, что она станет тебе писать! — Светка волнуется, дёргает головой, её кудряшки подпрыгивают на каждом слове. — Я думала, что болтаю с обычной девочкой, со своей ровесницей! Я не предполагала, что за ником "СуперКошка1234" скрывается взрослая женщина! И уж тем более откуда мне было знать, что эта Супер Кошка — твоя внезапно ожившая мать?

Светка замолкает. Вместе с её громкой речью стихают и её прыгающие рыжие завитушки. Рассыпаются по плечам, где им и положено быть, и замирают. И мне вдруг становится жаль подругу. Она всё делает не со зла. Она просто не думает. Она — заложница собственной глупости.

— Хорошо... Ладно... — стараюсь дышать ровно и унять взбесившийся пульс. — А всё остальное обо мне ты тоже "ляпнула" случайно? Например, на какие оценки я учусь? В какой институт собираюсь? Какое платье себе сшила? Что я встречаюсь с парнем по имени Кирилл? — мои щёки опять вспыхивают от негодования. — Ты, дура безмозглая, вывалила всю мою жизнь незнакомому человеку из интернета! Ты это понимаешь? А мои фотографии ты отправила ей тоже случайно?

Светка задумывается:

— Погоди... Мы переписывались, болтали... Но твоих фотографий я ей точно не отправляла. Скорее наоборот. Это она как-то прислала мне несколько штук. Сейчас покажу...

Она принимается листать переписку. В бугущем по экрану тексте я выхватываю отдельные слова. "Это платье..." "Любила..." "Кирилл..." "Мать..." Мелькают номера

телефонов, которые я не успеваю запомнить.

— Вот! Нашла! Их всего три! — Светка разворачивает первую картинку на весь экран.

На ней женская рука демонстрирует золотое колечко на безымянном пальчике. Ничем не примечательная рука.

— Покажи остальные... — прошу я.

На втором снимке та же рука показывает в камеру комнатную Бегонию.

На третьем — книга.

— О, боже... — беспомощно выдыхаю я, снова и снова пролистывая эти три кадра.

Костик моментально реагирует и вместе со мной склоняется над экраном ноутбука.

— Да ладно! Чтоб меня! — восклицает он.

Парень удивлён не меньше моего. Но глядя на одни и те же фотографии, мы удивляемся разным вещам.

— Я знаю это кольцо! — ликует Костик. — Год назад мой отец подарил его твоей матери! Я сам помогал ему выбирать! Видишь гравировку по краю?

Действительно, если приглядеться, на колечке можно заметить крошечную надпись:

"Т В"

— Вот чёрт! В голове не укладывается! Твоя мамка переписывалась со Светкой! Блин, походу и Полянычу реально она писала! Это, блин, её рука! Её, блин, кольцо! Видишь?! — Костик обхватывает голову руками. Он так возбуждён, будто только что раскрыл какое-то страшное преступление.

Я рада, что он, наконец, мне поверил. Но я смотрю не на кольцо. Если честно, я только сейчас обратила на него внимание.

Я смотрю на цветок, на книгу и на фрагмент обоев, попавший в кадр.

Потому что это бабушкина Бегония!

Потому что это моя книга!

Потому что эти обои когда-то висели в моей комнате!

Почему я так уверена в этом?

Потому что только моя бабушка так художественно обрезала комнатные цветы!

Потому что только у моей книги так аккуратно, сердечком, оборван уголок!

И только на моих обоях одно облачко отличается от других! Я сама в детстве "приделала" ему ноги и голову, чтобы оно стало похожим на барашка. И я помню, как получила нагоняй от бабушки за свои художества.

Эти кадры были сделаны в нашей прежней квартире на Садовой!

Я тут же бросаюсь к окну.

На город не спеша опускаются сумерки, и в доме напротив включаются первые лампочки.

Из окна моей бывшей комнаты струится мягкий оранжевый свет. На подоконнике стоят цветы (та самая Бегония), и больше ничего не разглядеть, мешают слишком плотные шторы. Бабушке такие не нравились. Она любила много солнца и воздуха. "А эти густые тряпки на окнах, — говорила она, — нужны недобрым людям, чтобы прятать всякие непотребства от посторонних глаз..."

И как раз в тот момент, когда я думаю об этом, "густые тряпки" распахиваются, и в окне появляется чёрный силуэт.

Это мужчина.

Глаза могут меня подвести, но сердце — никогда.

Я слишком хорошо знаю эти плечи и руки, сложенные на груди.
Это Толик...

Я смотрю на оранжевый прямоугольник, обрамлённый голубыми сумерками, и не верю глазам.

А точно ли это Карасёв?

Точно... Нравится мне это или нет.

Стоит неподвижно и смотрит прямо на меня.

— Что. Он. Там. Делает? — думаю вслух, собираясь сейчас же ему позвонить.

На Светкином столе — мой телефон. Мой старый, добрый, потерянный друг. Мой "кирпичик".

Осторожно беру его в руки, аккуратно веду пальцем по овальным резиновым кнопкам, ласкаю пластиковый экран и на мгновение отключаюсь от реальности.

"Ты здесь, малыш! Ты вернулся ко мне!" — говорю ему мысленно, с любовью. И только спустя несколько трогательных, почти интимных, секунд я, наконец, открываю свою телефонную книгу.

Светка, наблюдая за мной, принимается оправдываться:

— Я не со зла его взяла. Ты прости меня, ладно? Я не хотела тебя обидеть! Я просто хотела избавить тебя от этого "допотопного булыжника"! Хотела, чтобы у тебя был нормальный смартфон, который людям показать не стыдно...

На всякий случай подруга уточняет, что вытащила у меня телефон ещё в автобусе, когда мы с занятий ехали.

— Я хотела, чтобы ты на того жирного мужика подумала, который за тобой стоял, — говорит Лапина. — А к тебе домой я не приходила! Клянусь! Я понятия не имею, кто там у тебя по ночам ходит!

Мне хочется ей сказать, что один такой персонаж сейчас находится в этой комнате. Высокий и кареглазый. Который подкинул к моим дверям плюшевого медведя, а вместе с ним хлопот целую тележку.

Ведь благодаря Костику, а точнее его появлению на Центральной, мне теперь негде жить.

Светка лопнет от ревности, если узнает, что мы с её парнем жили в одной квартире.

Поэтому я молчу.

— Значит, это был кто-то другой, — небрежно бросаю в ответ, чтобы отвязаться.

А самой вспоминается тень, мелькнувшая в пороге той ночью, и упавшая на пол сумка. Ну не сама же она с крючка спрыгнула в самом деле! У меня тогда не только телефон исчез, но и документы, между прочим!

Ничего! Сейчас Толик мне всё объяснит!

А тот будто слышит, о чём я тут думаю, и готовится получить от меня входящий звонок. Опускает руки, роется ими в карманах, и вскоре одну из них (ту, в которой зажат мобильник) подносит к уху.

Но пока я ищу в своём справочнике его номер, Светкин мобильник уже разрывает входящий вызов.

"Трубочку возьми, красотка! Скорее узнай, кто тебе звони-и-и-ит!" — разносится по комнате её собственное жуткое пение.

Светка сначала ищет свою сумку, потом в сумке ищет свой телефон, потом в телефоне

ищет нужную кнопку, чтобы принять вызов. А рингтон тем временем повторяется несколько раз. Трижды. Или четырежды.

— Алло? — отвечает она, наконец.

— Рыжая! Соколову позови! — раздаётся ответ, который слышит не только Лапина, но и все мы, находящиеся в комнате. Светка морщится и немного отстраняет трубку от уха.

— Сейчас, — быстро отвечает она, протягивает мне свой телефон и шёпотом добавляет. — Это Толик.

На самом деле могла бы не уточнять.

Я принимаю трубку и подношу к уху. Но прежде успеваю прочесть на экране номер, который заканчивается на 1221.

Я уже видела эти цифры.

Толик звонит сейчас с того же самого номера, с которого сам когда-то получил голосовое сообщение.

Теперь-то я наверняка знаю, кому принадлежит этот голос.

"Анатолий! Что у тебя с телефоном? Никак не могу тебе дозвониться!.. Пусть она сидит у тебя и не смей её отпускать..." и так далее и тому подобное. Наизусть помню.

А ещё помню карту и снимки на стене в его комнате и входную дверь, запертую на одиннадцать дней, и полоумную женщину с её жирными тараканами, и женщину в чёрном, наблюдавшую за мной с улицы. Теперь догадываюсь, кто она такая и зачем приходила.

Получается, сейчас они с этой мадам — не могу назвать её ни матерью, ни по имени — сидят в моём бывшем доме и...

И что?!

Ждут, когда я к ним присоединюсь?!

— Я тебя слушаю, Карась! — преднамеренно грубо говорю в трубку. — Может, объяснишь мне, наконец, что за х*рня творится с недавних пор в моей жизни?

Тот не медлит с ответом:

— Приходи... Объясню... Дорогу ты знаешь...

Восемь. Девять. Десять.

Позади последняя ступень, и я опять стою у двери. Смотрю на неё, одноглазую, и не дышу. И только сердце за рёбрами бухает так громко, что рука невольно тянется к груди.

"Тише, глупое, тише! Скоро ты всё узнаешь!"

Осталось только нажать на эту круглую кнопку, и тишину разорвёт электрическая трель. Дверь распахнётся, и на пороге возникнет она, сошедшая с рисунка, длинноволосая и печальная.

Скажет мне:

"Здравствуй, Даша! Вот мы и встретились..."

Может быть, скажет, что соскучилась, попросит прощения и пообещает быть хорошей матерью...

А может быть, не скажет ничего.

"Будь что будет!" — думаю про себя и, наконец, нажимаю на кнопку.

Но электрической трели не случается. По ту сторону запертой двери не стучат каблочки. Не слышен аромат духов. В подъезде по-прежнему душно и сыро, пахнет газом и табаком, а за тёмно-синими окнами дышит морозом и подаёт слабые признаки жизни седая улица.

— Ну, блин... — вырывается из меня, пока я тереблю заляпанную извёсткой круглую лепёшку.

И мне хочется тут же вынуть из кармана ключ с белкой, но я же помню, что теперь это всего лишь бесполезная железяка.

Тогда я в отчаянии толкаю дверь обеими ладонями и... проваливаюсь в прихожую.

Спустя несколько секунд, когда мои глаза привыкают к темноте, я понимаю, что оказалась не в пыльном мраке узкого коридора, а угодила напрямик в прошлое. На двенадцать лет назад.

Узнаю прикрытую шторкой обувницу, а на ней бабушкины резиновые сапоги. На стене зеркало с наклейкой из популярной в своё время жевательной конфеты, а на полу малиновую дорожку с вышарканной серединой. Помню, бабушка каждый день мела её веником, который, кстати, тоже здесь, в углу.

Я осторожно щёлкаю выключатель, и прихожая озаряется тёплым оранжевым светом. Ничего не изменилось. Та же краска на стенах и та же побелка, а под потолком чернеют причудливые узоры.

Разуваюсь у двери, сбрасываю пуховик и шапку и начинаю исследовать другие комнаты.

В ванной как и двенадцать лет назад белая плитка. Над треснутой раковиной — зеркало, усыпанное отпечатками, а под ним чуть покосившаяся полочка. Под ней вечно капающий кран, а над унитазом бочок с ручкой на цепочке. Таких в наши дни, наверно, уже не делают.

Ни-че-го не изменилось...

Даже полотенца те самые. Розовое — когда-то моё, и жёлтое — бабушкино.

Пока рассматриваю их, бедром упираюсь в стиральную машину. Вот её я вижу впервые. Прежде здесь стояла та ещё машина времени. А эта подмигивает мне блестящим иллюминатором и будто посмеивается:

"Что? Не ожидала?"

Действительно, не ожидала...

Покинув ванную комнату, отправляюсь на кухню. Там зажигаю трёхламповую люстру и внимательно наблюдаю, как сначала загораются только две лампочки, и только потом третья. Как всегда с опозданием.

На кухне тоже всё по-старому. Прежний гарнитур, плита и холодильник. Деревянный стол, а рядом с ним два табурета. Белёный потолок и пол, выкрашенный оранжевым. Только шторы другие. Впрочем их я уже видела.

"Густые тряпки", как сказала бы бабушка.

В проходной комнате та же картина. Диван и два кресла, сервант и телевизор, комод и... детская кроватка в углу.

Вот как...

Это не та деревянная кровать с лакированным изголовьем, на которой спала я, пятилетняя. Это самая настоящая кроватка-качалка. С ортопедическим матрасом и продольным маятником. Стоит совсем новая и ждёт своего первого карапуза.

Любопытно...

Я веду глазами по комнате и только теперь подмечаю, что и других перемен в ней достаточно.

На диване другой плед. И кресла стоят иначе. Раньше их разделял журнальный столик, а теперь его нет. А вершины треугольников на паласе указывают на окно, а не на дверь.

На подоконнике — цветы, которые за двенадцать лет должны были превратиться в пыль. Но они стоят себе за тюлевой занавеской, вкусно пахнут и машут мне сочными зелёными ладошками.

И только сейчас я замечаю, что стены комнаты усыпаны моими фотографиями. Нет, они и прежде висели здесь повсюду. Первый зуб, первый шаг, первая самостоятельная ложка каши...

Но сейчас это совсем другие снимки. Они сделаны недавно. Прихвачены кое-как скотчем. На них я уже взрослая и на каждом... обнимаю Кирилла

Что?..

Осторожно снимаю со стены одну фотографию. Это, действительно, я... И рядом со мной Кирилл. Мы сделали этот кадр в парке. Я в жёлтом платье, Кирилл в белой футболке и джинсах. Счастливые, влюблённые, едим мороженое и ещё не знаем, какие испытания приготовила нам судьба..

И другие снимки мне знакомы. Зоопарк, коток, новогодняя ярмарка у метро...

Помню, как вооружившись ноутбуком, Кирилл листал похожие друг на друга кадры, и мы вместе отбирали лучшие из них. Потом он собирался их распечатать и отдать мне, но не успел. Потому что с нами случилось... То, что случилось.

Почему сейчас эти кадры здесь? В этой квартире? Ну, не Кирилл же развесил их по стенам в самом деле! Так по-тупому приколоться мог только Карасёв.

Дурацкие шутки — это, скорее, его фишка. Как, например, сжечь сигаретой чужой звонок. Или запереть все входы и выходы и испариться. Или, наоборот, оставить входную дверь нараспашку и бесследно исчезнуть...

Кажется, именно он позвал меня сюда, чтобы всё мне объяснить. Но вот уже минут десять я брожу в одиночестве по совершенно пустой квартире.

Осталась только одна комната, в которую я до сих пор не заглянула. Это бабушкина спальня. Не удивлюсь, что именно там я найду Карасёва, пьяного или обкуренного вхлам. И

выяснится, что всё... вообще всё, что произошло со мной — это один большой дурацкий розыгрыш! И что все они — и Светка, и Костик, и Лара, и Кирилл, и даже покойная Антонина Петровна вместе с бабой Варей, — участники одного идиотского заговора.

Ход моих мыслей прерывают осторожные шаги за спиной и спустя мгновение мужские руки заключают в кольцо мою талию...

— Господи, как же я соскучился, — дыхание в волосах и знакомый парфюм.

Я сейчас же хватаю его за запястья, вырываюсь из плена горячих рук и резко оборачиваюсь. Я собираюсь накричать на него, потребовать объяснений и даже стукнуть как следует, если потребуется. Но...

Но когда вижу эти глаза, моё тело опять меня подводит. Дыхание перехватывает, щёки вспыхивают, сердце убегает в пятки, а ладони... Ну, вы поняли.

И он чувствует это и пользуется этим. Делает всего один шаг вперёд, чтобы я в ответ сделала два назад и сама себя загнала в угол. А потом его горячие ладони приятно обжигают моё лицо.

— Больше я тебя не отпущу... — шепчет он и впивается в мои губы жадным поцелуем.

А я... А что я?

Я уже забыла, что собиралась ему сказать.

И сквозняк одну за другой срывает со стены мои фотографии с Кириллом...

Нас прерывает требовательный женский голос. Он доносится с площадки, проникает в квартиру, трётся о стены, и теперь звучит совсем рядом:

— Анатолий! Ну, что за срочность? — ворчит в прихожей, сбрасывает обувь. — Ты затопил соседей? У тебя пожар? Тебя ограбили? Что...

Мы с Толиком отрываемся друг от друга и оборачиваемся на голос.

— Что здесь происхо-о-одит? — спрашивает она, явно не ожидая увидеть здесь меня.

Мы с ней смотрим друг на друга, и я вдруг понимаю, что если бы Карасёв не придерживал меня сейчас, я бы уже сползла по стене на пол. Потому что мои ноги внезапно отказываются меня держать.

— Что всё это значит? Я не понимаю... — хрипло, кое-как выдавливаю из себя, потому что воздуха в лёгких как-то в раз не стало. Глаза мечутся между кривой ухмылкой Карасёва и женской фигурой в дверном проёме. Которая, кстати, пребывает сейчас в таком же шоке, как и я. Наша встреча явно не была запланирована.

А Толик ведёт себя так, будто ничего страшного не происходит.

— Я бы тебе объяснил... — говорит он с улыбкой. — Но пусть это сделает она!..

— Анатолий! Мы так не договаривались! Ты на фига её привёл? — возмущённо вскрикивает она. — Ты что, забыл про наш уговор?

— Да мне плевать на твой уговор! — нахально отвечает Карасёв. — Всё, дамочка, игры кончились! Я больше не хочу никого обманывать! — он кивает головой в мою сторону, а в неё тычет указательным пальцем. — Сейчас ты всё ей расскажешь! Сама! А я пойду пока, покурю...

— Но... — пытаюсь возразить я.

— Эй... — одновременно со мной говорит она.

Мы обе не хотим, чтобы он уходил.

— Всё будет хорошо! Не волнуйся... — Толик мягко сжимает мои плечи и чмокает в лоб как ребёнка. — Я скоро...

А потом он оставляет меня стоять у стены, проносится мимо "дамочки", срывает с крючка в прихожей свою куртку и, хлопнув дверью, испаряется. А мы глядим ему вслед.

— Вот же засранец!! — выкрикивает она со злостью, когда его топот на ступеньках постепенно стихает. — Так я и знала!

Затем она оборачивается ко мне. А я так и стою, прижавшись к стене, и сканирую глазами каждое её движение.

— Ну, что ж... Здравствуй, что ли... — вздыхает она, протягивая мне руку. Её лицо немного смягчается. — Вот мы с тобой и встретились.

Но я не двигаюсь с места. Не потому что нас разделяет приличное расстояние, и мне всё равно не дотянуться. А потому что я опираюсь о стену спиной и обеими ладонями. И пока это единственный для меня способ стоять вертикально.

А ещё я молчу. И не моргаю.

— Господи! Да ты вся белая как эта извёстка на стене! — восклицает она с усмешкой. — Я что, такая страшная? Или ты в шоке от того, какой можешь стать в ближайшем будущем?..

Она устраивается в кресле напротив меня. Откидывает назад каштановые пряди волос, поправляет махровый халат, смахивает невидимые пылинки с голых колен, и сложив руки на груди, продолжает со мной говорить:

— Да расслабься ты уже! Всё нормально! Сядь... — мягко хлопает по подлокотнику второго, свободного, кресла. — Поговорим... Познакомимся, наконец... Я Маша. Но мне больше нравится, когда меня называют Мари. Обычно я так и представляюсь.

Добрая порция адреналина прошибает моё тело с головы до ног.

"Мари?!.. Та самая Мари?! Помнишь, ты видела это имя у Толика в телефоне? — вопит мой внутренний голос. — Это она позвонила ему тем утром! Это к ней он тогда сбежал! Помнишь?! Ну, помнишь?!"

Конечно, помню...

Внутри меня всё клокочет, но я не произношу ни звука. Смотрю на её волосы, глаза, губы... И не знаю, что бьёт сильнее.

То, что она и есть та самая Мари?

То, что мы похожи с ней как две капли воды?

Или то, что она...беременна?

Да, вы не ослышались. Передо мной сидит девушка моего возраста. В домашнем халате и носках смешной расцветки. У неё огромный беременный живот и... моя внешность.

Я не понимаю, что происходит...

— Ты кто такая? — произношу я, наконец.

— А сама-то как думаешь? — спрашивает она, хитро прищурившись. — Посмотри, какие мы с тобой одинаковые!

И первое, что приходит мне на ум:

"Это просто случайное совпадение..."

Люди бывают друг на друга похожи. Такое случается. Я читала. Взять хотя бы Полянского и Костика. Ведь их не отличишь, пока не присмотришься! Или, например, артисты театра и кино? Сколько у них двойников! Я знаю с десятков таких примеров. А ещё...

Но пока я размышляю, Мари озвучивает правду, которую сама я признать не осмеливаюсь. И потому придумываю происходящему нелепые объяснения.

— Я твоя сестра-близнец, дура! — рубит Маша. — До тебя ещё не дошло? Меня зовут Соколова Мария Андреевна! Приятно познакомиться! — и она опять протягивает мне руку, ожидая что я пожму её.

Но, не отлипая от стены, я бормочу в ответ не своим голосом:

— Но это невозможно! У меня нет никакой сестры. И никогда не было. Я одна у бабушки...

Мари только фыркает с ухмылкой:

— Вот и я думала, что одна у мамы... Поэтому я вполне понимаю твои чувства. Это сложно осознать вот так, с бухты-барухты. Я сама охренела, когда узнала. Но ничего. Сейчас я кое-что тебе покажу, это поможет тебе во всём разобраться...

Она не спеша поднимается с кресла и следует к серванту. Достает из верхнего ящика помятый лист бумаги и протягивает мне:

— Прочти это...

— Это что? — спрашиваю я, осторожно принимая листок.

— Письмо от моей матери... Ой, прости, отнашей матери. Оно адресовано мне, но и про тебя в нём кое-что есть, — отвечает Маша. — Прочти его прямо сейчас, и ты узнаешь много чего интересного...

Маша исчезает на кухне. Включает там чайник, гремит чашками, хлопает дверцами холодильника. А я усаживаюсь в кресло, разворачиваю на коленях сложенный вдвое лист бумаги и целиком отдаюсь чтению.

"Здравствуй, Доченька!.."

Уже с первых слов моё сердце принимается скакать по грудной клетке, как безумное.

"Ты прости, что вот так, в письме..."

Буковки аккуратные, чуть вытянутые. Только строчки кое-где размыты. Наверно, это слёзы. Я представляю маму, сидящей за столом в оранжевом круге света. Она горько плачет, выплёскивая на бумагу свои переживания...

"Девочка моя, как же я виновата перед тобой... Умоляю, прочти до конца и попытайся понять... На прощение не рассчитываю..."

"Мысли путаются... Так много я должна тебе рассказать!.."

"Начну с самого начала..."

"Маша, я была безумно влюблена в твоего отца. И будь у меня машина времени, я бы непременно вернулась в ту волшебную зиму, когда была счастлива рядом с ним... Когда ещё не знала, какой он на самом деле подонок..."

"Его звали Андрей. Он был красивый и сильный, играл на гитаре и называл меня своей единственной... Он был старше меня на два года. А мне было семнадцать..."

"Он обещал сделать меня счастливой... А в итоге сделал беременной и позорно сбежал... Мои одноклассницы выбирали себе платья и туфли для выпускного, я мучилась от токсокоза и рыдала в подушку..."

"Моя мать (твоя бабушка) настаивала на аборте. Мол, сначала выучиться надо..."

Врачи морщили свои учёные лбы: "Молодая, худосочная. Не выносишь!"

Но их всех победили две крошечные запятые на снимке УЗИ..."

"Да, доченька! Я больше не могу об этом молчать! Ты была не единственным моим ребёнком. Вас всегда было двое. Даша и Маша, мои девочки-близняшки..."

"Несмотря на прогнозы врачей, моя беременность протекала отлично и точно в срок на свет появились вы, мои красавицы..."

Пропускаю размытые строчки.

"Для меня начались суровые материнские будни... Бессонные ночи, детские болячки, грязные пелёнки... Вы орали днём и ночью, по очереди и одновременно. Не скрою, мне было трудно, но я справлялась... Пока я кормила грудью тебя, твоя бабушка гуляла с твоей сестрой... Пока я занималась твоей сестрой, бабушка развлекала тебя..."

"Так мы прожили первые полгода. Я привыкла к своей новой жизни и к своей новой роли. Но в один прекрасный день на пороге нашего дома нарисовался ваш блудный отец. Упал на колени, умолял о прощении. Наврал с три короба, и я поверила. Он уговаривал меня всё бросить и уехать за ним в Пригород. Я ответила, что без моих девочек никуда не поеду. Мы долго спорили и в итоге решили взять только одну из вас..."

"Двоих мы не потянем! — сказал Андрей. — Забери пока одну, а другую оставь с бабкой! Мы вернёмся за ней позже, когда устроимся в Пригороде!"

"Я, глупая, решила, что это отличная идея, и согласилась... Мне было восемнадцать... Если, конечно, это оправдание..."

"На тот момент Дашка уже не нуждалась в моей титке, она пила молочную смесь из бутылочки. А тебя, Машенька, я продолжала кормить грудью. Я посчитала, что в дороге с тобой мне будет проще. И потому именно тебя я взяла с собой в Пригород..."

"Я знала, что ваша бабушка ни за что не согласится на эту авантюру. Поэтому я отправила её погулять с Дашей, а сама быстро собрала вещи и сбежала..."

"Андрей ждал меня за домом, мы погрузились в его машину и отправились на поиски лучшей жизни. Я ни секунды не жалела о своём решении. Я была уверена, что очень скоро вернусь за твоей сестрой. Что мы с Андреем поженимся. Что из нас четверых выйдет полноценная семья..."

"Тогда я ещё не знала, что этому не бывать..."

"В Пригороде поселились в доме одинокой старухи. Баба Нюра сдавала нам половину своего дома-развалюхи..."

"Андрей целыми днями работал, а на меня обрушились хлопоты по хозяйству... Печное отопление, баня, туалет на улице... Я, городская девчонка, в полной мере вкусила все "прелести" деревенской жизни..."

В некоторых местах текст вовсе не читается, но общий смысл понять не сложно.

"Едва справляясь в новых условиях с одним ребёнком, о возвращении за вторым я теперь даже не думала. Кроме того, нам с трудом хватало денег на троих. Прокормить четвёртого мы были не в состоянии..."

"Андрей клялся мне, что это временные трудности. Просил потерпеть немного. И ещё немного... И ещё... И я, дурочка, верила ему и терпела. А Дашка тем временем жила с бабушкой в Н-ске..."

"Я старалась не думать о том, как они там без меня... Представляла себе реакцию матери, когда вернувшись с прогулки, она обнаружила пустую кровать и отсутствие половины детских вещей. Понимала, что даже прощальной записки ей не оставила... И тут же гнала прочь эти мысли. Снова твердила себе, что это временно. Что скоро наша жизнь в Пригороде наладится, мы разбогатеем, переедем в Центр и сразу же заберём Дашку к себе... А пока некуда было забирать. Не было у нас ничего. Ни жилья, ни денег..."

"Если ты, Машенька, скажешь, что я могла всё бросить и вернуться в Н-ск, то будешь абсолютно права. Да, могла. Но не хотела. Я каждой клеточкой прикипела к Андрею и уже не представляла своей жизни без него..."

"Я прошла с ним через огонь и воду. Пережила годы полной разрухи и безденежья. Ты, доченька, была совсем маленькая и, к счастью, не помнишь того времени. А я помню, как тяжело нам было. Но даже в минуты отчаяния я всё равно поддерживала твоего отца. Целовала, утешала, терпела разлуку с Дашей... И всё ради него... И, знаешь, как он мне отплатил? В очередной раз меня предал..."

"Маша, ты помнишь, я рассказывала тебе о страшной аварии на молокозаводе, которая унесла жизнь твоего отца? Тебе тогда исполнилось восемь. Помнишь? Так вот не было никакой аварии..."

"На самом деле вот что случилось. Едва мы выбрались из грязи и переехали в Центральный Пригород на нашу новую съёмную квартиру, я застала Андрея в объятиях какой-то девки. Мне жить расхотелось, когда я увидела, как он лапает её за сиськи в нашей постели..."

Опять слёзы на странице.

"А он даже оправдываться не стал. В тот же вечер собрал чемоданы и ушёл к этой

"кукле" размалёванной. Ты понимаешь? Забил на всё и без капли сожаления, бл**ь, свалил..."

"И только после этого до меня, наконец, дошло, что не из-за любви он когда-то увёз меня из Н-ска. А потому что в Пригороде ему нужна была обычная домработница. Глупая дурочка, которая будет заглядывать ему в рот, молчать, терпеть и настирывать его потные рубашки. Девочка, которую в любой момент можно поменять на более выигрышный вариант..."

"Вот он и поменял меня на эту лохматую блондинку без трусов..."

"Не зная, как жить дальше, я решила написать матери... Впервые за долгие семь лет..."

"Теперь я жалею, что не сделала этого раньше. Будь я тогда умнее, всё сейчас было бы иначе. Но будучи слишком юной я не сумела принять правильного решения. Я испугалась сурового взгляда твоей бабушки. Тогда мне было проще спрятаться от неё, чем оправдываться, почему я сбежала и почему бросила ребёнка..."

"В своём первом письме я написала только три слова:

"ХОЧУ ВИДЕТЬ ДАШКУ"

"Не получив ответа, я позвонила матери на домашний телефон, но та не взяла трубку..."

"Несколько месяцев я пыталась достучаться до неё. Писала, звонила, снова писала... Но она так и не вышла на связь. И тогда я собралась и сама поехала в город... Да, Машенька, я ездила в Н-ск не за покупками и не по работе... Я хотела увидеть твою сестру и бабушку..."

"Но на Садовой, меня ждала пустая квартира и записка на столе: НЕ ИЩИ НАС.. ДАШКЕ ТЫ НЕ НУЖНА..."

"Квартира казалась жилой и вполне ухоженной. В ней были вещи, детские игрушки и даже кое-какие продукты в холодильнике. И я решила немного подождать..."

"Я провела на Садовой три дня и две ночи, но твоя бабушка так и не вернулась. Я поняла, что она поступила со мной так же, как я когда-то поступила с ней... Бесследно исчезла, не объясняясь..."

"Я пошла по соседям. Кто-то не открыл мне дверь. Кто-то не узнал меня, повзрослевшую, коротко стриженную. А те, с кем мне удалось поговорить, твердили одно и то же. Мол, последний раз видели мою мать на автобусной остановке..."

"Стояла с девочкой..."

"Сумка при них была огромная..."

"В один момент собрались и уехали, ничего не объясняя..."

"Вроде как в Центр. Там школа хорошая..."

"Я поехала в Центр... Но искать человека в городе-миллионнике — всё равно, что иголку..."

"Спустя неделю пустых скитаний по Н-ску я ни с чем вернулась домой в Пригород..."

"Теперь меня утешала только одна мысль... Если моя мать не сменила замки, если оставила в холодильнике продукты, значит, она всё-таки появляется на Садовой..."

"И я принялась отправлять на их адрес письма и посылки..."

"В то время я уже познакомилась с Володей. Он красиво ухаживал и помогал деньгами. Я всё до копейки отсылала матери..."

"В каждом письме я молила их обоих о прощении. Я обращалась к Даше, будто не оставляла её вовсе. Спрашивала об успехах в школе, о подружках, об отношениях с мальчиками..."

"Они так и не ответили мне..."

"Потом я ещё несколько раз ездила в город. Дежурила у ворот Центральной школы, бродила под окнами Садовой..."

"Ни-че-го..."

"Маша, они вычеркнули меня из своей жизни, понимаешь?!"

"Я знаю, что заслужила это... Я пыталась с этим смириться... Честно, пыталась... Но не получается у меня... Я больше не могу делать вид, что ничего не происходит... Не могу держать в себе эту боль... Не могу... Прости... Ты у меня умница, ты справишься..."

"В Н-ске у меня осталась подруга... Ты поезжай к ней... Она тебя не бросит..."

"Люблю тебя..."

И пятна крови вместо подписи...

Мне требуется несколько минут, чтобы прийти в себя и осмыслить прочитанное.

Мама пишет так, словно прощается.

Я осторожно провожу пальцем по багровым пятнам на бумаге. Это кровь?

— Это вино. Любимый мамкин напиток... — подсказывает Маша. Она появляется так неожиданно, что я вздрагиваю и выпускаю письмо из рук. Оно с мягким шелестом падает на пол.

Маша стоит в дверном проёме, вытирая руки о пёстрое полотенце. Из-за живота необъятных размеров она кажется слишком огромной для этой маленькой квартиры.

— Что с ней случилось? — осторожно спрашиваю я.

— Прошлым летом в окно выпала... — невозмутимо отвечает Маша, будто мы с ней говорим о погоде. — Что ты на меня тарачишься? Это был вполне ожидаемо! Последнее время мамка часто сидела на подоконнике пьяная в стельку! Рано или поздно она должна была вывалиться!

Маша медленно опускается в соседнее кресло.

— Никогда не забуду тот вечер... — произносит она на выдохе. — Я иду с работы. Смотрю, возле нашего дома толкуются люди. Сердцем чувю: "Что-то случилось..." Потом на асфальте вижу её. Лежит, хрипит, кровь изо рта... Это было ужасно, — Маша встряхивает головой. — У неё в горле так булькало... До сих пор мурашки, как вспомню. Я кричу, бегу к ней. А она этот листок в кулаке держит... — Маша кивает на письмо у моих ног и прерывисто вздыхает, — короче, этот листок у неё и ключи... от этой квартиры, — Маша обводит взглядом комнату. — Мамка пыталась что-то сказать мне перед смертью, но не смогла. Так и умерла на моих руках...

Она замолкает, а через минуту чуть слышно произносит:

— Очевидцы говорят, красиво летела... Прямо как птица... А я благодарю судьбу, что не видела...

А я видела. В своих кошмарах. Видела её раскинутые руки и развевающееся на ветру платье... Сейчас эти сны меня отпустили, но, боюсь, теперь они снова вернуться. Я опять увижу мамину смерть и человека, убившего её.

Последняя мысль заставляет меня встрепенуться. Я резко оборачиваюсь на Машу:

— А что, если мама выпала из окна не случайно?

— Что ты имеешь в виду?

— Что, если её толкнули...

Я пересказываю Маше свой кошмарный сон, заострив внимание на чёрном силуэте в окне.

— Там точно кто-то был. Я видела, — говорю я. — А перед тем как умереть, она мне сказала: "Зачем ты убила меня?"

Маша дёргает плечами:

— И что с того? Это же просто сон.

— Который снится мне много лет! — я повышаю голос. — Что, если этот сон хочет показать мне правду?!

— Какую правду? Будто кто-то скинул её нарочно? — Маша раздражённо вскрикивает. — Что за бред! Конечно, она сама выпала! Или ты думаешь, что это я её

столкнула? Ну, знаешь... Мы с мамкой, конечно, не особо ладили. И признаюсь честно, когда она вот так напивалась и свешивала ноги через окно, мне на самом деле порой хотелось подойти и сбросить её к чёртовой матери! Но я бы никогда этого не сделала! Потому что она — моя мать! И потому что я — не убийца! — Маша подтягивается ко мне и тяжело дышит. Если бы не огромный живот она бы наверняка придвинулась ещё ближе. А я смотрю ей в лицо и в который раз поражаюсь нашему сходству. Одинаковые губы, глаза, родинки. Всё как под копирку.

— Она играла со смертью и получила свой "приз". Вот и всё! — говорит Маша откинувшись на спинку кресла. Её живот вздрагивает, она охает и накрывает его рукой. — Т-шш, тише, тише, милый! Последнее время активно пинается...

Я наблюдаю, как она воркует с будущим малышом и жалею, что завела разговор о своих кошмарах. Ни к чему это сейчас.

— Какой была мама? Чем занималась? Расскажи... — спрашиваю я, желая поскорее сменить тему.

— Она была некудышной матерью, — отвечает Маша, убирая ладонь с живота. — Меняла мужиков и спала с ними за деньги. Водила в дом разных ублюдков, напивалась и устраивала оргии. Носила модные тряпки и курила дорогие сигареты, а меня, своего ребёнка, кормила лапшой быстрого приготовления. Почти каждую ночь я засыпала под её пьяные "ахи-вздохи" с голодным урчанием в животе. А как-то раз один из её придурков пытался залезть ко мне в трусы! Представляешь? А мне было всего-то пятнадцать! Я пожаловалась матери, но та лишь посмеялась надо мной! И попросила "не выдумывать"! Вот такой она была. Пьющей, курящей и на всё положившей! В детстве я думала, что она пустилась во все тяжкие, чтобы таким образом пережить папину смерть. Но теперь понимаю, что она никак не могла оправиться после его измены. Если бы мама сразу вернулась в Н-ск, если бы твоя бабка приняла её и простила, всё бы сложилось иначе. Но дома её никто не ждал. И, задыхаясь от чувства вины, мама заливала его вином. Такой вот каламбур. И знаешь, что самое обидное? Все эти годы мамку заботила только ты, её брошенная дочка. А на меня ей в один момент стало наплевать. Я вдруг стала сиротой при живой матери, понимаешь? Только Кинишеву было не всё равно, что со мной происходит. Когда мамка в запой уходила, Владимир Иванович меня и кормил, и с уроками помогал. До сих пор не пойму, что его так зацепило в нашей мамке, что он до сих пор по ней сохнет. Она же с него только деньги сосала, а в остальном то и дело динамила. Мне не хватило смелости признаться Кинишеву, что матери больше нет. Я отправила ему сухую смс-ку с её телефона, чтобы отвязаться. Мол, между нами всё кончено, не ищи, уезжаю. И всё на этом...

Дальше я не слушаю.

Прозвучавшая фамилия Кинишевых запускает в моей голове карусель из воспоминаний. Отвлёкшись на встречу с сестрой, на письмо матери, на разговоры о ней, я на время забыла о своей собственной истории. Но теперь услышав о Владимире Ивановиче, я вспоминаю о его сыне Костике, а следом думаю о Полянском. О том июльском вечере, когда мы встретились с ним у "Корзиночки", о его жгуче-чёрных глазах и о потных ладонях на моём теле. Вспоминаю, как легко и непринуждённо мы с ним болтали в машине, и каким кошмаром закончилась для меня наша встреча.

И одна страшная мысль опшаривает меня словно кипяток. Я вдруг понимаю, что Полянский держался со мной так уверенно и свободно, потому что принял меня за другого человека. В тот вечер он думал, что перед ним Маша. Ведь это она пригласила его на

свидание в Н-ске. И это многое объясняет. Например, его взгляд, улыбку или дурацкие шутки.

А дальше запускается цепная реакция. В моей памяти один за другим всплывают разные моменты, которые до этого были мне непонятны, а теперь кажутся до смешного очевидными. Только мне не до смеха. Скорее наоборот.

Мне хочется расплакаться от понимания того, что нашу встречу с Полянским организовала... моя сестра.

И что вся остальная "жесть" случилась со мной "благодаря" ей.

Пока Маша безмятежно перебирает пальцами махровые петельки своего халата, я обрушиваю на неё всё и сразу. Начинаю издалека.

— Да, — говорю, — повезло Костику, что ты выбрала не его...

Маша вскидывает голову и смотрит на меня, непонимающе хлопая глазами.

— Что ты сказала?

Я поясняю:

— Ну, Костик Кинишев. Помнишь такого? Сын Владимира Ивановича. Я говорю повезло ему, что ты положила глаз на его друга Стаса Полянского. А то пришлось бы Костику самому участвовать в твоём спектакле под названием "Мечь".

Маша продолжает разыгрывать из себя ничего не понимающую дурочку.

— Как ты сказала? Спектакль под названием "Мечь"? — нервно смеётся она. — Это что? Прикол какой-то?

— Хватит притворяться! — рывкаю я, хлопнув ладонью по мягкому подлокотнику кресла. — Ведь это благодаря тебе, сестричка, я оказалась в усадьбе Полянских! Это благодаря тебе я потеряла девственность не в объятиях любимого человека, а с каким-то нажравшимся в стельку ублюдком! Признайся, что таким образом ты решила отомстить мне за выбор, сделанный нашей матерью! За то, что меня она когда-то оставила с бабушкой, в сытой городской жизни, а тебя обрекла на голод и страдания в Пригороде!

Маша вскидывает ладонь, мол, остановись. Но меня несёт словно снежную лавину с горы.

— Ах, как это мерзко, — говорю я, — использовать в своих целях влюблённого по уши мальчишку! Костик мне рассказал, как ты морочила Полянскому голову своими любовными переписками, а на свидание пригласила только через полгода. Скажи, он понадобился тебе, чтобы привести в действие свой гадский замысел? Верно? Интересно, ты сама придумала такой, к-хм, необычный способ меня подставить или посоветовал кто-то?

Маша открывает рот, чтобы мне ответить, но я снова её опережаю:

— А как ты узнала мой номер телефона? Как узнала имя моего парня? Ты следила за мной? Ты видела нас вместе? — на этом я демонстративно хлопаю себя по лбу ладонью. — Ну, конечно! Ты видела меня на Садовой! Я ведь часто здесь бываю! У меня здесь подруга живёт! Вон её окна! Прямо напротив! — тычу пальцем в "густые" занавески, за которыми уже поздний вечер, зима, и, конечно же ничего не видать. — Господи, да зачем я гадаю! Вы ведь со Светкой сидели на одном форуме! Я сама видела вашу с ней переписку. Лиска и СуперКошка1234... Гениально! — театрально хлопаю в ладоши. — Я знаю, что в интернете Светка абсолютно неразборчива. Красуется во всех соцсетях, знакомится с каждым, не раздумывая. К ней не трудно втереться в доверие. Это она, моя безмозглая подруга, всё тебе выложила? И мой номер телефона, и про Кирилла, и мой адрес на Центральной. А потом ты нагрязнула ко мне домой и довела до инфаркта мою бабушку. Ведь это ты принесла ей пояс

от моего платья, который я оставила в твоей машине? Потому что ты и есть та самая незнакомка на белой иномарке. Знаешь, тебе очень идут черепаховые очки! Ты в них такая неузнаваемая! Кстати, с твоей стороны было очень "великодушно" подобрать меня у обочины адского перепутья! — я качаю головой из стороны в сторону. — Надо же, для воплощения своего плана мести ты использовала не только влюблённого в тебя друга, но зацепила и моих друзей тоже! Ладно, Светку, которая не ведаёт, что творит! Но как тебе удалось втянуть в это дело Карася? Ты что, заколдовала его? Я видела у него подробную карту Пригорода и разные фотографии. Я знаю, что он помогал тебе. Ты звонила ему. Вместе вы продумали каждую мелочь. По твоей указке он даже запер меня в своей квартире. Я просидела там одиннадцать грёбанных дней! Сколько ещё вы планировали меня удерживать? Или это был такой необычный способ от меня избавиться? Но стоило ли так заморачиваться, если можно было просто выкинуть меня в окно, как ты сделала это с Полянским? Ты же убираешь со своего пути всех неугодных! Правда? В своей мести ты жестока и беспощадна! Ну и как ты теперь себя чувствуешь? Тебе стало легче, когда ты отомстила всем своим обидчикам? Твоя душа, наконец, довольна, когда твоя "некудышная" мать, "жестокая" бабка и ставший бесполезным приятель мертвы, а сытая спокойная жизнь твоей "везучей" сестры бесповоротно разрушена? — я смотрю на её огромный беременный живот. — Хотя зачем я спрашиваю? Конечно, теперь у тебя всё хорошо...

На этом я замолкаю. Но не потому что мне больше нечего сказать, а потому что воздуха в лёгких больше нет. И пока я задыхаюсь от обиды и негодования, Маше удаётся, наконец, вставить словечко:

— Ты закончила?

Я молчу, а Маша говорит:

— Вот и прекрасно. А теперь послушай, как всё было на самом деле...

— Ты правда думаешь, что прочитав это письмо, я тут же бросилась разрабатывать план твоего уничтожения? — язвит Маша, уложив руки на беременный живот. — То есть я села за стол, положила перед собой альбомный лист и принялась строчить: "Пункт первый. Найти. Пункт второй. Разрушить жизнь. Пункт третий..." По-твоему, так это было?

Она смотрит на меня, вскинув брови, и ждёт ответа. А я сейчас дышать не могу, не то что говорить.

— Ни хрена подобного, дорогая! — между тем продолжает Маша. — Прочитав это письмо, я подумала, что у мамки от пьянства съехала крыша! Я подумала, что у неё белая горячка. "Сестричка-близняшка?! В Н-ске?! Что за бред!! Да быть такого не может!!" Я убрала эту бумажку с глаз долой и вернулась к своей обычной жизни. Я ходила на работу, занималась плаванием, танцевала по воскресеньям, готовила, стирала, убирала и думать забыла об этих каракулях. Я думала об отпуске. О маленьком домике с видом на белый пляж, о голубых волнах, о розовом закате и о парне, который обещал увезти меня к морю. Да, моя дорогая, я думала о Полянском! И ничего твой Кинишев не знает! Напомни, что он рассказал тебе? Что я писала Стасу любовные письма? Да, так и было. А ещё мы много целовались и дурачились под "Despacito", и съели тонну попкорна под сериалы от "Нетфликс". И он стал моим первым... Вот, погляди, — Маша оттягивает в сторону ворот халата, чтобы показать мне крошечное сердечко на правой ключице, — это тату я сделала на память о нашей первой ночи!

Она прячет картинку под махровый воротник и продолжает:

— Мы любили друг друга так, как никто не умеет. И мы прятали свою любовь от посторонних глаз. О наших отношениях не знал никто. Ни родители, ни друзья. Пока мама была жива, мы тайно встречались на "усадьбе Полянских". А потом Стас перебрался ко мне. Мы собирались прожить с ним долгую и интересную жизнь, но... — Маша вздыхает, — кое-что случилось...

— Что?

Этот вопрос сам собой спрыгивает с моих губ. А ведь ещё минуту назад я не могла произнести ни слова.

— Ничего... — мне показалось, или Маша только что вздрогнула. — Это личное. Я не хочу об этом говорить. Не хочу ворошить прошлое... Скажу только, что мы крепко поссорились, и это подтолкнуло меня снова взять в руки прощальное письмо матери и ещё раз перечитать его. Я пришла в тот вечер домой вся в слезах и соплях. Мне было так одиноко и больно. Я злилась на Стаса и на себя и на весь мир, я металась из угла в угол, не находя себе места. И вдруг вспомнила об этом письме. Оно было в шкафу, зажато между книгами. Я выдернула его и принялась жадно глотать глазами.

"Вас всегда было двое. Даша и Маша, мои девочки-близняшки..."

Я читала и смеялась, как истеричка: "Бред! Бред! Бред!" Но руки сами потянулись к ящику стола, где лежали ключи, оставленные матерью.

"Да пошло оно всё к чёрту!" — сказала я себе и полезла в кладовку за чемоданом.

В Пригороде меня уже ничего не держало. И так как терять мне было нечего, я отправилась в город. На последнем автобусе, с огромным чемоданом, в платье ниже колен. В кулаке бумажка с адресом. Улица, дом, подъезд, этаж. Всё, как полагается. А в кармане

телефон и шестнадцать пропущенных от Стаса.

Помню, как в первый раз стояла на пороге этой квартиры и трясущимися руками вставляла ключ в замочную скважину, крутила им туда сюда. Петли протяжно скрипнули, и в нос ударил незнакомый запах.

Каждый дом пахнет по-своему, ты знаешь? И у этого дома был своё, особенное дыхание. В нём смешались запахи старой мебели и пыли. Обычно так пахнут заброшенные помещения. И тем не менее этом в тяжёлом воздухе я уловила аромат свежей выпечки и чего-то жареного. Как ни крути, это был жилой запах, понимаешь? Я поняла, что мамка не обезумела! В городе Н-ске на самом деле есть такая квартира, дверь которой легко открывается моим ключом!

На пороге меня никто не встретил, на мой голос никто не откликнулся, и я принялась изучать этот дом. Бродила здесь, трогала мебель, глазами искала любые подсказки. Но меня окружали безликие предметы, по которым было невозможно понять, кем является их хозяин.

Последняя комната была заперта на замок, и ключ от входной двери к нему не подходил. Я ковыряла его и вилкой, и ложкой, но он так и не поддавался. Впрочем, меня это не особо расстроило. В квартире было достаточно свободного пространства.

Я разобрала свой чемодан, переоделась, сделала себе чай. На кухне в буфете нашёлся сахар. А ещё начатая пачка печенья и несколько банок консервированной фасоли. В то, что в городе у меня есть бабушка и сестра-близнец, я по-прежнему не верила. Но тем не менее, кто-то поддерживал жизнь в этом доме, и рано или поздно он должен был здесь появиться. Мне нужно было просто подождать. А пока я молча благодарила эти стены за то, что они приняли меня. За то, что позволили укрыться от Стаса.

Мой телефон разрывался от его звонков, которые чередовались с его гневными сообщениями. За те два или три дня, что я провела в Н-ске, их пришло не меньше сотни. Он писал мне злые обидные вещи. Полянский открылся мне совершенно с другой стороны. Это был уже не тот человек, в объятиях которого я плавилась когда-то словно сливочный пломбир. Теперь это был жестокий беспощадный ублюдок, от которого я была вынуждена защищаться. Но все мои друзья остались в Пригороде, а в Н-ске не было никого, к кому я могла бы обратиться.

Вот тогда я и решила отыскать мамину подругу, упомянутую в письме. Я хотела, чтобы здесь, в этом огромном чужом городе, у меня появился хотя бы один знакомый человек, которому будет не безразлична моя судьба.

Проблема была в том, что наша горе-мамаша не оставила мне не имени, ни адреса своей подруги. И как, спрашивается, я должна была её найти? Дать объявление в газету? Ходить по домам, звонить в каждую дверь и объяснять жильцам, кто я такая и кого ищу? Конечно, нет. Напротив, я старалась лишней раз не высовываться. Мой мобильник каждый день напоминал мне, почему я оказалась в Н-ске.

Полянский не давал мне покоя. Угрожал, что рано или поздно, он найдёт меня.

"Тебе не поздоровится, лживая тварь!"

"Тебя видели!"

"Скоро я приду за тобой!"

Подозреваю, он был пьян, когда писал мне всё это. А я сидела в четырёх стенах, боясь лишней раз подойти к окну. За продуктами выбиралась ближе к вечеру. На людей глаз не поднимала. Жила с постоянным ощущением тревоги.

А теперь я должна была что-то делать. Мне нужно было найти безымянного

незнакомому человеку и сделать это быстро! Я крутила письмо в руках, надеясь найти в нём хоть какую-то зацепку. Пыталась разглядеть на свет, не прячется ли адрес мамкиной подруги за багровыми винными пятнами.

Нет.

Несколько дней я провела в раздумьях и уже была готова бросить эту затею. Решила, что это ещё одна мамкина выдумка. Ведь в Пригороде у неё не было подруг. Она предпочитала общаться исключительно с мужчинами. Так о какой Н-ской подруге могла идти речь? Если бы она была на самом деле, мама непременно бы рассказала мне о ней. А так она даже имя ей придумать не смогла...

И когда я уже смирилась с этой мыслью и успокоилась, эта женщина сама меня нашла...

— Мы встретились в супермаркете, — говорит Маша. — Застряли в очереди на кассу. Она стояла ко мне спиной, в её корзинке были апельсины. Я смотрела на них и думала, какие же они яркие, сочные, наверняка сладкие. Не то что мои сухие галеты, которыми я собиралась поужинать.

Кассир еле шевелила руками, очередь нервничала. Люди раздражённо вздыхали, переминались с ноги на ногу. И вот она воскликнула:

"Да что же это такое! Нельзя ли побыстрее в самом деле! Мы все торопимся! Ну, правда же?"

И она обернулась на других покупателей, ожидая поддержки. Кто-то за моей спиной поддакнул ей, но она уже забыла, о чём говорила. Потому что мы с ней встретились глазами.

Её лицо озарила улыбка:

"Деточка! Господи боже! Ты приехала! Ну, наконец-то!.."

Она поставила корзинку на пол и обняла меня. От неё пахло выпечкой и немного духами.

Я не знала, как реагировать на её объятия. С одной стороны это был совершенно чужой мне человек, а с другой — эта женщина вела себя так, будто знает меня с пелёнок.

И я решила плыть по течению. Приняла её объятия и даже улыбнулась.

"Очевидно, это и есть мамина подруга... — подумала я. — Она существует! И она сама меня узнала! Возможно, мама говорила с ней обо мне и предупредила о моём приезде..."

Мы покинули супермаркет и уже через минуту шагали по мокрой аллее.

Я по-прежнему не знала имени этой женщины. И она звала меня исключительно "деточкой". Так мы и шли — деточка и безымянная тётушка.

Она вела меня за собой и болтала, болтала без умолку.

"Ты не расстраивайся!"

"В жзни всякое случается!"

"Ты — девочка смышлёная! Справишься!"

"Всё образуется! Всё образуется!"

Мы долго петляли дворами под морозящим дождём и в итоге вышли к этому дому. Увидев его облупившиеся фасады, я ничуть не удивилась. Подумала, мамина подруга проводила меня домой. Что в этом такого?

Потом она поднялась со мной на этаж. Чему я тоже не удивилась. Напротив, я была рада провести хотя бы один вечер в компании живого человека.

Но она достала из сумки связку ключей и принялась открывать ими... соседскую дверь-шоколадку!

Увидев это, я закусила губу, чтобы не завопеть во всё горло что-то типа: "Охренеть! Так мы ещё и соседи!"

У меня не осталось сомнений, что эта женщина и моя мать когда-то были подругами. Я ликовала в душе и благодарила судьбу, что мне так легко и просто удалось найти нужного человека в этом огромном чужом городе.

— Только рано я обрадовалась... — Маша бросает на меня колючий карий взгляд. — Догадываешься, почему?

Конечно, догадываюсь...

В этом подъезде есть только одна дверь, похожая на сочную плитку шоколада, и принадлежит она семье Пановых.

Через случайных совпадений привела Машу в дом Кирилла.

В магазине она случайно встретила его мать Наталью. Та случайно приняла её за меня и случайно стиснула в объятиях.

Ещё бы! Ведь на тот момент мы не виделись больше двух недель. Я прекрасно помню то время. У меня в жизни выдался сложный период. Я провалила вступительные экзамены в университет, меня не взяли на работу, я заперлась в четырёх стенах от внешнего мира и горевала, не отзываясь даже на звонки Кирилла.

Его маме я тоже не отвечала, и поэтому неудивительно, что встретив в супермаркете мою точную копию, Наталья бросилась с ней обниматься.

А потом повела её к себе домой. И утешала Машу вовсе не из-за случившейся трагедии, а совсем по другой причине.

На самом деле она утешала и подбадривала меня. И это меня она привела к себе, чтобы я снова не потерялась.

И я легко могу представить себе, что случилось потом, когда Маша переступила порог её дома.

Наталья предложила Маше пройти в комнату Кирилла (со мной она всегда так делает), та увидела на его книжных полках десяток наших совместных фотографий и сразу всё поняла...

Я не произношу вслух ни слова. Но, видимо, думаю слишком громко. Потому что Маша озвучивает мои мысли.

— Эта женщина попросила меня обождать в комнате сына, — говорит она. — И там... Там были десятки твоих фотографий! Я поняла, что ты существуешь на самом деле! А ещё я поняла, что эта женщина обозналась! Не меня она утешала и вела к себе домой! А тебя, Даша, тебя!

А потом она заглянула в комнату. Была в цветном фартуке, с полотенцем в руках, с поехавшей причёской и расплывшимся макияжем.

"Пирог на столе, Дашутка, идём чай пить! — сказала она мне. — Кирюша поздно будет! Не будем его ждать! — и, изменившись в лице, добавила, — Да что с тобой, деточка? Ты прям сама не своя сегодня! Всё молчишь, молчишь! Тётя Наташа не узнаёт свою девочку!"

Мне хотелось тут же выпалить ей что-то типа: "А я вовсе не ваша девочка! Я не Даша! А её сестра-близнец! Не видите разве! А вы приглядитесь!" И уже татухи свои хотела ей продемонстрировать в качестве доказательства! У тебя точно таких нет!

Но что-то меня остановило.

"А вдруг эта милая женщина вообще не знает о моём существовании! — подумала я. — Как долго она живёт в этом доме? Помнит ли она мою мать? Знает ли её историю? Вдруг я только напугаю её своим признанием!"

И я решила немножко ей подыграть.

Я согласилась на её пирог, прошла вслед за ней на кухню. И за чашкой чая она обмолвилась, что рецептом этого пирога с ней когда-то поделилась её лучшая подруга Татьяна. Мол, это она посоветовала ей добавлять в тесто немного крахмала для пышности.

"Мы раньше часто вместе готовили! — будто между прочим сказала она. — То супы варили, то драники капустные жарили!"

И стала перечислять рецепты из...мамкиной кулинарной книги. Гарниры, котлеты,

компоты... — всё один в один, как мамка готовила. Понимаешь?

Количество случайных совпадений на один квадратный сантиметр зашкаливало! Дураку же ясно было, что она о матери нашей говорит! Понимаешь?! Только общие фразы нарочно толкает, чтобы не спалиться!

И тут я не выдержала и заявляю ей: "Вы же о моей матери говорите! Не прикидывайтесь! Почему не скажете, что соседями с ней были, когда супы вместе готовили? Почему не расскажете, что она двойню родила? И как нянчилась с ними? Мы же с сестрой орали днём и ночью! Неужто не слышали? А потом мамка Танька одного ребёнка на бабушку кинула, а другого в Пригород увезла! Давайте, всё мне расскажите!"

Тётя Наташа так и застыла на месте. Я уже подумала, не перегнула ли я палку. Но по её глазам было понятно, что нет, я попала в яблочко! Передо мной сидела женщина, которую мамка считала своей лучшей подругой. О которой упомянула в своём письме, потому что была уверена в её доброте и искренности.

— А Наталья что? — спрашиваю я дрожащим голосом.

Маша вздыхает:

— А что Наталья... Похлопала на меня глазами и спрашивает: "Даша! Откуда ты узнала?" Она не удивилась ничему, не попросила меня не говорить ерунды. А только поинтересовалась, откуда я, бл***, всё узнала! Понимаешь?

Щёки у Маши вспыхивают. Её эмоции передаются малышу. Она кладёт руки на живот и бережно поглаживает его, успокаивая малютку и себя.

Переведя дух, Маша продолжает:

— И я ответила ей: "Вы не угадали! Не Даша я! А брошенная всеми её сестра-близнец Соколова. Мария. Андреевна!"

А той и сказать нечего. Только побледнела, что от скатерти на столе не отличить, и дышит через раз. Ну, я воспользовалась этой паузой и говорю: "А ведь она приходила сюда! Искала их! У соседей спрашивала... И в вашу дверь наверняка звонила. Вы знаете?"

— И что она ответила? — я перехожу на хриплый шёпот.

— Я ответила: "Знаю! Я нарочно ей дверь не открыла..." — раздаётся откуда-то из коридора голос самой Натальи.

Мы с Машей даже вздрагиваем от неожиданности, а после оборачиваемся на голос...

— Тётя Наташа! Вы нас напугали! — Маша фальшиво улыбается. Она не рада внезапному появлению Натальи.

На той простенькое платье неброской расцветки, резиновые сланцы, её обычная причёска, скромный макияж... И глаза... побитой собаки, иначе не скажешь.

— Дверь была открыта... Я заглянула... Я... — говорит Наталья и, замолкнув на полуслове, зажимает рот ладонью и принимается плакать.

— Ой, девочки... Ой, девочки... — всхлипывает она, и слёзы ручьями катятся по её щекам. — Что же мы натворили... Что же мы натворили...

Наталья смотрит то на меня, то на Машу и плачет горько, безутешно. На неё больно смотреть.

Я ещё не знаю всей правды, и может быть, уже через час я буду ненавидеть эту женщину. Но пока мне хочется встать и пожалеть её.

Наверно, эти мысли читаются на моём лице, потому что когда я поднимаюсь с кресла, Маша хватает меня за руку:

— Ты куда? — строго спрашивает она. — Не смей её жалеть! Ты разве не понимаешь, что эта женщина фактически убила нашу мать! Если бы в нужный момент Наталья помогла мамке тебя найти, та не спилась бы от горя!

Это звучит жёстко, но это правда. У тёти Наташи, на самом деле, была возможность помочь нашей матери. Но она этого не сделала.

Я возвращаюсь в кресло, а Маша обращается к Наталье.

— Что скажете? Я права? — спрашивает она ледяным тоном. — Расскажите нам правду! Почему Вы так жестоко обошлись с лучшей подругой?

Колючие слова разлетаются по комнате, растворяются в воздухе, отравляют его своим ядом.

Наталья сутулится, втягивает голову в плечи и плачет. Для неё каждое слово будто удар плетью.

— Ну же! Начинайте! Начинайте говорить! — командует Маша. — Мы ждём Вашего признания!

— Не мучай ты меня, прошу! — произносит Наталья сквозь слёзы. — Ты ведь и так всё знаешь. Я в первый же вечер всё тебе рассказала...

— Я-то знаю, а моя сестра — нет! — безжалостно рубит Маша. — Посмотрите на неё! Она, глупышка, жалеет Вас! Потому что не знает, какая Вы есть на самом деле! Расскажите! Раскройте ей глаза! Снимите с души тяжкий грех! Ведь не просто так Вы заглянули к нам на "огонёк"! Ну же, мы ждём...

И Наталья сдаётся, Маша не оставляет ей выбора. Смирившись с реальностью, она вытирает слёзы, плетётся к дивану и устраивается на самый краешек.

К моему горлу подкатывает тошнота. При других обстоятельствах я бы списала её на голод, потому как уже не помню, когда ела в последний раз. Но сейчас меня тошнит скорее от страха и от предчувствия чего-то необратимого.

"Моя жизнь больше никогда не будет прежней!"

Вот, о чём я думаю, когда Наталья начинает говорить, обращаясь исключительно ко мне.

— Дашенька, мы с твоей матерью жили по соседству. Она у Ольги Ивановны была поздним ребёнком, они плохо ладили. Танька всё ей на зло делала. Юбки короткие носила, волосы в ядовитые цвета красила, с мальчишками до поздней ночи гуляла... Я не раз через стенку слышала, как они ругались. Ольга Ивановна даже ремнём Таньку гоняла за дурацкие выходки. А той всё нипочём было. Из дома сбежит и по двору болтается, ждёт, пока мать остынет. А мне жаль было смотреть, как девчонка под дождём да под снегом мокнет. Я её к себе стала звать. Мы с ней пирогов напечём, компоту наварим и сидим, болтаем о том, о сём.

Оказалось, несмотря на огромную разницу в возрасте, почти в одиннадцать лет, у нас с Таней много общего было. Нам нравились одни и те же фильмы, одна и та же музыка. Так мы и подружились. Постепенно Танька стала свои секреты мне рассказывать.

"Наташ, я сегодня с Мишкой на спор целовалась!"

"Наташ, а меня Димка вчера абсентом угостил!"

"Наташ, денег займи, я Ваське двести рублей в карты проиграла..."

"Наташ, представляешь, а мы с Катькой после уроков за школой курили... Ты только мамке не говори..."

И вот однажды она пришла ко мне и шепчет:

"Наташ, я беременна!"

А на самой лица нет.

Стала мне рассказывать, мол, паренька встретила, Андреем звать. Цветы дарил, жениться обещал, в итоге обманул... В общем, обычная история.

Мамка, говорит, о беременности не знает, но, как пить дать, на аборт погонит.

"Что делать, Наташ? Что делать? — спрашивает, а сама ревет белугой. — Ты же в роддоме работаешь! Ты скажи мамке, что мне нельзя на аборт!"

Я её прижала к себе и держу. А у самой душа разрывается. Ну, куда ей рожать, думаю. Ведь девчонка совсем! Ей бы выучиться да человека хорошего встретить! Но с другой стороны, я не один год в гинекологии работала и понимала, к каким, порой, необратимым последствиям приводят эти ранние аборты.

"Рожай! — твёрдо сказала я ей. — Рожай, никого не слушай! Это твоя жизнь, Таня, твоё здоровье!"

Потом я несколько ночей подряд слушала Танины слёзы за стеной и гневные вопли Ольги Ивановны. Но настал день, и Таня похвалилась мне снимком УЗИ.

"Их двое, Наташ! Представляешь?! Двое!!" — она сунула мне в руки чёрно-белую картинку и, счастливая, повисла у меня на шее. А я приобняла её одной рукой, а в другой руке снимок держу и разглядываю его.

Вот тогда, помню, это и случилось. Я почувствовала острую боль в груди.

Это был укол зависти...

Я позавидовала Татьяне.

"Почему жизнь так несправедлива? — подумала я. — Почему у этой едва окончившей школу пигалицы скоро будут свои дети, а у меня в мои двадцать восемь лет даже отношений нормальных нет!"

Я была хороша собой и вполне обеспечена. Но мужчины обходили меня стороной.

Я и раньше переживала по этому поводу. А теперь, зная о Танькиной столь ранней беременности, я вовсе расклеилась.

Жгучая зависить волной прокатилась по моему телу. Стиснув зубы, я прижала девчонку

к себе и сквозь слёзы прошептала: "Я так рада за тебя, дорогая... Я так за тебя рада..."

— Но это была ложь... — говорит Наталья и замолкает.

И я не выдерживаю и спрашиваю:

— Поэтому Вы не помогли матери меня найти? Потому что когда-то позавидовали ей? Вы хотели, чтобы она страдала, просто потому что когда-то не вовремя забеременела? Это же подло!! Разве Вы не понимаете?

Маша осторожно кладёт свою ладонь на мою руку.

— Тише, тише, сестрёнка... Это ещё не вся история! Верно? — Маша подмигивает Наталье. Жестоко, со злостью, с каким-то особым, известным только им двоим, значением. — Что было дальше? Расскажите...

Наталья бросает на Машу тяжёлый взгляд. Кажется, за последние несколько минут женщина постарела на несколько лет.

Ей требуется немного времени, чтобы перевести дыхание, собраться с силами и продолжить.

— Долгие месяцы я вынашивала эту идею... Я понимала, что это безумие, и постоянно себе это повторяла. Но всякий раз, когда я остывала и успокаивалась, ко мне приходила она, Танька, пузатая и счастливая. Её живот с каждым днём становился всё больше, и вместе с ним росла и набирала силу моя зависть.

И однажды эта зависть победила здравый смысл, и я отважилась совершить задуманное...

— Я работала акушеркой в четырнадцатом роддоме в отделении патологии, — говорит Наталья. — Трудилась исправно, была на хорошем счету у руководства, мне доверяли самые сложные случаи. Когда поступали особо тяжёлые пациентки, Стрельцова Альбина Витальевна, наша заведующая, так мне и говорила: "Наталка, твоя приехала! Приступай!"

К Альбине Витальевне я и понесла свою затею. Помню, та сидела за столом в своём кабинете, строчила отчёты, а я стояла у неё за спиной и, заламывая пальцы, излагала свой план.

Альбина молча меня выслушала. А потом обернулась и как рявкнет: "Ты с ума сошла, дура ненормальная?! Ты что мне предлагаешь? Ты хочешь, чтобы меня посадили?! Пошла вон из моего кабинета!"

Я бросилась к двери, а она кричит мне в спину:

"И думать забудь! Поняла?!"

Я не помню, как в тот день добралась домой. Летела, дороги не разбирая. И жалела, что Альбине всё рассказала.

После этого разговора мы с ней три недели не разговаривали. Та будто нарочно меня избегала. Но потом остыла, успокоилась и сама подошла ко мне в ординаторской.

"Знаешь, Наталка, — сказала она, — я подумала над твоим предложением... Я согласна... Я тебе помогу... После смены зайди ко мне, всё сделаем..."

А к нам в тот день две женщины поступили. И обе мне достались. У первой мальчишечка хорошенький получился. Что называется, кровь с молоком! А у второй — сразу было видно — не жилец. Его мать, не раздумывая, отказ написала.

Альбина Витальевна распорядилась до вечера роженицам детей не приносить. А по окончании смены позвала меня к себе и шепчет:

— Иди сейчас в детскую, забирай блондинчика и сегодня же уезжай из города. Заляг на дно года на полтора, а когда вернёшься, сочини легенду, мол, нарочно беременность скрывала, мол, живота видно не было, ну и тому подобное. Никто эти сроки считать не будет! Ты меня поняла? А с матерью парнишки я сама разберусь. Отказника ей подсуну. Он всё равно дольше суток не протянет.

Я бросилась выполнять указание, не думая о последствиях. Я много лет мечтала о ребёнке, и теперь я держала его на руках. Уже через час мы с Кирюшей были далеко за городом. Забурились в глухую деревеньку, поселились у слепой бабки и следующие два года в город носа не показывали.

Спустя две весны вернулись с Кирюшей в Нск. Я, естественно, первым делом к Соколовым направилась. С Танькой повидаться, на её деток поглядеть и своего мальчика показать.

Но Ольга Ивановна встретила меня сухо и в дом не запустила. С порога новость огорошила.

"Нет больше Таньки! Померла Танька! Дашку родила, а сама померла! Всё! Не будете больше плюшками баловаться!"

А я возьми да спроси: "Ольга Ивановна, а со вторым ребёнком что? Их же двое было!"

Та аж вздрогнула.

"Значит, ты в курсе, что у ней двойня была... — задумчиво сказала она. — Ну, ладно!"

Тебе я правду скажу. Сбежала Танька. С хахалем своим бывшем. Машку с собой прихватила, а Дашку мне оставила. И вот уж полтора года ни слуху, ни духу от неё. Во дворе сплетни ходят, мол, она в Пригороде живёт. Да кто ж знает, правда это или нет? Я по началу плакала, ждала, а теперь уж смирилась... Она всегда такой безответственной была. Теперь пусть только явится! Поганой метлой погоню её! А Дашку сама воспитаю! Не нужна ей такая мать!"

А потом Ольга Ивановна помолчала, подышала и добавила:

"Только ты это... Помалкивай! Здесь правды никто не знает... Для всех Танька в родах померла. И дочка одна у ней была! Про вторую никому неизвестно! Я этих козявок всегда по одной выгуливала! Поэтому молчи, Наталья! А если язык распустишь, тогда и о твоей тайне все узнают!"

Я глаза на Ольгу вытаращила. Мол, о чём Вы говорите? Не понимаю...

А та мне в ответ:

— Ты душой-то не прикидывайся! Альбинка мне всё рассказала. Наслышана я, как вы девке чужого ребёнка подсунули, а её родного мальчишку ты в одеяло завернула и вынесла ночью из больницы! А ты хоть знаешь, какой вы с Альбиной грех на душу взяли? Знаешь, что потом было? Бедная девочка из-за вашей авантюры в петлю влезла! А практикантку молодую помнишь? Как её там... Нина, кажется... Так вот она с катушек съехала! Ходит теперь как чумная, сама с собой разговаривает. А то, что мальчишка твой Альбинке родным внуком приходится, знаешь?"

Ничего я не знала. У меня пол под ногами закачался от этих новостей.

"Значит, Кирюша — внук Альбины Витальевны... Как же она могла так поступить с родной дочерью..."

Это всё, что я смогла выговорить.

А Ольга Ивановна мне ответила:

"Альбина не хотела этого ребёнка. У её Анфиски уже был один внебрачный пацанёнок. И кормить второго им было не по карману. И об Анфискиной судьбе она беспокоилась. Мол, кто ж её замуж возьмёт с таким-то багажом. Да и себе нервы трепать не хотела на старости лет. Вот так и вышла из положения... Теперь каждый вечер жалеет, да поздно..."

Я, если честно, даже не подозревала, что у Альбины Витальевны есть дети, — говорит Наталья. — Анфиса никогда к ней на работу не заглядывала. А так я бы, конечно, сразу её узнала. Мне до сих снится её лицо, перекошенное родовыми муками, а в ушах стоит детский плач...

Наталья задумывается, вздыхает и добавляет:- А Нину, молодую акушерку, я так и не вспомнила. Кто она и от кого могла узнать о случившемся, для меня до сих пор загадка.

"Так что молчи о моей тайне, Наталья! Тогда и я о твоей тайне молчать буду!" — напоследок сказала мне Ольга Ивановна.

И я поклялась ей, что унесу её тайну в могилу. И она поклялась мне в ответ...

На этом Наталья замолкает. Наверно, ждёт моей реакции. А у меня одна реакция.

Меня тошнит!

Тошнит от этой женщины, которую я ещё десять минут назад жалела как родную. И тошнит от всего того, что я сейчас услышала!

Наталья не знает Анфису, а я наслышана о ней. Младшая сестра Лары, мама Костика и просто ни в чём не повинная женщина, которая любила детей и хотела быть счастливой.

Наталья не помнит молодую акушерку Ниночку, а я прожила с Карасёвой Ниной

Михайловной одиннадцать долгих дней и видела, как она мучается

И я кричу об этом раньше, чем думаю:

— Акушерка Ниночка в тот вечер была в детской. Вы были так увлечены своей затеей, что не заметили худенькую выпускницу мединститута, задремавшую за детской кроваткой. Она видела, как Вы забрали и унесли ребёнка. О том, что Вы украли его, она узнала потом когда помогала другим врачам спасти жизнь Анфисы Стрельцовой... Вы не помните Ниночку, а она до сих пор не расстаётся с фотографией, на которой вы вместе... Она много лет смотрит на неё и плачет, ругает себя за трусость и жалеет, что не остановила Вас, и что никому ничего не рассказала...

— Дашенька... — в голосе Наталье новые слёзы, но мне больше не жаль её.

— Как Вы могли так жестоко поступить с несчастной женщиной? — продолжаю я. — Кто позволил Вам распоряжаться людскими судьбами? Вы отобрали ребёнка у родной матери! А Вы понимаете, что у этого малыша была семья! Был старший брат, который плакал и считал дни до встречи с мамой! Вы разлучили этих детей! Вы лишили их возможности вместе расти, знать и любить друг друга! Вы это понимаете? Ваш поступок повлечёт за собой череду напрасных смертей! Вы поломали несколько судеб только потому, что когда-то... просто позавидовали моей матери? Вы страшный человек, Наталья! Вы убийца! Вы...

К горлу подкатывает рвотный спазм. Я хватаю воздух губами, как рыба, выброшенная на берег. Приказываю себе успокоиться и дышать. И сконцентрироваться на чём-то.

"Главное, не смотри на неё!"

Веду глазами по стенам, по окнам, упираюсь взглядом в потолок. Ищу, за что бы зацепиться.

А Наталья тем временем причитает:

— Прости меня, Даша! Хоть ты меня прости! В память о вас с Кирюшей!

Но я выбрасываю в её сторону раскрытую ладонь, а на той будто написано:

"Идите на х**!"

А сама блуждаю глазами по комнате:

"Дыши... Дыши... Дыши..."

Понемногу тошнота унимается, а Наталья — нет.

— Ты помнишь Кирюшу? — спрашивает она через слёзы. — Я ведь ради вас молчала! Ольга боялась, что я тебе правду расскажу, потому вам встречаться не позволяла! Но я поклялась ей, что молчать буду, только пусть она позволит вам быть вместе! И она позволила, помнишь? Помнишь, как вы любили друг друга? Помнишь его, Даша?

Помню я, помню...

Вот он, лежит сейчас у моих ног и улыбается своей голливудской с каждой фотографии.

И я невольно опускаю глаза в пол, чтобы ещё раз взглянуть на кусочек моей прошлой жизни. Один снимок нравится мне больше других и он будто нарочно лежит поверх остальных, чтобы я могла ещё раз как следует его рассмотреть.

Мы на нём такие счастливые и влюблённые. Ему идёт эта стрижка, а мне идёт это платье. Он что-то мне говорит и держит камеру на вытянутой руке. А я смеюсь, откинув голову.

Картинку портит только маленькое чёрное пятнышко на моей коже. Видимо, фотобумага оказалась бракованной. Потому что эта точка есть и на других снимках. Она меняет свои очертания, становится то меньше, то больше но полностью не исчезает.

Но на этом, самом верхнем снимке, даже брак на фотобумаге по очертаниям похож на сердечко.

Стоп! Сердечко...

Я сощуриваюсь, чтобы лучше его рассмотреть.

О, боже! Это не просто пятнышко!

Это в самом деле крошечное сердечко!

И я уже видела такое... Сегодня

У Маши на правой ключице.

Я покрываюсь холодной испариной, когда до меня, наконец, доходит.

На этих фотографиях рядом с Кириллом вовсе не я, а Маша, моя сестра-близнец...

"Она заняла моё место..."

Эта мысль затмевает собой все другие. Меркнут звуки, и пропадают любые ощущения. Голод, стыд, страх... Я не чувствую ничего, кроме пульсирующего шума в ушах и громкого сердцебиения...

"Она вошла его дом... В его жизнь... Она проникла ему в самое сердце..."

Какой была их первая встреча? Что за волшебную фразу она произнесла, после которой он забыл обо мне и переключился на неё? А как он ласково её называет? Машуня?

— Дашенька... Дашутка... Девочка моя... Ну, прости ты меня ради бога...

Плачущий голос Натальи мешает мне сосредоточиться и в то же время служит подсказкой.

— Дашенька... Девочки...

Я слышу собственное имя так много раз подряд, что начинаю потихоньку ненавидеть его.

Минутку...

Наталья обращается к нам обеим, но по имени зовёт только меня... Я должна обратить на это внимание?

В ответ на этот вопрос в моей памяти друг за другом начинают всплывать картинки из моей жизни, удачно выбранные кусочки разговоров и фрагменты случайных встреч...

Вот что Светка говорила мне о новой девушке Кирилла:

"Дашка, она беременна..."

Подходит? Конечно!

"Волосы длинные тёмные. Прямо как у тебя. И высокая такая же..."

И опять в точку!

"У неё даже имя такое же, прикинь!..."

А вот тут мимо!

У неё не такое же имя! Она просто присвоила себе моё имя! Она украла его у меня!

Следом я вспоминаю, как видела их вместе! Я следила за ними! Я была так близко! Чёрт! Если бы я в тот вечер их догнала, если бы посмотрела ей в лицо...

Я бы уже тогда узнала всю правду!

Между тем Наталья, не выдержав полного безразличия и с моей стороны и со стороны Маши, выскакивает с дивана и выбегает из комнаты. Она плачет на площадке и, уже закрывшись в квартире. Мы ещё долго слышим через стену её завывания.

Но сейчас мне не до Натальи. Я внимательно смотрю на Машу, которая ещё не подозревает, что за разговор её ждёт.

Она с лёгкой улыбкой поворачивается ко мне и говорит:

— У меня ощущение дежавю, сестрёнка... В прошлый раз, когда Наталья вывалила на меня всю правду об украденном ею ребёнке, она вот так же выскочила из-за стола и со слезами бросилась в ванную. Бедняжка...

Маша думает я буду улыбаться вместе с ней? Она ошибается.

Ударившись о мой каменный взгляд, Маша меняется в лице:

— Эй, что с тобой, сестричка? Ты опять жалеешь её?

— А я-то думаю, откуда ты взялась здесь среди зимы беременная в халате и

тапочках... — говорю я. — А ты пришла сюда из соседней квартиры! Из его квартиры! И волосы натуральные отрастила, как у меня, — киваю на слегка обесцвеченные концы, — и платье как у меня раздобыла... — с ухмылкой указываю на фотографии у моих ног, — жаль, в магазине такого не купить! Правда? Долго возилась с выкройкой? Я, например, трижды его перешивала...

— Всё, всё... Я поняла... — Маша выбрасывает на меня раскрытую ладонь. — Об этом я тоже собиралась тебе рассказать...

— О чём, об этом? О том, что ты вторглась в мою жизнь и меня же вытеснила из неё?.. — перехожу на крик. — Что ты сказала Кириллу, встретившись с ним впервые? Как объяснила ему свою татуировку? Чем ты его опоила, что она не заметил подмены?.. И, кстати, поздравляю вас! Совсем скоро вы с Кириллом станете родителями! Я смотрю, и постельку для малыша уже приготовили! Верно? — киваю на детскую кроватку в углу. — Только почему она стоит здесь? А не в вашей спальне?

— Стой, стой, не кипятись, сестричка! — Маша пытается положить ладонь мне на плечо, но я отстраняюсь. — Успокойся! Сейчас я всё тебе расскажу...

Я тяжело дышу и сверлю её глазами. А Маша в отличие от меня абсолютно спокойна и невозмутима. Я не знаю, может быть, так действуют какие-нибудь витамины для беременных.

Она откидывается на спинку кресла, укладывает руки на их обычное место, на свой беременный живот и, как обещала, начинает рассказывать:

— Когда Наталья в тот первый вечер вот так же расплакалась и выбежала из кухни, мне позвонил Стас. А у меня руки и без того тряслись от услышанного. Ведь не каждый день тебе рассказывают об украденных младенцах. И вот позвонил Стас, я полезла в карман за телефоном, хотела сбросить входящий, но что-то пошло не так. И вместо того, чтобы нажать кнопку отбоя, я ответила на звонок... Конечно, я тут же сбросила вызов и даже отключила звук, но Стас позвонил снова, а после прислал смс-сообщение:

"Хорош бегать, Соколова! Я отследил звонок! Я уже иду за тобой!"

Я не знала, можно ли на самом деле отследить, откуда был сделан звонок, и где именно находится телефон. Но мысль о том, что Полянский, возможно, напал на мой след и уже через пару часов будет здесь, в этом доме, меня буквально парализовала.

"Нужно срочно что-то делать! Но не должен прийти сюда! Думай, Маша! Думай!" — сказала я себе и придумала.

Единственно верным решением я считала вызвать Полянского на нейтральную территорию.

И я тут же отправила Стасу ответное сообщение:

"Хорошо, давай встретимся у Корзиночки, завтра в 19:00..."

О том, что на завтра должен был наступить наш с тобой день рождения, я сообразила уже позже. И подумала, что это даже к лучшему.

"Ну, не станет же Полянский вести себя как скотина в мой день рождения..." — наивно подумала я.

Но тут мне прилетела ещё одна смс от него, которая разбила в пух и прах эти предположения.

"Замётано, Соколова! Завтра я оторву твои красивые ножки, чтобы ты больше не бегала от меня!"

Я поняла, какую чудовищную ошибку совершила, согласившись встретиться с ним. Но

отступать было нельзя. Да, прийти к Полянскому на свидание означало подвергнуть себя опасности. Но не пойти и тем самым обмануть его, было опаснее во сто крат. В этом случае он бы непременно сам явился в мой дом, и тогда пострадала бы не только я, но и Наталья, и даже её сын Кирилл...

— И тогда ты решила подвергнуть опасности меня? — ядовито подмечаю я. — Молодец...

— Да, со стороны всё выглядит именно так... — говорит Маша. — Но, поверь мне, у меня и в мыслях не было причинять тебе вред. Я вообще была уверена, что мой план сорвётся, едва Полянский выйдет из машины. Он мог назвать тебя моим именем, или увидеть, что у тебя волосы другого цвета, или... Да у тебя элементарно татуировок нет! А у меня их вон сколько...

Маша закатывает рукав халата и демонстрирует мне "браслет" на запястье, а затем подбирает волосы и показывает строчку из букв и цифр. Я не спрашиваю, что они означают. Мне это не важно.

— Так вот... — продолжает Маша, вернув волосам прежнее положение. — В полной неуверенности, что мой план сработает, я дождалась, пока Наталья успокоится и вернётся на кухню. И едва она появилась, я обратилась к ней с предложением...

"Не переживайте, — сказала я, — никто не узнает о Вашей тайне! Но молчать я буду не бесплатно..."

"Сколько ты хочешь?! Я заплачу... — оживилась Наталья. — У меня есть кое-какие сбережения..."

"Денег я не возьму..."

"А что тогда?..."

"Скажите мне номер телефона моей сестры..."

Наталья опешила:

"Но если ты позвонишь Даше и расскажешь ей о себе, тогда вскроется вся правда о девочках-близнецах... И Ольга Ивановна..."

"Ничего не вскроется! Будьте спокойны!" — ответила я.

"Но..."

Она колебалась, а я теряла терпение:

"Так Вы скажете мне номер? Или я прямо сейчас позвоню в полицию и расскажу любопытную историю об украденном мальчике? Кстати, с его братом Костиком мы знакомы лично! Вот такое случайное совпадение! Представляете? Я могу и ему позвонить!..."

И для пущей убедительности я даже вынула из кармана свой мобильный.

Больше Наталья не спорила. Она послушно продиктовала мне заветные цифры, и я начала действовать...

— Давай прервёмся на чашку чая, — говорит Маша, поглаживая себя по огромному животу, — малыш так пинается... Кажется, он проголодался. В холодильнике есть колбаса, в буфете печенье, ещё консервы...

Если честно, я бы ничего сейчас не ела. Не то настроение. Но желудок, услышав про колбасу, жалобно урчит и требует немедленно его покормить. Поэтому я соглашаюсь на чай, и из просторного зала мы перебираемся в тесную шестиметровую кухню.

Маша накрывает на стол и попутно продолжает рассказывать:

— Заполучив твой номер, а за одно и адрес на Центральной, я принялась сочинять смс. Что я могла написать тебе от имени Кирилла? "Даша, привет. Давай встретимся..." А если Кирилл никогда не зовёт тебя по имени, а называет только "кошкой" или "рыбкой" или ещё каким-нибудь зверьком? А если вы с ним поссорились? Может быть, в этом случае он никогда тебе не пишет первым. А если в данный момент его просто нет в городе? Если он на этих своих соревнованиях по баскетболу? Тогда он вообще не может звать тебя на свидание! Короче, к чему я всё это... Чтоб ты понимала, насколько наугад я действовала... Как бы то ни было, я всё-таки придумала текст сообщения и отправила его тебе.

Маша заливает кипятком чайные пакетики-пирамидки, и кухня в миг наполняется фруктово-ягодным ароматом. Потом она устраивается у стола напротив меня и продолжает:

— Теперь мне оставалось только ждать и гадать, сработает мой план или нет. На следующий день я заранее пришла к месту вашей встречи. Там у "Корзиночки" вещевого рынок есть, знаешь? Так вот... Я затерялась там среди торговых палаток и стала наблюдать. Хотя, если честно, я могла и не прятаться. В тот день я так вырядилась, что вы бы ни за что меня не узнали. Белый палантин, мамкины чёрные очки, кружевные перчатки, чтобы скрыть татуировки...

Маша встряхивает волосами, будто прогоняя нахлынувшие воспоминания, и продолжает:

— К моему удивлению, тебя не пришлось долго ждать. Ты пришла к назначенному времени. Стояла там на крыльце, переминалась с ноги на ногу... А Полянский, как обычно, задерживался, и я тем временем отправила тебе ещё одно сообщение:

"Прости, приехать не могу! Отправил за тобой Стаса."

Я киваю. Так всё и было.

— И вот наконец он явился. В любимой рубашечке поло, на машине лучшего друга... Короче, весь в своём репертуаре! — Маша закатывает глаза. — Он выкрикнул нашу фамилию, и это было первой "удачей". А судя по голосу и улыбчивой харе, Полянский был в приподнятом настроении. И это было ещё одной "удачей". Если, конечно, употребление этого слова сейчас уместно...

Маша отодвигает от себя опустевшую чашку и осторожно ведёт по ручке кончиком мизинца.

— А потом ты села к нему в машину, и вы уехали! "Мой план сработал?!" — подумала я, не веря своим глазам. Только не было у меня никакого плана. Я представляла себе только момент вашей встречи со Стасом. А что я буду делать, если тот заметит подмену, я не придумала. И понятия не имела, как поступить, если что-то пойдёт не так... Поэтому я просто решила отправиться вслед за вами!

Я знала, что он повезёт тебя на "наше" место...

Усадьба Полянских когда-то была моим вторым домом. До неё я добралась без труда. Гораздо труднее было найти машину, которая меня туда доставит. Даже таксисты отказывались ехать в Пригород, не то что обычные водители. Я опросила десяток местных мужиков, но все как один мотали головами, мол, ну на фиг... В итоге один всё же согласился мне помочь, но выдвинул свои условия. Сам, говорит, не поеду, но машину могу дать. С тебя, говорит, десятка и паспорт. Водить умеешь? А я умею водить. Мы ударили по рукам, и уже через час я была на "адском" перекрёстке.

С момента вашей встречи со Стасом прошло немало времени, но он ни разу мне не позвонил. И я решила, что всё в порядке.

"Наверняка, они уже познакомились! И теперь сидят, пьют вино и обсуждают, какая я плохая... — подумала я с улыбкой. — Стас увидел перед собой мою точную копию. Это его обескуражило. И он тут же забыл о наших с ним проблемах..."

Но это были только мои фантазии. Ты появилась на дороге, и по твоему внешнему виду и походке я всё поняла...

В том, что случилось, виновата была только я. Поэтому посадить тебя к себе в машину и отвезти домой было самым меньшим из того, что я могла для тебя сделать...

Маша замолкает. На её глазах выступают слёзы.

— Прости, сестрёнка... Я впутала тебя в наши разборки с Полянским... Я не должна была этого делать... — шепчет Маша и накрывает мою руку своей ладонью. Её прикосновение обжигает, но я не отстраняюсь.

— Проехали. Что сделано, то сделано... — говорю я на выдохе и скорее меняю тему. — Можно мне ещё чаю?

— Конечно!

Маша наполняет наши кружки по второму кругу и между делом спрашивает:

— Если честно, я до сих пор не пойму, почему Полянский это сделал? Это меня он должен был найти и разорвать в клочья! Ведь это я его обманула! Но он больше ни разу мне не позвонил и не написал ни одного сообщения!.. Что, отыгрался на тебе и успокоился? Или как?

Я в ответ пожимаю плечами:

— Потому что он ничего не понял...

— В смысле?..

— Когда я уходила от Стаса, он всё ещё был уверен, что я — это ты...

Маша округляет глаза:

— Но вы провели вместе несколько часов! Как можно было не заметить подмены?

Я бросаю на сестру печальный взгляд и после короткой паузы отвечаю:

— Наверно, теперь пришёл мой черёд рассказывать...

— Садясь в машину к незнакомцу, будь готова расхлёбывать последствия! Вот я и расхлёбываю... — горько усмехаюсь, глядя на чёрную гладь крепко заваренного чая. — Ты наливай себе кофе, бери печенье, кури, если хочешь... — шучу, конечно. — Сейчас я всё тебе расскажу...

Встаю из-за стола, подхожу к окну. В форточку врывается зимняя ночь. Лбом прижимаюсь к холодному стеклу. От моего дыхания оно запотеваает. Смотрю на утонувший в темноте прямоугольник детской площадки.

— На той лавочке мы впервые с ним поцеловались... — так, мысли вслух.

Спиной чувствую её взгляд. Она терпеливо ждёт, когда я перейду к главному, не торопит. Я глубоко вздыхаю и, не оборачиваясь, начинаю говорить:

— В тот вечер Кирилл назначил мне свидание у "Корзиночки". Прислал сообщение с чужого номера. Я должна была сразу насторожиться, но он так убедительно сожалел о разрядившейся батарее и нулевом балансе, что я поверила. Ну, взял телефон у друга, с кем не бывает...

Я приехала к назначенному времени. Кирилл задерживался. Примерно через полчаса я получила от него ещё одно сообщение:

"Прости, приехать не могу! Отправил за тобой Стаса!"

А минутой позже неподалёку остановилась тонированная иномарка. Из переднего окна высунулся парень.

"Соколова! — крикнул он. — Садись, прокатимся!"

Я никогда раньше его не видела, но, услышав свою фамилию, подумала: "Это Стас!"

И быстрым шагом направилась к машине. Дура...

Отлипаю от окна и возвращаюсь за стол. Маша меня не перебивает, и я продолжаю рассказывать:

— Я не знаю, почему не испугалась сесть в чужую машину. Ведь бабушка всегда учила меня осторожности. Постоянно твердила: "Будь бдительна!" Но в тот вечер все мои инстинкты в раз отключились. Наверно, мне так не терпелось увидеться с Кириллом, что я забыла о безопасности... Короче, я села в машину к этому парню, и мы поехали. По пути Стас увлёл меня разговором, и я даже не заметила, что он везёт меня куда-то за город. Вот только разговор у нас получался какой-то странный. Я удивлялась его комплиментам:

"Тебе очень идёт этот цвет волос!"

"С этим макияжем тебе гораздо лучше!"

"Татуировок нет! Это клёво!"

А потом Стас предложил мне закурить. Я, естественно, отказалась. И тогда он строго глянул на меня через зеркало и сказал:

"Ты не куришь?! Охренеть! Вот, что значит жить в городе!"

Я подумала, к чему все эти реплики? Бред какой-то!

— Полянский был уверен, что везёт в машине меня... — поясняет Маша. — И, видимо, он решил, что я так изменилась, перебравшись в город...

— Да, — киваю в ответ, — теперь я тоже это понимаю... В общем, мы с ним болтали, болтали, а потом я, наконец, обратила внимание на пейзаж за окном. Просёлочная дорога, поля, железнодорожный переезд... Я спросила: "А куда мы едем?" А Стас быстро обернулся

и улыбнулся как-то подозрительно: "На наше место, Соколова, на наше место!" Я подумала про себя: "Что ещё за "наше" место?", но уточнять не стала. Решила, что этот парень говорит о каком-то "их месте" с Кириллом. Я же была уверена, что они друзья... Короче, я пожалала плечами, откинулась на спинку сиденья и полностью доверилась судьбе.

Даже, когда Стас привёз меня в глухие дебри "Жемчужного", когда я вышла из его машины и запуталась в узких коридорах его усадьбы, я наивно полагала, что так и должно быть, так запланировано, понимаешь? Я ожидала в одной из комнат увидеть Кирилла, готовилась к какому-то сюрпризу... У меня даже мысли не возникло, что этот человек может причинить мне боль! Ведь сам Кирилл отправил его ко мне!

Мы поднялись на второй этаж, Стас где-то раздобыл бутылку вина. Мы непринуждённо болтали, и всё это время я думала, что вот-вот появится Кирилл и заберёт меня. А Стас тем временем откупорил вино, наполнил бокалы и один протянул мне: "Выпьем, Соколова..." Я не отказалась. А что? У меня вообще-то был день рождения... Мы выпили "за встречу" и "за моё новое платье" и за мою чёлку, которая "теперь исключительно прямая"... И нет бы мне заподозрить неладное, но я только хихикала в ответ на эти странные тосты. Ну, правда! Когда не подозреваешь, что твой собеседник думает, что перед ним другой человек, со стороны кажется, что он просто так прикалывается по-дурацки... Кстати, мой комплимент его одеколону он тоже принял за шутку:

" — От тебя вкусно пахнет. Что за парфюм?" " — Это Версаль, синий..." — Мм... Классный... Мне нравится..." — Ну, ты угараешь, Соколова..."

Шутки закончились, когда в разговоре я упомянула Кирилла. Тот никак не приходил, я начала волноваться и спросила:

"А Кирилл скоро придёт?"

И Стасу, уже достаточно выпившему, этот вопрос не понравился. Он скривился, его глаза потемнели, а уголки губ медленно сползли вниз.

"Что ты сказала? Кирилл?!" — проговорил он и швырнул о стену свой бокал.

Я закричала от неожиданности:

"Эй! Ты чего?"

А он начал крушить всё вокруг.

"Кирилл? Кирилл, значит! Ты поэтому в город сбежала, сука? К какому-то Кириллу?!"

Я не понимала, что происходит? Он был пьян и нёс какую-то чушь! До меня, наконец, дошло, что Кирилл не придёт, и надо уносить ноги.

Я подхватила свою сумку и бросилась к выходу, но Стас догнал меня и за волосы поволок обратно. Сопrotивляться этому чудовищу было бесполезно. Мои жалкие попытки высвободиться только ещё больше заводили его. Он швырнул меня на кровать и...

Подступившие слёзы перехватывают горло. Я замолкаю, закрываю глаза и заново переживаю ту страшную ночь.

Маша осторожно берёт меня за руку. От её прикосновения я вздрагиваю.

— Не рассказывай, не надо, — говорит она. — Я и без того знаю, каким ублюдком был Полянский... Вернее, каким ублюдком он становился под выпивкой...

— Знаешь, что он говорил мне во время этого? — шепчу я сквозь слёзы. — Он говорил: "Зачем тебе он? Избавься от него! Нам будет хорошо с тобой! Тебе и мне! Как раньше!" А мне было уже всё равно, что он говорит и что делает... Он сломал меня, понимаешь?..

— Вот же мерзавец... — говорит Маша и до боли сжимает мои пальцы.

Она хочет что-то добавить, но я её перебиваю. Пусть знает, что было дальше.

— А потом Полянский увидел кровь на покрывале, и это немного отрезвило его... Он отпрянул от меня и принялся прогонять: "Твою мать! Чтоб тебя, Соколова! Пошла вон! Убирайся! Исчезни!" Мне даже показалось, что он плачет. Видимо, осознал, наконец, что натворил. Я покидала его дом, а он всё кричал и кричал мне вслед разные ругательства... Я спустилась на первый этаж и случайно зацепила плечом вешалку в прихожей. Его куртка упала на меня...

— Всё, всё... Не рассказывай! — просит Маша, но я уже не могу остановиться.

— А потом я шла по темноте... — продолжаю я. — Сама не знаю, как мне удалось выйти на дорогу... Я долго петляла между участками. Но все они были похожи друг на друга. Высоченные заборы, чёрные остроконечные крыши... "Жемчужинный" будто не хотел меня отпускать. Я сворачивала то в одну сторону, то в другую, но снова оказывалась там, откуда только что вышла... Острые камни врезались в мои босые ступни, платье цеплялось за колючие кусты. Мне было холодно и страшно, и вокруг не было ни души. Только собака лаяла где-то за домами. Я ускорила шаг, но запнулась и уронила сумочку. Мой телефон выпал из неё и ударился о какой-то булыжник. Батарея выскочила и исчезла в темноте. Я пыталась нащупать её, но это было бесполезно. А я должна была позвонить кому-нибудь, хотела позвать на помощь...

— Да, да, я понимаю... — Маша гладит меня по руке, утешает, хотя ей самой едва удаётся справиться с волнением. — Потом ты вышла на трассу, и я забрала тебя... Ну, всё, сестрёнка, всё... Больше никто тебя не обидит! В ту ночь я поклялась себе в этом и клятвы не нарушу!..

Зря она это сказала сейчас... Ой, зря...

Я выдёргиваю свою руку из Машиных "объятий" и с мерзким звуком отодвигаю стул от стола. Поднимаюсь, смахиваю оставшиеся на ресницах слёзы, мысленно ругая себя за то, что позволила себе растечься в кисель перед этой лживой беременной сукой...

А как ещё мне её называть, если она сидит передо мной, чешет о какой-то мифической клятве, а сама заняла моё место рядом с Кириллом и ходит теперь беременная от него!

Собственно почти тоже самое я говорю ей в глаза.

— Хватит врать! Слышишь? — я делаю два шага назад и спиной упираюсь в ледяной подоконник. — О какой клятве ты сейчас говоришь?

Жаль, что эта тесная кухня не позволяет мне отойти дальше. А меня опять тошнит, и голова идёт кругом. Потому что здесь даже воздух пропитан её наглой ложью и фальшивым состраданием.

— Ты потому взяла себе моё имя и моего парня, чтобы "не обижать меня"? И, наверно, по этой же причине тебя так скоро "раздуло" от беременности? А к нашей бабушке ты тоже явилась из лучших побуждений? И только с самыми благими намерениями ты вручила ей пояс от моего платья и тем самым довела её до сердечного приступа? Ну-ка, расскажи мне? Хотя нет, лучше молчи! Хватит с меня твоей помойной лжи... Я уйду!

Я устремляюсь к двери, но мимо Маши так просто не пройти. Она сидит посреди кухни, большая и беременная, и загораживает собой весь проход. Когда мне всё же почти удаётся протиснуться к выходу, она хватается за руку и приказным тоном заявляет:

— Ты не дёргайся, а сядь и послушай, что я буду тебе говорить! Если ты сейчас попытаешься убежать, мне придётся встать и как следует врезать тебе! Ну, не станешь же ты драться с беременной женщиной?

— Стану, если потребуется! — парирую в ответ — Или ты всерьёз думаешь, что я не достаточно наелась твоими байками?

— Ты совершишь огромную глупость, если сбежишь и не дослушаешь меня! Тебе ведь интересно, откуда я знаю твоего Карасёва? Остайся хотя бы ради него...

Шах и мат!

Я на самом деле очень хочу узнать, какие такие извилистые тропы свели вместе мою беременную сестрицу с моим непутёвым другом. Которого, кстати, нет уже больше часа. Где он опять болтается?

Я застываю на месте. Маша понимает, что почти убедила меня остаться и дожидает.

— Ну, с чего мне начать? С того, как мы встретились с твоей бабушкой? Или с того, как я оказалась в одной постели с твоим Кириллом? Или с того, как и почему твой приятель Толик взялся мне помогать?...

— Начинай, с чего хочешь... — цежу сквозь зубы и возвращаюсь за стол.

Маша расплывается в довольной улыбке:

— Я знала, что ты умница! Ну, что ж... Ещё по чашке чая и по печеньке?.. — я отвожу глаза. Мол, обойдусь. И Маша не настаивает. — Ладно, можно и просто так поговорить. Начну, пожалуй, по порядку. С твоей старухи....

Я сижу с отрешённым видом, но сама уже вся обратилась в слух.

— Чтоб ты понимала, я не искала встречи с твоей бабкой... — начинает Маша. — Да, у меня был твой адрес на Центральной, и ничто не мешало мне как-нибудь заявиться в ваш

дом, застать вас обеих врасплох и обрушить на ваши головы всю скопившуюся во мне за эти годы обиду и злость. Я бы могла задать твоей бабушке вопрос, почему она перестала искать свою дочь? Неужели ей было наплевать на её вторую внучку? И почему она позорно сбежала с Садовой, едва получив от дочери первое письмо? Полагаю, только за это твоя старуха уже должна была понести наказание! Ты так не считаешь? А сколько денег она получила от нашей матери за эти годы? Это же баснословная сумма! Бабуля распоряжалась денежками, как ей вздумается, но при этом продолжала скрываться и изводить нашу мать своим молчанием! Почему она делала всё это? Я должна была расспросить её обо всём, понимаешь? И вот однажды...

Маша не успевает закончить мысль, потому что я перебиваю её:

— И вот однажды ты всё же заявила в наш дом, чтобы задать бабушке свои вопросы?

— Нет, моя дорогая, ты не угадала... — Маша качает головой. — Однажды твоя старуха сама заявила ко мне. А точнее, к себе. Сюда, на Садовую. Явилась в самый неподходящий момент. Когда моя жизнь, наконец, начала налаживаться. Я уже познакомилась с твоим Кириллом и почти переехала к нему. Он уже знал о моей беременности, и мы носились с ним по магазинам в поисках идеальной детской кроватки...

"Говорит как ножом режет..." — думаю про себя, но вслух не произношу ни слова.

А Маша продолжает хвалиться:

— С того дня, как я приехала в Н-ск прошло уже больше двух месяцев. И если первые несколько недель я только и ждала, что сюда явится тот, кто поддерживает жизнь в этом доме. То теперь, спустя ещё месяц, когда никто так и не пришёл сюда, я, наконец, позволила себе жить полной жизнью. Разборки с Полянским остались в прошлом. В моей жизни появился другой человек. Я ждала ребёнка и, наконец, позволила себе быть счастливой... С твоего позволения, я всё же налью себе чаю...

Маша прерывается на несложный ритуал приготовления травяного напитка. После "отпрашивается" у меня в туалет и минут через десять возвращается к своему рассказу.

— И вот однажды возвращаюсь я, счастливая, из магазина и вижу такую картину. Дверь в дальнюю комнату, которая всегда была заперта, настежь распахнута. И кто-то ходит по ней, шуршит пакетами, шелестит бумагой. По старушачьей курточке на вешалке и страшным сапогам у порога не сложно было догадаться, кто там хозяйничает.

"Ну, наконец-то ты пришла! — подумала я. — Настал момент нам с тобой познакомиться, бабуля!"

И направилась напрямиком в открытую дверь.

— А ты знаешь, что там, в дальней комнате? — спрашивает Маша, хитро прищурившись.

— Не имею ни малейшего представления... — сухо отвечаю я.

— Пойдём, я покажу тебе. У меня ключ есть...

Маша не спеша поднимается из-за стола и жестом призывает меня следовать за ней:

— Идём, идём...

Она подходит к серванту, выдвигает верхний ящик и достаёт оттуда небольшой металлический ключ.

— На, возьми, — протягивает мне. — Я хочу, чтобы ты сама открыла.

Я не понимаю, с чего вдруг была удостоена такой чести, но послушно принимаю ключ и вставляю его в замочную скважину...

— Что это? — я веду глазами по стеллажам, что стоят вдоль стен по всему периметру комнаты. — Когда-то здесь была бабушкина спальня...

Это правда. Помню, двенадцать лет назад здесь стояла кровать, рядом с ней громоздился небольшой плательный шкаф, а у окна был письменный стол.

Теперь из прежнего остались только выцветшие обои на стенах и деревянные половицы. Я оборачиваюсь на Машу, которая стоит за моей спиной:

— Ты можешь объяснить, что всё это значит?

Я говорю о вещах, коими здесь завалена каждая полка. Новые, в шуршащих упаковках, и старые, сложенные стопками. Детская одежда и обувь, мягкие игрушки и канцелярские принадлежности, коробки с настольными играми и фотоальбомы, журналы и книги.

Много книг...

Они занимают здесь отдельный стеллаж. Потрёпанные, наверно, ещё из моего детства, и новые, затянутые в плёнку, с блестящими корешками и хрустящими страницами.

Книги расставлены в строгом порядке — от детских к подростковым. Вещи кстати тоже рассортированы по возрастам. Малышковые — слева, те, что постарше, — в центре, слева — самые взрослые.

На первый взгляд кажется, что я очутилась на складе какого-нибудь магазина. Стою, озираюсь по сторонам, а сестра за моей спиной похихикивает:

— Что? Впечатляет?

— Ещё как...

— Это комната похороненных воспоминаний...

Под моим непонимающим взглядом Маша подходит к стеллажу, на котором лежат фотоальбомы, и вытягивает с полки один из них.

— Ну, вот, например...

Маша листает альбом, демонстрируя мне чёрно-белые снимки. Под каждым надпись: "Танюше год", "Наш первый шаг", "Первый раз в первый класс" и так далее.

— Это мамкины фотки... — поясняет Маша, хотя мне и так понятно. — Узнаёшь её? Вот, смотри ещё...

Этот альбом она отдаёт мне, а сама вытягивает другой. Фотографии из второго альбома мне знакомы. Я видела их ещё у Антонины Петровны. Только на тех снимках мы были троём — я, мама и бабушка. И лицо матери было густо зачерчено чёрной пастой. Теперь же я вижу полную картину. Мама открыто улыбается мне (кстати, мы с ней очень похожи), а бабушка... держит на руках ещё одну девочку. Те снимки, что я видела прежде, были аккуратно срезаны по краю. И таких кадров, где мы сняты вчетвером, здесь множество. Есть и такие, где мы с сестрой вдвоём. Их я раньше не видела.

— Ты понимаешь? — спрашивает Маша. — Бабка заперла в эту комнату всё, что было связано с матерью. И со мной... Здесь мамкины личные дневники, которые она вела ещё в школе. Здесь её вещи и фотографии. Здесь подарки, которые последние двенадцать лет она отправляла тебе. Вот, смотри...

Маша возвращает фотоальбомы на место, переходит к следующему стеллажу и небрежно смахивает с верхней полки стопку сложенных вещей. Блестящие упаковки рассыпаются по полу, и я вижу детские футболки с яркими аппликациями на груди и платья

с шёлковыми лентами.

— Мама хотела, чтобы ты носила эти вещи, читала эти книги, играла с этими игрушками. Но бабка прятала всё это здесь, под семью замками!

У меня не укладывается в голове. Я предполагала что-то подобное, но до конца не верила, что это может быть правдой.

— Варвара Ивановна сказала, что бабушка всё выбрасывала... Она показывала мне книгу... — растерянно говорю я.

— Кто? Эта старушенция, которая живёт по соседству? — кривится Маша. — Вечно трётся у моей двери и что-то вынюхивает. Несколько раз мы с ней чуть не столкнулись на площадке. Мерзкая бабулька! Соврёт и не покраснеет! Хотя кто знает, возможно, твоя бабка и правда что-то выбрасывала... Значит, этих вещей здесь могло быть ещё больше!

На этом Маша единожды хлопает в ладоши:

— Так, мы отвлекись... Продолжим. Значит, в тот день я вошла в эту комнату и застала твою бабку там, — указывает пальчиком в дальний угол. — Она сидела на стульчике, что-то переключала и ворчала сама с собой. Она была так увлечена своим занятием, что даже не заметила моего присутствия. Мне пришлось кашлянуть, чтобы обратить на себя внимание.

— И что она?

— Она крикнула от неожиданности, резко повернулась и схватилась за сердце: "Матерь божья... Машка..." Старуха узнала меня, представляешь! Не спутала с тобой, а сразу поняла, кто я такая! Расплакалась, конечно. Поднялась на ноги, на шею бросилась... "Машка, внученька..." А мне были противны её сопли! Девятнадцать лет она обо мне не волновалась и тут — нате вам! Машенька! Я, конечно, её оттолкнула. Мол, да пошла ты со своими нежностями! И спросила в лоб: "Что же ты, бабка, с матерью моей так обошлась? Она двенадцать лет тебя искала! Зачем ты пряталась?"

— И что она ответила? — спрашиваю я.

— Ответила, что когда получила от матери письмо с требованием увидеть дочь, очень испугалась! Понимаешь, она испугалась, что мамка за тобой приедет и заберёт тебя у неё! Так мне и сказала: "Танька сама виновата! Подробнее нужно было писать!" А в том письме, ты сама знаешь, ни слова о возвращении домой не было, а только вот это:

"ХОЧУ ВИДЕТЬ ДАШКУ" Ну, и бросилась наша бабка в бега. А других писем он конечно, не читала. А только деньги из конвертов вытряхивала.

— Что было дальше?

— Потом старуха начала рассказывать, как в тот день с прогулки с тобой пришла. Как пустую кровать обнаружила. Как потом спать по ночам не могла, ждала. Сказала: "Я каждый день у окна стояла, думала, вернётся моя блудная дочь! Неделю плакала, другую плакала... А потом обозлилась так, что поклялась себе, никогда в жизни больше с Танькой не разговаривать!" Да, да, бабка так мне и сказала: "Видеть её не хочу после того, что она сделала! Потаскуха! Кукушка! Не дочь она мне больше! Так и передай ей! А тебе, Машенька я рада очень! Молодец, что приехала..." И тут я бабке как выпалю: "Можешь не переживать! Нет больше Таньки! С окна она сбросилась! Из-за тебя, между прочим! Из-за твоего бегства! Из-за твоего молчания! Не смогла она так дальше жить! Да, мать совершила ошибку, когда в Пригород за любовником побежала! Но ей всего восемнадцать лет было! Молодая была, глупая! Но ты же, бабуля, взрослая женщина! Ты же умнее должна быть! Ты могла её принять и простить! Как ты могла быть такой жестокой по отношению к собственной дочери?"

— И что она тебе ответила?

— А она плачет и своё мне твердит: "Я думала, Танька у меня Дашеньку заберёт! А я жить без неё не могу!" И я ещё раз повторила: "Ну, всё, можешь не волноваться, никто у тебя Дашку твою не заберёт!" И добавила: "В аду тебе гореть за такие дела, баба Оля!" И вроде мы с ней закончили на этом. Она сказала, что я могу жить здесь, сколько потребуется, а сама на Центральную засобиралась. И уже к выходу топала и вдруг остановилась. Я подумала, чего это она встала, как вкопанная? А она твой пояс от платья увидела. Он на кресле лежал. Я в тот вечер как бросила его туда, так и забыла о нём. А бабка твоя этот пояс узнала, подошла, взяла его... Спрашивает: "А это откуда здесь?" И, не дождавшись моего ответа, продолжает: "Дашка в тот вечер в этом платье ушла..." И, видимо, у старухи в голове какой-то свой паззл сложился. Мол, ты в тот вечер домой не вернулась. Потом две недели у подружки жила. С парнем перестала встречаться. Задумчивая какая-то стала. "Откуда у тебя этот пояс? Что тогда случилось?" — спросила она, а саму уже всю трясёт. А я не стала ничего выдумывать. Выдала всё, как есть. А с чего мне её жалеть? Она же никого не пожалела, когда Садовую бросила и в Центр сбежала... Я всё ей рассказала. Как подобрала тебя, как домой привезла. Вот тут-то бабку и скрутило: "И Танечки больше нет, и с Дашенькой беда случилась..." Стоит, скрючилась, еле дышит, за сердце держится. Я думала, она прям посреди комнаты кони двинет. Но та ничего, подышала, подышала и побрела потихоньку...

— Что ты наделала?! Ты понимаешь, что фактически это ты убила её? — вскрикиваю я. — Зачем ты ей всё рассказала?

— Потому что, если бы ни она, наша мать была бы жива! Так что не я сгубила твою бабку! То было возмездие! Её убила совесть! Как ты не понимаешь? Она разучила нас! Она не дала матери шанса исправить свою ошибку! Если бы тогда, двенадцать лет назад, она не сбежала с тобой на Центральную, всё сейчас было бы иначе! Оглянись вокруг! Ты могла бы носить эти платья и играть с этими игрушками, но бабка лишила тебя всего этого! Её гордыня оказалась в разы сильнее любви! Любви к тебе, Даша! О себе я вообще молчу. На меня ей всегда было наплевать. Так с чего ради я бы стала беречь её чувства?

— Всё, хватит! — я обхватываю голову руками.

Внутренний голос кричит мне, что Маша права. Бабушка, действительно, не должна была распоряжаться чужими судьбами...

В ушах шумит:

"Они обе виноваты! Обе виноваты!..."

— Довольно! Замолчи! — пытаюсь я перекричать этот шум в голове. — Я согласна! И мама, и бабушка обе виноваты в том, что случилось! Но их обеих больше нет в живых! Так что оставим эту тему...

Я опускаю руки и поднимаю на сестру тяжёлый взгляд:

— Теперь я хочу знать, как ты заняла моё место рядом с Кириллом?..

— Ну, что ж, послушай...

Мы покидаем комнату "похороненных воспоминаний", и Маша снова запирает её на ключ. Зальные кресла уже ждут нас для продолжения разговора.

Сестра уделяет немного времени общению с будущим малышом. А я между тем поднимаю с пола разбросанные снимки. И пока Маша наглаживает живот, я перебираю на коленях её фотографии. С Кириллом...

В голове не укладывается...

Маша и Кирилл...

Вместе...

— Ну, и как же так вышло, Маша? Как? — спрашиваю я, не отрывая взгляда от сочных кадров.

Та оставляет в покое свой живот и поворачивается ко мне.

— Да уж... Вопрос не из лёгких... С чего же начать...

Её шутки сейчас неуместны. Они меня раздражают.

— С начала! — огрызаюсь я, бросив на сестру недовольный взгляд.

— Ладно! Ладно! Только не злись! — она вскидывает ладони.

Осознав, что я не намерена шутить, Маша начинает рассказывать:

— Что ж... Пожалуй, всё началось в ту самую ночь, когда я подобрала тебя на адском перепутье...

Я не могу сдержаться и перебиваю:

— Ты привезла меня в Н-ск, высадила у дома, а сама отправилась прямиком к моему парню?

Маша корчит обиженную гримасу:

— Ты на самом деле так плохо обо мне думаешь, сестричка? Конечно, нет! Высадив тебя из машины, я отъехала на безопасное расстояние и стала наблюдать за тобой. Я должна была убедиться, что ты благополучно зайдёшь в подъезд. Ты вспомни своё состояние! Просто мечта для каких-нибудь отмороzków! Знаешь, как я напряглась, когда к тебе подошёл этот двухметровый хрен?!

— Его зовут Толик... И он нормальный.

— Да, я тоже это поняла, когда он склонился к тебе и бережно поднял на руки. Ты не закричала, не попыталась вырваться, а, наоборот, обняла как родного. Было видно, что ты ему доверяешь, и он не причинит тебе вреда...

Я снова перебиваю:

— Кстати, ты не рассказала, как вы познакомились с Толиком?

Маша хмурится:

— Не всё сразу, дорогая! Оставим его на десерт! Хорошо?

— Ладно... — соглашаюсь неохотно, потому что хочу знать всё и сразу. — Ну, и что было дальше? Ты увидела, что меня забрал с улицы не Кирилл, и со спокойной душой отправилась к Кириллу?

— Опять не угадала! — улыбается Маша. Кажется, мои последние слова она приняла за шутку. — Я вернулась сюда, на Садовую, приняла душ и отправилась спать. А на следующий день я вернула арендованную тачку хозяину и своим ходом опять поехала на Центральную. Если хочешь знать, я ездила туда каждый день в течение следующих двух недель...

— Зачем?

— Мне нужно было убедиться, что с тобой по-прежнему всё в порядке.

— Интересно, как бы ты узнала, в порядке я или нет? — в недоумении приподнимаю левую бровь.

— Через открытые окна, глупышка! — опять улыбается Маша. — В жару люди распахивают окна настежь. И в них можно увидеть много чего интересного... Я вставала перед твоим домом недалеко от гаражей и смотрела в окна... Я увидела тебя в окне первого этажа. Ты сидела на диване, обложившись подушками. А рядом был твой приятель. Он что-то тебе рассказывал, и ты грустно улыбалась ему. Я видела, как вы ели пиццу и суши, и играли в настольные игры. Ясно было, что этот парень положительно на тебя влияет...

— И на какой день ты всё же решила отправиться к Кириллу? — снова перебиваю.

— Вскоре после его визита к тебе.

Я помню тот день...

Это был день под номером тринадцать. Вы не поверите, но после случившегося "Жемчужном" я принялась отсчитывать дни своей "новой" жизни...

Так вот... Как выяснилось позже, это Лапина отправила ко мне Кирилла... А вернее, она отправила его напрямиком к Толику. Ну, что за трепло без мозгов! Кто вообще просил её вмешиваться в мои дела? Мы с Кириллом какое-то время не виделись, и Светка решила, что мы поссорились. Потом она узнала, что я живу у Толика, и её совсем переклинило. Ей, видите ли, стало жаль Кирилла, и она отправила его ко мне для примирения. А тот, уверенный, что я променяла его на Карасёва, прилетел ко мне с адским криком и бешеными глазами.

Если бы Толик был дома, он бы ни за что не подпустил Кирилла ко мне. Но в тот день Карасёвы разъехались, кто куда. Я была в квартире одна. И когда раздался звонок в дверь, решила, что Нина Михайловна опять потеряла ключи. Поэтому открыла, не задумываясь.

Кирилл ворвался в прихожую как разъярённый тигр.

"Почему ты здесь?! Что ты делаешь в доме этого ублюдка?! Ты спишь с ним?! Ну, и как он тебе?!"

Вопросы сыпались на меня с такой скоростью, что я не успевала на них отвечать. Кирилл напирал на меня, а я пятилась назад. И скоро мы оказались в комнате. У окна...

Конечно, Маша нас увидела.

А Кирилл, наконец, увидел на моём теле синяки и ссадины, которых не заметил в полумраке прихожей.

Мой внешний вид его шокировал. Он схватил меня за плечи и встяхнул словно куклу:

"Твою мать! Это он сделал?"

"Кирилл отпусти, мне больно!..."

"Я спрашиваю, кто это сделал? Назови имя, и я найду этого ублюдка!"

"Отпусти..."

"Имя! Я сказал!"

"Стас... Это был Стас... Доволен?"

Услышав это имя, Кирилл отпрянул назад.

"Как ты сказала? Стас? — он взялся за голову и отступил ещё на два шага.

И пока он находился в замешательстве, я выпалила ему всё.

"Твой дружок изнасиловал меня! Посмотри! Его руки были везде! И здесь, и здесь! — я показывала ему чуть затянувшиеся ссадины. — Ты мерзавец, Кирилл! Как ты мог?"

Разрядившаяся батарея, нулевой баланс... Просто гениальный план! Я оценила! Только непонятно... — замолкла на несколько секунд, восстановила дыхание и задала ему главный вопрос, — В чём я перед тобой провинилась, что ты так жестоко меня наказал?"

Но Кирилл не ответил.

Не выдержав его молчания, я добавила:

"А Карасёв вернул меня к жизни..."

Но, кажется, и эту фразу Кирилл пропустил мимо ушей. Видимо, всё это время он соображал, какой именно Стас надругался над его девушкой. Теперь уже бывшей девушкой.

И, наконец, его осенило.

" — Стас!... - рыкнул он. — Вот же скотина! Я убью его!..."

На этом Кирилл резко развернулся и вскоре исчез в дверном проёме. Через мгновение он был уже на улице. Охваченный яростью вылетел из подъезда и бросился к остановке.

Больше мы с ним не виделись.

— Вы ругались у окна...

Голос сестры выдёргивает меня из воспоминаний.

— Естественно, я не могла услышать, о чём вы говорили, — говорит она. — но по его краснющим глазам, с которыми он выбежал из подъезда, я поняла, что дела у вас плохи. Чёрт! А ведь это была моя вина! И в том, что случилось с тобой, и в вашей ссоре с Кириллом виновата была только я! Это я подставила его! Я подставила вас обоих! И я должна была как-то вмешаться, понимаешь?

У меня вырывается злобный смешок:

— Ну да, ну да... Лечь с ним в постель, притворившись мной, — это отличный способ помирить нас...

— Не язви... — говорит Маша. — Всё было не так...

— И как же? — я намеренно задерживаю взгляд на её огромном животе. — Попробуй объяснить...

— Теперь, когда я стала свидетелем вашей ссоры, я держала твоего Кирилла на виду. Наблюдать за ним было просто. Мы жили по соседству. Я каждый день видела его во дворе. Он сидел на скамейке, бухал и смотрел в никуда. Я надеялась однажды увидеть вас вместе. Пьющих или курящих, орущих друг на друга или жарко целующихся... Не важно! Мне нужно было, чтобы вы снова начали общаться! А там потихоньку, помаленьку вы бы смогли перешагнуть через эту ссору... Но прошла неделя, а Кирилл так и сидел по вечерам совершенно один. И компанией ему была только банка с пивом. Тебя же я видела на Центральной и в компании лучшей подруги, и в компании бабушки. И в компании ещё каких-то тёток...

— Наверно, это были мои клиентки. Я помогаю школьникам решать задачи... Ну, раньше помогала... — зачем-то поясняю я.

— Наверно... Не важно... — кивает Маша. — К чему я всё это... Твоя жизнь текла своим чередом. А Кирилл здесь на Садовой гнил и разлагался. На него было больно смотреть. И виновата в этом была я...

— Представляю, как ты решила искупить свою вину... — снова мой взгляд падает на Машин живот.

Та понимает намёк и закатывает глаза:

— Я решила с ним поговорить! Просто по-го-во-рить! Понимаешь?

— Вижу, разговор состоялся...

— Ты так и будешь меня перебивать?... — строго спрашивает Маша. Я закусываю нижнюю губу, мол, продолжай. — Так вот... Мне было нелегко решиться на этот разговор. Ведь спуститься во двор и подойти к Кириллу для меня означало выйти из тени и обнаружить себя. И тем самым нарушить наш уговор с Натальей. Я же обещала ей не высываться, чтобы никто не узнал историю "про девочек-близнецов"... Но Кирилл выглядел очень плохо. Он буквально погибал на моих глазах. А это был твой Кирилл, Даша, твой... И только ради тебя я отважилась на этот шаг!

"Да гори они синим пламенем! Эти обещания! — сказала я себе. — Я их поссорила, я же их и помирю!" И пошла к нему...

— Ой, Дашка, видела бы ты его... — вздыхает Маша. — Сидел пропащий, голову свесил, в руках банка с пивом, пятна на брюках... Боже мой! Я к нему подседа, он даже не среагировал. Будто в какой-то параллельной реальности был. Я легонько его толкнула в плечо: "Кири-илл?" Он мой голос услышал, повернулся и... расцвёл. Я серьёзно тебе говорю! Когда он меня увидел, его лицо просветлело! Глаза заблестели, на щеках румянец проступил! Дашка, увидев меня, он ожил, понимаешь?!

Маша рассказывает и сама вся светится, ей-богу.

— Он прошептал одними губами: "Любимая..." и сгрёб меня в свои объятия... — взхлёб продолжает она. — Я слова сказать не успела! Кирилл прижал меня к себе, как родную, и шепчет в висок: "А я думал, ты никогда ко мне не вернёшься... А ты пришла, любимая... Я так ждал тебя... Прости меня, солнышко..." Ну и всё в таком духе. Шепчет, горячо дышит и держит так, что не вырвешься! Да меня даже Стас никогда так крепко не обнимал! Дашка, ты понимаешь? Кирилл подумал, что ты вернулась к нему, и от этого был счастлив! Когда он опять посмотрел на меня, его глаза светились! Я не шучу! Вечер был пасмурный, но в его глазах я увидела солнце!

— Ну, ну... И дальше что? — поторапливаю я, не желая застревать в этой части её рассказа.

Слушать, как твой бывший парень шепчет нежности другой девушке, кем бы она тебе не приходилась, — такое себе удовольствие.

— В тот вечер я не смогла сказать ему правду, — признаётся Маша. — Ты же понимаешь, наша с тобой история не во всякой трезвой голове уместится. А мозгу, пропитанному алкоголем, с ней точно не справиться. Кирилл был пьян и едва не плакал от счастья. Я подумала: "Пусть он насладится немного этой иллюзией. Пусть успокоится. Пусть протрезвеет, в конце концов. И тогда я всё ему расскажу."

— И что ты сделала? — спрашиваю я.

— Я позволила Кириллу задушить меня одеколоном и перегаром, позволила обнять несколько раз, позволила держать за руку, — отвечает Маша. — Но когда он потянулся к моим губам, я уклонилась: "Не надо..." Он не настаивал. Ему было достаточно того, что я... кх-м, то есть ты, просто рядом.

— И что, Кирилл никак не отреагировал на твои обесцвеченные кудри? — это сарказм, кудрей у Маши нет. — Не заметил татуировок?.. Да мы вообще разные, если как следует приглядеться!

— Говорю же, в тот вечер в его организме плескалось пиво и счастье! — парирует Маша. — Думаешь, стал бы он обращать внимание на такие мелочи!

— Ладно... И что было потом? — спрашиваю я.

— Я уговорила Кирилла пойти домой, принять душ и как следует выспаться, — продолжает Маша. — Он противился, конечно. Ему было мало проведённых вместе минут. Но я обещала, что мы обязательно увидимся утром. И тогда Кирилл меня отпустил. Я проводила его до подъезда, дала ему время добраться до квартиры и потихоньку вернулась к себе.

— На следующий день вы увиделись? — спрашиваю я.

— Да, утром, как обещала, я позвонила в его дверь. Кирилл встретил меня при параде. В

новых брюках, в отглаженной рубашке. На голове — причёска, на лице — улыбка... За те несколько дней, что я наблюдала за ним, он впервые улыбался, представляешь?

Я киваю в ответ хоть и не разделяю того восторга, с которым Маша сейчас говорит.

— Он предложил мне поехать в город, — продолжает она. — Ну... Прогуляться по Набережной, зайти в какую-нибудь кафешку...

— И ты согласилась? — перебиваю я.

— Да, а что, это преступление? — Маша хлопает глазами, будто и впрямь не видит в этом ничего особенного.

Я взрываюсь:

— Ты же собиралась всё ему рассказать! А сама фактически отправилась с ним на свидание!

— Тише, тише, не кипятись! — успокаивает меня сестра. — Это было не свидание! Я просто дала Кириллу шанс самому заметить, что перед ним не его Даша, а другой человек. Мне показалось, будет проще, если он первым начнёт задавать вопросы.

— И что, теперь он обратил внимание на твои обесцвеченные кудри? — снова сарказм.

— Да, обратил... — отвечает Маша. — Но заговорил об этом только ближе к вечеру, когда мы уже вернулись обратно на Садовую. Он весь день будто нарочно не касался этой темы. Мы болтались по городу, говорили о разном. Вернее, Кирилл говорил, а я слушала. Он вспоминал ваши прошлые свидания: "Помнишь, мы туда-то ходили... Помнишь, мы там-то были..." А я, конечно, не могу этого помнить. Иду, поддакиваю, а сама думаю: "Ну, когда же, когда же он заметит, что я не та, за кого себя выдаю..." И, наконец, вечером Кирилл сказал мне: "Даша, ты изменилась. Почти не разговариваешь и вообще... Ты стала другой..." Он провёл рукой по моим волосам и будто случайно задел сердечко на ключице. Я подумала: "Вот он, тот самый момент, когда я могу во всём ему признаться!" Я вдохнула поглубже: "Кирилл, это потому что я..." А он не дал мне закончить. Приложил указательный палец к моим губам и произнёс: "Тс... Ничего не объясняй! Я понимаю, это твой способ справиться со стрессом. После пережитого потрясения тебе нужно было что-то изменить в себе. Я читал про такое... Мне очень нравятся твои волосы и эти татуировки... Правда, нравятся. Тебе очень идёт. Я люблю тебя, Даша, всё в тебе люблю..."

Маша замолкает, погрузившись в свои мысли. И мне приходится "разбудить" её:

— Ты так и не сказала ему правды...

Сестра возвращается в реальность:

— Нет, не смогла... Это были такие нежные мгновения, что я побоялась их спугнуть. Полянский никогда таким не был. Я думала, что знаю, что такое любовь. Но, оказалось, нет. Оказалось, что всё познаётся в сравнении. Кирилл показал мне, как на самом деле ведёт себя мужчина, который искренне любит свою женщину. И мне захотелось ещё немного почувствовать себя любимой. Когда Кирилл снова потянулся к моим губам, когда легко коснулся их, я не возражала. Я мысленно повторяла себе: "Это всего лишь игра. Это временно. Я всё расскажу ему завтра. Или послезавтра..." А потом его поцелуй разбудил в моём теле миллиарды крошечных клеточек, которым так не доставало теплоты и внимания... Думаешь, я сейчас играюсь красивыми словечками из какой-нибудь сопливой книжки? Нет! Так и было на самом деле! Когда твой Кирилл меня поцеловал, во мне будто зажглись крошечные лампочки! И я... я... В общем, в тот вечер я потеряла голову...

— А на утро вы проснулись в одной постели... — подхватываю я.

С моей стороны это только предположение. Можно сказать, шутка. Но Маша виновато

отводит глаза:

— Прости, я не удержалась... Понимаю, глупо рассчитывать сейчас на твоё понимание...

Я никогда не произнесу этого вслух, но на самом деле я понимаю Машу. В Кирилла невозможно не влюбиться. Я сама это проходила...

— И когда же ты собиралась признаться ему во всём? — спрашиваю я строго, учительски. — После второго секса? После третьего? Каким был твой план?

— Не было у меня никакого плана, — вздыхает Маша. — Я просто плыла по течению. Жила одним днём и всё. Я была уверена, что рано или поздно правда сама вскроется. Или я невзначай что-нибудь ляпну, или мать Кирилла не выдержит и всё ему расскажет. Никогда не забуду её лицо, когда она впервые увидела нас вместе. Вся позеленела, попятилась, поднос чуть не выронила. Наталья едва не произнесла моё настоящее имя, но вовремя прикусила язык. "Как? Как же так? Почему ты с ним?" — кричали её глаза. А я выбрала удобный момент, подошла к ней и потихоньку сказала: "Молчи о моей тайне! Тогда и я о твоей тайне молчать буду!" И Наталья по сей день молчит. Пьёт как не в себя, но молчит. Потому что не хочет потерять сына. Ты сама подумай, какой будет реакция Кирилла, если он узнает, что когда-то его украли у родной матери...

Мне вспоминается недавняя встреча с Натальей.

"Не нужно тебе появляться здесь! Я каждый раз боюсь, что вы с Кириллом столкнётесь!.." — сказала она, но беспокоилась вовсе не обо мне, а о своей собственной тайне.

А другие её слова теперь кажутся просто смешными.

"Но ещё хуже будет, если она тебя здесь увидит!.. — сказала Наталья, имея в виду мою сестру. — Ты не понимаешь, насколько она опасна! Не понимаешь, на что она способна!.."

Да уж... Притворяться другим человеком и жить его жизнью — так себе суперспособность!

А Маша между тем продолжает:

— В том, что Наталья будет молчать, я не сомневалась. Но здесь в любой момент могла появиться твоя бабка или ты, или твоя пустоголовая подружка... Ты, кстати, не сердись на Светку. Мы познакомились с ней до всего этого. Я ещё жила в Пригороде и написала ей просто от скуки. Я тогда вообще не знала о твоём существовании и болтала с ней просто так, без какого-либо злого умысла. Потом, когда Наталья сказала мне твой номер телефона и адрес, я вспомнила, что уже видела эти цифры в переписке с девочкой под ником Лиска. И мне оставалось только поразиться, как невероятно тесен наш мир и сколько в нём случайных совпадений. Так, о чём я говорила... Ах, да... В общем, я понимала, насколько ненадёжна моя реальность, выстроенная на лжи... Ведь стоило вам с Кириллом случайно где-нибудь столкнуться, мой мир схлопнулся бы как мыльный пузырь." Ну и ладно, — утешала я себя. — Даже если Кирилл узнает правду и прогонит меня, в моей памяти навсегда останутся эти пять, десять или пятьдесят незабываемых идеальных дней, которые мы провели вместе..." А потом у меня вылез живот. Кирилл очень обрадовался моей беременности и даже огорчился, что я долго её скрывала от него. И я поняла, что обратного пути нет. Всё зашло слишком далеко. Я уже не смогу вернуться к прежней жизни. Отныне носить твоё имя и оставаться с Кириллом стало моей главной целью и смыслом моего существования. Теперь я контролирую каждое слово, чтобы не сболтнуть лишнего. Если Кирилл вспоминает что-то из вашей с ним прошлой жизни, я глупо улыбаюсь и поддакиваю ему. Ну, например...

— Можешь не объяснять, — перебиваю я. — Как-то раз я стала свидетелем подобного диалога!

И я рассказываю Маше, как совсем недавно шла за ними по зимней аллее и слушала их разговор о посиделках в "Котейке".

— Да, точно... — подхватывает Маша. — Было такое. Он спрашивает меня, какое я выбрала мороженое, а я не знаю, что отвечать. Ляпаю наугад.

— Кстати, ты не угадала... — вымученно улыбаюсь я.

Маша тоже улыбается, и на мгновение мне кажется, что всё хорошо. Будто мы как закадычные подружки сидим тут, болтаем... Но потом я вспоминаю, что на самом деле всё не так радужно, и моя улыбка гаснет. И Маша тоже это замечает.

— Ты считаешь меня сволочью? — спрашивает она. — Да, ты вправе так думать. Пришла, заняла твоё место, хожу тут... беременная. Но взгляни на это с другой стороны. Кириллу было без тебя очень плохо. Он мучился, страдал. А ты не спешила к нему возвращаться. И никогда не вернулась бы, верно? И кто знает, что стало бы с этим парнем сегодня, не появишься в его жизни я, твоя качественная копия... — смеётся. — Я спасла его, Даша, понимаешь? Да, согласна, я сама заварила всю эту кашу. Но я же попробовала всё исправить, правда? Ты можешь хотя бы за это смягчить мне приговор?

А я молчу. Что мне ей ответить?

"Молодец! Пришла, нагадила и решила немного прибраться... Продолжай в том же духе!"

Или:

"Да ладно, проехали... Я тебя прощаю..."

Или послать на хрен, встать и уйти?

Я не знаю, что мне ей сказать. Я просто молчу и не смотрю на неё.

И чтобы завладеть моим вниманием, Маша переключается на другую волнующую меня тему.

— Ладно, про Кирилла я тебе рассказала... Теперь давай расскажу, как я познакомилась с Карасёвым... Тебе интересно?..

Конечно, мне интересно...

Интересно, куда пропал Карасёв? Время — одиннадцать... Где его носит?

— Ну, мне рассказывать или нет? — настойчиво спрашивает Маша, так и не услышав от меня ни звука.

— Рассказывай... — мой ответ скорее похож на плевок. Но Маша не брезгает.

Я уже готовлюсь услышать, что моя сестра и с Карасёвым подружить успела. Что они где-то встретились, он принял её за меня, привёл к себе... И так далее, и тому подобное.

Но Маша подготовила для меня куда более захватывающую историю.

— Однажды вечером Кирилл вернулся с работы в каком-то странно приподнятом настроении, — начинает она издалека. — С порога крикнул:

"Дашка, ты слышала? Стасян в больнице лежит! Оказывается, я ему нос сломал! Ну, пусть теперь только шаг в твою сторону сделает, мы с пацанами за гаражами его закопаем!"

Кирилл зашёл на кухню, уселся за стол. От него несло перегаром и, как бы это сказать, злорадством что ли...

Я стояла у плиты, котлеты жарила, и не сразу поняла, о чём он говорит. Но знакомое имя, прозвучавшее в новой форме "Стасян", больно резануло слух.

А Кирилл возбуждённо барабанил пальцами по столешнице:

"Беляев всегда гнидой был! Парни меня предупреждали, а я не верил..."

Когда я услышала эту фамилию, до меня, наконец, дошло...

Кирилл говорил о своём напарнике Стасе Беляеве.

Бедняга! Этому парню просто не повезло с именем...

Услышав от тебя: "Это был Стас!", Кирилл первым делом вспомнил этого Стаса Беляева. Других знакомых Стасов у Кирилла нет.

Так совпало, что в тот день, когда я от имени Кирилла "пригласила" тебя на свидание, сочинив при этом сказку про внезапно севший телефон, этот парнишка и вправду брал у Кирилла мобильник и высадил ему батарею.

Плюс он копался в телефонной книге Кирилла, а значит, мог легко запомнить твой номер телефона.

И хоть Беляев никогда не был Кириллу другом, но иногда на корпоративах они всё же пересекались.

Сопоставив все эти факты, Кирилл пришёл к выводу, что именно Стас Беляев отправил тебе сообщение и это... — Маша старается подобрать правильные слова, чтобы как-то помягче упомянуть о случившемся. — В общем, всё остальное тоже его рук дело...

Чтобы за тебя отомстить, Кирилл в ярости помчался к Беляеву. Выдернул его, полусонного, из квартиры, спустил с лестницы и несколько раз врезал как следует!

После этого Беляев оказался в больнице с двумя переломами, а Кириллу достался кубок победителя и визит участкового. Впрочем, с последним уже всё улажено.

Даша, видела бы ты, как Кирюша гордился собой! И хотел, чтобы я тоже им гордилась!

А я стояла, котлеты переворачивала, поддакивала по привычке, а про себя думала:

"Глупыш! Не тому ты по морде дал! Того Полянским звать! И он давно уже покойник! Ну, как давно? Часов шестьдесят примерно..."

Конечно, откуда Кириллу было знать, что всего пару дней назад, а именно в ту ночь,

когда он, пьяный и счастливый после нашей встречи, спал у себя дома, я поймала машину и поехала в "Жемчужный"...

— Зачем? — осторожно спрашиваю я. — Чтобы убить Полянского?

Я упрямо не верю, что моя сестра способна на такое.

— Этот ублюдок заслуживал самого жестокого наказания! — отвечает Маша. — Ты вспомни, что он сделал с тобой! На тебе места живого не было! Забыла? Такое нельзя было прощать!

— Но... Убивать человека... — говорю шёпотом, потому что это даже звучит страшно.

— Послушай меня, сестричка! — Маша подаётся вперёд. — Все эти синяки могли остаться намоёмтеле! Ты это понимаешь? Мы обе теперь знаем, что Полянский даже не понял, кого в ту ночь швырнул на кровать. Он думал, что перед ним его Машка, его собственность. С которой он вправе делать, что хочет. Это не тебя он избивал и насиловал в ту ночь, а меня! Понимаешь? Меня! А знаешь, зачем Полянский это делал?

Театральная пауза, барабанная дробь...

— Он хотел, чтобы я...потеряла ребёнка!

— Что ты сказала? — спрашиваю на выдохе.

Я же ослышалась, верно?

Или нет...

— Что слышала...

Маша отворачивается, и мой взгляд невольно опускается на её огромный живот. Она мягко поглаживает его и глубоко дышит. Я вижу, как от волнения у неё подрагивают кончики пальцев.

— Я беременна от Полянского... — продолжает Маша, не оборачиваясь. Кирилл ничего не знает... Он думает, это его ребёнок. А на самом деле, когда мы с ним... Ну, в общем... Когда у нас с Кириллом всё случилось, я была уже на девятой неделе...

Маша по-прежнему не смотрит на меня. А у меня нет слов, чтобы описать свои чувства. Только тошнота опять подкатывает к горлу. В который раз за этот вечер.

— Охренеть... — это всё, что мне удаётся выдать из себя. И пока я подбираю ещё какие-нибудь подходящие к этой ситуации слова, Маша говорит:

— Помнишь, я тебе сказала, что между мной и Полянским кое-что случилось? Кое-что, из-за чего мы расстались. Я не хотела тебе об этом рассказывать. Ну, да ладно... Так вот... Беременность у меня случилась. И я рассказала о ней Стасу. Я думала, он обрадуется этой новости, на руки меня подхватит, закружит по комнате... Ни фиги! Он обезумел от злости! Швырял стулья и орал, как потерпевший.

"Ты сказала, что у тебя долбанные безопасные дни! Ты сказала, мы можем не предохраняться! Сука! Ты меня обманула! Ты должна избавиться от этого гадёныша! Поняла?"

Да, я и вправду его обманула. Просто я думала, что мы с Полянским любим друг друга. И мне хотелось, чтобы у нас получилась настоящая семья. Я мечтала родить ему ребёнка. А почему нет? Мы жили вместе, мы что-то там планировали. Но, как выяснилось, Полянский оказался не готов к такому повороту...

Маша замолкает на время, чтобы смахнуть слезу, успокоить живот, сделать несколько вдохов и выдохов, и когда немного приходит в себя, продолжает:

— Ты сказала, что Полянский прогнал тебя, когда увидел кровь на покрывале? Я объясню. Он даже не понял, что трахнул девственницу. Потому что был уверен, что трахает

меня. Беременную меня. Увидев кровь, он решил, что у меня случился выкидыш. Его цель была достигнута! Стасу не нужен был этот ребёнок, и теперь его больше не было! Бинго! Но уже через мгновение к нему пришло осознание произошедшего, а следом нахлынуло чувство вины! "Твою мать, Соколова..." Мол, что же я натворил. Вот поэтому он принялся гнать тебя прочь...

Маша делает ещё один глубокий вдох-выдох и продолжает:

— Я же, увидев тебя на дороге, грязную и истерзанную, сказала себе:

"Смотри, Маша, на её месте могла оказаться ты... И тогда у твоего ребёнка не осталось бы ни единого шанса появиться на свет!.."

Подумав об этом, я задохнулась от негодования:

"Как он мог? Мерзкий ублюдок! Как он посмел?! Я этого так не оставлю! Пусть сгорит в аду!"

Пристёгнутая к водительскому креслу я беспомощно дёргалась на месте, била руками об руль и рычала, как тигрица!

Выпустив пар, я заставила себя успокоиться. Мне было необходимо взять себя в руки, чтобы помочь тебе.

Следующие две недели я наблюдала, как заживают твои синяки и ссадины, оставленные Полянским, и продумывала свою месть. Мне не давала покоя мысль о том, что этот ублюдок гуляет где-то безнаказанным. Вот почему однажды ночью я собралась и поехала в "Жемчужный". Чтобы отомстить за тебя! За нас обеих...

Я предвкушала нашу встречу с Полянским. Представляла, как прежде выскажу ему всё, что накопилось у меня на душе, а потом воткну нож ему в самое сердце! Такие мрази не должны ходить по земле! И Полянский должен был гореть в аду!

Весь путь до "Жемчужного" воображение рисовало мне его тело, скрюченное болью, и лицо, искажённое предсмертными муками! Едва прикрыв глаза, я видела его окровавленный рот и слышала хрипы, рвущиеся из его груди! Мысль о мести лишила меня сна, но питала изнутри и придавала сил! Но когда я, наконец, добралась до усадьбы, Полянский уже был мёртв...

— Не понимаю... — произношу я севшим голосом.

— Будучи ещё у ворот, я заметила у самого дома бездыханное тело, — говорит Маша. — Оно лежало на земле в страшной, неестественной позе. Глаза были открыты и будто смотрели на своего обидчика. А тот стоял над телом, победоносно сложив руки на груди. И в его взгляде я прочла всё то же:

"Гори в аду, ублюдок! Гори в аду!"

Я была настолько поражена этой картиной, что не сразу сообразила, кто этот человек, горой нависший над Полянским. А это был он, тот самый парень, который когда-то на руках унёс тебя со двора.

— Это был Карасёв, Даша... — печально произносит Маша. — Твой приятель Карасёв Толик. Это он убил Полянского, чтобы отомстить за тебя...

Почему в этой комнате так мало воздуха?..

Я задыхаюсь, задыхаюсь...

Зачем она говорит неправду?

Зачем она лжёт?

Толик не мог этого сделать!

Он не убийца!

Мой Толик не убийца!

— Нет! Ты врешь! Ты всё врешь! Ты наглая лгунья! Я не верю тебе! Зачем ты на него наговариваешь? Что он тебе сделал? — кричу я, опережая слёзы. — Ведь это неправда! Неправда! Скажи мне, что это неправда!

— Это правда! — кричит Маша в ответ. Её слёзы тоже близко. — Ты должна мне поверить!

— Не хочу!.. Нет!

— Это правда! — в наш диалог врывается посторонний, третий голос.

Из коридора тянет морозом и знакомой туалетной водой. Маша смотрит поверх моего плеча на того, кто стоит у меня за спиной.

А мне не нужно оборачиваться, чтобы узнать его...

— Это правда... — его голос звучит тише и мягче.

— Ой, а вот и Карасёв вернулся! — с неуместной сейчас радостью восклицает Маша. — Дальше он сам тебе всё расскажет! И как мы с ним познакомились, и что делали... Правда же, Толя? А мне надо исчезнуть на несколько минут, если позволите.

На этом она с беременной скоростью покидает комнату, и вскоре в обволакивающую нас тишину врзается смесь бытовых звуков. Щелчок выключателя, скрип дверных петель, скрежет шпингалета, гудение кранов, шум воды... Впрочем, очень скоро я перестаю их замечать.

Карасёв между тем не спеша обходит кресло и опускается передо мной на корточки:

— Даша, это сделал я... Я убил Полянского...

Мои руки лежат на коленях, Толик накрывает их своими ладонями. Я дрожу всем телом, хочу высвободиться, и он это чувствует.

— Тише, тише... Посмотри на меня... — просит Толик, но я нарочно избегаю встречи с его глазами. — Этот подонок должен был понести наказание... Понимаешь?

Лучше бы он ничего не говорил сейчас. Лучше бы молчал. Потому что его голос будто слезоточивый газ. От него у меня щиплет в носу, в глазах печёт, из-за слёзной плёнки я почти ничего не вижу.

— Даша... — Толик приподнимается, чтобы дотронуться до моего подбородка. — Посмотри на меня...

Не могу.

Я отстраняюсь и отрицательно мотаю головой:

— Не надо... Не трогай меня...

На ресницах собираются тяжёлые капли и по одной срываются по щекам.

— Толик, ты ведь не убийца... — сдавленно говорю я, попрежнему избегая его зелёного взгляда. — Как такое возможно?..

Он осторожно стирает с моего лица мокрые дорожки.

— Я должен был это сделать, Даша. Понимаешь? Я поклялся себе...

Толик встаёт в полный рост и отходит к окну. Там снаружи мутные очертания домов смешиваются с грязно-рыжим повторением комнаты на оконном стекле. На переднем плане чёрный размытый силуэт.

Толик стоит ко мне спиной, и я украдкой стараюсь разглядеть в окне черты его лица.

— Помнишь, как в ту ночь я забрал тебя с улицы? — спрашивает он, не оборачиваясь. Смотрит на россыпь огней, замерших над серыми сугробами. — Помнишь, о чём ты меня просила?

Если честно, нет...

Помню его сильные руки под своими коленями. Помню, плечам было холодно. Помню запах подъезда. Помню жёлтый свет прихожей и испуганные глаза Нины Михайловны. Помню боль во всём теле. И особенно там...

Помню, плакала и хотела умереть...

Но я ни о чём его не просила.

Или всё же...

Нет, не помню...

Толик освежает мою память:

— Ты просила о помощи. Умоляла спасти тебя от Полянского.

— Спасти... Но не убивать... — осторожно подмечаю я.

В ответ на это Толик оборачивается на пару секунд и как-то странно ухмыляется.

— Значит, ты и правда ничего не помнишь... — говорит он и опять смотрит в окно.

Чёрт возьми, что означает эта его ухмылка?..

И Толик поясняет:

— Я сказал тебе:

"Я убью эту мразь, ты только кивни... Хочешь, чтобы я это сделал?"

И ты кивнула и сказала мне:

"Его зовут Стас Полянский. Ты найдёшь его в "Жемчужном"..."

Сделав паузу, Толик добавляет:

— Даша, ты сама дала мне зелёный свет...

Клянусь, я этого не помню. Но даже если...

— Блин, да я была не в себе! — оправдываюсь я. — Не понимала, что говорю! Ты ведь должен был это понять!

— А дальше на меня посыпались подробности вашей встречи, — игнорируя мои слова, продолжает Толик.

Да, это я помню... Я рассказывала ему:

"Машина синяя... Кажется, ауди..."

"На перекрёстке сразу налево..."

"В рубашке был..."

"Вином угостил..."

"Медведь... игрушка мягкая..."

Ну и так далее. И всё в подробностях...

— Уже через час я владел всей нужной мне информацией, — говорит Толик, не отрывая взгляда от картинки за окном. — Потом начал собирать детали. По ночам "гуглил", что он за чел, этот Полянский. Чем занимается? С кем общается? Благо, этот мудака есть во всех соцсетях...

Всё, что мне удавалось узнать, я записывал. Несколько раз сам лично сгонял в Пригород. Пешком проделал весь путь до "Жемчужного". Изучал, фотографировал, чтобы ничего не упустить. Даже карту нарисовал. Прятал её в своей комнате на стене за старыми газетами.

Через неделю я знал об этом ушлёпке всё. Вырос без отца, живёт с матерью. Служил в армии. Ездит на машине друга. На усадьбу приезжает побухать и потрахаться. Сама усадьба в два этажа. Три окна выходят на восток и четыре — на запад. Если зайти на территорию со стороны леса, можно остаться незамеченным... Ну и много других интересных подробностей.

Теперь я был готов встретиться с этим подонком лицом к лицу.

Оставалось только выбрать "правильный" день.

И этот день сам выбрал меня...

Это был мой последний визит в Пригород.

С утра я прошёлся по уже знакомым местам. Ещё раз оценил расстояние от ворот до чёрного входа, освежил в памяти расположение кустарников, за которыми можно укрыться в случае чего. На всякий случай прикинул пути отступления. А напоследок заглянул в

тамошнюю пивнушку за сигаретами.

Я знал, что Полянский частый гость в этом "клоповнике". За пару бутылок "кьянти" местные алкаши выдали мне его с потрохами. Я им сунул слитую из интернета фотографию Полянского, а они поделились со мной ценной информацией. Мол, последнее время каждый день видят этого утырка.

"Приходят с другом..."

"Садятся обычно у того окна..."

"Накачиваются пивом и хлопают официанток по задницам..."

Тот вечер не был исключением.

Когда я вошёл в бар, Полянский сидел на своём "обычном месте у окна" и распивал своё обычное помойное бухло в компании необычно похожего на него парня. Впрочем, когда я сёрфил по интернету, собирая информацию на Полянского, этот парнишка уже попадался мне на глаза. Поэтому их сходству я особо не удивился.

"Вот ты и попался, сучара... — подумал я, наблюдая, как этот гандон опрокидывает себя очередную порцию пива. — Пей, пей, подонок, охлаждайся! Вечерок предстоит жаркий..."

Я занял удачный столик, сразу за их спинами, и теперь слышал всё, о чём они говорили.

"Машину дай мне, Костян... — сказал Полянский своему корешу. — Я решил... Завтра в Н-ск поеду... К Соколовой..."

"Дык, машина у тебя во дворе стоит... — ответил тот. — Хоть щас бери..."

"Не, Костян, ща я бухой..."

Я еле сдержался, чтобы здесь же не жахнуть этой твари по затылку. Меня едва не вывернуло наизнанку от мысли, что я дышу с ним одним воздухом.

Но я приказал себе успокоиться и подождать.

"Спокойно, Толян... Наберись терпения! — сказал я себе мысленно. — Спустя несколько часов ты сполна насладишься своей мезьью!"

Но всё случилось ещё раньше.

"Я прям щас домой поеду... Спать... — сказал Полянский, выползая из-за стола. — А завтра утром сразу к ней... Ты со мной, Костян?"

Он глянул на друга, но тот замялся:

"Не, Поляныч... Мне ещё к бате на работу заскочить надо... Давай, я такси тебе вызову!"

И Костян полез в карман за мобильником.

"Ну, нах, так дойду... Кого мне тут бояться?! — отмахнулся Полянский.

А я подумал:

"Меня..."

В итоге Костян остался в баре, бухать и втыкать в мобильник; Стасик, шатаясь, двинулся к выходу... А я выждал с минуту и пошёл вслед за ним...

— Его часы были сочтены. В этом я не сомневался! — продолжает Толик.

Я по-прежнему не вижу его лица.

— И что было дальше? — спрашиваю у чёрного силуэта на оконном стекле. Знали бы вы, что я сейчас чувствую. Если в двух словах, я и волнуюсь, и стораю от любопытства одновременно.

— А дальше всё было как в сказке... Про "Красную Шапочку", — отвечает Толик, обернувшись. На его губах играет лёгкая улыбка. — Стасик направился по длинной дорожке, а я — по короткой.

Спустя двадцать минут я уже стоял у ворот усадьбы. Спустя ещё минуту подобрался к самому дому. Ещё тридцать секунд мне потребовалось, чтобы выудить из-под коврика на крыльце запасной ключ от чёрного входа. И вот я уже был в комнате самого Полянского. Сидел в его кресле, от нечего делать листал журналы с голыми бабами и изредка поглядывал в распахнутое окно...

— Полянский явился через полтора часа. Я даже начал волноваться! — хохотнул Толик, усаживаясь в соседнее кресло. — Ввалился во двор, бултыхаясь из стороны в сторону, поплёлся к дому. Долго возился с замком. Потом гремел вешалками в прихожей. Целую вечность карабкался по лестнице. Он едва не разнёс дом, пока добрался до своей комнаты. Я только и слышал, как на его пути то и дело что-то падало и гремело.

Наконец, Полянский возник на пороге, весь такой помятый и расхристанный, что я даже немного ему позавидовал. У меня, человека пьющего, никогда не получалось так набухаться!

"Ты... кто... — Полянский вытаращился на меня краснеющими глазами и помахал рукой у своего лица, словно отгоняя муху. — Уйди..."

Сообразив, что этот идиот решил, будто я ему почудился, я решил ему подыграть. Встал с кресла и медленно пошёл на него.

Видимо, я и впрям был похож на призрака. Потому что Полянского реально перекосило. Он, хватаясь за всё подряд, чтобы удержать вертикальное положение, попятился от меня:

"Уйди... Уйди, нах..."

Жмурился, тряс башкой, махал на меня руками!

Пи***ц, я чуть не заржал, глядя на него!

Мы с ним поменялись местами. Теперь Полянский стоял у окна, а я — ближе к выходу. Я продолжал наступать, а этот дурак пятился от меня до тех пор, пока не упёрся ж*пой в подоконник.

Я сделал ещё два шага, а Полянскому шагать было некуда, и он полез выше, на окно. Что ж, я не стал его останавливать. Подумал, пусть карабкается.

Кое-как взобравшись, тот принялся опасно выплясывать в оконном проёме и размахивать руками:

"Кыш... кыш... Стой... Стой, нах..."

Но разве меня этим остановишь. Я сделал выпад в его сторону:

"Бу!"

Полянский дёрнулся назад и, чтобы удержать равновесие, отставил ногу... А под ней... упс... опоры-то нет... Этот дурак забыл, что позади него пропасть... Ну, и полетел, короче...

Уперев локти в колени, Толик немного подаётся вперёд, в мою сторону:

— Как-то так всё и было, Дашка. Как-то так...

— О, боже! Так это был несчастный случай! — мои эмоции зашкаливают. Не передать словами, какое облегчение я сейчас чувствую.

Мой Толик не убийца! Слышите? Не убийца!

Не в силах усидеть на месте, я вскакиваю с кресла и запрыгиваю Толику на колени. Он обхватывает меня обеими руками. И я тоже стискиваю его в своих объятиях.

— Я знала, что ты не виноват в смерти Полянского! — много-много раз целую Толика в обе щёки. — Я знала! Я верила!

— Ну, это как посмотреть, — протяжно говорит Толик, когда я прекращаю его целовать. — Я стоял достаточно близко к Полянскому и при желании мог ухватить его за руку... Да и вообще, если бы я не влез в его дом, если бы не напугал его, возможно, этот хрен до сих пор был бы жив и здоров... Хотя нет... — трясёт головой. — Точно не здоров! После того, что он сделал с тобой, я бы как минимум сломал ему обе руки, а потом обе ноги. Для симметрии... Короче, можно сказать, Полянский легко отделался...

За что я люблю Карасёва, так это за чувство юмора. Он не перестаёт шутить в любой, даже самой скверной ситуации.

Но мы отвлеклись немного.

— И что было после? — спрашиваю я. — После того, как... Полянский... Ну, это... выпал?

— Сразу после я выглянул в окно, чтобы насладиться этим зрелищем! — снова юморит Толик. — Но снаружи было недостаточно освещения. Поэтому я скорее бросился вниз, надеясь застать его живым. Я бы высказал ему всё! Моя перекошенная от злости физиономия стала бы его последней цветной картинкой!

Но, увы, когда я спустился, Полянский уже был мёртв. Хотя он упал с плёвой высоты, на самом деле. Мы, помню, с пацанами в детстве и повыше взбирались. Но этот неудачно приземлился. Башкой вниз... Короче, там без вариантов было...

Ну, так вот... Я подошёл к нему, склонился над ним и сказал прямо и в его стеклянные глаза:

"Гори в аду, ублюдок! Гори в аду!"

— А потом?.. — спрашиваю я почти шёпотом.

— А потом на сцене появилась я... — слышу в ответ.

Это Маша. Её голос раздаётся за моей спиной так неожиданно, что я вздрагиваю. Как при теперешних размерах моей сестре удаётся так бесшумно передвигаться? Не понимаю...

Я спрыгиваю с Толика, как старшеклассница, застигнутая учителем за поцелуями.

— Тогда мы и познакомились, — говорит Маша, обращаясь к Толику. — Верно, Анатолий?

— Да, так и есть, — говорит он, освобождая для Маши кресло. — Я поначалу даже не заметил её туловища у ворот. А когда заметил, чуть не поседел, ей-богу! Замоталась в белые тряпки, очки напялила. Стояла, как мертвяк какой-то! Я уж подумал, что сам "белочку" схватил. По моим подсчётам, в этот час в "Жемчужном" не должно было быть ни души. А тут она... В черепаховой оправе... Прикинь, случайное совпадение!

— Да уж, очки что надо! — улыбается Маша, усаживаясь на освобождённое для неё кресло.

— Но самый прикол случился, когда она их сняла, — говорит Толик, обращаясь ко

мне. — Я смотрю, рожа знакомая. Дашка, что ль, думаю... Да ну на хрен! Быть такого не может! А потом пригляделся! Ну, точно Дашка! Только какая-то не такая Дашка. Не моя Дашка! Как подделка какая-то... Как кроссовки с барахолки. Когда вроде "аидас" брал, а домой принёс, оказалось, "абибас" подсунули...

Маша мягко останавливает Толика:

— Оставь мне эту часть рассказа. Хорошо?

— Да ради бога! — тот взмахивает руками, мол, валяй, рассказывай. — Я пока схожу, покурю ещё разок...

И он уходит, чтобы опять потеряться ещё на час.

Когда дверь за Толиком захлопывается, Маша возвращается к начатому разговору.

— В общем, мы с Анатолием познакомились у тела Полянского... Та ещё, блин, романтика... Он глазами хлопает на меня: "Какого хрена? Ты кто?" — Маша смешно выпучивает глаза, изображая Толика. — А я ему: "Меня звать Мари, и сейчас я всё тебе расскажу..."

И я коротко рассказала Анатолию, кто я и откуда, и зачем пришла. Мол, мы близнецы, то да сё. В детстве нас разлучили, всё это время я жила в Пригороде, а теперь вернулась в Н-ск. А этот мертвяк у наших ног — и есть цель моего визита в "Жемчужный"... Мол, он, такой-сякой, нас с тобой перепутал, и я пришла совершить возмездие, но, видимо, опоздала...

Признаюсь, я смалодушничала и утаила от Анатолия, как на самом деле вышло так, что Полянский нас перепутал, — говорит Маша и с горькой улыбкой добавляет, — испугалась, что если расскажу ему всю правду, то уже через несколько минут буду лежать рядом со Стасом...

— Вообще не смешно... — подмечаю я.

— Ладно... — продолжает Маша. — В общем, Анатолий меня выслушал, и когда я закончила, представился именем отчеством и так же в двух словах рассказал, что случилось с Полянским.

Ситуация была так себе. Мы двое стояли у трупа... С этим надо было что-то делать. Идея пришла мгновенно.

"Я видела, как ты Дашку тогда на руки подхватил, — сказала я Анатолию. — Знаю, как ты две недели её выхаживал. Фактически к жизни вернул! Сразу видно, что она тебе нравится..."

Сказала и наблюдаю на его реакцией.

Анатолий промолчал, но глаза его выдали.

— Даша, ты знаешь, что этот парень по уши в тебя влюблён? — спрашивает Маша, хитро прищурившись.

"Знаю... — думаю про себя, но вслух ничего не говорю. Маша и не ждёт, пока я ей отвечу.

— Так вот... — продолжает она. — Я предложила Анатолию следующее.

"Давай сохраним случившееся в тайне, — сказала я. — Ты не говори никому, что видел здесь меня. А я никому не скажу, что видела здесь тебя. А это... — я кивнула на распластанного между нами Полянского, — это просто несчастный случай... Вы живите там с Дашкой потихоньку, приглядывай за ней, ухаживай. Но, главное, проследи, чтобы она с Кириллом не пересекалась... Ой..."

Маша прикрывает рот ладонью и растерянно глядит на меня. Кажется, она только что

сболтнула лишнее.

— Что ты сказала? — переспрашиваю я.

— Блин... — с досадой вздыхает Маша, понимая, что выкрутиться уже не получится. — Ну, да... Я попросила Анатолия, чтобы он проследил за тем, чтобы ты никогда больше не встретишься с Кириллом...

— Что? Зачем?

— Потому что у меня были на него планы...

— Планы? На него? Это что вообще значит? — моему возмущению нет предела. — То есть, ты и не собиралась рассказывать Кириллу правду? То есть, ты с самого начала меня обманывала?!

— Ну, как бы да... — Маша опускает голову. — Глупо уже скрывать это. Когда Кирюха обнял меня тогда, в самый первый раз, я поняла, что он будет отличным отцом моему ребёнку... Собственно говоря, я именно поэтому той же ночью отправилась в "Жемчужный". Полянский был для меня ненужной помехой, и мне нужно было от него избавиться...

— У меня нет слов... — говорю я упавшим голосом. — Ты страшный... Очень страшный человек...

— Даша, я пошла на это ради... сына... — приложив ладони к животу, Маша умоляюще смотрит на меня. — Я хотела, чтобы у него был нормальный отец...

Мне хочется ответить что-то типа "могла бы найти себе другого кандидата на эту роль" или "тебе что, других мужиков мало"... Но я понимаю, что сейчас любые мои слова — это пустое сотрясение воздуха. Всё уже случилось...

— Ну и что, Карасёву понравилось твоё предложение? — спрашиваю я, желая поскорее сменить тему.

— Конечно, понравилось! — отвечает Маша. — Ради тебя он согласился бы на что угодно! Мы обменялись телефонами и договорились оставаться на связи. Потом мы периодически созванивались, устраивали переключку, так сказать. Надо сказать, Карасёв неплохо справлялся со своей задачей...

Я здесь же вспоминаю сразу два недавних случая, когда мы едва не столкнулись с Кириллом лицом к лицу, и с трудом сдерживаю улыбку. Мол, ну, конечно, справлялся Карасёв... Как же..

Но вслух об этом, конечно, не говорю, чтобы не разочаровывать Машу. А та всё щебечет:

— Ты жила там, я здесь... И до недавнего времени всё было нормально. А потом мне позвонил Кинишев-младший...

— Костик грозился найти меня в Н-ске, чтобы "разорвать в клочья". После смерти Полянского его жизнь в Пригороде полетела к чертям. Местные жители не верили, что Стас погиб в результате несчастного случая. Большинство считало, что "мальчишку убили" и виноват в этом Кинишев-младший. Тот же, в свою очередь, винил в смерти Полянского меня.

Чтобы вернуть себе доброе имя и восстановить справедливость, Кинишев примчался в Н-ск. Я не знала, к чему готовиться, но отчётливо понимала, что если он случайно встретится с тобой, если вдруг обознается, если перепутает нас, тогда весь его гнев обрушится на твою голову. А тебе и так уже досталось, сестричка. Поэтому я позвонила Анатолию и попросила его спрятать тебя понадежнее.

— Да, я слышала твоё голосовое сообщение Толику, — подмечаю я и в доказательство своей осведомлённости цитирую:

"Пусть она сидит у тебя и не смей её отпускать... Он в городе. Ты понимаешь, о чём я?.. Он ищет... Нам нельзя облажаться!.."

Закончив цитату, я одариваю сестру многозначительным взглядом:

— Я из-за тебя сидела взаперти, между прочим...

— Это было сказано образно! — оправдывается Маша, махнув на меня рукой. — Ну, что ты в самом деле! Я имела в виду, чтобы Карасёв оберегал тебя, защищал, если понадобится. Я не виновата, что он понял мои слова буквально и действительно запер тебя в четырёх стенах.

А сам между тем заявился сюда, на Садовую, с требованием предоставить ему еду и ночлег на неопределённое время.

"Пока Даша живёт у меня, я буду жить у тебя!" — заявил Анатолий.

Я на тот момент уже перебралась к Кириллу, эта квартира пустовала, и я согласилась, полагая, что это временно. Я думала, когда ситуация с Кинишевым разрешится, мы с Анатолием продолжим соблюдать наш уговор молчания.

Но в один прекрасный день, ссылаясь на какие-то бытовые трудности, Карасёв вызывает меня сюда и устраивает нам знакомство...

— Я не знаю, зачем он это сделал, — вздыхает Маша. — Я была уверена, что его всё устраивает...

— Думаю, Толик просто устал от такой жизни, — говорю я. — Лгать, притворяться, жить с оглядкой, помнить о каком-то там уговоре, выполнять чужие указания... Ему надоело это всё, понимаешь? Ему захотелось обычной нормальной жизни... Тебя это удивляет?

— Ты права, — соглашается Маша. — Я настолько привыкла лгать и притворяться, что уже не могу представить себе другой реальности... Такой, где люди говорят друг другу правду и при знакомстве называют свои настоящие имена.

— Но ты можешь всё изменить! — говорю я. — Ведь это так просто. Просто перестать лгать...

— Нет, боюсь уже слишком поздно что-то менять... — печально отвечает Маша. — Слишком глубоко я увязла во лжи. Все мы увязли... И я, и мама, и бабушка, и Наталья, и даже твой Карасёв... Мы все, однажды оступившись, в итоге стали заложниками своих поступков и теперь вынуждены лгать, притворяться, плакать и бояться, что однажды наши

секреты будут раскрыты.

Мы оступились каждый по своему, но причина у нас была одна... Знаешь, какая? — Маша спрашивает, но ответа не ждёт. — Любовь, Даша, во всём виновата любовь... Она даёт силы и отбирает разум, она убивает и возвращает к жизни. Ради любви мы готовы на всё. Мама в погоне за любимым бросила ребёнка. Бабушка из-за любви к тебе много лет скрывалась от родной дочери. Наталья лжёт сыну, потому что любит его и боится потерять. Карасёв ради любви пошёл на преступление. Даже Полянский... Думаешь, почему он повёл себя как скотина? Думаешь, почему он не хотел детей? Потому что боялся, что ребёнок заберёт на себя всю мою любовь и внимание. А Стас не хотел делить меня ни с кем. И, наконец, я... — говорит Маша со вздохом. — Я лгу и притворяюсь другим человеком ради этого малыша, — прикладывает ладони к животу, — чтобы у него была настоящая, полная семья. Чтобы у него было будущее.

Маша замолкает. Упавшую между нами тишину, кажется, можно потрогать руками.

— Вот так, моя дорогая... — продолжает она, немного помолчав. — Все мы связаны по рукам и ногам нашими секретами. Тебя же ничего не держит. Ты вольна говорить и делать, что угодно.

Например, ты можешь прямо сейчас пойти к Кириллу и рассказать ему всю правду. Вывести, так сказать, на чистую воду сразу всех нас. Сказать, что мать ему не родная, а Даша вовсе не Даша, а Маша... Можешь рассказать всем, что один с виду хороший парень на самом деле убийца, а милая женщина в накрахмаленном переднике много лет назад украла младенца...

А можешь выбрать другой вариант...

Маша не спеша поднимается с кресла и идёт к серванту. Она роется в ящике, шуршит бумагами и, когда разворачивается ко мне, я вижу в её руках знакомую мне вещицу...

Это паспорт.

"О, боже! — ликую про себя. — Неужели это он? Мой загадочно исчезнувший паспорт?"

Маша протягивает мне документ:

— Как я уже сказала, ты можешь выбрать другой вариант... Вот, возьми...

Я принимаю из её рук бордовую книжечку и сразу раскрываю её. От увиденного в глазах рябит.

— Это мой паспорт, — зачем-то поясняет Маша, будто я сама не умею читать.

"Соколова Мария Андреевна... Пол... Дата рождения..."

— Зачем ты мне его дала? — спрашиваю я, хотя уже догадываюсь, что она задумала. И от этих мыслей холод по спине.

— Несколько дней назад я попросила Наталью, раздобыть для меня твои документы, — говорит сестра. — Надо сказать, она блестяще справилась с задачей. Не знаю, как ей это удалось, но уже через несколько часов твой паспорт был у меня.

А я знаю...

Она вытащила его из моей сумки.

Я помню, как однажды ночью та неожиданно "спрыгнула" с крючка. Кто бы мог подумать, что пока я наблюдала в окно за Костиком, думая, что это Полянский, у моей двери тёрлась Наталья, мать Кирилла.

Я не спрашиваю, зачем ей мой паспорт. И так ведь понятно. Для полного комплекта...

Но Маша всё равно поясняет.

— Всё это время, с самой первой нашей встречи с Кириллом и до недавнего времени, я как-то обходилась своим паспортом. Дома у Пановых я была Дашей, в остальной жизни — Машей. Кирюша ведь у меня документы не спрашивал.

Но некоторое время назад Кирилл предложил мне стать его женой. И теперь у меня только два пути. Либо во всём ему признаться, либо продолжать лгать и пойти с ним в загс, прикрывшись твоим паспортом... Признаться ему я не могу, я уже сказала. А, значит, мне подходит только второй вариант. Поэтому я отдаю тебе свой документ, взамен твоего...

Меня убивает, с каким спокойствием она говорит мне всё это. Она хоть понимает, что предлагает мне?

Мой оторопелый взгляд не остаётся без внимания.

— Я представляю, что ты сейчас обо мне думаешь, — горько ухмыляется Маша. — Да как ей в голову такое пришло?! Да после всего того дерьма, что она привнесла в мою жизнь, она должна в ногах у меня валяться и прощение вымаливать! А ей ещё хватает наглости предлагать мне свой паспорт!

Как с языка сняла, ей-богу...

— Так вот... — продолжает Маша. — Ты совершенно права, если так думаешь... Но у меня нет выбора. А вот у тебя он есть. Я повторюсь... Ты можешь сейчас же пойти к Кириллу и рассказать ему правду. Это вариант погубит меня, но я не стану тебя останавливать. Если твой выбор будет таким, значит так тому и быть.

И тем не менее, я всё же осмелюсь напомнить тебе про второй вариант. А именно, ты можешь взять мой паспорт и просто исчезнуть. Мы будем жить дальше. И наши жизни никогда не пересекутся, как не пересекались до сих пор. Наши знакомые будут звать тебя Машей, а меня Дашей, и только мы будем знать наши настоящие имена. И это будет нашей с тобой тайной. Навсегда. Что скажешь, сестрёнка?

Ответ находится не сразу, и я молча хлопаю глазами, подбирая "правильные" слова.

Всё, что происходит сейчас, вообще реально? А?

А моя сестричка между тем не дремлет и не молчит.

— Дашунь, для тебя же ничего не изменится! — нажимает Маша. — Давай посмотрим правде в глаза. Вы с Кириллом уже давно чужие друг другу люди. Да у вас даже секса нормального не было! Думаешь, я не знаю? То, что было у меня с ним, это и есть для него первое и настоящее! Я уверена, ты бы не стала делать и половины из того, что делала с Кириллом я!

Зато я видела, как ты целовалась с Анатолием. Так целуются только влюблённые! Вы любите друг друга! И не смей отрицать! Между вами бьют такие искры, что, боюсь, когда-нибудь вы спалите дом! Так и будьте вместе! Он отличный парень! Правда!

— Всё, хватит! — прерываю я её бессмысленную тираду. — Ты сказала, у меня два варианта?

— Ну, да...

— Что ж, отлично... Я готова озвучить свой выбор...

— Я хочу, чтобы ты немедленно вернула мне мои документы. А это заberi... — возвращаю Маше её паспорт.

Та глядит то на меня, то на бардовую книжечку в своих руках и растерянно хлопает глазами:

— У меня его нет здесь... Он там, у Пановых...

А затем меняется в лице.

— Постой, это что значит? Ты решила всё рассказать Кириллу? — хмурит брови. — Ты решила сдать меня? Да?

Её голос дрожит, будто она вот-вот заплачет.

Ни за что в это не поверю.

Нарочно ничего не отвечаю, а только нервно притопываю, демонстрируя нетерпение.

Маша покрывается пунцовыми пятнами.

Ещё бы! Наверняка она рассчитывала, что я буду действовать по её указке.

— Ты же не серьёзно... Правда? — улыбается, полагая, что я её разыгрываю.

Но я строго повторяю:

— Верни. Мне. Мой. Паспорт.

Маша, наконец, понимает, что я не шучу, и взрывается:

— Значит, всё-таки сдашь меня?! Значит, всё расскажешь?! — нервно выдыхает. — Ну, спасибо тебе, сестричка! Я думала, мы сумеем договориться! Рассчитывала на твоё понимание! — нарочно держится за живот, намекая на младенца. — А ты сухая, бессердечная, бездушная... Ты...

"Подбирает ещё какое-нибудь подходящее словечко. Что-нибудь такое едкое, чтобы ущипнуть больнее! — думается мне. — Ну, давай, удиви меня!"

— Ты... — Маша сощуривается и устремляет в меня... нет, не взгляд, а скорее стрелу, пропитанную ядом. Чёрт возьми, я даже не подозревала, что глаза, похожие на мои, могут быть такими злыми. — Так тебе и надо! Поняла?

Если честно, я в замешательстве.

О чём она говорит?

— Я рада, что Полянский нас перепутал! — заявляет Маша. — Рада тому, что он сделал с тобой! И будь у меня возможность, я бы ещё раз всё это провернула! Ясно? Только теперь я бы не стала подвозить тебя до города. Теперь ты шла бы сама! Как бродячая псина! Пешком! Босиком! Как угодно! Поняла?!

Да всё я поняла...

Поняла, что Маша напугана грядущим разоблачением и от страха не понимает, что говорит. Она хочет напоследок укусить меня как можно больнее. Потому что ничего другого ей не остаётся. Она больше не может контролировать ситуацию. Теперь её судьба полностью зависит от меня. Вот она и мечет в мою сторону копы и стрелы.

— Паспорт мне верни! — рывкаю я, игнорируя её колючие слова.

И Маша сдаётся.

— Да и подавись! — гневно выплёвывает она. — Я раньше без него обходилась и теперь обойдусь! Но учти, если ты расскажешь Кириллу правду, тогда и я молчать не стану. Я всем расскажу, что случилось с Полянским на самом деле! Расскажу, что это был вовсе не

несчастный случай! Расскажу, что на самом деле его убил твой приятель! Карасёв Анатолий Владимирович! Кстати, как тебе целоваться с убийцей? Понравилось? — опять этот взгляд, бьющий в самое сердце.

Моя сестра меня не щадит. Её слова — сплошная желчь. Я бы ещё стерпела, если бы Маша поливала грязью только меня, но сейчас она нагло лжёт про моего друга. Поэтому я не могу молчать.

— Карасёв — не убийца! — осекаю сестру. — Это был несчастный случай! Толик рассказал мне, как всё случилось! Полянский был пьян и сам влез на подоконник!

— Да уж... Я слышала, какой чуши он тебе наплёл! "Бу!" — кривляется, передразнивая Толика. — Это ж надо было такое придумать! Я чуть не лопнула со смеха, клянусь!

На что, чёрт возьми, она намекает?

— Ты что, хочешь сказать, что Карасёв мне солгал? — спрашиваю я у Маши, которая всё ещё давится злыми смешками.

— Конечно! Ещё как! — отвечает она.

— Но зачем? — проглатываю подступающий к горлу ком.

— Не знаю, — сестра дёргает плечиком, — наверно, боялся, что от правды ты грохнешься в обморок! — Маша строго смотрит на меня. — Блин, да на тебе даже сейчас лица нет! А тогда вообще сидела вся бледно-зелёная, дрожала, дышала через раз. Вот он и решил не добивать тебя своей правдой! Я бы тоже на его месте тебе солгала. Ну, от греха подальше...

— Это что же получается... — произношу чуть слышно. — Карасёв, действительно, виновен в смерти Полянского?

Смотрю на Машу и пытаюсь найти в её глазах хотя бы крошечный намёк на шутку. Но, кажется, я зря на это надеюсь. У сестры в каждом глазу по бегущей строке:

"Виновен... Виновен... Виновен..."

— Да, сестричка, да... Тебя Анатолий пожалел, а мне рассказал совершенно другую историю. Он толкнул Полянского, когда тот стоял у окна. Стас был пьян, и твой приятель воспользовался его состоянием. Много ли надо сил, чтобы расправиться с человеком, который и без того еле держится на ногах?..

— Нет... Он не мог... Не мог... — я качаю головой и не отрываясь гляжу на Машу. — Он же сказал мне...

Оборачиваюсь назад, словно Карасёв стоит у меня за спиной. Комната пуста, и я беспомощно шарю глазами по очертаниям мебели, гляжу на окно, на чуть раздвинутые шторы.

Как бы мне хотелось, чтобы Толик был сейчас здесь, рядом со мной. Возник из ниоткуда, возмутился, опроверг слова моей сестры.

Но его нет.

А Маша есть, и ей на руку моё замешательство.

У неё появляется время подобрать аргументы, чтобы окончательно сбить меня с толку.

— Даша, сама подумай, стал бы двухметровый детина следовать указаниям какой-то пигалицы, которую видит в первый раз в жизни? — Маша намекает на себя. — Стал бы связывать себя обязательствами, будь он не виновен? — даёт мне пару секунд на раздумье и отвечает за меня. — Конечно, нет! А Карасёв между тем не только согласился заключить со мной "Уговор молчания", но и был на связи "двадцать четыре на семь". Тебе известно, что в большинстве случаев он отвечал на мои звонки уже после второго гудка?

Память будто нарочно подбрасывает мне кусочек одного зимнего утра. Когда Толик сбежал от меня, сверкая пятками, едва на экране его смартфона высветилась надпись "Вызывает Мари..."

— Какие ещё тебе нужны доказательства? — спрашивает Маша, будто только что прочла мои мысли. — Карасёв виновен! И я всем это расскажу... Если ты расскажешь...

У меня темнеет в глазах. В голове гул:

"Виновен... Виновен... Виновен..."

Опускаются плечи и руки, да я целиком опускаюсь... на подлокотник кресла. А Маша стоит надо мной и едва сдерживает довольную улыбку:

— Ты же не выдашь своего друга? Верно? И меня тоже не выдашь? Да?

Я ей не отвечаю. Не могу. Я раздавлена.

И вдруг где-то глубоко внутри слышу тоненький голосок надежды:

"Даша, сопротивляйся! Толик не виновен! Маша нарочно на него наговаривает! Ей нужно, чтобы ты поверила! Она хочет сломать тебя! Подорвать твою уверенность! Ей нужно, чтобы ты сбилась с намеченного пути!"

И я, только что раскисшая и подавленная, приказываю себе успокоиться. Поднимаюсь с подлокотника, на котором сижу, чтобы снова быть с Машей одного роста, и, вскинув подбородок, устремляю на сестру уверенный взгляд:

— Верни мне мои документы!

Каждое слово как удар молотом.

Маша не готова к такому повороту. Она была уверена, что я сломаюсь и поддамся ей. Но я сильнее, чем она думала. Её колючий взгляд сталкивается с моим.

— Значит, не хочешь по-хорошему? — она сощуривается. В ответ Маша получает от меня только лёд в глазах. Мне от неё прилетает набор слов, скорее похожий на огромный сгусток желчи.

— Что ж, сучка, будь по-твоему... — цедит она сквозь зубы. — Я верну тебе твой паспорт. Мы пойдём сейчас к Пановым, я достану его и брошу тебе прямо в морду. А потом ты свалишь в закат, и мы никогда... слышишь, никогда больше не увидимся! И кстати... Ты не рассчитывай на помощь Кирилла! Я забыла тебе сказать, что его сейчас нет в городе. Четыре дня назад он улетел в Ф-ск на какой-то там слёт чего-то там... И вернётся только послезавтра. Так что у меня полно времени, чтобы вытравить тебя из моей идеальной жизни! Что смотришь? Не ожидала? Думала, придёшь, всё расскажешь Кирюше? Думала, накажешь меня этим? А вот ничего у тебя не получится!

— Веди. Меня. К. Пановым! — звучит в тишине мой ей ответ.

И Маша, надменно вскинув подбородок, шлёпает к двери. А я иду следом, не отставая ни на шаг.

Нам требуется ровно тридцать секунд, чтобы покинуть квартиру, пересечь тёмный квадрат лестничной площадки, распахнуть соседнюю дверь-шоколадку и оказаться у Пановых, в их тесной прихожей.

Мне кружит голову запах этого дома. И разогретая индейка и свежая выпечка здесь ни при чём.

Мне сносит крышу от запаха детства и запаха первой любви. Это ностальгия вынимает последний воздух из моих лёгких и разгоняет сердечную мышцу до предела.

У меня начинают предательски дрожать колени, едва я наступаю на коврик у двери. Мне приходится держаться за стены, чтобы удержаться на ногах.

Когда я была здесь, в его квартире в последний раз? Месяцев восемь назад? Или семь? Не помню уже. Это было в другой, прошлой жизни и теперь уже ничего не значит.

Но тогда почему меня опять тошнит от страха, словно школьницу перед экзаменом? Радуюсь, что в прихожей темно, и моих серо-буро-малиновых щёк никто не видит.

Моя радость длится не долго. Секунды две или три спустя узкий коридор озаряется холодным белым светом. И перед нами вырастает тощая фигура Натальи.

На ней нет её обычного фартука, а вместе с ним и лица нет...

— Девочки... Вы вместе... — громко шепчет она, приложив к губам кончики пальцев. — Не губите меня... Кирюша...

Маша вспыхивает румянцем.

— Что? Что с ним? — спрашивает она у Натальи.

Я молча наблюдаю за ними, не понимая, что не так.

— Он приехал... Час назад... — поясняет Наталья таким же громким шёпотом. — Сюрприз тебе сделать решил... Я сказала, что ты вышла к соседке... за луковицей... Сейчас Кирюша душ принимает...

— О, чёрт... — выдыхает Маша и, обернувшись, говорит мне вполголоса. — Дашка, сестра, не губи! Забирай свой паспорт и вали отсюда! Пожалуйста! Кирилл не должен тебя здесь увидеть!

"Да вы что?!"

Этот вопрос, приправленный дерзкой усмешкой, едва не срывается с моих губ,

И куда только делся весь её гонор? Куда запропостилась желчь, с которой Маша угрожала "вытравить меня из своей жизни"? Где вся эта "ежовая" мишура? Слезла, как шкура со змеи? Растворилась перед лицом реальности?

Всё так.

Потому что сколько бы моя сестра не ерепенилась, Даша — это я, а Маша — это она. И по-другому уже не будет. Это по отдельности мы выйдем, как две капли воды. Но поставь нас рядом, и будет заметно, что у Маши родинка на щеке ниже на два сантиметра, а на ухе едва заметный шрам, а на переносице... В общем, таких мелочей наберётся немало. И нужно быть совсем слепым, чтобы не отличить нас друг от друга, когда мы стоим бок о бок.

А Кирилл тем более увидит разницу и, наконец, поймёт, что уже почти год живёт не с той самой Дашей, которую полюбил когда-то, а с её беременной "подделкой"...

— Я сейчас! Я быстро! — говорит Маша и теряется в закоулках квартиры.

Возвращается она очень быстро.

— Вот, держи свой паспорт и уходи, уходи! — она суёт мне в руки бардовую книжечку и делает попытку вытолкнуть меня за порог.

Само собой, я сопротивляюсь. Я хочу остаться и поглядеть, что будет дальше, когда Кирилл выйдет из душа, весь такой красивый, с полотенцем на бёдрах, и увидит нас двоих, толкущихся в прихожей.

— Дашенька! Деточка, богом прошу! На тебя одна надежда! — слёзно шепчет Наталья. — Если Кирюша мою правду узнает, не простит! Никогда меня не простит...

И теперь уже два человека смотрят на меня с мольбой, надеждой и негодованием одновременно. И ждут от меня каких-то действий.

А я что?

А я смотрю на того, кто только что вывернул из-за угла...

Он стоит, окутанный облаком пара, облачённый в спортивные шорты, гладко выбритый

и модно причёсанный. Он бесшумно возник за спинами этих двух и теперь взирает на происходящее с лёгким недоумением.

Я смотрю на Кирилла...

— Мама... — Кирилл обращается к Наталье. — Что здесь происходит?

Та вздрагивает и оборачивается. Вслед за ней дёргается и моя беременная сестра. А я сначала гляжу с ухмылкой на их взъерошенные затылки, а потом перевожу спокойный уверенный взгляд на Кирилла.

— Кирюша... Солнышко... — лепечет Наталья. — Мы это... Мы тут...

Кирилл смотрит на мать, но та не в состоянии подобрать нужные слова.

Не дождавшись внятного ответа, Кирилл переводит глаза на свою беременную подружку. Но и Маша при всём её красноречии стоит, прикусив нижнюю губу.

И, наконец, взгляд Кирилла целиком и полностью принадлежит мне. Он сканирует моё лицо, будто я какая-нибудь карта сокровищ, будто выкройка с уймой вытачек, будто... Ну, вы поняли.

Почему он так странно на меня смотрит?

Почему хмурится?

Почему ничего не говорит?

Почему не подходит?

Или Кирилл меня не узнаёт?

Но разве это возможно?

Конечно, возможно... В этой шапке я сама на себя не похожа...

А может быть, плохое освещение сильно искажает мои черты?

Неужели он не видит, что я и есть — настоящая Даша?!

Его Даша...

Без татуировок, без лишней краски на лице, без злого умысла в голове.

Как он может не узнавать меня?

Ведь даже этот пуховик на моих плечах мы когда-то выбрали вместе!

— Кирилл... — начинаю я, тишина между нами звенит от напряжения.

Услышав мой голос, Маша выходит из ступора. Ещё бы! Сейчас ей самое время вмешаться.

— Кирюша, ненаглядный мой! Ты вернулся! Какой сюрприз! — театрально щебечет она, бросаясь к "своему ненаглядному". Меня сейчас стошнит...

Через считанные секунды Маша висит у Кирилла на шее.

Тот обнимает её машинально, но продолжает смотреть на меня. Не могу понять, что означает его взгляд.

В груди стягивается тугой узел...

Что-то не так...

— Даша, может, ты объяснишь мне, что происходит? Это кто? — спрашивает Кирилл у моей сестры.

Он только что назвал Машу моим именем!

Я поверить не могу!

Кирилл, действительно, меня не узнаёт!

Маша не успевает ему ответить, потому что я её опережаю. Пора уже заканчивать это дурацкое представление и валить прочь из этого дома. Мне нужен мой чемодан, свежий воздух и покой...

— Даша — это я! — выкрикиваю из своего угла. — Раскрой глаза, Кирилл! Я есть та девчонка, с которой ты в детстве играл в песочнице, а потом спустя годы целовался на скамейке во дворе! Мы болтались с тобой по городу, слушали музыку и ели мороженое одно на двоих! Как ты можешь меня не помнить? Моя бабушка тебя терпеть не могла, а Наталья, — киваю на бледную женщину у стены, — наоборот, всегда заступалась за нас и защищала! Я та самая Даша, из-за которой ты однажды подрался и заработал этот шрам на переносице! Да, я и есть та девушка, которую ты любил и, по всей видимости, любишь до сих пор. Но кое-кто сбил тебя с толку! — киваю на свою пузатую копию. — Та, которую ты только что назвал моим именем, на самом деле моя сестра-близнец. И зовут её Маша. Эта наглая, бессовестная, беспринципная особа обманом проникла в нашу с тобой жизнь и заняла моё место!

Я замолкаю, глубоко дышу и смотрю не только на Кирилла, а сразу на всех присутствующих.

Наталья, которая стоит справа, подпирая собой стену, слилась с рисунком на обоях.

Маша, белая как мел, так и висит бусами у Кирилла на шее. От неё остались одни глаза. Да и те поменяли цвет от тёмно-карих до угольно-чёрных. Я вижу в них сразу все эмоции. Страх, стыд, гнев, отчаяние...

И только Кирилл не выдаёт никаких эмоций. Его лицо абсолютно бесстрастно. Можно сказать, никакое лицо.

Мы все четверо смотрим друг на друга, и между нами, в нашем "неправильном" четырёхгольнике, опять стоит звенящая тишина.

Маша подаёт голос первой.

— Кирюша... — выдыхает она, когда Кирилл берёт её запястья и размыкает кольцо её рук на своей шее. Она смотрит на него с мольбой и отчаянием и провожает глазами, полными слёз, когда выпутавшись из её объятий, он идёт в мою сторону.

Кирилл подходит ко мне так близко, что я чувствую его дыхание на своей щеке.

Что ж, отлично... С этого расстояния он наверняка меня узнает...

— Пошутили и хватит! — его дыхание обжигает. — А теперь говори, кто ты есть на самом деле?

Я слегка отстраняюсь и нервно сглатываю. Здесь и без того слишком жарко. Мне не хватает воздуха. Рука сама тянется к вороту свитера. Оттягиваю его, чтобы сделать короткий вдох, и за одно будто случайно открываю правую ключицу и показываю ему, что у меня нет татуировки-сердечка, как у этой беременной барышни. Но есть созвездие из родинок, которое он так любил целовать.

Я хочу, чтобы он увидел его и вспомнил.

Но Кирилл слеп, глух и туп... Он не видит никакого "созвездия". Он давит на него холодными пальцами, больно сжимая моё плечо:

— Кто. Ты. Такая.

У Кирилла своя правда. Он знает, что за его спиной дрожит от страха беременная от него девушка. Рядом с ней белая и чуть живая стоит его мать. А в его доме чужой человек. И он должен защитить от чужака дорогих ему женщин.

— Вы обе! Уйдите в комнату! — приказывает Кирилл своим девочкам.

Господи, он так их оберегает, будто у меня в руке нож! Даже смешно, ей-богу...

Маша и Наталья, взявшись за руки, послушно исчезают из прихожей, а Кирилл возвращает своё внимание мне.

Он не спрашивает, почему я так похожа на его беременную подругу. Он спрашивает:

— Что. Тебе. Нужно. В. Моём. Доме?

Я его не боюсь. Ему не испугать меня ледяным тоном и колючим взглядом. Меня скорее пугает его тупость...

— Дурак! Ты разве не видишь? Разуй глаза! — вскрикиваю я. — Я есть настоящая Даша! А с тобой живёт моя сестра! — показываю пальцем в сторону арки, за которой только что исчезла Маша. — Мы с ней близнецы! — Или ты реально так слеп, Кирилл?

Тот подозрительно сощуривается, и до меня, наконец, доходит.

Нет, Кирилл не слеп! Он скорее одурманен влиянием этих двух женщин. Его мозг настолько пропитан их ложью и фальшивой лаской, что правдой его не излечить...

Передо мной стоит совершенно другой человек. Не тот милый парнишка, когда-то влюблённый в Соколову Дашу... А безумец, сгорающий от любви к Соколовой Маше.

Когда холодные пальцы в очередной раз больно сдавливают моё плечо, а слух обжигает жёсткое: "Убирайся из моего дома... Даша!" я, наконец, понимаю...

Это не Кирилл глуп и слеп!

Это я! Слышите? Это я полная дура!

Кирилл узнал меня. Сразу узнал. Только он не рад моему присутствию.

Он привык к ней! К своей "новой Даше"! Теперь он любит её!

А я должна исчезнуть с их праздника жизни!

Как бы больно мне сейчас не было, какой бы величины ком не давил сейчас мне на горло, я нахожу в себе силы гордо поднять голову, вскинуть подбородок и сказать ему прямо в глаза:

— Ты ведь узнал меня, Кирилл! Верно? — он молчит, и я горько выдыхаю, — Конечно, узнал! — наши губы так близко, что вот-вот соприкоснутся, — просто я больше не нужна тебе! Теперь ты любишь её! Конфету в той же обёртке, но с другой начинкой! Ты нашёл в ней то, чего тебе не доставало во мне. Этакой перчинки! Так ведь?

Кирилл медлит с ответом, но его глаза уже всё сказали за него...

И сейчас самый подходящий для меня момент достать козырь из рукава и вывалить ему всю правду.

Сказать, что ребёнок, которого носит его мамзель, вовсе не от него. А женщина, которую он всю жизнь называет матерью, на самом деле украла его из роддома.

Я набираю воздуха в лёгкие:

— Позови сюда своих девочек! Я должна кое-что сказать и хочу, чтобы они тоже послушали!

А девочек и не нужно звать. Услышав упоминание о себе, они одна за другой снова появляются в прихожей. Будто никуда не уходили.

Когда мы опять все в сборе, я с широкой улыбкой произношу:

— Кирилл, а ты в курсе, что ребёнок, которого она, — указываю пальцем на Машу, — носит под сердцем, вовсе не от тебя, а от парня, который меня изнасиловал?! Ты в курсе, что она сбежала от него будучи беременной, и чтобы укрыться от преследования подставила меня! А эта женщина... — перевожу указательный палец на Наталью, — вовсе не твоя мать! Она похитила тебя младенцем из роддома, потому что не могла родить сама... Раскрой глаза, Кирилл! Они обе тебя обманывают!

Довольная собой я выдыхаю и принимаюсь наблюдать за всеобщей реакцией.

Возникшая далее пауза могла бы занять место в книге мировых рекордов как самая

долгая и самая театральная. Ей разве что не хватает музыкального сопровождения.

Все смотрят друг на друга, и никто не решается сказать первым, чтобы как-то объясниться или опровергнуть мои слова.

И только глаза у Кирилла безмолвно кричат:

"Что?!"

И мечутся между бледной Натальей и такой же бледной Машей.

А я смотрю на Машин огромный живот... Я не хочу смотреть, но глаза как-то сами приклеиваются...

Так вот...

Я смотрю на беременный живот сестры и замечаю, как он... дёргается под халатом.

Я сейчас не шучу. Я действительно это вижу.

Маша волнуется, и малыш это чувствует и волнуется вместе с ней.

Но моя сестра пребывает сейчас в таком ступоре, что либо ничего не чувствует, либо нарочно ничего не делает, чтобы успокоить кроху. Не прикладывает к животу ладони, не воркует, как обычно. А ведь она умеет это делать, я видела.

Сейчас Машу не интересует её крошечка. Её интересует только реакция Кирилла. Наверно, в данный момент она подбирает в уме нужные слова, чтобы объясниться с ним. Ей придётся очень постараться. Ведь от того, что Маша скажет Кириллу, будет зависеть судьба её ребёнка. Но судя по тому, с каким тупым видом она сейчас уставилась в пол, Маша не может помочь ни себе, ни своему крохе...

А тот всё чувствует и трепыхается изо всех сил...

Блин... Я так больше не могу...

Я должна что-то сделать...

Внутри меня срабатывает какой-то тумблер, и я заливаюсь искусственным смехом:

— Видели бы вы свои лица, ребята! Вы что серьёзно этому поверили? Я же прикалываюсь! Я книгу пишу! Как вам сюжетик? Судя по вашей реакции, отличный выйдет роман! Так и вижу слоганы на обложке! "Близнецы. Встреча годы спустя" или "Он её любит, но она ждёт ребёнка от другого" или ещё лучше "Она не та, за кого себя выдаёт!" Класс! — показываю жест "большой палец вверх" и театрально хлопаю в ладоши.

Хлоп-хлоп-хлоп...

— Нет, то, что мы близнецы — это чистая правда! Вы и сами это видите! — продолжаю театрально смеяться. — А всё остальное я придумала! Короче, мы с сестрой в детстве потерялись, а теперь нашлись! Вдаваться в подробности, как это случилось я не буду! Она сама потом вам расскажет!.. А я это... Я что пришла-то... Сейчас, погодите... — демонстративно шарю по своим карманам, будто что-то ищу в них. Хотя прекрасно знаю, где у меня лежит то, что мне сейчас нужно. — Вот! Нашла!

Из нагрудного кармана достаю свой паспорт, только что отданный мне Машей и протягиваю сестре.

— Держи, Дашка! Ты его в моей прихожей забыла, когда у меня в Пригороде была! Помнишь? Два дня назад! — подмигиваю сестре, мол, подыграй мне. — Мы с тобой ещё торт один на двоих слупили! Чаю ведро выпили!.. Короче, вот! Возвращаю тебе твой документ!

Маша в растерянности. Похоже, она не верит в реальность происходящего. Смотрит с опаской, колеблется, но всё же не спеша подходит к мне и осторожно принимает из рук бордовую книжечку.

— Спасибо! — говорит одними губами, смотрит прямо в глаза.

Мой паспорт тонет в кармане её халата, а после её руки мягко опускаются на огромный живот и нежно поглаживают его. Ну, наконец-то... В моей сестре снова проснулась мать, а, значит, малыш снова в безопасности. Вот и прекрасно.

— Пожалуйста! И больше не теряй! — отвечаю я с наигранной строгостью. — И это, Дашуль... Ты расскажи своим домашним, — киваю на Наталью и Кирилла, — кто я и что я. Занятная вышла история! Вы, ребята, заслушаетесь! А мне некогда! Электричка у меня! До Центрального Пригорода! Давайте, друзья! Amigos adies!

На этом я отчаливаю. Мои силы, как и моё актёрское мастерство, на исходе.

Не помня себя, выскакиваю на площадку и, не оборачиваясь, бросаюсь вниз по лестнице. Подступившие слёзы жгут глаза.

Пока бегу вниз, перебирая ногами ступеньки, успокаиваю себя, как могу:

"Всё, Даша, всё! Пусть живут и будут счастливы! А тебе нужно бежать прочь от этого дома и от этих людей!"

Когда я оказываюсь на улице, когда после душного разговора вбираю полной грудью ночной морозный воздух и думаю, что сбежала от всей этой ситуации, меня догоняет голос сестры:

— Даша...

Я оборачиваюсь. Маша выглядывает из-за тяжёлой двери и вскоре уже стоит на крыльце. Выскочила, ненормальная, на мороз в чём была, в халате и тапочках. Что-то держит в ладошке, мне протягивает. Говорит:

— Возьми это! — трясётся от холода.

Мне приходится вернуться, чтобы не задерживать её. Как ни крути, она всё-таки в положении...

— Что это? — спрашиваю я, хоть и сама вижу, что у неё в руках.

Это ключи. Небольшая связка на кольце с брелком-ленточкой.

— Даша, я понимаю, что одного "спасибо" недостаточно... — говорит Маша, стуча зубами от холода. — Я должна была ещё что-то сказать или сделать для тебя... Ты возьми это... Это ключи от моей съёмной квартиры в Пригороде. Мы жили в ней с мамой. Там уютно и аренда на год вперёд оплачена...

Я не принимаю ключи. Говорю:

— Спасибо, не надо... Оставь себе. Я не думаю, что они мне понадобятся...

— Ладно... Тогда это возьми хотя бы... — Маша убирает связку в карман, и здесь же достаёт ту самую бордовую книжечку, которую я уже держала сегодня в руках. Её паспорт. — Ты отдала мне свой, а я отдаю тебе свой...

— Меняемся... Как ты и хотела... — подмечаю с горькой улыбкой.

— Да... — Маша опускает глаза. — Прости, что так вышло... Ладно?

— Что будешь говорить Кириллу, когда твой ребёнок родится на девять недель раньше положенного срока? — спрашиваю я, намеренно игнорируя её вопрос. — Кажется, столько у тебя было на момент вашей встречи...

— Я ему уже наврала, что такое возможно. Он в этом не разбирается, поэтому принял как должное... Спасибо, что в конечном счёте не выдала меня... И Наталья тоже тебя благодарит! Кирилл поверил, что ты пошутила!

— Да уж... — вздыхаю. — Пожалуйста... Береги его... Теперь он любит тебя. Это издалека видно... И малыша своего береги! Он ни в чём не виноват! Ну, всё... Иди в дом, а

то простынешь! Пока!

На этом я разворачиваюсь и ухожу с крыльца. Иду по зимней улице, не оглядываясь. Не проверяю, скрылась ли Маша в подъезде, или всё ещё стоит и смотрит мне в след.

А вокруг тишина...

И только снег под ногами...

Скрип... скрип... скрип...

Петляю дворами и всё равно выхожу к перекрёстку.

Через дорогу Светкин дом. В её окнах черным-черно. Подруга видит десятый сон. Там, где-то у её кровати остался мой чемодан...

Да и бог с ним...

Нащупываю в кармане свой мобильник, вынимаю симку и бросаю её в снег.

Больше мне никто не станет звонить.

Звонить будут Даше... А я Маша...

— Ну, и куда теперь? Без денег, без вещей, без жилья... — громко спрашиваю я у зимней ночи, полагая, что меня всё равно никто не слышит.

— Домой, Дашка, домой... — раздаётся за спиной знакомый голос.

Вздрагнув от неожиданности, оборачиваюсь.

Толик...

Только ему можно называть меня настоящим именем.

Бросаюсь Толику на шею и говорю сквозь слёзы:

— Забери меня отсюда! Пожалуйста, забери...

— Тише, Дашка, тише... Сейчас поедem... Наконец, всё закончилось...

Потом мы едем в такси по ночному зимнему городу. Меня укачивает в пути и рвёт у подъезда на Центральной.

Толик помогает мне зайти в квартиру и раздеться. Набирает ванну, даёт свою одежду, и пока я привожу себя в порядок, накрывает на стол.

За ужином я собираюсь с силами и задаю Толику главный вопрос.

Что на самом деле случилось с Полянским?

Действительно ли всё было так, как сказала Маша?

Толик не отвечает. Но и в глаза не смотрит. Большого не надо, чтобы понять...

Мне не важно, что произошло на самом деле.

Я люблю Толика и буду с ним, чтобы ни случилось. И никому не расскажу его тайны. А он никому не назовёт моего настоящего имени.

Отныне я Маша... Соколова Мария Андреевна.

Впрочем Соколовой я буду не долго...

За ужином Толик сделал мне предложение, и я сказала ему:

"Да"

"У нас будет много детей! Целая футбольная команда! Ты ведь не возражаешь?" — смеётся Толик.

"Конечно, нет, любимый! — отвечаю ему с улыбкой. — Конечно, я не возражаю! Тем более, что капитан этой команды родится уже через девять месяцев!"

"Что ты сказала?" — он роняет вилку, его глаза сияют от счастья.

"Да, я только что сделала тест на беременность, и он показал две полоски! — гордо заявляю я. — Не просто так меня сегодня с самого утра тошнит!"

"Как же я рад, любимая!" — он подхватывает меня на руки.

Я целую его:

"Тс-с! Только никому не говори..."

Больше книг на сайте - Knigoed.net